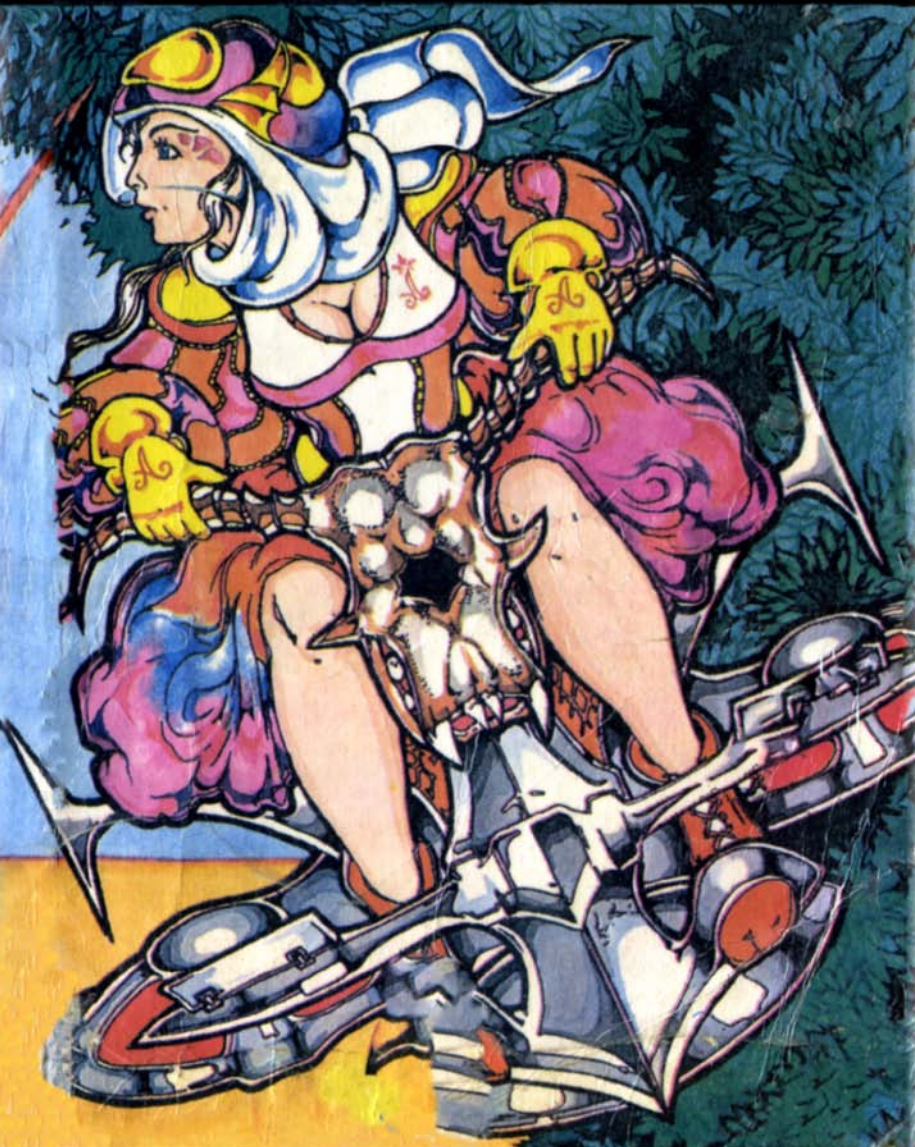

МЕТАГАЛАКТИКА

БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И ФАНТАСТИКИ

1

!ВНИМАНИЕ–ФЭН–ВНИМАНИЕ!

А Ты подписался
на лучший в России толстый журнал
"ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА"?!
Индекс 70956

Подписка на 1995 г.
в любом отделении связи России!

Наш супержурнал, не имеющий аналогов
в России, с каждым полугодием становится
толще, лучше, интереснее.

Конкуренции с Нами не выдерживает
ни одно из фэн-изданий!

ПФ – уверенно лидирует, не имея себе
равных. Им зачитываются люди от 12 до
80 лет. Почему? Потому что **ПФ** – это
до безумия интересно и увлекательно!

**СПЕШИТЕ НА ПОЧТУ
И ВЫПИСЫВАЙТЕ**
толстый журнал книжного формата

"ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА"

Метагалактика

ISSN 0135 - 5511

ИНДЕКС 73257

Метагалактика

Литературно-художественный журнал

1 95

rutracker.org
новое имя для torrents.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар
3 Oct 11

СОДЕРЖАНИЕ

И. Волознев "Семь слепцов"	4
"Бал призраков"	26
"Подвал"	46
"Карлик императрицы"	62
Дм. Несов "Костер прощальный"	79
А. Логунов "Год – одна тысяча..."	149
А. Поликарпов "Южный Крест"	185
А. Комков "Обычная работа"	263
В. Потанин	
"Мой муж был летчик-испытатель"	293

Художник Алексей Филиппов

Метагалактика. Библиотека приключений и фантастики.

© "Метагалактика"

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Перепечатка только с разрешения редакции.

Розничная цена свободная.

Рег.номер — ЛР 060423 Мининформпечати РФ.

Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40.

Учредитель, издатель – Ю. Д. Петухов

Формат 84×108/32. Тираж 6500 экз.

Подписано в печать 1.01.1995 г.

Заказ №600.

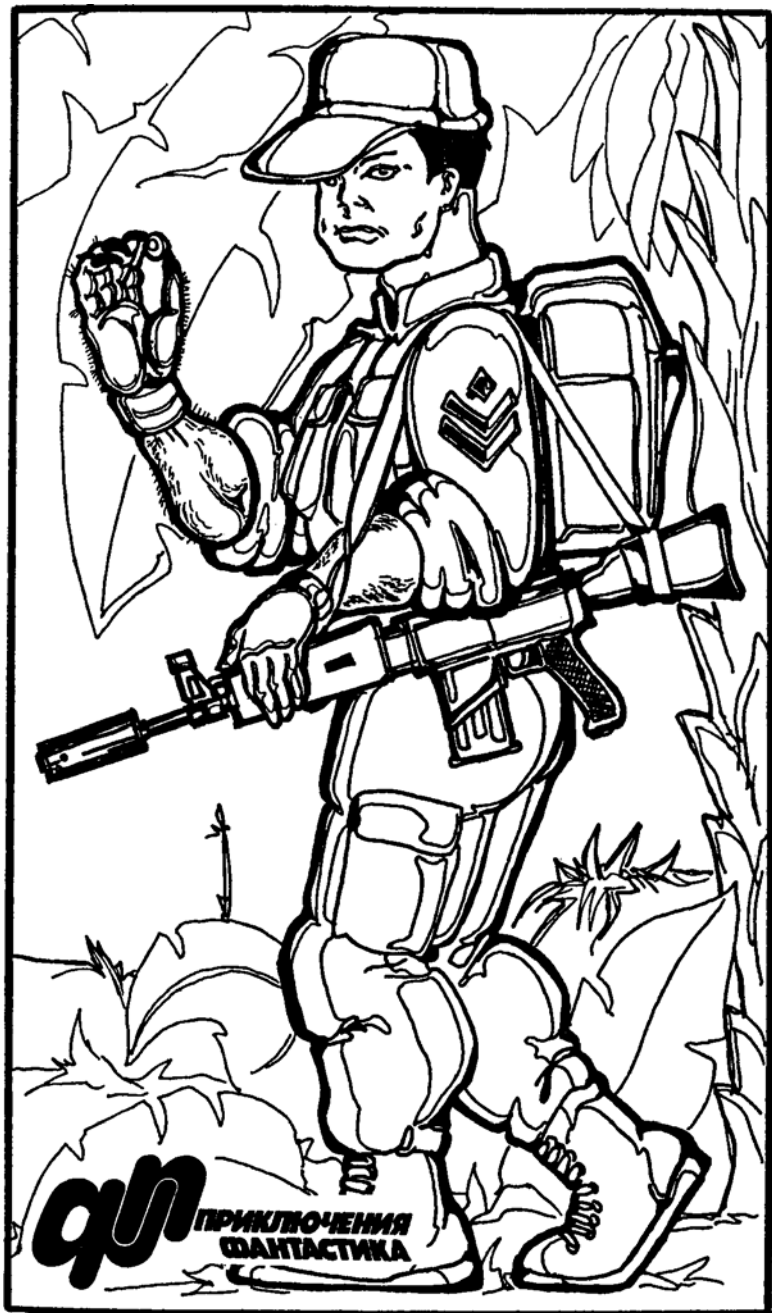
Отпечатано в Московской типографии 13.

Комитета РФ по печати.

107005, Москва, Денисовский пер., 30.

Индекс 73257

issn 0135–5511

qп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

И. Волознев

СЕМЬ СЛЕПЦОВ

В харчевне было многолюдно, шумно и душно; громкое жужжанье мух, бившихся в запыленные слюдяные стекла, казалось, перекрывало даже разговоры и брань выпивох. Большинство посетителей, как и Ганс, явилось в Тюбинген по случаю открытия ярмарки. Разговоры велись главным образом о товарах, ценах и новых налогах, которые установил маркграф. Толковали и о недавнем воззвании папы отвоевать у язычников Гроб Господень; папские посланцы, сколачивавшие по всей Германии отряды добровольцев, сулили отпущение грехов и разглагольствовали о райской жизни в землях Востока, где пряности растут чуть ли не на каждом шагу. Многие, особенно беднота, верили им и готовились отправиться в дальний путь. Ганс же только усмехался втихомолку.

Ему и здесь жилось неплохо. Крестьянином он был зажиточным, у него был дом, стоявший на расчищенной и распаханной лесной поляне, были коровы, стадо свиней и коз. Местный барон, у которого Ганс арендовал землю, ему благоволил: три старших сына Ганса служили в дружине барона и проявили себя храбрыми воинами. Жена Ганса каждое утро отвозила в город молоко и сыр, получая за это звонкую монету. Сам Ганс тоже частенько наведывался сюда по делам. А закончив с ними, он, как сейчас, любил выпить пару-тройку кружек пива в компании друзей. Зачем ему Святая земля?

Хозяйка харчевни открыла окна, выпустив насытившихся мух и впусив новых, изголодавшихся, которые с жадностью

набросились на липкие столы и посуду. Вместе с мухами в помещение с улицы ворвались клубы пыли, говор многолюдной толпы, мычанье волов и скрип телег. Послышался и однотонный звук колотушки, в которую случат, прося дать им дорогу, бродячие слепцы.

Сидевший рядом с Гансом Петер Цвиглер – помощник деревенского кузнеца, привстал и посмотрел в окно.

– Позавчера я видел этих нищих в Остенвальде, – заметил он.

– Как бы они не занесли в Тюбинген проказу или чего похуже, – буркнул другой приятель Ганса – Якоб Герштеккер, приходской писарь. – И разрешают же им шляться по дорогам! В Саксонии таких сжигают на кострах, чтоб не разносили заразу.

– Они не похожи на прокаженных, – возразил Ганс, тоже обернувшись к окну. – Просто семь слепых уродов, побирающихся Христа ради. Безвредный народишко...

Слепцы с несвязным пением, гуськом, держась один за другого, вошли на задний двор харчевни и сгрудились у забора. Белки невидящих глаз обращались на всех входящих в питейное заведение, из запыленных лохмотьев высовывались культи рук и ног, щербатые рты бессвязно шепелявили, выпрашивая подавание.

Через час, когда Ганс с помощником кузнеца и писарем выходил из харчевни, они все еще были тут.

Помощник кузнеца остановился и, нахмутив брови, стал пристально разглядывать одного из слепцов.

Ганс потянул его за рукав:

– Идем, а то не успеем на представление циркачей...

– погодите, – на большом красном лице Цвиглера росло изумление. – Я знаю в Остенвальде одного почтенного бочара, которого зовут Фриц Хебер; так вот, сдается мне, что у того крайнего нищего щеки, губы, брови и лоб – в точности как у Хебера. Особенно нос похож – крупный, со шрамом на переносице... Этот нос не спутаешь ни с каким другим, я готов поклясться, что это нос Фрица Хебера!

– Ну и что? – со смехом возразил писарь. – Уж не хочешь ли ты сказать, что это сам Хебер здесь нищенствует, переодевшись в лохмотья? Вот было бы забавно!

Цвиглер рассматривал слепца и так и этак.

– Все похоже, – недоумевал он, – но это не Хебер. Тот высокого росту и ладно сложен, а этот какой-то низенький, не-

взрачный, одна нога короче другой... Но нос... Боже мой, ведь шрам на том же самом месте...

Интерес приятеля невольно передался и Гансу. Он тоже начал разглядывать нищих и подмечать в их облике нелепые и странные особенности.

– Они и болеют как-то по-чудному, – сказал он. – Гляньте хотя бы на этого, что держит колотушку: одна нога вполне здоровая, толстая, волосатая, а вторая ссохшаяся, тощая, как у трупа...

– Ты прав! – воскликнул захмелевший писарь. – Посмотри, у крайнего слепца тоже одна нога здоровая, а вторую хоть отрывай да выкидывай... – Он расхохотался от неожиданно пришедшей ему забавной мысли. – Если здоровую ногу одного нищего приставить к здоровой ноге другого, то получилось бы две здоровых ноги – правая и левая! Ха-ха-ха!... Смотрите: у одного – здоровая правая нога, а у другого – левая! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!...

– А рука, которую протягивает низенький слепец, похожа на женскую, – подхватил наблюдательный Ганс, – и даже колечко есть на пальце...

Он тоже засмеялся. Помощник же кузнеца был настроен серьезно.

– Вам смешно, а меня мороз продирает по коже, – пробормотал он. – И не выходит из головы этот Хебер... У него сильные руки, он гнет металлические обода для бочек. Руки второго слепца вполне могут принадлежать Хеберу...

– Чудо природы! – надрывался от смеха писарь. – Сильные, здоровые руки словно пришиты к дряблему, хилому, больному телу...

– Эй, слушай, приятель, – Ганс обратился к слепцу. – Твоими руками, похоже, можно ломать подковы. Как тебе удалось сохранить такие мышцы на плечах, в то время как остальное тело ссохлось и покрылось струпьями?

– Значит, так было угодно Всевышнему, – глухо отозвался слепец и плотнее запахнул на себе лохмотья.

– Подайте на пропитание сирым и убогим, – тонко заголосил другой слепец, у которого было старческое сморщенное лицо с провалившимся носом. В то же время он старательно кутал в тряпье свою левую руку, видимо затем, чтобы не показывать, какая она розовая, округлая и здоровая.

– Причудлив промысел Божий, – качая головой, сказал набожный кузнец и перекрестился. – Чего только не бывает на свете...

Друзья отошли от увечных и зашагали по заполненной горожанами узкой улице. Писарь, чтобы показать свою ученость, разглагольствовал о всевозможных болезнях, про которые наслышался от знакомого доктора.

– Болезнь, поразившая слепцов, – говорил он, – была известна еще самому Аристотелю. Она разъедает не все тело, а только его части. Одна рука или нога может быть совершенно здоровой, в то время как остальное тело высохло или покрылось язвами...

– Если Господу будет угодно, то он за наши грехи может наслать и не такие причудливые хвори... – отозвался Цвиглер.

Друзья вышли из городских ворот и смешались с толпой, валившей на просторный пустырь, где высился матерчатый шатер циркачей. У входа в него кувыркались паяцы, зазывая публику; уродливый горбун кривлялся и размахивал деревянным мечом. Народ охотно платил деньги, заполняя шатер.

Вечером, когда солнце стояло низко над островерхими крышами Тюбингена, друзья начали прощаться. Мимо них прошла знакомая группка с заунывной колотушкой.

– Не выходит у меня из головы бочар, – признался Цвиглер, проводив слепцов долгим, пристальным взглядом. – Как посмотрю на того, что идет вторым, все представляется мне добряк Фриц! Я, наверное, перепил сегодня, вы будете смеяться надо мной, но мне кажется, будто Фриц рассыпался на части, которые достались каждому из этих увечных. Одному – голова, другому – две его руки, третьему – одна нога, четвертому – другая, пятому – грудь... – он нервно засмеялся.

– На тебя плохо подействовала жара, – рассудительно молвил Ганс. – Не надо было столько пить.

– Нет, это сатана тебя морочит! – воскликнул писарь, едва держась на нетвердых ногах. – Подай убогоньким милостыню и помолись, и все пройдет.

– И в самом деле, – здоровяк Цвиглер вытер рукой вспотевший лоб. Нашарил в кармане несколько медных монеток и приблизился к слепцам. – Вот, возьмите и помолитесь за меня.

– Благодарствуем, добрый человек, – принимая деньги, ответил один из слепцов – тот, что был похож на Фрица Хебера.

Ганс заметил, как вздрогнул помощник кузнеца при звуках его густого, сочного баса.

– Откуда путь держите? – спросил побледневший Цвиглер.

– Мы уж и сами забыли, – ответил слепец, – и сколько дорог обошли, перебиваясь подаванием, знает один лишь Господь Бог.

– Не случилось ли вам бывать в Остенвальде? – продолжал расспрашивать Петер.

– Остенвальд? – Слепец пожал плечами.

– Кажется, так называлась деревня, в которой мы... – начал было низенький слепец, но двое его товарищей толкнули его локтями и он умолк.

– Может, и бывали, – сказал слепец с лицом Хебера. – Мы названий не спрашиваем. Идем, куда несут ноги.

Признание низенького слепца поразило Цвиглера, он даже отшатнулся, перекрестившись.

– Тра-ля-ля, наш славный Петер, тру-лю-лю, – запел пьяный писарь. – Тебе мерещатся привидения средь бела дня! Признайся, сколько дней ты не бывал в церкви?

– Бог с ними, идемте, – ошарашенный Цвиглер поспешил отойти от слепцов.

Друзья расстались. На постоялом дворе Ганса ждала его лошадь, и он направился туда. Цвиглер зашагал в противоположную сторону – к деревеньке под названием Остенвальд. Писарь, пошатываясь и бурча под нос пьяные песни, вернулся в город.

Старый каурый конь шел под Гансом неторопливым шагом. Солнце еще не зашло; последние лучи окрашивали в золото корявые дубы и стройные сосны. На дороге густела тень. Навстречу Гансу то и дело попадались путники – верхом или на телегах; со многими из них он дружески здоровался.

Путь его был недолгим. Он миновал деревню и свернул в лес, на тропу, которая вела к его уединенному дому. Вскоре его взорам открылась знакомая картина: низкий дом, в окошках брезжит свет, дымок вьется над трубой, а на заднем дворе в загоне виднеются головы жующих сено коров. Навстречу Гансу выбежал сын, востроносый мальчуган одиннадцати лет. Он сразу бросился обыскивать отцовские сумки в поисках гостинцев, которые Ганс обыкновенно привозил, возвращаясь из города.

После ужина и недолгих разговоров все в доме уснуло. В окна притихшей избы заглядывала горбушка молодого месяца. Где-то в лесу кричала выпь.

Гансу во сне привиделись слепцы, даже почудился далекий стук их колотушки. Он открыл глаза, уставился на озаренное месяцем окно. Прислушался. Похоже, стук колотушки действительно раздаётся...

Ганс беспокойно заворочался на кровати; сон как рукой сняло.

Стук приближался. Он доносился со стороны тропы.

Одолеваемый дурными предчувствиями, Ганс встал, набросил на плечи плащ и вышел во двор. Месяц висел почти в самом зените и ярко озарял поле и лес. Холодными «порывами» налетал ветер. От болот тянуло сыростью. Небо на востоке, над верхушками дальнего леса, начинало светлеть. Ганс зевнул во весь рот и зябко передернул плечами.

Предчувствие говорило ему, что это те самые слепцы, которых он видел в Тюбингене. И все же до самой последней минуты он не верил в это. Мало ли бродяг шатаются нынче по дорогам Германии! Он отпрянул в испуге и несколько раз перекрестился, когда вереница знакомых слепцов вышла из-под навеса деревьев на свет месяца.

– Надо же, принесла нелегкая! – прошептал крестьянин. – И почему именно ко мне?...

– Мы не ошиблись: здесь жильё! – втянув ноздрями воздух, сказал передний слепец. – Я чую запах дыма и хлеба... – Наткнувшись на калитку, он остановился и проговорил громко, обращаясь к дому: – Скажите, добрые люди, здесь деревня или постоялый двор?

– Вы свернули с дороги, – крикнул им Ганс. – Тропа, по которой вы пошли, ведёт только к моему дому. Дальше лес... Возвращайтесь назад, на дорогу, и ступайте по ней. Там будет постоялый двор, где вас накормят и дадут отдохнуть на охапке сена!

– Что? Опять идти? – застонал низенький слепец. – С моей отсохшей ногой мне уже не сделать и десятка шагов...

– А у меня все тело разламывается от усталости, – вторил ему другой слепец.

– Взгляни на наши раны, на наши струпья и язвы, – заголосил третий. – Дай нам приют на твоём дворе, любезный хозяин, мы отдохнем и отправимся искать дорогу...

– Может, ты дашь нам воды и несколько корочек хлеба? – умильно пробасил передний слепец. – Сжался над нашим несчастьем, и на том свете тебе воздастся сторицей...

На крыльцо с огарком свечи вышла жена Ганса, протерла глаза и уставилась на группу нищих, палками ощупывающих землю перед собой.

– Мы передохнем здесь, добрый хозяин, – ревел передний слепец, – у тебя на дворе, и, как взойдет солнце, отправимся назад, к дороге... Дай нам хотя бы напиться...

– Пусть переночуют у забора, – согласилась жена. – Эй, Дитер! – крикнула она сыну. – Вынеси им жбан воды и остатки вчерашнего хлеба. Только не подходи к ним слишком близко, а то еще заразу подхватишь. – И добавила, обращаясь к мужу: – Сколько сейчас шатается таких! Недели не проходит, чтоб ко двору не прибились беглые солдаты, бродяги или нищие, а теперь вон – слепцы... Римский папа истинное благодеяние учинит, если отправит всю эту рвань воевать в Святую землю...

– Не болтай, чего не понимаешь, – оборвал ее муж. – Освобождение Гроба Господня – дело богоугодное, внушенное свыше.

– А все же, говорю тебе, поход затевается с умыслом. Слишком много бродяг развелось, вот и придумали, как убрать их...

Супруги, ворчливо переговариваясь, ушли в дом. В это время Дитер со жбаном воды приблизился к слепцам. Услышав его шаги, они насторожились и обратили на него свои слепые бельмы.

– Кто ты, добрый человек? – спросил передний слепец. – Назови себя, благодетель, чтобы мы знали, кого упоминать в молитвах.

– Я Дитер, – сказал мальчик. – Пейте пока воду, сейчас принесу хлеб.

– А скажи нам, любезный Дитер, большая ли здесь деревня и близко ли город?

– До деревни версты две будет, – ответил простодушный мальчуган, – а до города и того дальше.

– Значит, ваш дом в стороне от деревни? – продолжал задавать вопросы слепец. – А кто еще, кроме тебя, хозяина и его жены живет здесь? Говоришь, вокруг дома лес? И до рассвета еще далеко? А скажи нам, стар ли твой отец? Силен ли? Крепок?

Дитер словоохотливо отвечал, между тем слепцы понемногу окружали его. Скалились в ухмылках их гнилозубые рты, руки тянулись к мальчику и чуть не касались его одежды, ног, плечей. В тот момент, когда Дитер собрался уйти в дом, первый

слепец вынул из своих лохмотьев монету. Блеснуло при свете месяца серебро.

– Возьми, – прохрипел слепец, – отдай эту монету своим родителям в качестве платы за ночлег...

Мальчик протянул руку, и тотчас цепкие, как стальные прутья, пальцы стиснули его запястье, сразу несколько рук зажали ему рот и схватили за горло. Дитер сдавленно крикнул, но его крик потонул в хоре молитвенных завываний, которыми разразились слепцы.

На шум вышла хозяйка. В сумерках невозможно было рассмотреть, из-за чего среди сбившихся у забора слепцов возникла толкотня. Впрочем, скоро слепцы успокоились и, тесно прижавшись друг к другу, начали громко и бессвязно читать молитвы.

– Эй вы, там, потише! – прикрикнула хозяйка. – Тут вам не паперть! Сидите уж себе. Ночи нынче теплые, переночуете на дворе, а наутро Дитер выведет вас на дорогу.

– Благодарствуй, любезная хозяйка, – слепец, обладавший густым басом, выступил вперед и низко поклонился ей. – Может быть, у вас в доме найдется что-нибудь получше, чем вода и несколько корочек черствого хлеба? У нас есть чем расплатиться с тобой, недаром мы целые день сегодня просидели у городских ворот, прося подавание...

Слепец, ощупывая палкой землю перед собой, двинулся в ту сторону, откуда доносился голос хозяйки. В поднятой руке он держал серебряную монету. Хозяйка тотчас углядела ее и вся расплылась в улыбке.

– Что же вы сразу не сказали, страннички вы мои несчастные. У нас и пиво есть, и свинина осталась... Монетка-то, поди, не фальшивая?

– Возьми ее и посмотри сама, – сказал слепец.

– Он ткнул палку в землю и остановился, поджидая хозяйку. Вслед за ним, касаясь друг друга руками, подошло еще четверо слепцов. Дышали они хрипло и тяжело, на лицах застыло напряженное внимание.

– Мы пробовали ее на зуб и нам показалось, что это чистое серебро, – добавил слепец.

– Да я уж вижу, что серебряная, – сказала хозяйка, подходя. – Почаще бы к нам заходили такие щедрые гости, а то забредает одна рвань воровская...

Хозяйка потянулась к монете, и как только ее пальцы коснулись холодной руки слепца, рука эта вскинулась и сомкну

лась на ее запястье, словно кузнечные клещи. Страшно перепугавшись, хозяйка заголосила. Тотчас на нее набросились слепцы, повалили и принялись душить, одновременно стараясь заткнуть ей рот своими вонючими лохмотьями. Женщина сопротивлялась, отбивалась кулаками и ногтями, но слепцы действовали слаженно и умело.

От забора, где осталось лежать бездыханное тело Дитера, подошли остальные трое и присоединились к напарникам. Слепец, у которого были сильные руки – остенвальдского бочара, как накануне показалось Цвиглеру, – навалился на нее и сдавил на ее полной шее свои заскорузлые, мозолистые пальцы. Из рта несчастной вывалился язык, лицо посинело, из горла исторгся предсмертный хрип...

Услышав крики жены, Ганс в первый момент не понял, в чем дело. Он прислушался. Снаружи доносились звуки невнятной возни. Зловещие предчувствия с внезапной силой нахлынули на него, сердце его забилося, на лбу выступил пот. Вспомнилось испуганное лицо помощника кузнеца, его глаза, вытаращенные на нищих слепцов...

Ганс взял лежавшую у очага кочергу и крадучись, замирая от какого-то безотчетного утробного ужаса, подошел к двери.

В этот момент она распахнулась и в проеме, озаренном голубым месячным светом, возникла сутулая фигура слепца в темном дырявом плаще, скрывавшем его изъеденное временем и болезнями тело. Ганс поднял кочергу. Фигура слепца помедлила на пороге, прислушиваясь, затем шагнула в дом. И тут Ганс со всего размаху обрушил кочергу слепцу на голову. Череп раскололся надвое и брызнул мозг – черный и липкий, заливший Гансу ноги. Слепец повалился, но как-то странно, боком, падая в то сторону, где стоял Ганс.

Дальше случилось то, отчего волосы на голове крестьянина поднялись дыбом. Руки безголового мертвеца потянулись к ногам Ганса и цепко схватили их. Ганс, скованный страхом, стоял столбом.

В дом вошло еще несколько слепцов.

– Эй, Зиберт, отзовись! Где хозяин? – слепец, обладавший сильными руками, опустил на четвереньки и принялся ощупывать пол возле себя. – Зиберт, ты чего лежишь?.. Э, да тебе снесли голову... Братцы, у Зиберта головы нет!

Шаря руками, он наткнулся на неподвижно стоявшего Ганса. У того от ужаса окончательно одеревенели мышцы, а к горлу подступил комок.

– Хозяин тут, вот он, – загомосил слепец, – Зиберт его держит!

Слепцы набросились на Ганса и связали его по рукам и ногам. Он не оказал никакого сопротивления, лишь хрипло дышал, поводя выпученными глазами. Его уложили на лавку. Скосив глаза, он увидел слепца, которого только что лишил головы. Тот, опираясь на плечи своих товарищей, нетвердой поступью подошел к скамье у стены и сел. Ганс зажмурился...

Слепцы принялись жадно ощупывать Грудь Ганса, живот и ноги. Голоса их доходили до его сознания как сквозь слой ваты.

Мышцы на руках хороши... – хрипел один из слепцов. – Правая рука должна достаться мне. Я не менял свою уже сто двадцать лет, пощупайте, во что она превратилась! – И он тыкал в своих товарищей изуродованной культей, лишенной кисти.

– Мне тоже! И мне нужна правая рука! – откликнулось несколько голосов. – Ишь, чего захотел: правую руку! Будешь тынуть жребий вместе со всеми.

– Но Зиберту же вы отдаете голову без жребия...

– Ты, Руди, совсем выжил из ума. Как он будет ходить без головы?

– Не хнычь, Руди. Тебе с гнилой рукой больше милостыни подавать будут...

– А, идите вы к черту! – кипятился слепец, которого звали Руди. – Я хочу новую руку!

– Получишь ее, коли удачно бросишь кости.

Сознание Ганса окончательно отключилось, отказываясь вникать в смысл услышанного, хотя голоса продолжали звучать в его голове.

– Значит, так, – Гюнт – слепец с сильными руками, стукнул об пол палкой. – Голову приставим Зиберту, а все остальное будем разыгрывать. Мне правая рука не нужна, так что у тебя, Руди, хорошие шансы получить ее.

– А ноги? Ноги? – чуть ли не хором закричали остальные слепцы.

Ноги, по-видимому, были для них едва ли не самой большой ценностью из того, что называлось телом Ганса Кмоха. Его ноги, мышцы на них, слепцы ощупывали с особенным вождением.

– Хороши! – причмокивали они губами над самым ухом Ганса. – На них до самого Мюнхена дойдешь, а то и того дальше – до блаженной Италии...

– На каждую ногу будем бросать кости отдельно, – сказал Руди, – так, как мы это делали в Остенвальде. Затем разыграем живот, грудь и по отдельности – руки...

– Я требую отдать мне живот без жребия! – тонким голосом проверещал низенький слепец. – Я не менял живота без малого двести лет, и если бы у вас были глаза, вы бы увидели, что из меня уже вываливаются сгнившие кишки! Пощупайте! Чувствуете, как лопается кожа?..

– Ну уж нет, Шютц, – злобно отрезал Руди. – Ты будешь бросать кости вместе со всеми.

Остальные слепцы согласно закивали головами:

– Правильно! Не давать ему поблажки! Это из-за него мы не видим света, пусть мучается...

Внезапно они смолкли и насторожились. Со стороны тропы донесся приближающийся конский топот. Гюнт сдвинул связанному Гансу рот. Слышно было, как лошадь ночного гостя остановилась и всхрапывает у крыльца, как сам гость, громко переводя дыхание, подходит к двери.

Дверь скрипнула и в ее проеме показался бледный, всклокоченный Петер Цвиглер.

– Ганс... – тихо позвал он, глядя в темноту, царящую в доме. – Ты спишь? Я прискакал из Остенвальда... Тот бочар, о котором я говорил, – исчез... А перед тем возле его дома останавливались слепцы...

Сразу несколько темных фигур набросилось на него. Слепцы действовали наощупь, ориентируясь на голос Цвиглера. Помощник кузнеца, ощутив на горле объятия ледяных пальцев, захрипел, попытался вырваться, но слепцы повалили его и принялись душить.

– Шютц, твои шансы получить новое брюхо повысились! – восторженно проревел Гюнт. – Теперь мы имеем два новых живота, четыре ноги и четыре руки. Такого славного улова у нас не бывало много лет!

– Не скажи, Гюнт... – откликнулся слепец по имени Килькель. – В Остенвальде мы тоже неплохо поживились. Помнишь верзилу-бочара?

– Да что бочар: две ноги, две руки, грудь, живот и голова! – возразил другой слепец. – На семерых этого мало!

– Тем более в драке он здорово намял нам бока... – добавил Гюнт и, прислушавшись к возне, крикнул: – Эй, вы не слишком-то лупите его по лицу, оно ведь достанется кому-то из нас!

– Вот и надо его разукрасить синяками, чтоб не узнавали, когда будем проходить по окрестным деревьям. Сам понимаешь, если голову узнают, то мы не оберемся хлопот. Так и на виселицу угодить недолго.

В наступившей тишине слышались звуки ударов. Помощник кузнеца сдавленно всхрипывал. Осознав, что он находится в руках тех самых слепцов, которые напугали его в Тюбингене, он оцепенел от ужаса и даже не помышлял о сопротивлении.

Гюнт втянул ноздрями воздух.

– Скоро рассвет, – просипел он. – Давайте поторопимся, а то сюда, того и гляди, нагрянут соседи или еще кто-нибудь...

– Вначале приставим Зиберту новую голову, – сказал Килькель.

Вытащив из-за пазухи большой ржавый нож, он наклонился над Цвиглером и взрезал ему шею. Вскоре, однако, рука его опустилась и из беззубого рта вырвался стон.

– Проклятье, я столько лет не менял рук, что мышцы ссохлись... – пробормотал он. – Мне трудно держать нож... Гюнт, ты получил в Остенвальде две здоровые руки, – займись этим делом, а мы побросаем кости, пока труп не остыл.

– Ладно, – Гюнт наклонился, нашарил нож, другой рукой нащупал полуотрезанную шею и в несколько энергичных взмахов отсек Цвиглеру голову.

Ганс, цепenea от ужаса, наблюдал за его действиями. Синеватый месячный свет сочился из окон, озаряя незваных гостей, похожих в полумраке на оживших покойников. Пятеро слепцов расположились на полу возле распростертого тела помощника кузнеца и по очереди бросали два кубика с насечками. После каждого броска они тянули к кубикам пальцы, ощупывали выпавшие насечки и из глоток вырывались либо вопли отчаяния, либо радостный смех.

– Две шестерки! – выкрикнул Килькель. – Правая рука – моя!

– А левая – моя! – через несколько минут провopil Руди.

Тем временем Гюнт, держа обеими руками отрезанную голову, приблизился к сидевшей на скамье жуткой безголовой фигуре. Гюнт ощупал напарника, нашел рукой шею и приставил к ней голову несчастного Цвиглера.

Ганс не отрывал от него выпученных глаз. Безумный страх ледяными пальцами сдавил ему горло, когда слепец, приставивший голову, начал произносить заклинание. Магические слова не принадлежали ни одному из земных языков. Гюнт из-

давал звуки, похожие отчасти на козлиное блеянье, а отчасти на кошачье мяуканье, несколько раз сбивался, прокашливался, начинал все сначала, но в конце концов договорил все. И случилось невероятное: голова Цвиглера приросла к туловищу слепца! Тот встал со скамьи, повертел новой головой и проговорил голосом помощника кузнеца:

– Отлично, Гюнт. С новой головой чувствуешь себя словно заново родившимся. Эх, жаль, глаза по-прежнему не видят!

– Это нестарая голова, Зиберт, – откликнулся Гюнт. – Она прослужит тебе лет сто, не меньше!

– Для полного счастья мне надо заполучить левую ногу и грудь. – Зиберт приблизился к слепцам, азартно метавшим кости. – Ах вы, черти, – закричал он, – труп разыграли без меня?

– Прости, Зиберт, но ты получил голову без жребия, так что по нашим правилам ты не можешь участвовать в дальнейшем дележе, – возразил Руди.

– Но у нас есть еще одно тело, – Килькель махнул рукой в сторону связанного Ганса. – Судя по тому, как он треснул по твоей прогнившей башке, Зиберт, это крепкий мужик. Может быть, тебе что-нибудь перепадет, когда мы начнем его разыгрывать. А пока садись и жди.

Зиберт, что-то недовольно пробурчав, снова уселся на скамью. Остальные продолжали бросать кости.

Закончив жеребьевку, они окружили обезглавленное тело Цвиглера и те, кому улыбнулось счастье, положили свои руки на предназначенную им часть трупа. Вновь в тишине послышались жуткие, сатанинские звуки, от которых Ганса прошиб ледяной пот. словно врата ада приоткрылись на мгновение в том углу, где сидели страшные создания. Ужас душил крестьянина, он чувствовал, что начинает задыхаться, в глазах потемнело...

Когда он очнулся, за окнами светало. В бледных лучах рассвета Ганс разглядел на полу какое-то странное, уродливое безголовое тело. Это был явно не Цвиглер. Труп словно состоял из кусков, принадлежавших разным людям. Одна нога у мертвеца была короче и тоньше другой, живот был узок и худ, а грудь несоразмерно животу широка и вся покрыта язвами. Ганс в страхе закричал, заизвивался, тщетно пытаясь избавиться от веревок.

Слепцы не обращали на него внимания. После обретения новых частей тела их охватило буйное веселье. Те счастливики, которым выпало что-то получить от убитого Петера, приплясывали посреди комнаты, взявшись за руки.

– Моя новая нога превосходна, лучше не надо! – вопил Руди. – Правда, она чуть длиннее другой, но это неважно. Главное – она совсем целехонькая и на ней можно даже скакать!

– На моей новой правой руке нет ни одной язвы, – вторил ему Килькель, – кожа даже не начала сохнуть! Сколько она мне послужит, как ты думаешь, Николаус?

– До следующего раза, до следующего раза, – смеясь, приговаривал Николаус, которому досталась грудь Цвиглера.

Слепцы же, которым от Петера ничего не перепало, прислушивались к веселью с явным неудовольствием.

– Хватит вам беситься! – пропищал наконец Шютц. – Давайте скорее приступим к разделке второго тела. Мне осточертело ходить с драным животом. Надеюсь, сейчас-то я могу получить новый?

И он впился дрожащими от возбуждения пальцами в живот Ганса. Пустые бельмы Шютца, его сморщенное восковое лицо и гнойная грудь, просвечивающая сквозь лохмотья, повергли крестьянина в неопишувемый ужас. Он дернулся, едва не свалившись с лавки...

К Шютцу подошел Зиберт и грубо толкнул в спину. Шютц упал.

– Тебе нужен живот? – с нескрываемой яростью проговорил Зиберт, повернувшись в ту сторону, куда упал Шютц. – А нам всем нужны глаза! Да, мы хотим видеть, но обречены на вечную слепоту, и повинен в этом ты, Шютц!

– Но, Зиберт, – заскулил тот, – зачем вспоминать старое? Это было так давно... Лет пятьсот прошло с тех пор, не меньше...

– Да, – распаяясь, ревел слепец голосом Цвиглера, – мы бродим по миру сотни лет, перебиваясь подаванием. И на эту нищенскую жизнь, на вечное попрошайничество обрек нас ты, Шютц!

– В тот день я выпил лишний стаканчик вина... – дрожащим голосом пролепетал Шютц, ползая на коленях. – Я забыл заклинание для заимствования глаз... Забыл... Я повторял, повторял его весь день и всю ночь, но оно такое сложное, такое труднопроизносимое, что... – Шютц заплакал, – что в тот момент, когда надо было взять новые глаза, оказалось, что я забыл его...

– Забыл! – воскликнул Килькель. – А того человека, которому мы отдали свои души в обмен на заклинания, и след простыл... Где нам теперь его искать?

– Но это был не человек! – взвизгнул Шютц. – Это был сатана в человеческом облике!

Слепцы умолкли. Словно ледяной вихрь промчался между ними, они поежились, зубы их дробно стучали.

– Да, это был сатана, не иначе, – шепотом согласился молчаливый Андреас. Он хромал и картавил, один глаз его был закрыт бельмом, а другой глядел так пронзительно, что мороз продирает по коже...

– Ну и что? – возразил Гюнт. – Кем мы были тогда, когда встретились с ним грозовым вечером у развилки дорог? Нищими, больными, убогими бродягами, наши тела разъедала проказа... Были, считай, наполовину мертвецами... Заклинания, которыми он нас научил, не только спасли нам жизнь, но и продлили ее на десятки лет...

– Помните самую первую нашу жертву – подвыпившего прохожего, которого мы подстерегли на дороге и задушили? – подхватил Николаус. – Тогда мы впервые испробовали заклинания на деле. И получили от еще тепленького трупа его руки и ноги, голову и живот. А взамен отдали ему наши изъеденные проказой конечности... До сих пор с удовольствием вспоминаю, как мы в первый раз кидали жребий, – он захихикал, потирая руки. – Мне тогда повезло больше всех. Я получил голову, правую ногу и грудь!

– Мы взяли от трупа все, кроме глаз! – рявкнул Зиберт и с силой выбросил кулак в том направлении, где, по его расчетам, должен был находиться Шютц.

Но вместо Шютца ему подвернулся деревянный чурбак. Зиберт взвыл от боли.

– Ну, Шютц, попадись ты мне, безмозглая скотина!

– Если бы у нас были глаза, – продолжал Гюнт, повысив голос, – мы бы не нищенствовали. С глазами мы легко завладели бы здоровыми молодыми телами и разбойничали бы на большой дороге...

– Или стали бы ростовщиками, – подхватил Николаус, вспомнив свое давнее прошлое. – Меняли бы деньги или давали их под проценты!

– Или открыли бы харчевню, – поддакнул Руди. Гюнт в негодовании ударил палкой по полу.

– Каждый из нас запомнил одно из заклинаний, которые сообщил нам хромой незнакомец, – воскликнул он. – Мы запомнили заклинания для заимствования ног, рук, живота, головы... Все вместе мы можем взять у трупа все его тело. Тебе,

Шютц, доверили запомнить заклинание для глаз. И ты подвел. Подвел нас всех. С глазами мы жили бы припеваючи, не мерзли бы под снегом, не мокли бы в лохмотьях под дождем...

– Такое не прощается никогда, – злобно зашипели слепцы.

Они окружили Шютца и принялись тузить его кулаками и ногами.

– О! о! о! – вопил Шютц. – Бедный мой живот! Только не по животу!.. Ему больше двухсот лет!.. Из него вывалятся кишки... О!.. о!.. о!..

Зиберт вдруг разразился мстительным хохотом.

– Знаете, что? – рявкнул он. – Если ему нужен новый живот, то он его получит... Там, у забора, лежит здоровая, толстая, только что задушенная баба. Совсем свежая...

Слепцы дружно подхватили его смех.

– Ее живот слишком толст для моего тела... – прохныкал Шютц. – Если вы мне его передадите, то он будет выпячивать... К тому же она, все-таки... женщина!

Слепцы, смекнувшие мысль Зиберта, захохотали еще громче.

– Это будет для тебя хорошим наказанием, гнусный пропойца, – сказал Гюнт. – Тащи его к бабе! Дадим ему новый живот, чтоб не ныл!

– Дадим! – заголосили слепцы, подхватили упиравшегося Шютца и толпой вывалили из дома.

Некоторое время со двора доносились их голоса и тонкий, залиvistый вопль коротышки Шютца. Наконец дверь открылась и вновь появились слепцы. Они сразу направились к Гансу. Килькель вытащил из кармана игральные кости.

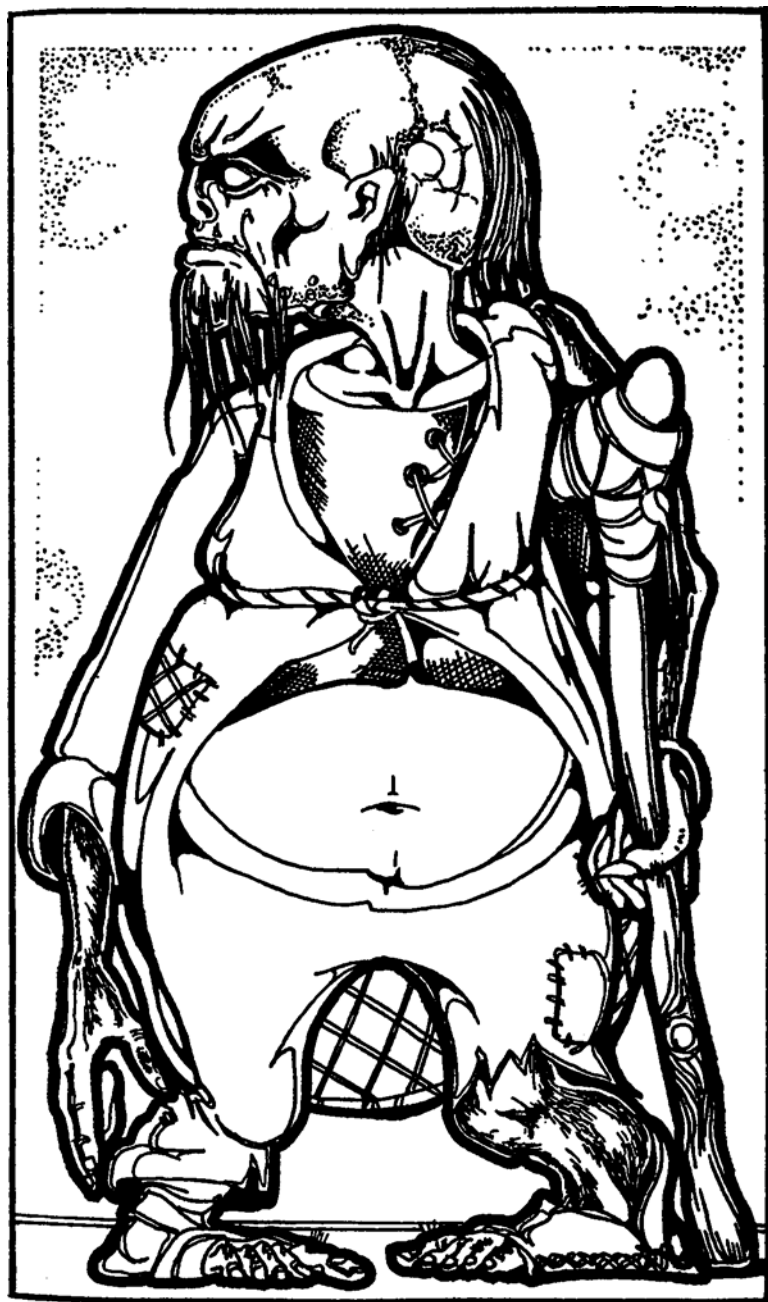
– Разыгрываем голову, – деловито сказал он. – Кому нужна новая голова?

– Мне! Мне! Я не менял свою семьдесят лет, с нее слезает кожа.

– А я свою – все сто пятьдесят! В ней не осталось ни одного зуба и ввалился нос, как у мертвеца!..

– К чему эти вопросы, Килькель? – рявкнул Руди. – Новая голова нужна пятерым из нас. Бросай скорее кости!

Шатаясь и постанывая, в дом вполз Шютц. Его тело в нижней части было уродливо раздуто – все-таки жена Ганса была женщиной весьма дородной. При маленькой голове, узкой впадой груди и тонких ручках, полный живот и бедра делали Шютца похожим на какого-то чудовищного карлика. Его сла-

бые ножки подогнулись, когда он встал на них, и еле удержали пухлый живот.

– А вот и Шютц, любитель выпивки! – завопил Зиберт, слышав его шаги. – Пощупайте его, каким он стал аппетитным, каким сочным и мягким!

– И впрямь! – заржал Гюнт, хватая Шютца волосатой ручищей остенвальдского бочара. – Слушай, Шютц, а ты, случаем, не беременный?

Его шутка была встречена взрывом хохота. Рука Гюнта проникла между толстыми женскими бедрами и нашупал волосатую ложбинку, от прикосновения к которой лицо Гюнта расплылось в ухмылке.

– Снимай лохмотья, сестричка, – проревел он. – Может, хоть на что-то ты сгодишься...

– Начинай, Гюнт, – пуская от вожделения слюну, прохрипел Зиберт. – А я после тебя!

Ганс, сиюсья понять, что происходит, смотрел, как один слепец сдирает с другого тряпье, обнажая его толстый зад. Когда тряпье было сброшено, оголились женские ягодицы и живот. Темнели две бородавки на дебелим животе, которые Ганс тотчас узнал.

– Лизхен! – проповил он иступленно. – Лизхен! Лизхен!..

Он повторял это имя, глядя, как один из слепцов достает из своего гульфика весьма внушительных размеров член, принадлежавший то ли остенвальдскому бочару, то ли несчастному Цвиглеру, и, наклоняясь над другим слепцом, шире раздвигает его толстые бедра...

– Лизхен, Лизхен, – твердил, как заведенный, Ганс.

Гюнт повалил Шютца на пол, налег на него. Слепцы столпились вокруг, с жадным любопытством тянули руки, пальцами ощупывая влажное влагалище Шютца и твердый, замаслившийся член Понта. Гюнт неспешно, со смачным кряком ввел его в сладостную расселину и задвигался всем телом...

– Кончил? Нет еще? – Зиберт чутко прислушивался к его учатившемуся дыханию. – Ну, хватит с тебя, дай другим...

– А-а-а-а... – сдавленно закричал наконец Гюнт, судорожно задержался, выплескивая сперму. Потом отвалился от Шютца и, отдуваясь, растянулся рядом на полу.

Его место на бывшем животе хозяйки занял Зиберт.

Первым делом он закатил хнычущему Шютцу оплеуху.

– Вот тебе в довесок! – прорычал он. – На всю жизнь запомнишь тот стаканчик, который отшиб у тебя память... Ну, шире ноги, фройляйн Шютц!

Ганс свалился с лавки. Он извивался и выл диким голосом, пока кто-то из слепцов, нащупав его рот, не заткнул его кляпом из гнилого тряпья.

– Мы развлекаемся, забыв о деле, – раздался над ухом Ганса шамкающий голос. – А между тем уже рассвело. Николаус, твоя очередь бросать кости. Разыгрываем правую руку!

На голову Гансу накинули тряпку и он уже не мог видеть того, что творилось в доме. Но даже если бы и видел, то вряд ли понял помутившимся умом всю жуть и ужас происходящего. Он лишь мычал, тряс головой и силился вытолкнуть языком кляп.

Внезапно слепцы притихли, наострив слух.

К дому приближались три крестьянина из соседней деревни, нанятых Гансом для ремонта хлева. Работники, по уговору с хозяином, являлись каждое утро.

– Что-то не выходит встречать нас хозяйка, – слышался громкий голос одного из них. – Спит она, что ли? И чья это лошадь у крыльца?

– Хозяин точно спит, – отозвался другой. – Не выспался после вчерашней ярмарки!

– Даже печь не затопили – вон труба не дымит, – говорил третий. – Значит, не поесть нам сегодня свежего хлебушка...

Страшные слепцы ринулись к двери, толкая друг друга.

– Стойте! – зашептал Килькель. – Неужели мы так и бросим так это здоровое, сильное тело?

– Надо сматываться отсюда, и как можно скорее, – огрызнулся Гюнт. – Ты получил сегодня новую ногу?

– Получил.

– Ну и хватит с тебя.

– Но мне еще нужны новые голова, грудь и левая рука!

– А сгореть живьем на костре ты не хочешь? Спасайся, пока голоса еще далеко...

– Может быть, Килькель прав? – поддержал товарища Николаус. – Ведь теперь не скоро нам представится возможность убить человека и произнести над трупом заклинание. Магические формулы действуют только при молодой луне и при особом расположении звезд, а такое сочетание бывает далеко не каждый год...

– Даже не каждые десять лет... – простонал Шютц, выбегая из дома последним. – Кто скажет, сколько еще мне придется обходиться гнилой культей вместо руки?..

– А мне – грудью, на которой сваялась кожа и из прорех торчат голые ребра! – подхватил Андреас.

– Тише вы, Черт бы вас всех побрал! – зашипел на них Зиберт. – Молитесь сатане, чтоб нас не заметили!

Он шагал впереди, ведя всю ватагу к тропе, скрытую под ветвями раскидистых дубов. Его палка быстро и ловко ощупывала дорогу. За его пояс цеплялся Гюнт, который на этот раз не стучал колотушкой, предупреждая встречных о том, что идут слепцы. За Гюнтом хромал Килькель. Руди, очень довольный своей новой левой рукой, впился ею в плечо бредущего впереди Николауса. За Руди шел Андреас. Замыкал шествие широкозаядый неуклюжий Шютц, постанывающий и поеживающийся.

Слепцы скрылись за деревьями в тот момент, когда на противоположной стороне поляны показались три молодых работника.

Беззаботно посвистывая, молодцы распахнули калитку и вошли во двор. Тут им сразу бросилось в глаза мертвое тело, в котором они узнали задушенную, с посинелым лицом хозяйку дома.

Вглядевшись в труп, они побледнели: тело было раздето догола, и там, где должен был находиться дородный женский живот и бедра, желтел худой, иссохшийся, исполосованный застарелыми язвами живот, производивший страшное, чудовищное впечатление именно своей жуткой несовместимостью с остальным телом. Но особенно поражали дряблые мужские органы, висящие между худыми бедрами хозяйки!

Работники попятились, не сводя с уродливого трупа глаз. Не смея приблизиться к мертвецу, они двинулись вдоль забора и, дрожа от страха, вошли в дом. В дверях они остановились, пораженные еще больше. На полу лежал безголовый труп, словно составленный из частей других трупов: ноги и руки его высохли, кожа растрескалась, в гнойных ранах на животе чернели выступающие кишки, над которыми с жужжанием кружились большие жирные мухи. Труп не мог принадлежать простому смертному, мертвец казался ужасным выходцем из преисподней, страшным порождением Сил Тьмы, явно посетивших нынешней ночью этот уединенный дом.

Дикий, нечеловеческий вопль разорвал тишину. Это Гансу удалось наконец выплюнуть кляп. Связанный по рукам и но-

гам, он поднялся, упираясь боком о стену. Сбросив с головы тряпку, он глядел на пришельцев безумными глазами и кричал:

– Лизхен! Лизхен! Лизхен!..

Он повторял это имя голосом, похожим на рев затравленного зверя, не вкладывая в него ничего, кроме тупого, бессмысленного страха.

Работники бросились вон из дома.

В тот день на участке Кмоха побывали священник и управляющий барона, но ничего от Ганса не добились. К вечеру он умер, и все сошлись на том, что дом посетила нечистая сила.

Селиться на этом месте никто не захотел. На следующий год поляна заросла молодым лесом, а еще через несколько лет заброшенная, с провалившейся крышей избушка Ганса Кмоха и вовсе скрылась в буйной лесной поросли.

Убравшись из его дома, слепцы поспешили покинуть и окрестности Тюбингена, где могли узнать головы бочара и помощника кузнеца из Остенвальда.

Больше о слепцах ничего не известно. След их навсегда затерялся на пыльных и беспокойных дорогах средневековой Германии, и их зловещая тайна сгинула вместе с ними.

БАЛ ПРИЗРАКОВ

Молодой барон Максимилиан фон Коуниц пришпоривал жеребца, стремясь до наступления темноты добраться до развалин Вратиславского замка. Надвигающиеся сумерки придавали горам зловещий вид. Жеребец выбился из сил, когда на западе показались три длинные кривые башни – все, что осталось от древней твердыни. Чернея на фоне кровавого заката, они походили на корявую трехпалую кисть, занесенную над долиной.

Внизу по склону извивалась дорога. Старый тракт вел к развалинам. Максимилиан выехал на него и дал шпоры, пустив коня в галоп. Впереди тракт сворачивал на невысокую скалу. Едва Максимилиан поровнялся с ней, как в воздухе что-то взвизгнуло, миг – и шею барона захлестнула метко брошенная петля. Жеребец испуганно заржал, поднялся на дыбы, а потом поскакал вперед. Максимилиана вырвало из седла. Оказавшись на земле, он выхватил нож и перерезал веревку, стянувшую ему горло. Привстав, он увидел, как невдалеке какой-то человек в дырявом кафтане ловит его коня, а оглянувшись на скалу, разглядел на ее вершущке ухмыляющуюся физиономию молодца, метнувшего петлю. Молодец свистнул. Тотчас откуда-то издали раздался ответный свист. За скалой, в темноте, окутывавшей нагромождение глыб, замелькал огонек, вырос в светлое пламя факела и, мерцая, стал приближаться. По мере того, как он приближался, все яснее проступала из сумерек толпа людей, и впереди – крупное небритое лицо с черной повязкой на глазу. Вскоре в круге света появились и остальные: дикие, бородатые мужчины с угрюмыми взглядами, с длинными ножами в руках.

Наслышавшись леденящих кровь историй о разбойниках, обитающих в подвалах Вратиславского замка, Максимилиан поспешно вскочил на ноги и обнажил шпагу. Бородачи с угрожающим видом надвинулись, но одноглазый жестом остановил их.

– Этот малый осмелился достать шпажонку? – его глаз азартно заблестел. – Он вызывает меня на поединок, клянусь потрохами!

Захочет, он передал факел напарнику и тоже выхватил шпагу. Разбойники обступили их, образовав широкий круг.

– Известно ли тебе, что всех, кто вторгается в наши владения, ожидает смерть? – крикнул одноглазый, направив острие на Максимилиана.

– Известно, – мрачно откликнулся молодой барон. – Но, видит Бог, я не ищущу ее.

– Я, конечно, проткну тебя, – продолжал разбойник, – но чтобы моя победа была не столь легкой, я дам тебе надежду: если ты через четверть часа после начала нашего поединка все еще будешь жив, то я отпущу тебя с миром, хотя и придется конфисковать твою лошадь и кошелек. Но если за это время я успею сделать дырку в твоей груди, то не обессудь.

С этими словами он сделал выпад. Максимилиан едва успел уклониться. Клинок просвистел в нескольких дюймах от его плеча. Видя, что противник далеко не новичок в фехтовании, одноглазый засмеялся в предвкушении хорошего боя.

Максимилиан скинул плащ и сорвал с головы треуголку. Парировав новый удар одноглазого, он стремительно отскочил в сторону и сделал встречный выпад. Скрестились клинки; яростная ухмылка исказила лицо разбойника. Он усилил натиск, но Максимилиан хладнокровно уворачивался и отступал, не давая ему приблизиться. В ближнем бою противник имел ощутимое преимущество благодаря своей медвежьей силе и более тяжелой шпаге. Максимилиан несколько лет жил в Париже, где посещал лекции в Сорбоннском университете, а заодно брал уроки фехтования у виконта де Сент-Эмлера, лучшего шпажиста при дворе Людовика XV. Уроки этого дуэлянта и пропойцы уже не раз оказали Максимилиану хорошую услугу. Пригодились они и теперь.

Коронный обманный маневр де Сент-Эмлера, завершившийся молниеносным выпадом, едва не оказался для одноглазого роковым: клинок свистнул в дюйме от его шеи. Разбойник свирепо выругался, сбросил плащ и взялся за эфес обеими руками. Но тут Максимилиан, увернувшись от рассекающей воздух шпаги, подался вперед, лезвия скрестились и противники сшиблись Телами. Высвобождая шпагу, Максимилиан с силой оттолкнул одноглазого. Тот не удержал равновесие, рухнул, и его шпага, вырванная из рук, отлетела на несколько метров. Максимилиан приставил острие клинка к его горлу.

– Стой, незнакомец! – раздался вдруг властный голос.

Максимилиан оглянулся. От группы разбойников отделился высокий широкоплечий человек в потертом зеленом камзоле с серебряными галунами, с черной бородой и густой копной седых волос на голове, являвших контраст с его еще не старым, живым лицом. В руке он держал большой двуствольный пистолет.

– Зигмунд побежден, – продолжал седовласый разбойник, – ты вправе его прикончить. Но в этом случае ровно через, мину-ту умрешь и ты. Поэтому я предлагаю тебе сделку. В обмен на жизнь Зигмунда я оставлю тебе твою. Мало того – ты получишь своего коня и останешься при своих деньгах. Подумай, условия очень выгодные!

Максимилиан понял, что перед ним не кто иной, как сам Гроцер, предводитель разбойников Вратиславского замка. Он отвел острие от горла одноглазого и отступил на шаг, убирая шпагу в ножны.

– Мне ничего не остается, как поверить тебе, – проговорил он. – Пусть мне вернут коня. Я должен добраться до развалин.

– Хочешь, чтобы мы пропустили тебя в замок? – Гроцер нахмурился. – С какой это стати? А может, ты полицейский шпион?

– Мне надо попасть на бал призраков!

Услышав это, разбойники разом умолкли. Все лица обратились на юношу, даже распластавшийся на земле Зигмунд выпу-чил на него свой единственный глаз.

– На бал призраков? – густые брови Гроцера взлетели. – Ты ищешь смерти, несчастный.

– Я готов к ней, – выпрямившись, ответил Максимилиан.

– Самоубийца!

Гроцер прошелся, нервно теребя бороду. Внезапно он оста-новился перед Максимилианом.

– Хорошо. Будь по-твоему. В замок я тебя пропущу. В кон-це концов, это не такая уж высокая цена за жизнь моего верного Зигмунда. Эй, молодцы! – он обернулся к разбойникам. – Над-вигаются тучи, поэтому поторопимся. Подведите нашему гостю его коня.

Максимилиан подобрал с земли плащ, поднял треуголку и вскочил на жеребца.

Под гогот разбойников с земли поднялся и одноглазый.

– Раззява! – издевался над ним рыжий детина с кольцом в ухе. – Не смог справиться с мальчишкой!

Толстяк с громадными усами, стоявший рядом с Гроце-ром, добродушно хохотал:

– Ты, Зигмунд, оказался мышью, а мальчишка – котом!...

– Хватит болтовни! – крикнул Гроцер. – Вперед!

Люди повскакали на коней и вереницей, тихо, как привеле-ния, выехали из широкого ущелья, где происходил поединок.

Впереди процессии покачивались в седлах Гроцер и Максимилиан.

– Так, значит, правду говорят, что раз в году в развалинах Вратиславского замка собираются все приведения, какие только есть в Карпатских горах? – обратился Максимилиан к атаману.

– Правду, – с неохотой отозвался Гроцер. Он явно был не расположен разговаривать на эту тему.

– И вы видели их бал? – не унимался Максимилиан.

– Нет, – Гроцер угрюмо смотрел перед собой. – Призраки слетаются только на самые верхушки башен, а мы живем в подвалах, где сухо и тепло, и куда наверняка не осмелятся сунуться полицейские, ведь им тоже известны страшные истории о духах Вратиславского замка! – Он вдруг расхохотался, оскалив желтозубый рот. – Поселиться во Вратиславском замке – это отличная идея, лучше некуда! Живем под крылышком у привидений, как у Христа за пазухой...

– Стало быть, вы даже не сделали попытки увидеть их празднество?

Гроцер пожал плечами.

– А к чему это нам? Хотя, конечно, в первое время находились смельчаки, которые поднимались на башни в ночь бала. Но ни один из них не вернулся. Бал призраков – это зрелище не для глаз смертного... – Он покосился на своего молодого собеседника, – Впрочем, ты можешь полюбоваться на бал издали, вместе с нами. Нынешней ночью верхушки башен озарятся небывалым голубым сиянием...

– Нет, – твердо оборвал его Максимилиан. – Я поднимусь на башню.

Гроцер усмехнулся:

– Хочешь испытать храбрость? Или тебя одолевает любопытство?

– Ни то и ни другое, – ответил барон и умолк. Замолчал и Гроцер.

Кони неспешно несли их вверх по кремнистой неровной дороге, едва видневшейся в быстро стгушавшихся сумерках. На всадников надвигалась громада исполинской горы, вершина которой была увенчана тремя башнями.

Под мерный стук копыт Максимилиан задумался.

Ему вспомнилось морщинистое лицо старой прорицательницы, ее выцветшие глаза, трясущиеся руки, простертые над кипящим котлом. Паутина и мрак царили в одинокой хижине.

Максимилиан много дней разыскивал ее в горах, руководствуясь указаниями пастухов. Ведунья, выслушав его, заварила в котле какое-то зелье, долго перемешивала, а когда над котлом стал подниматься едкий желтый пар, ввела в его клубы свои ладони и заговорила так, словно не она, а кто-то другой вещал ее шамкающим ртом.

«Ты встретишься со своей погибшей возлюбленной...» – с усилием произнесла она и замолчала. Максимилиан вонзился в нее взглядом: «Говори! Говори же!»

«Ты встретишься с ней на бале призраков во Вратиславском замке... – снова зазвучал глухой голос прорицательницы. – И тогда свершится месть... Ты покараешь убийцу...»

Максимилиан почти вплотную приблизился к ней. Пар от варева разъедал ему глаза.

«Свершится месть? – переспросил он. – Но как это произойдет? Преступник будет на балу? Он что – призрак? Не может быть! Луизу убил живой человек, такой же, как я, из плоти и крови!»

«На бале призраков ты отомстишь убийце своей невесты...» – не слыша его, повторила старуха.

«Скажи хотя бы, по каким приметам я узнаю его?»

«Поторопись, сударь, во Вратиславский замок. В ночь летнего солнцестояния ты должен быть в его башне, если хочешь соединиться со своей суженой...»

Старуха со стоном отшатнулась от котла. Максимилиан смотрел на нее с изумлением.

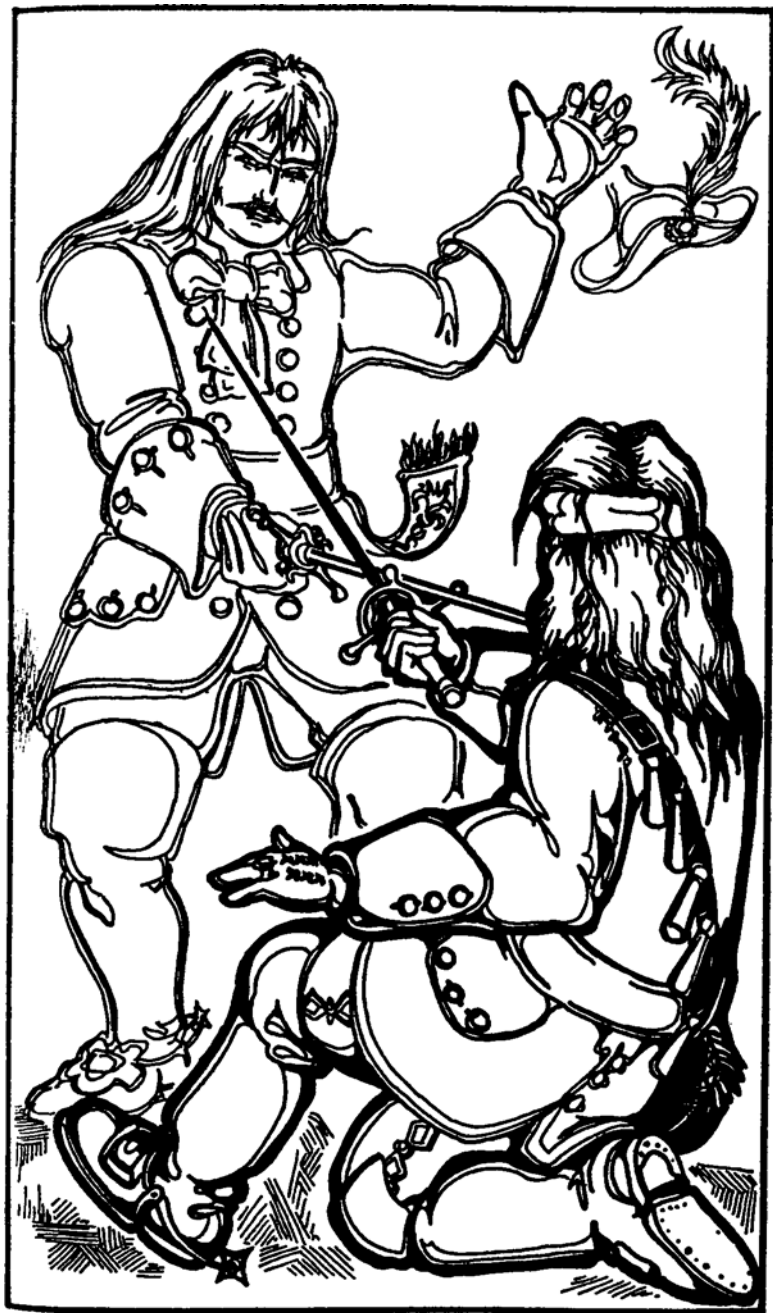
«И это все?»

«Все, сударь.»

«Странное пророчество, – задумчиво молвил Максимилиан. – Я должен отправиться во Вратиславский замок, чтобы на бале призраков отомстить убийце своей невесты и соединиться с ней...»

«Я повторила то, что мне нашептали духи земли и подземных вод, а им дано прозревать будущее, – ответила старуха. – Больше я ничего не могу для тебя сделать.»

Максимилиан слышал о развалинах Вратиславского замка как о самом страшном месте в Карпатах. Раз в году на свой бал сюда слетаются призраки, обитающие на старинных заброшенных кладбищах, в лесах, болотах и в древних замках. На миг его сердце сжалось от ужаса. Но мысль о Луизе заставила его отбросить сомнения. Он подхватил плащ и вышел из хижины.

«Что ж! – крикнул он, вскакивая на коня. – Если так угодно небу, то я отправлюсь во Вратиславский замок и пусть свершится то, что мне предопределено! Жизнь опостылела мне после гибели Луизы!»

...Пронзительный свист заставил его вздрогнуть и выпрямиться в седле. Увлеченный воспоминаниями, Максимилиан не заметил, как они с Гроцером подъехали к крепостной стене, разрушенной во многих местах, но все еще сохранявшей внушительный и грозный вид. На верхушке надвратной башни между зубцами горел факел и виднелись бородатые головы стражей, высматривающих на дороге своего главаря.

Гроцер издал ответный свист и подъемный мост со скрежетом пополз вниз. По опустившемуся мосту процессия переехала через ров, наполовину заваленный мусором, и втянулась под арку низкой башни.

Они выехали на пустой двор, заросший травой. За их спинами зловеще загремела опускающаяся решетка, преградив выход. Посередине двора был колодец, а вдоль стены тут и там были разбросаны деревянные времянки разбойников. Из подвальных дверей выглядывали лохматые, пестро одетые женщины. В сводчатых нишах разбойники в драных сюртуках играли в карты на каменных плитах.

Гроцер спешил. Максимилиан последовал его примеру.

– Возьми у его благородия коня, – приказал Гроцер подбежавшему подростку. – Скакун ему больше не понадобится.

Разбойники встретили дружным хохотом слова главаря.

– Заодно пусть отдаст кошелек! – скалил зубы рыжий бандит с серьгой. – Все равно за золото он не купит расположение привидений!

– Заткнись, Дремба! – перебил его одноглазый, который после поединка проникся к Максимилиану уважением. – У тебя только одни деньги на уме. Зачем они тебе? В твоих руках они все равно, что вода: все спускаешь в карты да тратишь на баб!

– Считай, что он уже мертвец! – не унимался Дремба. – На том свете кошелек ему не понадобится! Возьмем его золото и разделим по-братски!

Гроцер властным жестом заставил людей умолкнуть.

– Дремба прав, – сказал он. – На башне тебе, сударь, деньги будут ни к чему. А если ты возьмешь их с собой, то и нам они не достанутся, потому что никто из нас не пойдет туда, твое тело так и будет там лежать, пока не рассыпется в прах. Так что отдал бы ты Мне свой кошелек. Клянусь честью, если случится

чудо и завтра ты явишься перед нами живой, то я верну его тебе в целости.

Ни слова не ответив, Максимилиан вынул из кармана кошелек и бросил главарю. Гроцер взвесил его в руке, с усмешкой покачал головой: кошелек дворянина был слишком тощ.

– Так могу я все-таки узнать причину твоего желания попасть на бал призраков? – главарь, сощутив глаз, пристально посмотрел на Максимилиана. – Старинное предание гласит, что человек, оказавшийся на празднестве привидений, может многое узнать. Ему будто бы открываются места, где спрятаны древние клады, он может вопрошать о будущем, а пять лет назад здесь объявился один чудак, который хотел выведать у призраков тайну философского камня... – Гроцер осклабился. – Мы пропустили его на башню и с тех пор больше не видели... Ты, наверно, тоже хочешь что-то узнать у них?

– Мне было предсказано, что сегодняшней ночью призраки помогут мне отомстить убийце моей невесты, – печально ответил Максимилиан. – Это произошло два месяца назад в глухом лесу в окрестностях моего карпатского поместья. Мы с Луизой обручились еще в Париже. Там же мы рассчитывали пожениться, но внезапная болезнь моего отца заставила меня спешно выехать на родину. Я рвался назад, в Париж, где меня ожидала невеста, но болезнь отца затянулась, и Луиза, которая горячо любила меня и тяготилась нашей разлукой, согласилась приехать сюда и венчаться в нашей сельской церкви... Я узнал о случившемся поздно вечером от ее кучера и лакея. Смертельно перепуганные, они пешком добрались до моего дома. В лесу на карету напал дерзкий и злобный разбойник, он с первого же выстрела наповал уложил одного из лакеев, ударом сабли ранил кучера и обратил в бегство второго лакея... Луиза оказалась в руках этого грязного животного... – голос Максимилиана задрожал, рука непроизвольно сжала эфес шпаги.

– И ты его, конечно, не нашел, – предположил Гроцер.

Максимилиан метнул на него гневный взгляд.

– Ночь была темна, а лес велик, – взяв себя в руки, ответил юноша. – Я и мои люди искали убийцу несколько дней, но он как в воду канул... В брошенной карете я нашел тело моей невесты... Злодей унес с собой то немногое, что было у нее, он не постыдился даже сорвать с нее золотую цепочку с жемчужным медальоном в форме трилистника – мой подарок в день нашей помолвки... Одна старая ворожея, которая живет в горах, предсказала мне, что призраки Вратиславского замка помогут мне

найти убийцу, – добавил Максимилиан, помолчав. – Предчувствие говорит мне, что ее слова сбудутся.

– Опомнись! – взвизгнул Дремба. – Ты погибнешь среди привидений! Они убьют тебя, высосут твой мозг, выколуют глаза!...

– Сбросят с башни! – вторил ему усатый толстяк.

– Тебе лучше остаться с нами, – поддержал их Гроцер. – Подыматься наверх в такую ночь – это чистое безумие!

Юноша отрицательно качнул головой.

– Да свершится воля всевышнего, – молвил он тихо и перекрестился.

– Не пускайте его! – голосил Дремба. – Разве вы не видите, что он сумасшедший?

Разбойники, окружавшие Максимилиана, согласно закивали головами, несколько рук протянулось к юноше и схватило его, намереваясь насильно отвести в подвал.

Главарь, обнажив шпагу, заставил своих людей податься назад.

– Он не похож на сумасшедшего! – рявкнул Гроцер. – Если он этого хочет – пусть идет, мы не вправе удерживать его, тем более я дал ему слово.

– Я рад, что ты не забыл о нем, – с учтивым поклоном заметил Максимилиан.

– Чего глаза вылупили! – закричал Гроцер на своих со товарищей. – Надвигается гроза, быстро расседывайте лошадей и уводите их в подвалы! А вам, сударь, – он обернулся к Максимилиану, – надо бы поторопиться, если вы хотите до наступления полуночи подняться на вершину одной из этих башен.

– Я иду, – сказал Максимилиан. – Прощайте и молитесь обо мне.

Он повернулся и шагнул в направлении центрального здания, как вдруг перед ним, широко расставив ноги, встал Зигмунд. Одна рука разбойника была засунута за пояс, в другой был зажат горящий смоляной факел.

– Ты так и пойдешь, даже не узнав путь? – спросил одноглазый.

– Разве туда трудно попасть?

– При дневном свете – не слишком. Но в сумерки...

– Войдя в здание, ты обнаружишь целый лабиринт коридоров и зал, – вмешался Гроцер. – Не зная нужной лестницы, ты можешь всю ночь проплутать и не подняться на башню.

– Нужной лестницы? – на лице молодого человека мелькнула растерянность. – Но я непременно должен попасть на бал призраков!

– Если тебе так охота сунуть голову в пасть к сатане, то я могу проводить тебя до второго этажа, – сказал Зигмунд.

Гроцер присвистнул от изумления.

– Ты хочешь сейчас пойти туда?

– Что с того? – Зигмунд пожал плечами. – Десятки раз мне приходилось бывать на волосок от гибели, так что испытаю-ка я судьбу еще раз. Тем более призраки начнут слетаться только после полуночи, а до тех пор я успею проводить нашего гостя до лестницы и вернуться назад.

– Ну, как знаешь. – Гроцер повернулся и зашагал к кострам, на которых женщины жарили мясо. Его приближенные гурьбой направились за ним.

Молодой барон с признательностью взглянул на Зигмунда.

– Вы великодушный противник, – сказал он.

– Я не шутя намеревался заколоть тебя, сударь, и вправе был ожидать от тебя того же самого, – возразил одноглазый. – Но ты сохранил мне жизнь. Так что за мной должок... Однако поторопимся, – он озабоченно посмотрел на небо. – Через полчаса настанет темень, хоть глаз выколи.

– Я готов.

– Тогда идем.

Сопровождаемые любопытными взглядами товарищей Зигмунда, сидевших в отдалении у костров, они направились к зияющему чернотой входу в центральное здание. В той части замкового двора, куда они держали путь, не видно было ни одной живой души: банда Гроцера обитала в противоположном конце двора, ближе к крепостной стене.

Холодом преисподней веяло от темного проема. Когда Зигмунд внес в него факел, темнота, казалось, почти не расступилась перед его светом. Едва путники вошли внутрь, как начался дождь; им в спины ударил резкий порыв ветра с холодными каплями. Осторожно ступая в потемках, Максимилиан различал очертания выщербленных колонн и сводчатые арки, за которыми начинались галереи, уводящие куда-то во мрак. Одноглазый уверенно шагал по заваленному камнями и щебенкой полу. Внезапно под потолком раздался пронзительный писк, что-то захлопало, путники невольно втянули головы в плечи и, проследив направление удалявшегося звука, увидели в

слабо освещенном дверном проеме силуэт вылетающей из здания совы.

– Тьфу, напугала, проклятая, – Зигмунд передернул плечами. – Никогда не вхожу сюда вечером, – добавил он, продолжая движение вдоль растрескавшейся стены. – Только днем, когда в окна светит солнце и со мной друзья... Говорят, последний владелец замка, князь Богуслав, где-то здесь припрятал золото...

– И вы его искали?

– Да, но нашли всего одну серебряную монету, которую потом пришлось выкинуть. Она принесла несчастье нашедшему ее человеку... Все, что здесь лежит – проклято и заколдовано, ни к чему не прикоснусь, даже к груде золота, если она попадется... И тебе не советую...

Они шли вдоль ряда колонн. Свет факела падал на столбы, с которых облетела штукатурка; за столбами показывались входы в какие-то галереи, временами попадались лестницы, одни из которых круто взбегали вверх, другие уводили вниз, в мрачные подвалы, откуда до слуха Максимилиана долетали какие-то странные скрежещущие звуки, навевавшие невыносимый ужас

– Вон та лестница ведет на второй этаж, – сказал одноглазый, факелом показывая на дальний конец залы.

Максимилиан, сколько ни вглядывался в темноту, ничего не мог разглядеть.

– Так уж и быть, поднимусь вместе с тобой, – добавил Зигмунд после некоторых колебаний.

– До полуночи времени еще много – больше часа, – заметил Максимилиан. – Я думаю, нам пока нечего опасаться.

– Плохо ты знаешь Вратиславский замок, – ворчливо отозвался его спутник. – Доводилось ли тебе слышать о Лиловой Даме – жене князя Богуслава? По слухам, он ее тайно замучил и убил, и с тех пор ее призрак бродит здесь по ночам. Тем, кто его увидит, грозят страшные несчастья... – Зигмунд подошел к лестнице и, высоко держа факел, стал подниматься по шербатым ступеням. – Предание говорит, что князь Богуслав пытал своих пленников, упиваясь их предсмертными муками. Души многих из них не нашли успокоения и появляются здесь в образе светящихся фигур... А после своей смерти и князь Богуслав присоединился к ним. Многие узнавали его голос в криках, раздающихся в этих темных галереях... Наследники Богуслава продали замок, но и новые владельцы прожили здесь недолго. Призраки выжили людей... Уже много лет в этой твердыне ни-

кто не живет, она стоит, постепенно разрушаясь... А лет пятнадцать назад тут появился Гроцер со своими людьми...

– И вы не побоялись привидений?

– Сначала боялись, конечно. Но у Гроцера не было другого выхода. За нами по пятам шел целый полк императорских солдат. Эти стены, можно сказать, спасли нас... Австрийский полковник оказался трусом, он и слышать не хотел, чтобы войти в замок. Его отряд расположился в долине, отрезав нам путь к дороге, что ведет на Оломоуцкий тракт. Он надеялся, что голод заставит нас сдаться... Осада продолжалась почти целый год, но мы выдержали; в замке есть вода, а окрестные горы поставляли нам фазанов и диких коз. В конце концов австрийцы ушли, а мы так привыкли к этим подвалам, что решили остаться в них... И в этом есть смысл. Едва ли сыщется полицейский, который осмелится сунуться сюда, тем более ночью...

Поднявшись по лестнице, они двинулись по низкому сводчатому коридору.

– На второй этаж рискуют подниматься только Гроцер, я да еще двое-трое наших людей, – шепотом сообщил Зигмунд. – Чем дальше идешь по этим чертовым лестницам, тем больше риск напороться на какого-нибудь призрака...

– Ты встречался с ними?

– Бог миловал пока... Правда, я не раз видел их издали, когда ночью смотрел на окна замка... В окнах иногда показываются белые фигуры...

Он умолк и остановился. Коридор кончился. Путники стояли на пороге просторной залы с необъятным потолком, до которого не доставал свет факела. Залу по периметру огибала сводчатая галерея, отделенная от нее колоннадой.

Максимилиан вздрогнул: издали, со стороны лестницы, по которой они поднялись сюда, послышались леденящие душу завывания.

– Это ветер, – едва разжимая зубы от страха, проговорил Зигмунд. – Дальше тебе придется идти одному.

– Спасибо и на этом. Один бы я ни за что не нашел путь в этих галереях...

Максимилиан вынул из кармана свечу и зажег ее от факела. Едва он выпрямился, держа ее перед собой, как Зигмунд со сдавленным воплем отпрянул. Вскинулась его рука, дрожащий палец показывал куда-то в темноту. Максимилиан всмотрелся в ту сторону и увидел вдалеке за колоннами бесформенное лило-

ватое пятно, словно там горела странно сияющая свеча. Пятно двигалось, перемещаясь от колонны к колонне.

– Это она... – прошептал разбойник, пятясь назад. На его лице выразился ужас – Она... О Боже!...

– Ты думаешь, это Лиловая Дама?

– Бежим, бежим отсюда, сударь. Выкинь из головы свою блажь... Бежим с мной, если хочешь остаться в живых!... – он попытался схватить Максимилиана за руку, но тот решительно отстранился.

В груди у молодого барона все оледенело от нахлынувшего ужаса, однако он постарался взять себя в руки.

– Нет, я пойду наверх, – сказал он нарочито громко. – Если ты не совсем потерял рассудок от страха, покажи мне лестницу, которая ведет на вершину башни.

Лицо Зигмунда помертвело.

– Если ты хочешь попасть наверх, то тебе придется пройти мимо нее... – выдавил он. – Ты видел двери, из которых она появилась?... Там лестница... единственная лестница, которая приведет тебя на вершину... Неужели ты пойдешь, не побоявшись привидения? Вернемся, вернемся, пока оно еще далеко...

Порыв ужаса качнул было Максимилиана вслед за попятившимся Зигмундом, но в следующее мгновение он опомнился. Пленительное личико Луизы мелькнуло в его отуманенном сознании, вспомнилась ужасающая картина, увиденная им на лесной дороге: карета с распахнутыми дверцами и наполовину вывалившееся из них бездыханное тело его любимой...

– Нет, я пойду, – стиснув зубы, проговорил Максимилиан и выше поднял свечу.

Разбойник с воплем бросился в галерею и через минуту свет его факела исчез за поворотом.

Лиловый призрак начал таять, когда Максимилиан двинулся в его сторону. Спустя несколько мгновений в зале уже царил кромешный мрак. Пройдя между колоннами и приблизившись к тому месту, где появился призрак, Максимилиан действительно увидел узкую изгибающуюся каменную лестницу, уводившую наверх. Юноша зашагал по растрескавшимся ступеням. Свет свечи ложился на кирпичную кладку стен и сводчатый потолок.

Временами в стенах попадались окошки, похожие на бойницы. За ними гремел ливень, из них на лестницу врывался ослепительный блеск молний. Раскаты грома сотрясали башню до основания, казалось, еще удар – и древнее строение рухнет,

погребя под собой одинокого смельчака... Одолев лестничный марш и пройдя заваленную обломками площадку, Максимилиан вступил на следующую лестницу.

Помимо окон в стенах начали появляться широкие трещины и даже целые проломы. Порывы ветра с дождем шумно набрасывались на путника. Максимилиану приходилось прикрывать ладонью дрожащий огонек свечи.

На пятом лестничном марше до его слуха донеслось журчанье. Оно приближалось; Максимилиан, поднимаясь, вдруг обнаружил, что навстречу ему стекают красные струйки. Он похолодел. Несомненно, это была кровь! Журчанье усилилось, и вскоре уже не струйки, а целые ручьи текли навстречу путнику, перекатываясь со ступени на ступень. Сапоги Максимилиана были в крови по самую щиколотку, страх душил его, но все же он продолжал подниматься.

Лестница кончилась, путник вошел в просторную сумеречную залу, куда из широких проломов в стенах вливался мертвенно-белый свет молний. В мгновенья этих всплеск свеча совершенно слеpla в руках Максимилиана и зала таинственно озарялась.

Максимилиан замер на ее пороге, пораженный ужасающим зрелищем, открывшимся его глазам. Посреди залы на постаменте возвышался широкий черный гроб без крышки. В нем бурлила и пенилась кровь, переполняя его и переливаясь через края, затопляя пол и ручьями устремляясь вниз по лестнице. Кровь постоянно прибывала, словно из кошмарного чрева гроба бил родник. Постамент окружали четыре коленапреклоненные фигуры в темных плащах с капюшонами, низко надвинутыми на лица. Не обращая внимание на струящуюся вокруг кровь, фигуры стояли неподвижно, подобные безмолвным стражам. Ни один из них не пошевелился, когда в залу со свечой вошел Максимилиан. Зато сильнее забила кровь из страшного гроба, заколыхалась, забурилась, волны с плеском начали рушиться на пол, разбиваясь в брызги.

Справившись с оторопью, юноша зашагал к двери, находившейся в противоположном конце залы. За дверью виднелась лестница. Почти дойдя до нее, он еще раз взглянул на гроб... Из кровавой ванны поднималось невыносимо жуткое существо. Показалась зеленая чешуйчатая голова, похожая на змеиную, по ней обильно стекали кровавые струи. Текли они и по когтистой руке, поднявшейся из наполненного кровью гроба вместе со страшной головой.

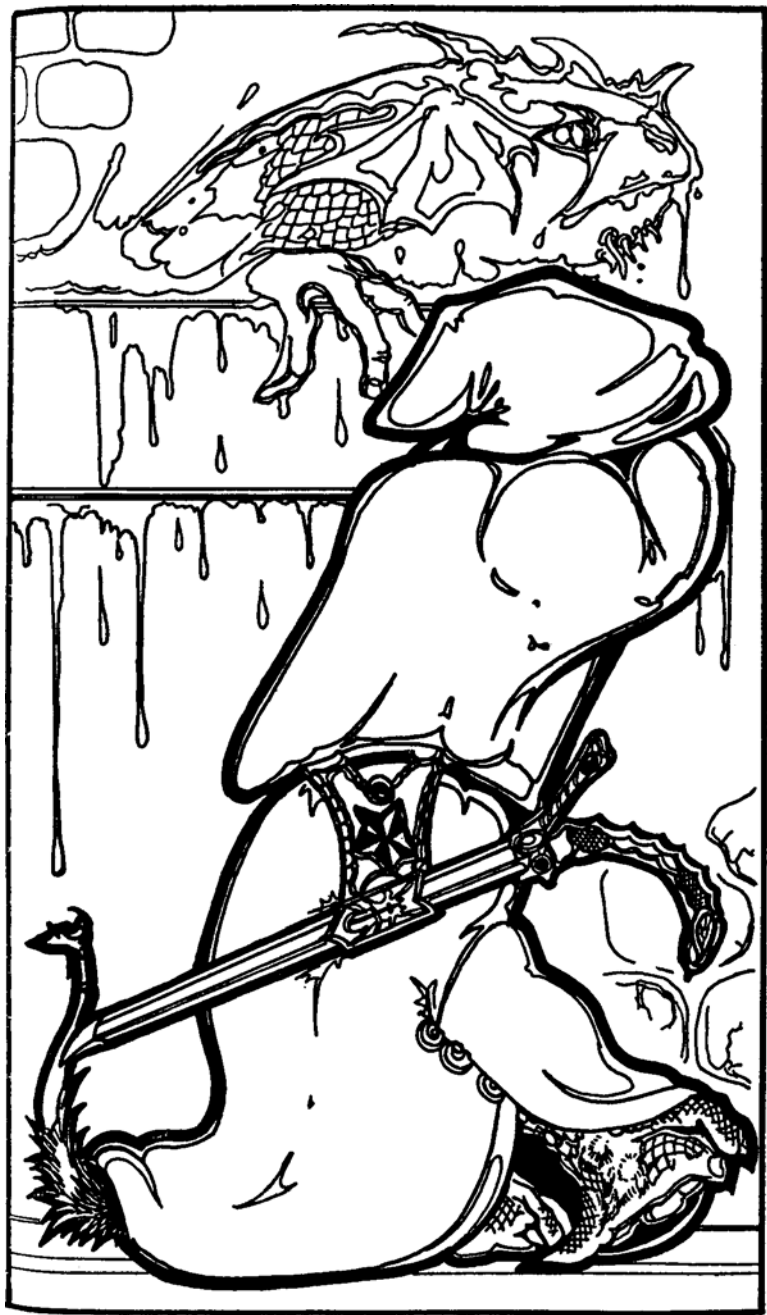
Чудовище издало рычание, круглые выпученные глаза злобно вперились в пришельца. Тут шевельнулись и темные фигуры; Максимилиану показалось, что они вот-вот поднимутся с колен... Не дожидаясь, когда это произойдет, он попятился и с гулко бьющимся сердцем бросился вверх по лестнице. Зала со страшным гробом осталась далеко внизу, смолк плеск льющейся крови. Лестница плавно изгибалась по периметру башни. Тишину разрывали раскаты грома, из бойниц дуло и свечной огонек метался, грозя потухнуть, над головой юноши бесшумно проносились летучие мыши...

Пройдя весь бесконечно длинный лестничный марш, Максимилиан вступил в последнюю, верхнюю залу. Она была просторна и абсолютно пуста. За большими островерхими окнами виднелись отвесно падающие струи ливня. Из залы три дверных проема выходили на узкий балкон, концентрически опоясывавший вершину башни; перила, видимо, давно обрушились и площадка балкона обрывалась многометровой пропастью. Эхо громовых раскатов перекатывалось под купольным сводом. Ветер дул изо всех дверей, окон и обширных проломов в стенах. Тщетно Максимилиан старался уберечь огонь свечи: заметавшись, фитилек потух. Но спустя минуту он обнаружил, что света зарниц вполне достаточно, чтобы обозреть всю залу до самых отдаленных окон.

Страх, пережитый им в нижней зале, еще не совсем отпустил его, гнетущие предчувствия заставляли учащенно биться сердце. Максимилиан переходил от окна к окну, останавливался у дверей балкона. Сколько он ни старался, он не мог обнаружить ни единого намека на присутствие призрачных существ, юноша даже начал сомневаться, происходят ли вообще их жуткие сборища.

Ближе к полуночи дождь стал редеть. В тумане струй обозначились угрюмые силуэты двух соседних башен. Зала, где оказался Максимилиан, находилась вровень с их вершинами. Тучи относило в сторону, ливень кончался, все отдаленнее и глуше ворчал гром; зарницы еще продолжали мелькать, но уже не были такими яростными, сочными, как четверть часа назад. В разрывах туч показались звезды. На их фоне отчетливо виднелись соседние башни, внизу различались замковые строения, крепостная стена, а еще дальше открывалась величественная панорама горных вершин.

Вглядываясь в звездный сумрак, озаряемый молниями, Максимилиан заметил приближающиеся к замку с разных сто-

рон легкие, слабо светящиеся облачка. Эти мерцающие сгустки породили сильную тревогу в душе юноши. Он отошел в глубину залы и, остановившись у ниши, со страхом наблюдал, как в залу из окон, проломов и балконных дверей влетают десятки бестелесных созданий, словно сотканных из тусклого, струящегося света. Юноша почувствовал, как по его спине текут струйки холодного пота. Его всего сотрясал озноб, сердце билось учащенно и стучало в висках, как молот.

Влетая в залу, бесформенные светящиеся пятна опускались на пол и обретали человеческие формы. Полупрозрачные светящиеся фигуры начинали расхаживать, кланяться друг другу и заводить беседы. Пришельца они, похоже, не замечали. Призрачные дамы и кавалеры проходили совсем рядом с оцепеневшим от ужаса юношей и никто не поворачивал в его сторону головы, а если и взглядывали на него, то смотрели как сквозь воздух, как будто его и не было здесь.

Среди призраков были старики и совсем еще молодые люди. Иные из них были одеты в сотканные из мерцающих лучей одежды, какие носили в глубокую старину, на других Максимилиан узнавал наряды своего времени – длиннополые сюртуки, кружевные жабо и треуголки. Встречались фигуры и вовсе обнаженные, среди последних особенно много было молодых женщин, поражавших красотой. Однако, взглядевшись в прекрасные черты их холодных, словно застывших лиц, Максимилиан замечал в них что-то ведьмовское, отталкивающее.

Пожилой мужчина в круглом стоячем воротнике, в старинной одежде, с мечом на поясе, и высокая дама в длинном платье, струившемся за ней по полу, остановились возле Максимилиана. До него долетели их голоса, похожие на шелест листопада.

– Я отправила на тот свет пятьдесят пять человек, – говорила призрачная дама, – а тот, кого мне нужно было умертвить в первую очередь – какая досада! – скончался своей смертью...

– Понимаю вас, сударыня, – отвечал кавалер, – и мне, в бытность мою человеком, так и не удалось добраться до некоторых своих врагов... Вы, как порядочная женщина, использовали яд?

– Разумеется. Но одного я задушила подушкой... Это был мой муж.

– В самом деле? – кавалер расхохотался. – А я свою благоверную утопил в пруду...

Зловещая пара удалилась, но через минуту вблизи Максимилиана прошли полуголая красотка и рыцарь, с ног до головы закованный в железо. Почти повиснув на руке своего кавалера, девица жеманилась и хихикала.

– Я завлекала гостей в уединенную комнату таверны, – рассказывала она, смеясь и поводя плечиками. – Мужчины все такие глупые... Покажи им обнаженную грудь, и они побегут за тобой очертя голову хоть в преисподнюю...

– В свое время я и сам не прочь был пуститься вдогонку за хорошенькой козочкой! – прогудело из круглого, как ведро, шлема.

– А в той комнате моих захмелевших поклонников поджидал хозяин таверны с длинным ножичком... Он прятался в шкафу и выскакивал в тот момент, когда мой вздыхатель, забыв обо всем, набрасывался на меня и сжимал в объятиях... Кстати, мой хозяин должен быть где-то здесь... Вы не желаете познакомиться с ним?

– Не откажусь, моя дорогая...

Они удалились и голоса их утонули в шелесте, наполнявшем зал. Новые и новые светящиеся фигуры проходили мимо Максимилиана. Рукавом утерев пот со лба, он осторожно двинулся вдоль стены, стараясь не коснуться кого-либо из призраков. Но опасения его были напрасны: духи явно не замечали его. Два или три раза некоторые из них даже проходили сквозь Максимилиана, вызывая в нем лишь судорогу оторопи. С бьющимся сердцем, тяжело переводя дыхание, он лихорадочно озирался, выискивая среди светящихся созданий ту, ради которой явился на это жуткое сборище. Но Луизы нигде не было...

В зале не умолкали разговоры, прислушиваясь к которым, Максимилиан содрогался от ужаса и отвращения.

– Ты хоть изредка вспоминаешь меня, свою милую, обожаемую Бертольду? – говорила дама в чепце и платье времен Крестовых походов, держа под руку высокого плотного господина в меховой накидке.

– О да, – отвечал ее спутник. – Я любил тебя так нежно...

– Опять лжешь! – призрак дамы взмахнул веером. – Ты мне всегда изменял! За это я тебя и отравила...

– Только за это? Дорогая, ты преувеличиваешь. А золото, которое досталось тебе после моей смерти и которое ты спустила на своих многочисленных любовников?...

Голоса заглушила музыка. Флейты, лютни и арфы заиграли чарующую мелодию, вызвавшую среди призраков оживление;

часть из них отошла к стенам, освободив пространство в центре залы, другие построились попарно в ряд и двинулись, приседая в такт мелодии. Сколькo Максимилиан ни оглядывался, он нигде не мог найти музыкантов; музыка, казалось, звучала отовсюду, наполняя собой воздух.

Остановившись в стороне от толпы призраков, он привалился спиной к выступающему углу высокого окна. Дождь перестал окончательно. Небо быстро прояснилось. Вершины двух соседних башен были отчетливо видны в ярком свете тысяч звезд, роскошно рассыпавшихся по ночному небу. Удивительное зрелище предстало глазам Максимилиана. Празднество кипело и в верхних залах двух других башен, их окна были освещены и в них виднелись очертания танцующих фигур. И еще целый рой призраков носился в воздухе, перелетая от одной башни к другой, кружась или свободно паря, подобно птицам или облакам. Казалось, им недостаточно места в залах древних башен и они продолжали свои танцы в воздухе.

Громогласный рев заставил Максимилиана вздрогнуть и оторвать взгляд от окна. Музыка прервалась, призраки в испуге шарахнулись к стенам. Холодный пот залил глаза молодому барону, все в нем помертвело от ужаса, когда он увидел знакомые фигуры в черных плащах с накинутыми на лица капюшонами, медленно входившие в залу. На плечах они несли черный гроб, откуда продолжала изливаться кровь. Из гроба высовывалась окровавленная змееподобная голова демона, выпученные глаза были устремлены прямо на Максимилиана, на него же показывал и когтистый палец загробного существа.

Фигуры, державшие гроб, развернулись в ту сторону, куда показывал их страшный повелитель. Внезапно от его пальца, подобно струйке крови, через всю залу протянулся кроваво-алый луч и уперся в грудь юноше. Сердце Максимилиана сжалось от резкой боли, он непроизвольно вскрикнул. И в тот же миг приглушенный вопль сотен голосов нарушил тишину, воцарившуюся в зале с приходом демона: призраки увидели Максимилиана! Стоявшие поблизости от него отпрянули, лица исказились гримасой злобы и отвращения.

Темные фигуры неумолимо приближались. Всего несколько шагов отделяло Максимилиана от кровавого демона, его когтистых пальцев, которые скрючивались, предвкушая момент, когда сомкнутся на горле юноши. И в этот миг негромкий возглас, прозвучавший подобно отдаленному эху, коснулся слуха Максимилиана. Голос вывел его из оцепенения, он

вздрагнул, отвел взгляд от гипнотизирующих глаз демона и обернулся на крик. Толпа призрачных существ раздвинулась и в ней образовался коридор, в дальнем конце которого, в бледном проеме дверей, ведущих на балкон, стояла хрупкая, полупрозрачная женская фигура. Максимилиан ее тотчас узнал.

– Луиза! – крикнул он, протягивая к ней руки. – О, моя Луиза!

Она покачнулась, словно лист, колеблемый ветром, в призывном жесте вскинула руки и вновь до него долетел тот же голос, но в отдаленном крике он на этот раз отчетливо расслышал свое имя.

Воздух сотряс громоподобный рык демона, требовавшего от своих темных носильщиков поторопиться. Гроб с кровавым созданием находился уже в двух шагах от Максимилиана, когда юноша вдруг овладел собой. Забыв обо всем, он бросился к дверному проему, в котором стояла его суженая. Луиза, сотканная из того же светящегося вещества, что и другие призраки, улыбалась и манила к себе. Юноша выбежал на балкон, не замечая, что призрак парит в воздухе в метре от кромки, за которой начинаюсь головокружительная пропасть. Вне себя от охватившего его волнения, Максимилиан сделал еще шаг и камнем полетел вниз...

Воспользовавшись тем, что дождь перестал, Гроцер, Дремба и усатый толстяк расположились на каменных плитах у основания башни. Едва они успели стасовать карты, как сверху на них рухнуло тело несчастного Максимилиана, задавив насмерть рыжего Дрембу. Гроцер и толстяк в ужасе отпрянули.

Лишь через несколько минут они осмелились приблизиться к трупам и оттащить упавшего, в котором не без труда признали своего вечернего гостя.

Затем Гроцер наклонился над рыжеволосым.

Рубаха на Дрембе порвалась, обнажив окровавленную шею. На ней в свете звезд ярко блестела золотая цепочка с жемчужным трилистником.

...А душа Максимилиана, оставив мертвое тело, устремилась ввысь, в полете все более начиная походить на одну из тех светящихся фигур, что присутствовали на призрачном бале. У вершины башни, окруженная сонмом таких же полупрозрачных существ, его ждала Луиза. Минута – и эфирные тела влюбленных слились в объятиях, разомкнуть которые им уже не суждено будет вовек.

ПОДВАЛ

Вадик и Сергей встретились в сквере у скамейки в гуще разросшихся кустов. Вадик всегда назначал здесь встречи, когда намечалось что-нибудь важное. Брезжило холодное осеннее утро. Только что отморосило и все вокруг было мокрым. Безлюдный сквер насквозь продувался ветром, срывавшим с деревьев остатки листвы. Худошавый, со вздернутым острым носом Сергей зевал во весь рот. До начала занятий в ПТУ, где они с Вадиком учились на последнем курсе, оставалось еще полчаса. Он плюхнулся на скамейку, бросил рядом сумку с учебниками и закрыл глаза, намереваясь еще немного поспать. Вадик, плотный, круглолицый, с румяными щечками и темным пушком над губой, встал перед ним и довольно чувствительно наступил ему на ногу.

– Разинь глаза, соня, – сказал он и в руке его что-то сверкнуло.

В первый момент Сергей не понял, что это было. Предмет мелькнув, исчез в ладони приятеля.

– Покажи, – без особого любопытства, все еще пребывая в объятиях дремы, сказал Сергей.

– Смотреть надо! – огрызнулся Вадик и ударил его носком ботинка по щиколотке.

Взвыв от боли, Сергей раздраженно выпрямился.

– А я что делаю? Ну, показывай быстрее, что там у тебя.

Вадик поднес к его глазам большую, сантиметров четырех в диаметре, золотую монету с четко выбитым профилем. Вокруг профиля шла надпись латинскими буквами. Монета была тщательно вычищена и блестела в свете занимающегося дня.

– Понял теперь, почему я не сказал, зачем мы встречаемся? – Вадик таинственно посмотрел на приятеля. – Это был не телефонный разговор.

Сон с Сергея как рукой сняло.

– Ты ее в подвале нашел? – почти выкрикнул он.

– Мог бы и не спрашивать. Конечно, в подвале. Искал череп, а нашел вот это.

Действительно, Сергей мог бы и не спрашивать. В подвале недавно снесенного старого дома находили не только человеческие черепа, но и всякие другие любопытные штуки, представлявшие археологическую и даже антикварную ценность. Подвал был обширный, с множеством коридоров и комнат, и главной его достопримечательностью были, конечно, обнаружен-

ные строительными рабочими многочисленными костями и черепами, чрезвычайно старые, уже окаменевшие. Директор краеведческого музея утверждал, что дом построен на древнем раскольничьем кладбище, где впоследствии хоронили людей, скончавшихся от чумы. Нечего и говорить, что после таких находок подвал для окрестных жителей сделался местом таинственным, сразу пошли разговоры о том, что в подвале видели какие-то странные тени или светящиеся фигуры, и что оттуда ночами будто бы доносятся стоны и вой. Масла в огонь подлили несколько смертей среди рабочих, прокладывавших через подвал канализацию для соседних новостроек. Рабочие погибли, как было неопровержимо доказано, в результате несчастных случаев – кирпичная кладка стен и потолков в подвале настолько ослабла, что могла обрушиться даже от небольшого прикосновения, а вибрация, вызванная отбойными молотками, ее ослабила еще больше. Но слухи ползли. Поговаривали, будто все это неспроста и в подвале явно завелась нечисть. Для подростков же подвал был словно медом намазан. Они лазали туда, несмотря на строжайшие запреты – в основном в поисках черепов. Местные умельцы делали из них пепельницы и подсвечники, отвозили в Москву и с выгодой продавали.

В последнее время, после гибели пятого рабочего, территорию стройки обнесли забором и поставили сторожа. Но, несмотря на эти меры, в подвал все же умудрялись пробираться.

– Значит, вчера ты там был, – насупившись, сказал Сергей.
– Почему меня не взял?

– Я звонил тебе все утро. Тебя не было.

– Черт, – Сергей сплунул с досады. – Меня мать вчера картошку копать отправила... Ты, значит, один ходил?

– Хотел взять Андриюху, но он тоже не мог, – сказал Вадик.

– Пришлось идти одному. Думал найти черепушку. Дегтярь вчера вернулся из Москвы и привез хорошие бабки. Продал все, а одну пепельницу даже за доллары.

Сергей взял у Вадика монету и рассмотрел ее со всех сторон. На обороте была изображена голова какого-то зверя – не то козы, не то собаки.

– Это античная монета, – заявил он, хотя сам далеко не был уверен в этом. – Статир, – произнес он знакомое по нумизматической книжке название. – А профиль – императора... этого... как его?... вертится на уме... да, Траяна!

– Ты думаешь?

– Конечно, Траяна! Статиры делали только при нем. А на обороте – римское божество.

Вадик отобрал монету.

– Вчера чистил асидолом. Видишь, как блестит? – повертев ее в пальцах, он спрятал находку в карман. – Чистое золото, можешь не сомневаться.

– Как ты ее нашел?

– Случайно, – Вадик взобрался с ногами на скамейку. – Хотя, вообще-то, день вчера какой-то неудачный был. В подвале копошились работяги. У них там прорвало трубу и они откачивали воду. Ну, я пролез в то окно, ты знаешь какое, иду вдоль стенок, а сам прислушиваюсь – не идет ли кто. А то поймают – сторожу сдадут, а он, шестерка проклятая, рад выслужиться перед начальством, сразу ментам звонит. В подвале лучше вообще никому не попадаться на глаза...

– Я слышал, работяги сами приторговывают черепами, – заметил Сергей.

– Это факт! Поэтому они и лютуют. На хрена им конкуренты? В подвале и так почти не осталось целых черепов...

– Значит, ты залез и что дальше? – поторопил друга Сергей.
– В каком месте ты нашел монету?

– А недалеко от той комнаты, где кости сложены. Их еще летом собрали в мешки и снесли в отдельную комнату. Хотели, вроде, сжечь, да так до сих пор там и лежат. А комнату – на замок!

Сергей закивал:

– Знаю, знаю. Только замок у них хлипкий. Наши ребята, которые ходят за черепушками, все время его сбивают.

– Ты слушай, как дело было, – перебил его Вадик. – Шагов тридцать не дошел до той комнаты, как вдруг навстречу мне – трое рабочих. Я прямо обмер. Ну, думаю, сейчас зацапают. А они, слава Богу, меня не заметили, остановились за углом. Там место было такое расчищенное, ящики какие-то стояли, так вот они на ящике разложили газету, колбасу достали, бутылку, и начали выпивать. Им там светло, лампа как раз над ними. Разложились капитально, разговоры завели. Мимо них не проскочишь... В общем, решил я не ждать и возвращаться назад. Завтра, думаю, снова приду. Пошел назад. А тут вдруг, слышу, еще какие-то топают навстречу. Чтоб не попасться, пришлось свернуть в какую-то комнатушку. Лампа там не горела, темень. Я стою, жду, когда работяги пройдут. Пригляделся немножко к темноте. А там, кстати, было не так уж темно, свет шел из ко-

ридора. Я стою в углу и вот что вижу. В стене, у самого пола, открывается низенькая дверца, и оттуда вылезает какой-то тип. Я, конечно, удивился. Дверца как-то странно открылась. Неожиданно. Даже испугался...

– Представляю! – воскликнул Сергей.

– Ни хрена ты не представляешь, – свирепо возразил Вадик – Меня до сих пор жуть берет, как вспомню. Неожиданно так открылась и бесшумно... И, значит, вылезает оттуда на четвереньках этот тип. В темноте я его особенно не рассмотрел. Кто-то из работяг, и поддатый сильно. Наклюкался до того, что даже с четверенок встать не может. Пробует подняться и снова падает. И вот когда он подымался, я смотрю – что-то у него из кармана вывалилось, звякнуло об пол, и вроде монета какая-то покатилась. И прямо ко мне. У самых моих ног легла. Мне только и дела, что нагнись и подними. Ну, я и поднял...

– А пьяный что?

– Да ничего. И не заметил. Поднялся, держится руками за стену, и идет в коридор. Я в тени стою, он меня не видит, а я еще слышу, как он шепчет: золото, золото... Да с такой жадностью шепчет! Я стою, монету в руке сжимаю и сам себе кумекаю...

– Насчет чего?

– Насчет того! Дверца, из которой он вылез, за ним закрылась... Будто автоматически на место встала. Понял?

Сергей почесал в затылке.

– Думаешь, потайная дверь?

– А что же еще? Работяга обнаружил тайник, в котором может быть, есть еще такие же монеты, а я случайно увидел, как он из этого тайника вылезал. Ту дверцу я запомнил...

– Если там тайник, то его наверняка уж давно обчистили!

– Может, и обчистили, – Вадик снова вынул монету, подбросил ее и поймал. Широкая ухмылка раздвинула его губы. – Только монетка-то – вот она! Значит, не все обчистили, осталось кое-что.

Сергей промолчал, поежился от резкого порыва ветра.

– Ты когда туда пойдешь? – спросил он.

– Сегодня. А то этот тип проспится да и вспомнит о золоте... Надо его опередить.

– Точно! – встрепенувшись, Сергей соскочил с лавки. – К черту занятия! Предлагаю двинуть в подвалы, когда у строителей будет обеденный перерыв.

– А по-моему, лучше пойти к концу рабочего дня. В такое время работяг в подвале уже не бывает, а свет еще горит.

– Это во сколько, примерно?

– Ну, скажем, в половине пятого.

Сергей поморщился.

– В это время уже темнеет, – заметил он. – Терпеть не могу ходить в подвал на ночь глядя.

– Днем нас могут застукать, – возразил Вадик. – Да ты не бойся, лампы там горят до шести, я точно знаю.

– Это я, что ль, боюсь? – Сергей решительно подхватил свою сумку. – В четыре я зайду за тобой. Ты хорошо запомнил ту дверь?

– Не беспокойся. Найду. – Вадик тоже спрыгнул со скамейки.

Они зашагали к желтеющему в отдалении забору, отделявшему сквер от территории ПТУ.

– Ты кому-нибудь еще говорил о монете? – с плохо скрытым беспокойством поинтересовался Сергей.

– Никому.

– И не надо. А то все дело испортишь. Скажешь одному – сразу целая свора набежит...

– Не бойсь. Только ты тоже помалкивай.

– Само собой.

К вечеру свинцовое небо снова разразилось мелким сеющим дождем, конца-краю которому не предвиделось. Вадик заявил, что это даже к лучшему: в такую погоду вряд ли кому захочется тащиться в подвал, да и рабочие наверняка уже ушли. Приятели предусмотрительно захватили фонарики. Вадик вооружился небольшим металлическим прутком, который можно было использовать в качестве отмычки.

Они прошли вдоль дощатого забора, окружавшего стройку. Заглянули в его щели. На стройке не было ни одной живой души. Не видно было и сторожа.

Приятели перемахнули через забор и сразу затаились. Оба по опыту знали, что если сторож их увидит, то сразу засвистит. Прошла минута, две. Свистка не было...

– Все правильно, – рассудил Вадик. – Старик в такую погоду из сторожки носа не высунет. Пошли.

Пригибаясь, короткими перебежками, приятели достигли остатков стены в левой части разрушенного здания.

Сергей почувствовал неприятную знобящую дрожь в спине, когда они приблизились к одному из подвальных окон. Окно было заколочено фанерой. В душу Сергею закралось дурное предчувствие, но он скорее умер бы, чем признался, что боится. Вадик испытывал схожие ощущения. С его круглых щечек сошел румянец. Приятелям было непривычно ходить в подвал в такое позднее время. Они, как и большинство искателей черепов, обыкновенно спускались туда днем, когда у рабочих был обед.

Небо темнело стремительно. У подвального окна Вадик вынужден был зажечь фонарик, хотя это было рискованно: свет мог заметить сторож.

Вадик отвел в сторону фанерный лист. За ним открылся участок коридора, желто и сумеречно освещенный горевшей где-то сбоку лампой.

– Вот видишь, я же говорил, что в подвале должен гореть свет, – прошептал Вадик и выключил фонарик. – Полезли.

Друзья протиснулись через щель в фанере и спрыгнули в коридор, на груды мусора и какие-то пустые ящики. Сергей, пролезая вслед за приятелем, с тоской обернулся назад. Где-то в ужасающем далеке теплым и мягким светом светились окна пятиэтажки... Его вдруг со страшной силой потянуло туда, к этим окнам, под свежий ветер и дождь...

Озираясь, друзья стояли в безлюдном и тихом коридоре. На стене под самым потолком тянулся провод, на проводе через каждые десять-двенадцать метров висели голые электрические лампочки. Они проливали смутный, какой-то мрачный свет, который в зловещем безмолвии подвала, казалось, только усиливал царящий в коридорах страх. Одна лампа виднелась справа от ребят, другая – слева. В обоих направлениях коридор сворачивал.

– Идем. Только тихо, – шепнул Вадик, и приятели осторожно, стараясь не хрустеть щебенкой, двинулись влево.

За поворотом Сергей ощутил холодное дуновение ветра: дальше находился открытый участок, дно траншеи, вырытой рабочими. Здесь вероятность напороться на них была особенно велика. Но, по-видимому, рабочие на сегодня закончили и ушли. Друзья продолжали путь.

Не дойдя до траншеи, они снова свернули влево. Миновав четыре лампы, они подошли к пятой и увидели дверь. За ней была лестница. Этот путь обоим был знаком. Крутые ступени

вели в нижний этаж подвала. Лестницу окутывал полумрак: лампочка была заляпана чьими-то грязными пальцами.

– Никого нет, – зашептал Вадик – Нам везет. Будем на месте через пять минут.

Они спустились и оказались в длинном коридоре с низким потолком. Тут тоже горели лампочки, освещая растрескавшуюся кирпичную кладку. Участки коридора между лампочками были погружены в глубокую тень. Приятели прошли по коридору, свернули в боковой проход и здесь Вадик остановился, перевел дыхание.

– Считай, что пришли, – сказал он.

– Если топать прямо по этому коридору, то можно прийти к комнате, где заперты мешки с костями, – отозвался Сергей.

– Правильно. Но нам не туда. Сейчас мы пройдем немного и свернем направо... Там будет эта комната, где потайная дверь...

– А если она заперта?

– Для чего тогда я взял отмычку? – Вадик показал прут.

Они двинулись вперед, но не прошли и нескольких шагов, как Вадик, шедший впереди, снова остановился и предостерегающе поднял руку:

– Тихо! Тут кто-то есть...

Он остановился так внезапно, что Сергей налетел на него сзади. Они замерли, прислушиваясь. Впереди, слева, начинался другой коридор, перпендикулярный тому, по которому шли приятели. Оттуда доносились шаги. Кто-то приближался, похрустывая по щебенке. Ребята бесшумно попятнулись, нырнули в какую-то подвернувшуюся нишу в стене, где тень была особенно густа, и замерли. Если бы они побежали назад, то их наверняка бы увидели.

В коридор вышли двое людей в ватниках и ушанках. Но они свернули в другую сторону и пошли куда-то прочь от приятелей, вдоль по коридору. Прошли одну лампочку, вторую, а третья светила так далеко, что две темные фигуры растворились в ее желтых сумерках.

– Видал? – процедил Вадик сквозь зубы. – Что они здесь делают в такое время? Им что, сверхурочные платят?

– Но ведь рабочий день еще не кончился, – возразил Сергей.

– Да брось ты. Рабочий день, скажешь тоже... Уже в два часа дня на стройке никого нет. Ладно... Пошли дальше.

Не доходя до следующей лампочки, Вадик насторожился и замедлил шаги. Жестом велел приятелю остановиться. В том помещении, где вчера он видел потайную дверь с вылезавшим из нее рабочим, теперь горел свет и раздавались какие-то звуки. Характер звуков свидетельствовал о том, что там работали.

Вадик осторожно заглянул в помещение и в досаде скривил рот. Из-за его спины выглянул Сергей.

Это была небольшая квадратная комната с низким потолком, каких было полно в подвале. Кирпичная кладка стен была обнажена, на полу, как и всюду, лежал мусор и щебень. У стены с голого провода свисала лампа, смутно освещая часть помещения и двух рабочих. Они лопатами загребали мусор и укладывали его на носилки.

Вадик отступил назад.

– Черт, – прошептал он. – Надо же им было оказаться именно в этой самой комнате!

– Наверно, они скоро уйдут, – сказал Сергей.

– Будем надеяться.

Вадик, возбужденно дрожа, отступил в тень стенной ниши. Сергей продолжал наблюдать.

Вид работавших показался ему странным, хотя удивляться вроде бы было нечему. Просто очень уж старыми были ватники на работягах, словно их подобрали с какой-то свалки. Ветхие, гнилые, с многочисленными прорехами, из которых торчала грязно-серая вата. Подстать одежде были и сапоги. Подошвы едва держались. Дранные ушанки были несуразно велики, головы совершенно тонули в них.

«Странные рабочие, – подумал Сергей. – Похожи на бродяг. Если б они развели тут костер и сидели грелись, то можно было бы подумать, что это бродяги. Но ведь – работают, надо же...»

Он хотел поделиться своими соображениями с Вадиком, но не успел: рабочие поверх мусора положили лопаты, подняли носилки и направились в ту сторону, где затаились искатели сокровищ. Сергею пришлось отпрянуть в тень.

На их счастье, это было самое темное место в коридоре – как раз посередине между двумя лампами, да еще тут была одна из многочисленных ниш, образованных обвалившейся кирпичной стеной. Приятели не дышали, когда мимо них, буквально в метре, рабочие проносили носилки. Один из рабочих повернул голову и посмотрел в их сторону. Но, видно, не разгля-

дел их в темноте. Две фигуры с носилками прошли мимо и звук их шагов смолк где-то вдалеке, в районе лестницы.

На Сергея словно повеяло холодом, когда эти странные рабочие поравнялись с ним. Он стоял с полуоткрытым ртом и запрокинутой головой, сотрясаемый нервной дрожью, пока они не прошли и не исчезли вдали.

Сходные ощущения испытывал и Вадик, но он справился с ними быстрее. Вадик шумно выдохнул, тронул приятеля за локоть.

– Ушли... – прошептал он так тихо, что Сергей едва слышал его. – Путь вроде свободен...

Вадик шагнул в помещение, где только что работали строители. Сергей остался стоять.

– Ты что? – Вадик вернулся к нему.

– Не знаю, – Сергей, наконец, тоже перевел дыхание. – Что-то ноги ослабли...

Вадик выдавил ухмылку.

– Испугался каких-то паршивых работяг?

– А ты?

– Что – я?

– А ты не испугался?

Вадик скорчил презрительную гримасу.

– Было б чего бояться. Пошли.

– А если они вернуться?

– Не вернуться. Они же лопаты взяли с собой. Если б хотели вернуться, то лопаты не забирали бы...

Вадик взял приятеля за руку и они вошли в неярко освещенное помещение.

– Их, наверное, начальство сегодня работать застави... – начал Вадик и недоговорил.

Внезапно погас свет. Погас повсюду в подвале. Охвативший ребят страх был так силен, что целую минуту они не могли не то что сделать шаг, но даже вздохнуть полной грудью. Если б не рука Вадика в его руке, Сергей бы, наверное, сошел с ума от ужаса, завопил бы, бросился бежать.

Свет погас внезапно и необъяснимо, поскольку еще не было шести часов. Более крепкий Вадик пришел в себя первым, нашарил в кармане фонарик и зажег его. Луч осветил замусоренный пол и кирпичную стену.

– Ничего особенного... Сторож погасил раньше времени... – предательская дрожь в голосе Вадика выдавала его страх. – Это

даже нам лучше... Теперь-то мы точно будем знать, что сюда никто не придет.

Сергей не ответил. Разговаривать у него не было никакой охоты.

– Вот сюда я зашел вчера, чтобы не попасться на глаза рабочим, – шепотом продолжал Вадик, – и вон там, – и он направил луч на левую стену, – была дверца, из которой вылез пьяный...

Вадик направился к стене. Сергей почти автоматически двинулся за ним. Вадик присел перед стеной, осветил ее фонариком.

– Странно, – пробормотал он. – Дверь была именно на этом месте... Такая низкая, квадратная...

– Может, это не та комната? – дрожа, пролепетал Сергей.

– Исключено. Потайная была здесь, вот в этой стене. Ну, может быть, чуть левее, или правее... Не стой ты, как чурбан! Зажги фонарик.

Сергей торопливо включил фонарик. Он светил на кирпичную стену, в то время как приятель тщательно исследовал все выемки и выступы на ней.

– Потайные двери делают так, чтобы их не отличить от остальной стены... – шептал Вадик. – Вчера мне показалось, что она работает на механизме... В старину во многих домах делали такие двери... Надо отыскать секретную кнопку, которая приводит в действие механизм...

Фонарик дрожал в руке Сергея. Он поминутно оглядывался назад, в сторону коридора.

– Вадик, – тихим шепотом заговорил он. – Ты заметил, какие лица были у этих рабочих?

– Идиотские, какие же еще.

– Нет, я тебя серьезно спрашиваю.

Вадик оглянулся на него удивленно.

– Я как-то не обратил внимания на их лица. Я на них и не смотрел даже.

– Вадик, у них лица были какие-то странные... Коричневые... С таким оттенком... Знаешь...

– Ну, каким?

– Как у черепа...

– Тьфу! – Вадик выругался. – Заткнись ты со своими дурными разговорами. И так тошно. Свети лучше фонариком, пока я буду искать кнопку...

– Может, пойдем отсюда? А придем в другой раз, днем, когда будет гореть свет... А, Вадик?

Вадик колебался. Ему тоже очень хотелось дать деру из этого жуткого места, где все, даже кирпичи в стене, вызывало в нем произвольную дрожь.

– Нет, – решил он. – Раз уж пришли, то давай искать. Алкаш же тот умудрился как-то открыть эту дверцу, а мы что, глупее его?

– Прошу тебя, пойдем...

– Не хнычь. Посвети левее...

Ища кнопку, Вадик методично надавливал на все кирпичи подряд.

– Еще минута, – всхлипнул Сергей, – и, если не найдем, уходим. Я точно ухожу!

– Найдем, найдем...

Но кнопка не отыскивалась. Вытирая пот со лба и отдуваясь, Вадик уселся на грязный пол спиной к стене и вытащил из кармана монету, чтобы ее видом удержать Сергея. Тот осветил ее фонариком. Монета сверкнула в луче, и Сергею показалось, что профиль на ней неумовимо изменил выражение...

– Представь, что таких монет полный сундук, – сказал Вадик, подбрасывая ее на ладони. – И мы уйдем, не добравшись до него?

Тут и он взглянул на монету. Из его горла вырвался произвольный вскрик. Выбитый на монете зверюга, казалось, ожил, скалился его рот, раздувались ноздри, в ярости сузились глаза... Это было что-то невероятное!

Вадик со сдавленным воплем отшатнулся к стене. И тут случилась еще одна неожиданная вещь. Откинувшись спиной на стену, он, видимо, нажал на ту самую кнопку, которую так долго искал. По этой или по какой другой причине часть стены быстро и бесшумно раскрылась вовнутрь, и навалившийся на нее Вадик, потеряв равновесие и выронив монету, рухнул навзничь. Половина его туловища ушла в непроницаемо-черную дыру.

Сергей замер с фонариком в руке. Луч освещал Вадиковы ноги, торчащие из темноты квадратного проема. Тьму проема слабый свет фонарика рассеять был не в силах.

Вадик из темноты издал какой-то глухой звук, видимо что-то сказал, но что – Сергей не расслышал. С нарастающим страхом он смотрел, как ноги Вадика втягиваются вслед за туловищем в темноту за дверью. У Сергея сперло в груди. Как зачаро-

ванный, он смотрел на эти медленно втягивающиеся ноги. Вадик вползал в проем как-то странно, словно его кто-то тащил туда: ноги его не шевелились. Наконец в пятне фонарного света остались только подошвы ботинок, вот пропали и они. Вадика поглотил мрак.

Сергей опомнился. Там, где только что сидел Вадик, поблескивала на полу золотая монета. Трясущейся рукой Сергей подобрал ее и засунул в карман куртки. С минуту он сидел на корточках перед черным проемом, собираясь с мыслями. В голове царил хаос, бил озноб, рука, держащая фонарик, тряслась. Сергей лихорадочно раздумывал, броситься ли назад, к лестнице, или заглянуть в эту черную дыру... Вадик потом обвинит его в трусости, в том, что он подло бросил товарища одного, но Сергей был не в силах вынести душившего его страха, он безумно боялся этого непроницаемо-черного отверстия, этих кирпичных стен, даже этого темного, сгустившегося вокруг него воздуха, в котором медленно угасал свет фонарика.

Он выпрямился, шагнул к коридору, как вдруг услышал приближающиеся оттуда шаги. При мысли о страшных рабочих грудь его словно сдавило обручем, а стены зашатались. Слепой страх толкнул его прочь от коридора, к дыре, в которой исчез Вадик. Больше всего на свете он нуждался в руке товарища. Где он там? Где?

Шаги приближались. Сергей погасил фонарик, наклонился и пролез в проем потайной двери.

Он оказался на самом верху каменной лестницы, в обширном помещении, потолок и стены которого тонули в темноте. Сергей мог рассмотреть только середину помещения, куда спускались ступени. Там реял какой-то странный, мертвенно-голубой свет. Сергей смотрел и не верил глазам. У подножия лестницы на грязном полу полулежал Вадик, со всех сторон окруженный существами, в которых Сергей тотчас узнал человеческие скелеты. Это были именно они – коричневые, окаменевшие суставы рук и ног, грудные кости, позвоночники, на которых, как на кольях, сидели черепа с пустыми глазницами и щербатыми оскаленными ртами. Сергея затрясло. Крик, готовый вырваться из его рта, заглох в горле, на глаза наплыла пелена. Ужас душил его, но он сидел, не в силах отвести глаз от страшного зрелища.

Скелеты шевелились, кости их негромко бряцали. Вадик, тихонько завывая, встал на ноги и попытался подойти к лестнице, но сидевшие на нижних ступеньках скелеты бросили в

него камни. Один угодил Вадику в подбородок, разбив в кровь губы. Вадик бросился назад, но камни встретили его и там. Он был в кольце. Скелеты швыряли камни в человека. Скоро у Вадика было разбито все лицо, проломлена голова. Он упал. Камни продолжали лететь, превращая его тело в кровавое месиво...

Сергей бросился назад, но тут дверца начала закрываться, защемив его в проеме. Сергей дергался, толкал створку, наконец вырвался в знакомое помещение подвала. Дверца за его спиной встала на свое место и исчезла, слившись с кирпичной стеной.

Сергей затравленно озирался. Кругом темень, хоть глаз коли. Куда бежать? Где выход в коридор? Он нашарил в кармане фонарик, достал его, причем едва не выронил, до того тряслись руки. Включил.

Прямо перед ним в луче света стоял скелет. На нем был старый ватник и такие же штаны. Череп тонул в лохматой ушанке. В суставах пальцев был зажат камень. Сергей дико завизжал, бросил фонарик, закрыл лицо руками и наклонился, ожидая удара камнем в голову... И в этот миг в помещении зажглась лампочка. Это было похоже на чудо! Смутная, желтая, осветившая только один угол, она придала Сергею силы. Рука скелета разогнулась, но Сергей дернулся вбок, и брошенный камень пролетел мимо, свистнув возле его уха.

Сергей бросился бежать. Он вихрем промчался мимо страшного существа. Выскочил в коридор. Кто-то из темного бокового ответвления бросил камень, который угодил Сергею между лопаток. Но это только прибавило скорости беглецу. С истошным воплем он помчался к лестнице, в несколько прыжков одолел ее, и тут свет в подвале снова погас, на этот раз окончательно. Сергей оказался в кромешной тьме. Но сейчас он знал, что налево – траншея, там открытое небо, там сторож, спасение!

Ощупывая руками стену, спотыкаясь, падая, разбивая в кровь колени и поднимаясь снова, он бежал куда-то в темноту, туда, где, по его расчетам, должна была находиться траншея. Несколько раз ему казалось, что возле него возникают какие-то бесшумные темные фигуры. Он их не видел, но чувствовал их присутствие по знобливой дрожи, которая внезапно обдавала его с ног до головы. Два или три раза в него швыряли камни; один, отрикошетив от стены, рассек ему бровь.

За очередным углом в лицо ему повеяло свежим воздухом. В холодном ветре он сразу ощутил союзника. Воздух словно

влил новые силы в его измученно, издерганное страхом тело. Темные фигуры пропали. Он все время шел навстречу ветру, и вскоре стало как будто светлее. Впереди показалось дно траншеи, большие трубы, а над траншеей – небо, хоть и темное, морозящее дождем, но все же намного светлее зловещего подвального мрака!

Из последних сил Сергей устремился туда, и вдруг увидел, как справа вырос мрачный силуэт в ватнике и ушанке. Взметнулась темная рука. Костлявые, твердые как камень пальцы обхватили его запястье. Сергей закричал, отдернул руку и рванулся вперед. Что-то хрустнуло. Страшная конечность продолжала обвивать его кисть, но уже не тянула назад. Фигура, взмахнув обрубок руки, отпрянула.

Сергей выскочил под открытое небо. Мелкий дождь освежил его разгоряченное лицо. На руке висела оторванная иссохшая человеческая кисть. С ужасом и отвращением он стряхнул ее, споткнулся обо что-то и упал на груды досок. Последнее, что ему запомнилось из событий той кошмарной ночи – это лай сторожевой собаки, бегавшей где-то наверху, у края котлована...

Лишь к вечеру следующего дня он пришел в себя. Он лежал на больничной кровати. Гудело в голове, по всему телу ныли ссадины и синяки. А еще через день, когда он окончательно поправился, к нему в палату явился милиционер. Оказалось, Вадик пропал. Родители заявили в милицию. Пришлось поведать о вечернем походе в подвал, ну и приврать кое-что, конечно. Не рассказывать же об оживших скелетах! Так недолго и в психушку угодить.

Труп нашли через неделю. К тому времени Сергей уже выписался из больницы. Вадика откопали из-под завала. Авторитетная комиссия заключила, что на него обрушился потолок.

В последний путь Вадика провожали сокурсники из ПТУ. Сергей шел за гробом мрачный и молчаливый.

– Шестой... – многозначительно шептали у свежевырытой ямы.

Сергей вспомнил о монете почему-то именно в тот момент, когда гроб опускали в могилу. Побледнев, он торопливо сунул руку в карман куртки...

Вместо монеты явился на свет какой-то глиняный черепок. Сергей его отшвырнул, словно это была ядовитая змея.

КАРЛИК ИМПЕРАТРИЦЫ

Замирая от гордости, Гинго шел за Астиальдой. Это было нечто неслыханное. Императрица пригласила его, презираемого всеми шута, в свои уединенные покои!

Астиальда была молода и ослепительно красива. Гинго она казалась самой прекрасной женщиной из всех, какие были во дворце, а было их тут немало. Муж Астиальды – император Олеарии и повелитель одиннадцати королевств, могущественный маг Гомбарум, был большим поклонником прекрасного пола. Девушек свозили к нему со всех концов империи, причем для службы при высочайшей особе отбирали самых красивых. Они служили горничными, танцовщицами, музыкантшами, певицами; многие из них были наложницами Гомбарума. Выбор имелся превеликий; при виде стольких ножек, талий, плеч и хороших мордашек впору было совсем потерять голову, но Гинго оставался верен своей госпоже.

Видеть ее приходилось ему нечасто – только на пирах или во время ее прогулок по аллеям дворцового парка. В эти минуты в Гинго словно вселялся какой-то сумасшедший бесенок. Он начинал прыгать, кувыркаться, хохотать, свистеть и кричать, подражая голосам зверей и птиц, а то вдруг набрасывался на других карликов и принимался их толкать и колотить, вызывая в толпе шутов невообразимую суматоху. Императрица замечала Гинго и милостиво улыбалась ему. Однажды, когда он ее очень рассмешил, она даже позволила поцеловать себе руку. Рука ее, унизанная перстнями, была холодна и бела, как снег. Гинго потом целый месяц ходил шатаясь, закатывал глаза и мечтал умереть у ног своей госпожи за ее единственный взгляд. О, это была бы сладкая смерть! «Астиальда, я люблю тебя...» – шептал он вечерами, отходя ко сну, и просыпался наутро с теми же словами, рисуя в воображении пленительный облик, улыбку и глаза, сверкающие, как две голубые льдинки в морозный солнечный день.

«Сегодня случится что-то необычайное», – думал Гинго, идя следом за госпожой по бесконечной анфиладе комнат, вдоль мраморных колонн и величественных статуй.

Астиальда шла чуть впереди. Карлик вдыхал ароматы ее духов и от восторга у него кружилась голова. Ему хотелось закричать что есть силы и закувыркаться, но, сознавая серьезность момента, он шел степенно, маленькими быстрыми шажками, почти не дыша.

Астиальда была чудо как хороша в облегающей белой юбке с газовыми кружевами, шелестящими по полу, и в наброшенной на плечи голубой мантии! Сочетание белоснежного и голубого удивительно шло ее неземному облику. Высокая стройная фигура молодой императрицы выражала гордость и величие. Глаза излучали блеск. За всю дорогу она ни разу не взглянула на коротышку Гинго. Лишь когда они оказались в просторной шестистенной комнате без окон, освещенной высокими свечами в золотых шандалах, она обернулась к нему. Загадочная улыбка тронула ее тонкие губы.

– Вчера я вопрошала древнюю книгу, найденную в заброшенных катакомбах Кен-Корроса, – сказала она. – Я не хотела по ее буквам, посредством магической формулы, узнать имя человека, который был бы всецело предан мне...

Она подошла к громадному фолианту в бронзовом переплете, лежавшему на специальной подставке, и коснулась его рукой.

– Я перебирала имена множества придворных, вельмож и рыцарей, которые постоянно толпятся вокруг меня и оказывают мне всевозможные знаки преданности и любви, – продолжала императрица, – но книга отклонила их все. Не нашлось среди них того, кто готов ради меня броситься в пасть к дьяволу... Отчаявшись отыскать такого человека среди вельмож, я стала перебирать имена слуг, и тут буквы сложились в имя «Гинго»...

Карлик, устроившийся у ее ног, при звуке своего имени вскочил и порывисто воскликнул:

– Да, да, моя госпожа!

– У меня нет оснований не верить оракулу, – добавила Астиальда, – я ведь тоже владею магическим искусством, хотя далеко не так сильна в нем, как мой муж, император Гомбарум...

Гинго с учащенно бьющимся сердцем отвесил императрице поклон – слишком торопливый и смешной, как, впрочем, все, что он делал. Но лицо Астиальды оставалось серьезным.

– Узнав о твоей преданности, – продолжала она ровным голосом, – я спросила о тебе чудесную поверхность этого подноса... – Тут она взяла лежавший возле книги черный овальный поднос, украшенный по ободу драгоценными камнями, и опустила на пол, чтобы карлик мог видеть его зеркально-гладкое дно. – Смотри, Гинго, сейчас ты увидишь в нем себя...

Астиальда произнесла заклинание и взмахнула рукой. Черная поверхность подноса подернулась мерцающей рябью, в

которой замелькали золотые и серебряные блески. И вдруг, словно соткавшись из этих блесков, в овале подноса проступило лицо...

Гинго встал на четвереньки, глядя в него. Минут десять он созерцал молодое, удивительно красивое, обрамленное черными вьющимися волосами лицо, которое показывала ему магическая поверхность. Вскоре в ней отражалась уже вся стройная, мускулистая фигура незнакомца.

Гинго поднял на императрицу удивленные глазки.

– Что за прекрасный юноша виден там? – спросил он.

– Это ты и есть, – сказала Астиальда.

– Я? – изумился Гинго. – Невероятно... Ты шутишь! – с воплем горечи и обиды он отпрянул от подноса, – Мне никогда не быть таким! Я смешной уродливый карлик, которого не любит никто в целом свете и у которого один удел – страдать...

Он закрыл лицо руками. Беззвучные рыдания сотрясли его тельце.

– Слушай меня, Гинго, – сказала императрица. – Поверхность волшебного подноса показывает истинную сущность вещей. Если она показала тебя таким, значит, ты такой и есть. Прекрасный юноша, настолько прекрасный, что я всю ночь любовалась на твое изображение... – Тут она сделала многозначительную паузу. Гинго отвел от лица свои маленькие ладони. – Но сегодня утром, расспросив слуг, я была весьма опечалена, узнав, что Гинго – это карлик... – добавила она.

– О ужас, мне лучше бы не родиться на свет! – Гинго вновь разрыдался.

– Я любовалась тобой всю ночь, – продолжала Астиальда. – От упоения твоей красотой у меня захватывало дыхание. Дерзкие и невероятные мысли приходили мне в голову... Мне вдруг захотелось избавить тебя от отвратительной личины маленького уродца и вернуть тебе твой истинный облик, коснуться твоих мужественных плечей, почувствовать жар твоей груди...

Карлик охнул и опустил на пол, не в силах стоять на ослабевших ногах.

– О божественная Астиальда, – прошептал он, – за один лишь час, да что там – за минуту неземного блаженства я готов отдать жизнь...

– Только за минуту? – все с той же загадочной улыбкой переспросила императрица. – Но почему бы блаженству не продлиться годы?

– Годы?...

– Даже десятки лет, если ты будешь достаточно отважен и выполнишь мое поручение.

– Что я должен сделать? – карлик на коленях подполз к Астиальде. – О, говори скорее! Ради тебя я готов броситься в пекло!

– Прежде чем обрести свой истинный облик, а вместе с ним и мое расположение, – сказала императрица, – ты должен убить Гомбарума.

– Государя? – ужаснулся Гинго. – Но ведь ты знаешь, госпожа, что это невозможно! Гомбарум – могущественнейший волшебник во всем Поднебесье, его власти покорна сама природа!.. Одним движением пальца он может вызвать страшнейшие землетрясения, бури, смерчи, наслать заразу на целые страны... Даже драконы Огненных Гор не смеют его послушаться, а что говорить о нас, простых смертных... Госпожа моя, о том, чтобы убить Гомбарума, не то что сказать – даже помыслить нельзя... Император всесилен, он умеет читать мысли людей. Вспомни, сколько отважных и мудрых пало лишь за то, что они плохо подумали о владыке. Боюсь, что теперь и мне не сносить головы. Я не смогу удержаться, чтобы не вспомнить эту нашу встречу, и мысли мои неминуемо дойдут до императора. Колдун прочтет их, и я погибну мучительной смертью. Возможно, это случится уже нынче вечером... Я погиб. Горе мне... Горе...

– Да, мой верный Гинго. Поэтому мы должны действовать немедленно. Сейчас император спит. Час назад он вернулся с большой охоты в Гарпагонных горах, собственноручно накормил собак и удалился в Запретную Башню.

– Но, государыня, в эту Башню никто не может войти, ни одна живая душа... – еле слышно прошептал карлик и оглянувшись в испуге, словно могущественный Гомбарум мог его услышать. – Даже для тебя, со всем твоим колдовством, нет входа туда... А проснувшись, Гомбарум тотчас узнает про наш разговор! Для него нет тайн!

– Я рискую не меньше тебя, – возразила Астиальда, устремив на карлика пронзительный взор.

– Ты хочешь сказать, о госпожа, что Гомбарум... может убить и тебя?...

– Да, Гинго. И я со всей своей магией буду бессильна.

– Как? У него поднимется рука на тебя, прекраснейшую из женщин?

– Я уже не прекраснейшая. По крайней мере – для Гомбарума, – резко ответила Астиальда и добавила помолчав: – У меня появилась соперница, которой, похоже, улыбается удача...

– Ты имеешь ввиду Эройю, это тонконогую танцовщицу?

– Да.

– Невероятно! Предпочесть тебе, богине, какую-то замарашку...

– Эройя понимает толк в ворожбе, в этом все дело. Она уже второй месяц, будучи императорской наложницей, влияет на Гомбарума, она окутывает его сетями своего колдовства, а я ничего не могу ей противопоставить... Эройя задумала избавиться от меня руками самого Гомбарума и занять мое место. Гомбарум поддался ее чарам. Из магической книги Кен-Корроса я узнала, что Эройя в самое ближайшее время потребует у Гомбарума моей головы. И император выполнит ее желание. Возможно, это произойдет уже завтра, сразу после того, как он проснется и встретится с этой чертовкой в Павлиньем зале... Развязка близится, и это вынудило меня гадать по буквам магической книги, вычитывая в ней имя верного мне человека... Гинго, знай, что сама судьба определила нам либо погибнуть вместе, либо вместе торжествовать победу и насладиться годами счастья!

– Я сделаю все, что ты прикажешь! – воскликнул Гинго. Он выпрямился, весь затрепетав, глаза его заблестели. – Если надо убить Гомбарума – я убью его, не задумываясь. Но, государыня, что могу сделать я, ничтожный карлик, против властителя мира, обладающего неизмеримым колдовским могуществом? Он испепелит меня одним взглядом, я превращусь в головешку, в сухой лист, в плесень на стене, и память обо мне в тот же миг вытравится из мыслей всех, кто окружил меня в этом мире... О, владычица! – из глаз Гинго брызнули слезы. – Не мне бороться с всемогущим колдуном!...

Он упал на колени и разразился горестными воплями. Императрица поглядела на него ледяным взором.

– Убить его можно во время сна, – молвила она.

– Но прежде нужно проникнуть в запретную Башню! – отозвался карлик. – Гомбарум окружил ее невидимой стеной, которую, как я слышал, не в силах разрушить никакие заклинания... Или, может, ты нашла способ?...

– Я спрашивала об этом у моих книг, – сказала Астиальда, покачивая головой. – Нет, одолеть невидимую стену невозмож-

но. Покуда Гомбарум жив, она будет надежней всякой охраны защищать его сон.

– Но если нельзя добраться до спящего колдуна, зачем ты тогда призвала меня к себе? Значит, все-таки есть способ проникнуть в Башню?

На губах Астиальды заиграла улыбка.

– Ты догадлив, мой милый Гинго. Вспомни, кто, кроме Гомбарума, может беспрепятственно появляться в его опочивальне?

Карлик задумался, пожал плечами, потом вдруг хлопнул себя ладошкой по лбу.

– Собаки! – воскликнул он. – Охотничьи собаки императора! Они бродят по всему дворцу и никто из придворных пальцем не смеет тронуть их. Гомбарум кормит их из своих рук. Даже во время сна он не расстается с ними... Для собак не существует невидимой преграды, окружающей Башню!..

– И мы воспользуемся этим, чтобы добраться до колдуна, – добавила Астиальда.

– Я все-таки не пойму... – на лбу озадаченного Гинго прорезалась морщина. – Мне, что ли, нужно затянуться в собачью шкуру?

– Нет, Гинго, это не поможет. Чтобы проникнуть в Запретную Башню, ты должен стать одной из охотничьих собак Гомбарума. Стать собакой, – повторила она. – Превратиться в нее.

Услышав это, Гинго непроизвольно втянул голову в плечи и с затаенным ужасом посмотрел на Астиальду.

– И ты сможешь сделать это?.. – пролепетал он.

– Недаром я занимаюсь магией вот уже третий год, – усмехнулась императрица. – Кое на что и я способна... Подойди сюда, – сделав Гинго знак, она приблизилась к низкому столику у стены, на котором что-то лежало, покрытое черным шелком.

Гинго, робея, шагнул за ней. Астиальда отдернула покрывало, и Гинго вскрикнул, увидев труп одной из любимых собак императора. Из раскрытой пасти вываливался язык, рядом на столике темнели запекшиеся пятна крови.

– Гинго, сейчас ты перейдешь в ее тело и помчишься в Запретную Башню, – повелительным тоном произнесла Астиальда. – Но перед этим я должна тебе сказать еще кое-что. В теле собаки ты пробудешь очень недолго – минут двадцать. Может быть, даже меньше, это уже не от меня зависит... За это время ты должен пробежать по коридорам дворца и проникнуть в Башню. Стена тебя не остановит. По винтовой лестнице ты

поднимешься в опочивальню императора... Ну, а там... Мне остается надеяться на твое проворство и остроу собачьих клыков!

– Убить Гомбарума... – прошептал потрясённый Гинго, словно только сейчас до него дошли весь ужас и невероятная тяжесть возложенной на него задачи. – Это невозможно, невозможно!.. – он в страхе отшатнулся. Но тут взгляд его упал на волшебный поднос, где еще не растаяло изображение прекрасного юноши... И ручки Гинго сжались в кулаки. С мучительным стоном, перебарывая страх, он обернулся к императрице. – Я убью его... – процедил он, и вновь сомнение овладело им: – Нет, государыня, это невозможно! – почти выкрикнул он со слезами. – Императора ничто не может убить! Он бессмертен! Огненные драконы обрушили на него скалы, все его войско погибло под обвалом, а император остался жив! Каменный рыцарь, порождение чародеев далекой страны Зуаммад, которого никакая сила не могла сокрушить на пути к имперской столице, у всех на глазах разрубил Гомбарума пополам и сам погиб в тот же миг, а две разрубленные половины срослись и император хохотал, видя страх и удивление окружающих! А теперь подумай, что могут сделать собачьи клыки, если с ним не справились даже гигантские драконы и каменный рыцарь!..

– Взгляни сюда, мой верный Гинго, – спокойно ответила императрица и провела рукой над волшебным подносом.

Вихрь блесков снова пронесся по черной глади. Вглядываясь в мерцающую пелену, Гинго вдруг увидел императора, раскинувшегося на широком ложе. Гомбарум спал прямо в одежде, не сняв после охоты запачканных грязью и кровью сапог. Его правая рука свешивалась с кровати и почти касалась пола. Вокруг кровати лежали или бродили коротконогие псы со свирепыми клыкастыми мордами; многие из них глодали разбросанные повсюду кости.

Вглядываясь в изображение, Гинго заметил в запястье свешивавшейся руки какую-то светящуюся точку. Поначалу он решил, что это блестит один из бриллиантов браслета, надетого на руку волшебника, но через минуту понял, что свечение исходит из самой руки.

– Чудесная поверхность подноса показывает то, что не дано видеть простому смертному, – сказала Астиальда. – В запястье императора хранится Зуб Саламандры – светящийся камень величиной с фасоль. В нем заключены бессмертие и невероятная волшебная сила Гомбарума. Много веков назад Гомбарум,

тогда еще начинающий чернокнижник, благодаря своей природной хитрости, а скорее всего – случайному стечению обстоятельств, завладел этим камнем, принадлежавшим великому чародею Икльтмесу. О деяниях этого древнего мага и поныне рассказывают легенды, леденящие кровь. Одним лишь Повелителям Тьмы известно, сколько тысячелетий жил Икльтмес в нашем мире, распоряжаясь судьбами миллионов людей и не зная себе равных в колдовстве. И источником силы его был этот камень – Зуб Саламандры, который он вынес из Запредельных Глубин, населенных страшными демонами и кровожадными чудовищами, выдыхающими огонь. Сам же Икльтмес узнал о его существовании от всеведущих мудрецов Кен-Корроса – страны, погибшей десять тысяч лет назад, от которой остались лишь навевающие ужас подземные святилища... Икльтмес умер, потеряв камень. Бессмертие и сила его перешли к Гомбаруму. В камне – смерть и вечная жизнь его обладателя, колдовское могущество и власть над миром! Смотри внимательно, Гинго... Сейчас император спит. Тебе придется действовать очень быстро. Клыкам такого сильного пса, – она перевела взгляд на труп собаки, – ничего не стоит в один миг прокусить запястье на правой руке и добраться до Зуба Саламандры. Лишившись его, Гомбарум умрет в считанные минуты.

– Я понял, госпожа, – весь вид Гинго выражал решимость. – Превращай поскорее меня в собаку и я расправлюсь с колдуном.

– Помни, что Гомбарум не погибнет сразу, у него еще останется несколько минут, и он попытается отобрать у тебя камень. Но это будет уже не прежний могущественный Гомбарум, а слабеющий, теряющий рассудок старик. Возможно, у него еще хватит колдовской силы, чтобы лишить тебя подвижности... Тебе нужно будет продержаться эти страшные минуты, продержаться во что бы то ни стало, пока он не издохнет окончательно. Лучше всего, если ты проглотишь камень в тот же миг, как он попадет к тебе в пасть.

– Будь покойна, госпожа, я не растеряюсь.

– Главное – не отдавай ему камень! – почти выкрикнула Астиальда. – Без него колдовская сила императора будет слабеть с каждой секундой! И невидимая стена вокруг Башни будет таять и рассасываться. Мне, вероятно, в последний момент удастся проникнуть сквозь нее и прийти тебе на помощь... Но все же полагаться тебе придется только на самого себя. Помни о награде, которая тебя ожидает.

Она протянула Гинго руку. Карлик сжал ее в своих горячих ладошках и покрыл жаркими поцелуями. На миг у него закружилась голова. Он готов был бессчетно перецеловать каждый бугорок, каждую впадинку на тыльной и внутренней стороне руки его богини, но она мягко отняла руку и велела ему опуститься на пол.

Гинго скорчился, поджал под себя ноги и руки, закрыл глаза и весь напрягся. По телу его прокатилась сильная дрожь, когда Астиальда положила ему на голову свою ледяную ладонь. Вдруг страшная боль пронзила затылок Гинго, словно туда воткнули раскаленную иглу.

И уже через минуту, хрипло дыша и высунув из ощерившегося рта язык, он опрומетью несся по мраморным коридорам огромного императорского дворца, сбивая с ног лакеев и пугая до обморока придворных дам. На четырех коротких сильных лапах он взбегал по лестницам, всей тушей с разгону налетал на двери и высаживал их, врезался в толпы разряженных сановников, слыша их проклятия и вопли ужаса. Во дворце привыкли к бесчинствам императорских собак. Гинго мог безнаказанно вцепиться зубами в жирный зад какого-нибудь кавалера или дамы, которые еще сегодня утром потешались над бедным карликом и осыпали его тумаками. С каким наслаждением он прогрыз бы до крови несколько обтянутых в шелк лодыжек и униженных перстнями рук, с каким диким восторгом впился бы клыками кое-кому в горло! Но времени у него не было, каждая секунда была на вес золота.

Промчавшись галереей и кубарем скатившись по двум необъятным лестничным маршам, он выскочил во внутренний двор и побежал вдоль стены. Кроме нескольких стражников в клювастых шлемах здесь никого не было; они лениво оглянулись на спятившего пса и продолжали свою бесконечную игру в кости.

Обогнув угол дворца, Гинго увидел черную приземистую башню. Возле нее не было ни души. Запретная Башня не нуждалась в охране. Все знали о невидимой стене, воздвигнутой императором для защиты своего сна, и боялись не то что приблизиться к ней, но даже взглянуть в ее сторону. О взгляде на Башню мог узнать всеведущий колдун, и неизвестно было, как он истолкует взгляд!

Тут Гинго помчался еще быстрее. Черная громада надвигалась стремительно; где-то здесь, в десятке метрах от Башни, проходила колдовская стена, но Гинго не замедлил бега, только

зажмурился и наклонил голову, словно ожидая удара о непроницаемую воздушную преграду...

Стена пропустила его, и обрадованный Гинго зарычал от радости и нетерпения. Ворвавшись в распахнутые двери, он бросился вверх по лестнице. На ступеньках дремали или бродили охотничьи псы Гомбарума. При приближении Гинго они вскакивали и провожали его недовольным лаем. Иные из них бросались за ним, но вскоре прекращали погоню.

Одолев последний лестничный марш, Гинго оказался в просторном круглом зале без окон, стены и потолок которого образовывали одну громадную полусферу. Она была вся обита черным бархатом и увешана крупными рубинами, которые излучали неяркий багровый свет. В зале царил полумрак. Однако Гинго еще с лестницы рассмотрел посреди зала просторное ложе с лежащим на нем мощным широкоплечим Гомбарумом. Император спал в той же позе, какую четверть часа назад показывало дно волшебного подноса. Он сопел, красные, измазанные жиром губы его вздрагивали во сне, правая рука свешивалась до пола. Только Зуб Саламандры не просвечивал сквозь кожу на запястье, но Гинго этого и не требовалось: он знал, что чудесный камень – там.

Возле кровати развалились любимые охотничьи псы Гомбарума. Они оскалили зубы на Гинго, но, видимо, приняли его за своего, потому что ни одна из этих тварей не стронулась с места. Собаки глодали кости, дремали или гонялись друг за другом.

Гинго в несколько прыжков подскочил к свешивающейся руке и клыки его с размаху впились в запястье, обвитое ниткой жемчуга и украшенное золотым браслетом с бриллиантами. Жемчужины хрустнули под его клыками, золото смялось и один зуб Гинго с треском обломился, но все же собачья пасть прогрызла руку. Раздались пронзительные вопли и проклятия проснувшегося Гомбарума, но дело к этому моменту уже было сделано: кровавый клоч императорского запястья вместе с кожей, сухожилиями, обломками костей и осколками жемчуга попали Гинго в пасть. Там же находился и заветный камень!

Стремительно отскочив от взревевшего чародея, Гинго, запрокинув морду, отправил все проглоченное в желудок. В таком виде его и застигло онемение. Сделать собаку неподвижной – это все, на что был способен Гомбарум, лишившийся вместе с камнем почти всей своей волшебной силы. Правая ладонь его помертвела, она болталась на одном сухожилии. Из

обрубка густо сочилась кровь. Гомбарум некоторое время ревел и корчился, сжимая здоровой рукой изуродованную конечность. От адской боли его большое зверообразное лицо побагровело, топорщилась грива черных волос, судорожно открывался рот. Наконец Гомбарум опомнился, налитыми кровью глазами посмотрел на Гинго, который неподвижно стоял с запрокинутой пастью в двух метрах от кровати.

Собаки, почуяв кровь, подбежали к Гомбаруму и принялись лизать красные пятна на полу. Стеная, император спустил ноги на пол и, пинками отгоняя назойливых псов, приблизился к Гинго. Сила Гомбарума иссякала с каждым мгновением. Колдун понимал, что если в ближайшие две-три минуты он не вернет себе волшебный камень, то он станет простым смертным, а это означало гибель. Здоровой рукой он взял Гинго-собаку за загривок и швырнул на кровать.

– Отдай камень, проклятый оборотень, – прошипел сквозь зубы император, наклоняясь над ним, – или я убью тебя... Разожми зубы и выплюни его, и тогда я сохраню тебе жизнь...

Он попытался просунуть лезвие кинжала между зубов Гинго, но делать это одной рукой ему было неудобно, к тому же онемение, охватившее Гинго, начало понемногу ослабевать. Гинго уже мог слегка шевелить лапами, дергаться туловищем и мотать головой, а у Гомбарума не хватало колдовской силы, чтобы удерживать его в неподвижности.

Император злобно выругался. Без камня он не мог читать мыслей, он не в состоянии был проникнуть в тайну этого неизвестно откуда появившегося пса и узнать, кто его подослал. А в том, что собака подослана, и что, скорее всего, это и не собака вовсе, а оборотень, Гомбарум почти не сомневался. Но дознаваться он будет после, а сейчас главное – это вернуть Зуб Саламандры. Только с чудесным камнем он станет прежним Гомбарумом, великим и всемогущим, и неведомые заговорщики не избегнут жестокой кары.

Он полоснул кинжалом по собачьей шее и животу. Брызнула кровь. Гинго извивался от резкой боли, но зубов не разжимал. Гомбарум, заметив это, тотчас решил, что камень у собаки во рту. И он принялся бить тяжелой рукояткой кинжала по собачьей морде. Трещали выбиваемые зубы, Гинго захлебывался в собственной крови, пытался уползти, однако Гомбарум удачами кулака возвращал его на середину забрызганной кровью кровати и продолжал бить по зубам.

Вскоре все клыки Гинго были выбиты. Перед глазами слабеего императора плыли круги, кровать вместе с собакой ходила ходуном, его рука, пытаясь проникнуть в собачье горло, несколько раз промахивалась, наконец она всунулась в окровавленную глотку и принялась лихорадочно шарить в ней, стараясь нащупать камень. Но тот успел уйти глубоко в пищевод. Заревев в бессильной злобе, император вновь потянулся к кинжалу, намереваясь распороть брюхо проклятой твари, как вдруг простертая перед ним собака судорожно изогнулась и лапы ее сделались маленькими человеческими ручками, а вслед за ними преобразилось и все тело. Перед изумленным Гомбарумом лежал один из императрицыных шутов – уродливый карлик со сморщенной рожей!

Время, отведенное Гинго для пребывания в облике собаки, истекло, он снова стал самим собой. Но раны, которые Гомбарум нанес животному, перешли на тело карлика. Гинго весь был страшно исполосован ножевыми ударами, зубы были выбиты, из горла хлестала кровь.

Увидев его, император даже привстал, пораженный внезапной догадкой.

– Астиальда! – взревел он, в ярости взмахнув здоровой рукой. – Когда я верну камень, я убью эту мерзкую колдунью! Задущу ее своими руками!..

– Нет, Гомбарум, – раздался негромкий голос за его спиной. – Тебе уже не удастся это сделать. Твоя волшебная сила изошла из тебя, и невидимая стена, окружающая Запретную Башню, исчезла. Ты видишь, я смогла войти в твое неприступное логово.

В смертельном ужасе Гомбарум оглянулся. Перед ним стояла Астиальда, непроницаемо-холодная, в облегающем белом платье и голубой мантии, скрепленной золотой фибулой на правом плече. Глаза императрицы надменно сверкали при свете рубиновых камней, озаряющих зал.

– Ты все-таки добралась до меня... – просипел Гомбарум и, пошатываясь, сделал по направлению к ней неверный шаг. Все качалось перед его глазами, плыли круги, в голове усиливался шум. Лицо его залила смертельная бледность. – Зря я не послушал Эройю и не убил тебя вчера...

Теряя силы, он сделал к ней еще шаг, другой, его здоровая рука поднялась и, дрожа, потянулась к ее горлу. Усмешка скривила тонкие губы Астиальды. В ее руке возник хрустальный флакон. Она плеснула содержимым флакона на грудь и лицо

Гомбарума, и тот, взревев, покрылся черными, с каждым мгновением увеличивающимися пятнами, которые стремительно разъедали кожу, мясо и кости императора. Перед Астиальдой был уже не колдун, а простой смертный, корчащийся в агонии, бессильный даже против ее слабых чар.

Гомбарум зашатался и рухнул к ногам императрицы. Ядовитая жидкость довершала то, что начал Гинго в образе собаки. Спустя несколько мгновений тело Гомбарума представляло собой груды обугленных, кровоточащих комков мяса и костей, на которую с жадностью набросились псы.

Астиальда брезгливо обошла их грызущуюся свору и приблизилась к ложу. Гинго, тихонько постанывая, лежал неподвижно. Глаза его, в которых отражалась попеременно боль, ужас, восхищение и немая мольба, не отрывались от лица Астиальды. Он пытался что-то сказать, разбитые губы его шевелились, стараясь сложиться в улыбку, грудь судорожно вздымалась.

В горле у карлика захрипело, забулькало, когда он попытался приподнять голову навстречу подошедшей госпоже.

– Лежи спокойно, мой верный Гинго, – ласково произнесла императрица и сделала над ним легкое движение рукой. – Я знаю, что ты хочешь сказать мне. Ты сделал все, что было в твоих силах, и даже то, на что я не смела надеяться: ты вырвал из запястья Гомбарума колдовской камень и успел проглотить его прежде, чем он заставил тебя окаменеть. Гомбарум мертв. Ты вправе ждать от меня награды. Помнишь прекрасного юношу, которого показал тебе волшебный поднос? Сейчас ты станешь им и на твоём теле не будет ни единой царапины... И я здесь же, на этом ложе, вознагражу тебя за твою службу... Награда будет неслышанно, по-императорски щедрой, мой верный, милый, прекрасный Гинго...

Говоря это, она расстегнула фибулу и мантия упала к ее ногам. Гинго лежал, не смея пошевелиться. То, что он видел, казалось ему сном. Императрица отвела от своей груди легкую ткань и оголила плечо; затем обнажилась грудь, украшенная несколькими нитками драгоценных бус; мягко зашуршав, упало платье, оставив на белом, как снег, теле лишь тонкий набедренный пояс, усыпанный алмазами и изумрудами. У карлика захватило дыхание. Перед ним стояла нагая богиня, ослеплявшая блеском своей красоты!

Улыбаясь все той же отрешенно-надменной улыбкой, какой она встретила взгляд Гомбарума, императрица приблизилась к

залитому кровью ложу, присела на его край и наклонилась над Гинго.

– Гинго, мой верный Гинго... – шептала она, все ниже склоняясь над карликом.

Аромат ее духов кружил ему голову, а когда свесившийся сосок Астиальды как бы невзначай коснулся его лица, он едва не потерял рассудок. Из горла его доносился хрип, потом из полуоткрытого рта вместе с тоненькой стружкой крови вырвалось бессвязное восторженное восклицание.

– Потерпи еще немного... – прошептала Астиальда, бело-снежной змеей изогнувшись над маленьким окровавленным тельцем.

Ее прекрасное лицо приблизилось к изуродованному лицу Гинго, кончики ее груди коснулись израненного тела и испачкались кровью. Астиальда приоткрыла рот, в знойном призыве выставила язычок, однако губ Гинго не коснулась.

– Сейчас ты станешь стройным, сильным, высоким юношей, каким ты должен был быть от рождения, если бы не злые чары, напущенные на твою мать, носившую тебя в своей утробе... Минуту, Гинго, потерпи еще одну минуту, и ты преобразишься... Я обниму твои широкие плечи и стройный стан... Ты будешь моим... Моим навсегда... – В руках Астиальды появился футляр из черного дерева, обитый по уголкам золотом. – Здесь находится волшебный предмет, который развеет чары и вернет тебе твой истинный облик... И ты тут же, на этом ложе, упиешься ласками, которые не снились смертному... Ты узнаешь, как я способна любить, о мой прекрасный, обожаемый Гинго... Приготовься. Еще полминуты – и раны исчезнут, уйдет боль, тело твое преобразится...

Сладострастно полузакрыв глаза, она выдохнула и провела холодным пальчиком по вздрагивающей от боли, изрезанной груди Гинго. Конец пальца окрасился кровью. Астиальда, не сводя с Гинго затуманенного взгляда, поднесла этот палец ко рту и слизнула кровь.

– Закрой глаза, чтобы мне удобнее было сотворить колдовство...

Гинго зажмурился.

– Ты прекраснейший из смертных, Гинго, и только ты один достоин моей любви... Приготовься... Крепче закрой глаза... Это произойдет мгновенно...

И тут вдруг зрачки Астиальды хищно сверкнули, она стремительно раскрыла футляр, схватила лежавший в нем нож и

одним быстрым и сильным ударом вонзила его в тело карлика пониже горла. Затем резкими рывками она вспорола маленькое тельце от шеи до мошонки. Карлик судорожно задергался, кровь потоком хлынула из страшной раны.

Он был еще жив и сердце его трепыхалось, обнажившееся в проломленной грудной клетке, когда Астиальда, погрузив руки в его внутренности, лихорадочно шарила среди кишок, мышц и мяса, отыскивая проглоченный камень. На поиски ушло не больше минуты. Цепко сжав камень в окровавленном кулаке, она брезгливо оттолкнула изуродованное тельце.

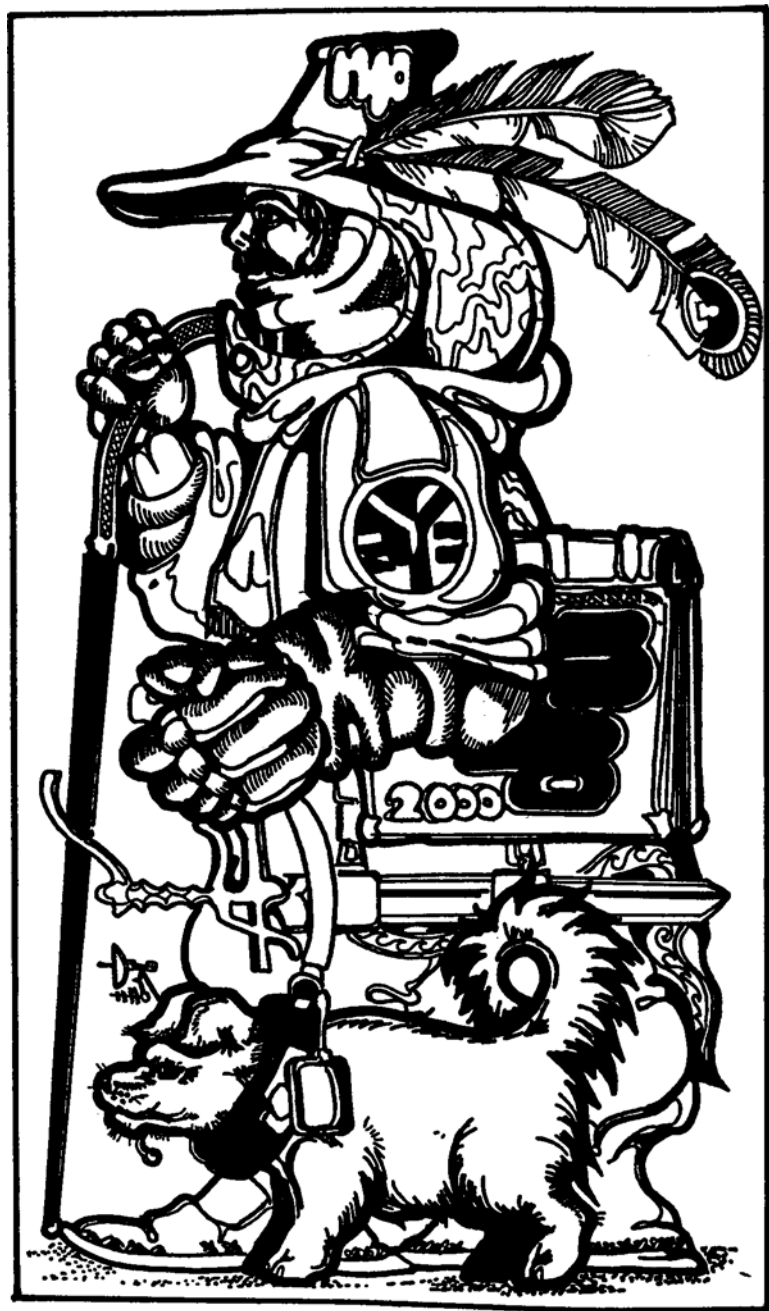
Сквозь кровавую пелену, из последних сил стараясь удержать затухающее сознание, Гинго видел, как она радостно выпрямилась.

– Зуб Саламандры! – воскликнула она, держа камень в вытянутой руке, по которой алым струйками стекала кровь. Голос ее гулким эхом прокатился под сводами сферического зала. – Камень Запредельных Бездн! Он даст мне бессмертие, вечную молодость и колдовскую силу, перед которой ничто не сможет устоять в Поднебесье. Я не повторю ошибки Икльтмеса и Гомбарума, никто не отберет его у меня. Отныне я — повелительница Олеарии и одиннадцати королевств! Я всеильна! О, сладость грубой любви обнаженных тел, сладость казней и пыток, оргий и кровавых забав!.. – Она захохотала. – Бессмертие позволит мне тысячелетия упиваться вами!..

И, забыв об умирающем карлике, останках Гомбарума и грызущихся собаках, она направилась к лестнице. В высоко поднятой руке ее пульсировал золотым блеском колдовской камень.

Гинго силился приподнять голову, чтобы в последний раз взглянуть на ее удаляющуюся фигуру, стройную и высокую, ослепительно прекрасную в своей наготе, похожую на богиню, изваянную из мрамора знаменитым скульптором. Улыбка тронула губы умирающего. Адская боль терзала его тело, на глаза наплывал мрак, но Гинго улыбался. Сбылась его мечта! Он умер за императрицу, и в последние свои минуты видел такое, за что он тысячу раз готов был принять смерть!

Она ушла, а в его угасающем сознании еще несколько долгих мгновений стояло видение ее белоснежной груди. Одна из пурпурных виноградин была так низко, что едва не касалась его лица...

Дм. Несов

КОСТЕР ПРОЩАЛЬНЫЙ

I

В высоком гулком зале пел орган. Многотрубный гигант полголоса заполнял звуками все пространство. Худощавый человек в очках, казалось, сдерживал его, успокаивал, чтобы не вырвалась наружу вся его первозданная мощь, и могучая космическая стихия не затопила и не поглотила бы все вокруг.

Голос певицы то поднимался над густыми неторопливыми волнами, то погружался в них: – A-ve Ma-ri-a... – Словно одинокий ручей серебрился в лучах солнца, обтекая каменные глыбы, заросшие темно-зеленым и бурым мхом.

Елена Васильевна не пела, а молилась – молилась не библейской девственнице, а чему-то светлому и несказанному, что грядет и все вокруг изменит. Голос ее едва струился на грани срыва. Звук сверкал и дробился крупными каплями горного потока, – Jung frau mild, er-ho-re ei-ner...

Алексей уже не различал голоса певицы в этом наваждении звуков, будто возникавших в нем самом, а не там, на сцене. Он весь в них растворился и был момент, когда связь с реальным миром почти потерялась. Но вот погасли последние аккорды, и из этого удивительного состояния его вывел рев зрительного зала.

На улице еще было светло. Сверкали лужи после дождя. Бежали автомобили, суетились пешеходы. Это был совсем другой мир.

Вот уже почти месяц он живет в этой стране. Ее лихорадит. Третий год кипят страсти, с трибун не сходят краснобаи-политики. У них это называется «перестройка». Если бы знать, чем это все кончится и что будет завтра. Завтра... вот надо хлопотать о продлении визы. А почему надо? Странно, но объяснить этого он себе не мог. Что он здесь нашел? До приезда, пусть не очень сильное, но у него было желание, было что-то впереди. Теперь он здесь, желание исполнилось, а что же впереди? И все-таки визу он продлит.

Все стены его гостиничного номера увешаны работами «еще не известных миру» художников. Эти картины и картинки он покупал не только в художественных салонах, но и в Измайлове и на пешеходном Арбате. Иногда он от скуки разглядывал их, даже перевешивал с места на место, словно стараясь найти что-то. Вот его портрет, написанный уличным художником у колонн вахтанговского театра. Портрет льстил ему, и даже неискушенный ценитель живописи мог понять, что автор не был профессионалом в точном смысле этого слова, но он все же подсознательно уловил во взгляде вопрос, тяжелый как камень и неотвязный как тень.

Ужинать в ресторан Алексей не пошел, заказал в номер немного холодной телятины, кефир и овсяное печенье. Чай он всегда готовил сам и повсюду возил с собой толстощекий фарфоровый чайник, две небольшие пиалы, кипятивник, черный и зеленый, иногда еще и желтый чай, сушеную мяту. Обряд чаепития он, как эстафету, принял от своего деда Егора и старался ежедневно выкроить на это время. И теперь Алексей неторопливо наливал понемногу в пиалку чай и смотрел в темное вечернее небо с едва заметными огоньками звезд. Раздумья... с годами они становились все тяжелее. Детство и отрочество светились из глубины прожитого, как один долгий солнечный воскресный день. Совсем еще юная, самая красивая и самая добрая на свете мама. Большой сильный отец, он может все понять и объяснить – с ним так все просто и легко. Добродушный, всегда заряженный на шутку, дед Егор – мамин отец. Брат Андрей... Их уже никого нет. И, как почти всегда в такие минуты, сами собой поднимались в памяти и зазвучали строчки из той самой тетради брата. Алексей столько раз вчитывался в них, пытаюсь понять случившееся, что скоро выучил наизусть эти несколько десятков стихотворений, и они жили в нем и помогали жить ему, особенно выручая, когда он оставался наедине с самим собой.

Некоторые из них, как и эти десять строчек, никак не вязались с жизнью брата, его судьбой:

«Еще так недавно
Все было и просто и ясно.
Еще так недавно
Светило мне солнце на небе атласном,
Не правда ль, забавно?
А нынче смотрю — непогода, метели
Стучат в мои ставни,
И пусто и холодно ночью в постели.
Не правда ль, забавно?»

Андрей был счастлив в семье, и появление таких стихов было непонятным. Может быть он угадывал душевное состояние его, Алексея?

Алексей вспомнил прямой, немигающий взгляд жены Андрея – Жаклин, когда она, вцепившись в его руки выше локтей, молила и требовала: – Ну скажи, ведь это же не самоубийство, ведь правда? Он же ничего не сказал, не написал! Ну скажи, почему эта газетная... Алексис, скажи, как это могло случиться?

Что он мог ей сказать?! Разумеется, он не скажет ей не только о последней странице тетради, но и о самой тетради, которая пришла Алексею по почте уже после всего случившегося.

А в тетради на последней странице было написано следующее: «Алеша, родной, прости меня. Я очень виноват перед вами всеми... Прости, что не могу ничего объяснить – так лучше. Стихи в эту тетрадь я писал только для себя, делай с ними все, что сочтешь нужным.

Прости, родной, прости.»

И далее были его последние стихи.

«Настанет час Весенней звездной ночью
Луна взойдет над скопищем домов,
Проснется мрак и огоньки затопчет
И растечется ручейками снов.
Я пролечу над спящими полями,
И тихий свет рассыплется на миг...
Ты помяни меня глотком молчанья,
Цветком раздумья светлым помяни.»

Андрей Иванович Ижеславский около одиннадцати часов ночи 28 марта 1985 года разогнал свой пежо, выскочил на набережную

режную, пересек полосу встречного движения и, разрушив парапет, рухнул в Сену.

II

Жаклин Борси все делала сама. Она сама нашла Андрея и сама устроила свое второе замужество. Умная женщина, очень многое умевшая видеть в людях и потому многое им прощавшая, не могла простить своему первому мужу неуклонной убыли состояния, оставленного ей отцом. Говорили, что супруг также не был сильно огорчен, когда ему показали на дверь, и быстро укатил куда-то со своей подружкой, оставив энергичной жене крошку Мишель.

Андрей был совсем другим человеком. Он жил в своем, замкнутом от окружающих, непонятном для них мире, добывая на хлеб переводами русской литературы на французский язык и уроками английского и немецкого языков. Охотники изучать русский язык не попадались, а испанский и итальянский он знал, как ему казалось, недостаточно хорошо, чтобы учить других.

Жаклин остановила свой выбор на интересном молодом учителе своей дочурки, полагая, что салон «Все для женщин» княгини Ижеславской звучит привлекательнее, чем салон мадам Борси и что, если большой прибыли ее делу от нового мужа может и не быть, то и убытки не предвидятся. Так она, считая себя деловой женщиной, объясняла свое решение себе и знакомым, но дело было не только и даже не столько в этом. При первой же их встрече, ее поразило, как широкие плечи и большие спокойные руки физически сильного человека сочетаются во внешности Андре с крупной высоколобой головой мыслителя. Все, что он делал и говорил, было просто и естественно, как поток воды и шум леса. Через пару недель она, хотя и не призналась бы в этом, вряд ли могла представить себе, что настанет такое время, когда мсье Андре не придет на очередной урок. И когда учитель простудился и прихворнул, она в тот же день отправилась его навестить.

Андрея брак избавлял от необходимости делать не то, что хотелось бы, а то, что вынуждают обстоятельства, защищал от издателей и редакторов, всегда точно и лучше других знающих? что, каким образом и сколько. Теперь он мог отдаваться любому делу полностью. Он много работал и два своих труда – монографию о Лермонтове и «Что Рерих искал в Гималаях»

опубликовал под псевдонимом Андре Ижель. В монографии многие из стихотворений Лермонтова впервые появились на французском языке. Но тираж книг был таким, что это не принесло автору ни больших денег, ни известности, за исключением, может быть, узкого круга специалистов.

Брак оказался удачным. За многие годы размолвка, и очень короткая, возникла между ними только один раз, когда Андре неожиданно объявил, что Алексею нужна помощь, что им куплен большой старинный дом на бульваре Османн, что для перестройки его интерьера не хватает пустяковой суммы (это полуторагодовой доход ее салона – пустяковая сумма!) и что они обязаны (как вам нравится это – «обязаны»!) помочь ему. Больше всего она была поражена тем, что к концу этого короткого разговора Андре стал таким, каким она его еще не знала. После каких-то слов Жаклин о том, что она не собирается выбрасывать деньги на ветер, что домовладение это совсем не бензоколонки, в которых его братец также не бог весть как преуспел, Андре встал и сухим незнакомым голосом очень тихо сказал: – Я понимаю, что это неожиданно и поэтому вызвало такую реакцию, но время подумать у тебя есть – деньги нужны только (!) послезавтра.

Он сделал несколько шагов к двери, потом на мгновение стал прежним Андре, вернулся и поцеловал Жаклин в шею. Когда он ушел, Жаклин вдруг разрыдалась, потом улыбнулась, улыбка становилась все светлее и ярче. Она только теперь вдруг так ясно поняла, как любит этого человека, что отдаст ему эту сумму и любую другую и вообще все, что он захочет. Она торопливо вытерла растекшуюся с ресниц по щекам краску и тотчас поднялась в кабинет к мужу. Он сидел за письменным столом и изо всех сил делал вид страшно занятого человека. Она обняла его сзади и в самое ухо прошептала: – Я уже успела подумать. Пусть будет так, как ты хочешь.

Он повернулся так, что массивное кресло крякнуло под ним, посадил Жаклин на колени, целовал еще влажные глаза, губы, шею, грудь, потом поднял ее и понес... легко как ребенка.

Салон Жаклин процветал. Открылись филиалы в Нанте, Лионе и в Швейцарии – в Берне. Неожиданно пришла удача и к Андрею. Из далекой земли прашуров – России пришло письмо от издательства «Наука», в котором господину Ижелю предлагалось издать на русском языке его монографию о Лермонтове. Андрей ответил мгновенно, как будто только этого предложения и ждал. Единственным условием, поставленным им и не-

сколько удивившем издателей, было желание автора самому перевести монографию на русский язык. Когда же в издательстве получили перевод, все стало понятно. Это был не столько перевод, сколько, по существу, новая книга, более глубокая и интересная. Так Андрей первый раз попал в Россию. Вернулся он, как показалось Алексею, каким-то притихшим, словно большая глубокая мысль начала созреть в нем и он вслушивался и всматривался в нее осторожно и тихо, боясь ее спугнуть. Потом прибыл из Москвы его багаж – несколько десятков книг. Жаклин, внутренне гордясь мужем, небрежно говорила своей гимназической подруге: – Мало ему наших, ты бы видела, сколько он притащил этих книг из России! Слава богу, что на этом трудно разориться.

III

Братья близнецы, они были внешне очень похожи, но по характеру отличались сильно. Однако, это различие, как ни странно, их только сближало. Они часто ловили себя на том, что думали и начинали говорить синхронно. Сначала это их забавляло и было предметом шуток. Потом стало привычным. У них даже выработался особый молчаливый ответ одними глазами: «И я так подумал». Детские и юношеские годы прошли, а взаимопонимание без слов и молчаливый ответ они берегли на все последующие годы. Но жизнь есть жизнь, и, хотя жили они в одном городе, их встречи становились все реже и реже. Но все же пять раз в год они встречались непременно: в день своего рождения, дни рождения и смерти матери и отца. Каждый раз эти встречи заканчивались долгими неторопливыми разговорами наедине, и Алексею казалось, что он узнавал за это время гораздо больше, чем слышал. Наверное, это казалось.

В предпоследнюю встречу, это было в день их рождения, в сырое декабрьское ненастье, они, прихватив со стола бутылку хереса, поднялись в кабинет Андрея. Внизу гости еще не разошлись. Жаклин угощала их чаем из настоящего тульского самовара с ореховым тортом, который испекла сама. Самовар разжигали на балконе. Он долго не разгорался и Андрей изрядно промерз, чтобы согреться он «хлопнул» фужер хереса, Алексей – чуть пригубил. Говорил в основном Андрей. Рассказывал о своей третьей поездке в Россию. Он был там в качестве гостя на съезде писателей. Сам съезд ему не понравился. Любят там заседания, речи и прочую протокольную мишуру. К нему все

эти длинные рассуждения о формировании молодого писательского поколения, о внимательном и чутком отношении к нему? Если есть талант, он вырастет и сформируется. Если нет таланта, то сколько ни выращивай, ни формируй... Кто формировал Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Чехова? (Эти имена Андрей всегда произносил с нескрываемым удовольствием). Все это – глупость казенная, но не на пустом месте она выросла. Там гораздо больше, чем здесь, у нас, размышляют о душе человеческой и о том, что же это такое – человек и для чего он. Поэтому писателям и художникам там особое место. А раз так, то тянется к этому особому месту серость пройдошная делать свой бизнес. И затягивается живое дело цепкой бюрократической паутиной. Но есть и таланты, есть. Не оскудела земля русская. Хоть и тяжело им теперь, но когда и где было легко талантливому человеку? А здесь у нас истинному таланту легко? Здесь хорошо тем, у кого зубы острые, да локти крепкие, да кого совестью господь не обременил. Там, в России я слышал такой каламбур: У него нет совести, что ему еще надо?

– Да, – улыбнулся Алексей, – если жив народный юмор, значит и народ не умер.

– Ба! Да ты, Алеша, стихами заговорил. – Они рассмеялись: – Ну, а уж раз о стихах речь зашла: открыл я для себя там настоящего поэта, только его время, видно, еще впереди. Как и всем талантам и ему досталось, отбыл свой срок. Вот послушай:

«Жизнь над ними в образах природы
Чередою двигалась своей.
Только звезды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.»

– Это – Заболоцкий. Я привез его книжку, хочешь почитать?

– Потом, как-нибудь.

– Да не будет у тебя этого «потом». Ты и живопись давно забросил. В суете бизнеса совсем потонул ты, Алеша. Тебе спасательный круг нужен, точнее – берег.

– Может быть, залив? – усмехнулся Алексей – Уж не женить ли ты меня собрался?

– Давно пора тебе, старый пень! Уж я на свадьбе погулял бы, отвел бы душеньку.

Алексей слушал брата, и почти с самого начала разговора ему казалось, что тот думает о чем-то другом, более важном и

значительном для него сейчас. А что было для Андрея важнее литературы?

Андрей снова вернулся к своей поездке в Россию. Алексей молча слушал и думал: «Счастливчик, может заниматься тем, что любит. А если бы не подвернулась Жаклин? Нет, тут я не прав. Изначально мы пошли разными тропинками; я сразу стал делать деньги, а он их добывал по минимуму только для того, чтобы заниматься любимым делом. Да и я сам помогал ему чем мог, поддерживал этот огонек, а свой в себе погасил, как недокурную сигарету. Кто знает, а ведь из меня мог бы получиться живописец или скульптор.

Андрей умолк, сделал пару глотков вина.

– Алеша, как ты думаешь, психическая энергия существует? – вдруг спросил он.

Это было так неожиданно, так не связано с предыдущим, что Алексей растерялся.

– Какая энергия?

– Психическая, духовная.

– Может быть... наверное... я не задумывался.

– Существует – уверенно поддержал самого себя Андрей, Они молчали, каждый думал о своем. Алексей не мог понять, откуда так неожиданно возник этот вопрос. Впрочем, так ли неожиданно? Они оба закончили один политехнический колледж, но Андрей «неожиданно» увлекся литературными исследованиями. Литературовед – дразнил его брат. Теперь «неожиданно» от литературы его качнуло в какую-то метафизику.

Молчание прервал Андрей.

– Тебе никогда не казалось странным, что в некоторых областях человеческих знаний есть непостижимые провалы. Логично ли это? Мы осваиваем космос, побывали на Луне, знаем строение клетки, атома, умеем расщеплять атом и управлять жизнью клетки и даже синтезировать новые. Но разве на таком же уровне мы можем что-нибудь сказать о сознании человека, о человеческой мысли, законах ее движения, ее энергетике? Ты можешь возразить – а парапсихология? Весьма наукообразная штука. Этим хорошо прикрывается то, интерес к чему разгорается и гаснет строго периодически – некоторый легкий колебательный процесс с нулевым средним уровнем. Разгорается он естественно, а вот гасится искусственно: каждый раз для этого находят «видные ученые с мировым именем».

Он снова замолчал. Неяркий свет настольной лампы освещал половину его лица, резко вычерчивая складку между бровей. Алексей смотрел на брата и думал о себе, что и он, наверное, тоже здорово постарел, но седых волос у него меньше. Отчего брат так рано поседел при его, казалось бы, беспечальной жизни?

Андрей качнул серебряной головой.

– Нет, это нелогично и неестественно. Это результат направленных усилий.

– Чьих же? – удивился Алексей.

– Чьих? – Андрей поднял голову и посмотрел брату прямо в глаза. – Чьих! В этом все дело, – ухмыльнулся он и, помедлив, – видимо тех, кому это выгодно, может быть даже необходимо.

IV

Эа прикрыла за собой дверь. Верхнее освещение из зеленоватого, холодного плавно перешло в более яркое и теплое – добавились желтоватые и розовые тона. Она подошла к окну и некоторое время рассеянно смотрела в темноту ночи на далекие огни, над которыми тускло мерцал огромный сплюснутый шар. Словно гигантская капля остывающего расплавленного металла повисла в небе и не может ни остынуть, ни упасть на землю. Затем девушка, вздохнув, отвернулась от окна и присела к зеркалу. Окно сразу стало непрозрачным матово-белым, и в комнате посветлело.

Вот и миновали бесконечные будни ученья, практика. Теперь первое самостоятельное задание, а там... А что же там?.. Да, в самом деле, я – красива, – она разглядывала себя с удовольствием. Дедушка говорит, что я очень похожа на свою маму. Но весь семейный видеофонд погиб тогда... Какая она была на самом деле, моя мама? Вдруг она почувствовала, что за дверью кто-то стоит. Контакты биополей без зрительного восприятия недоступны «непосвященным» и даже запрещены Единым Великим Сводом Законов. Но старый мудрый Эанид тайно научил очень многому своих внуков – Эа и Эама из того, что было «только для посвященных». Эа закрыла глаза, максимально расслабилась, ощущения собственного тела исчезли совершенно. Постоянный тренинг позволял ей входить в это особое состояние за три-четыре секунды. Вот сперва смутно, но потом все яснее возник образ. Да это – Кесс! Но только он почему-то был с голубым носом и оранжевыми глазами – это ее рассме-

шило и образ исчез. Эа рассердилась на себя и снова вошла в контакт, но Кесс уже удалился, видение слабело. Несколько, как ей показалось, бессвязных обрывков мыслей она успела уловить: ...это мы еще посмотрим... смежное пространство... нужно наверняка...

Глаза у девушки затуманились и вдруг выступили слезы. А вот и ответ на вопрос – а что же дальше? А дальше – постылый муж. Рожать детей от этого... Нет, уж лучше... Не торопись, Эа, нужно потянуть время. Должен же дедушка что-нибудь придумать! Но вот снова кто-то приближается... Это дедушка и Эан – как хорошо! Так это они спугнули Кесса и избавили ее от приставания этого...

Эа поднялась, вышла в холл и стала у открытой двери. Навстречу ей, радостно улыбаясь, вышли высокий седобородый старик и светловолосый юноша с цепкими насмешливыми глазами.

– Дедушка, милый, – сказала Эа, когда дверь за ними закрылась, – опять приходил Кесс. Неужели нельзя избежать этого брака? Что, этим «посвященным» мало своих сухоногих красавиц?

– Ты несправедлива, Эа, – едва сдерживая смех, сказал Эан, – они хоть и немного сухоноги, зато дивнобедры и пышногруды, – и все же, не сдержавшись, он прыснул, – то есть скорее наоборот, пышнобедры...

– Эан! – строго прервал его дедушка. – Дети мои, у меня мало времени, а мне, Эа, так много надо сказать тебе. Эан, настройся и возьми под контроль ближнюю зону. При первых же признаках контакта или при приближении кого-либо, предупреди нас Все, что я сообщу сестре, я потом повторю и тебе. Понял?

– Да, дедушка, будь спокоен. – Эан устроился поудобней в кресле, откинул голову и закрыл глаза.

Девочка моя, смешанные браки им нужны, чтобы не выродиться в некотором будущем. Ведь их не так много, к тому же их образ жизни делает строение их организма специфичным. По их оценке, чтобы не выродиться, с одной стороны, и не потерять то, чем они так гордятся – свою «индивидуальность», с другой, им достаточно четырех-пяти смешанных браков в год. Вот они и отбирают таких красавиц и умниц, как ты, моя девочка. – Старик взял в ладони голову девушки и поцеловал ее в лоб.

– Но я пришел с хорошей новостью, – глаза старика радостно блестели. – Да, мое солнышко, пришло, наконец, время навсегда избавиться от власти «посвященных»! Навсегда! Мы приняли решение!

– Избавиться? – Эа побледнела, – как избавиться? И кто это – мы?

– Не так важно тебе сейчас знать, кто именно. Потом, когда это свершится, все узнают всё. Нас много. Пусть это условно называется «Фронт возрождения». Фронт разработал программу, долго велась подготовка и сейчас наступило время действовать. И начать должна ты, Эа!

– Я!? А что я могу?.. Нет, конечно, я все сделаю, как ты скажешь, но...

– Слушай, доченька, меня внимательно. Уже многим из нас доступен односторонний контакт с «посвященными» – скрытое улавливание их биополей. К сожалению, без этого «подслушивания» мы никогда не станем свободными и обитатели планеты-двойника тоже, – дедушка развел руками, вздохнул и продолжил: – Но этот контакт возможен только тогда, когда они выходят из своей зоны обитания. Сама зона пока нам не доступна. Когда мы бываем в зоне, мы свои способности утрачиваем и знаешь почему? Вспомни лес, которым окружена зона и, главное, – сад вокруг Храма Космоса. В лесу растут деревья одного вида, а в саду другого. Но нигде на планете ты больше не встретишь таких деревьев. Их свойства исследовал еще мой отец, твой прадед. Эти деревья своим биополем создают надежный заслон другим биополям, а те, что в саду дополнительно еще и генерируют помехи – особый фон.

– А как же «посвященным» эти помехи не мешают?

– Вот этого мы пока и не знаем. Может быть, в зоне они и не пользуются биоконтактами.

– Я поняла, – сказала Эа упавшим голосом, – вы хотите, чтобы я, выйдя замуж за Кесса, помогала вам оттуда. – Глаза ее стали набухать слезами.

– Нет, доченька, нет. Совсем другое. Тебя бы там в конце концов обнаружили... рано или поздно.

Сегодня Верховный Совет посвященных решил вторично направить тебя в сопряженное пространство на планету-двойник. Мы убедили их, что настало время очередного детального исследования характеристик образцов психоплазмы здесь, в центральной лаборатории, для чего нужно доставить в наше пространство по крайней мере одного из ее обитателей с наи-

большим объемом психоплазмы. Мы задали такие характеристики психоплазмы, что выбор неизбежно пал на твоего подопечного – того, с кем ты входила в контакт во время своей практики. Твоя задача – объяснить ему все как есть, без утайки или точнее все что он сможет понять.

– Он многое может понять.

– Ну и чудесно. Он должен стать нашим союзником и помочь освободиться нам и всем обитателям его планеты. Мы посещаем центральную лабораторию только в дневную смену, что там происходит остальные восемнадцать часов суток, мы не знаем. Он же будет находиться там постоянно. Кроме того, исследуемым обычно разрешают посещать сад и вообще позволяют очень многое, что запрещено нам – ведь они на другом уровне развития. Последнему из исследуемых даже позволили носить на груди крестик, символ его веры. Мы дадим тебе нагательный крест, с виду серебряный, но он из материала, который обеспечит нам с твоим подопечным двухсторонний контакт. Он такой формы, каких уже много в нашем музее, и вряд ли им заинтересуются и отберут.

– Дедушка, но какой же двухсторонний контакт может быть через два кольца экрана? – удивилась Эа.

– Правильный вопрос, малыш. Я тороплюсь и поэтому получается бестолково. Наша программа ведется уже без малого тридцать лет. Твои родители пятнадцать лет назад погибли не случайной смертью. Лицо дедушки помрачнело, резче обозначились морщины. – Ну, да об этом потом. Придет время, и всем будут известны имена героев. Так вот, дело в том, что биополе леса или сада – не простая сумма биополей отдельных деревьев, одно единое целое. Поэтому, изменив свойства только нескольких деревьев, можно направленно изменить свойства целого. Мы вырастили такие растения, которые трудно отличить от тех по внешнему виду, но они обладают нужными нам свойствами. Ты не биолог, поэтому мне за короткое время все объяснить трудно. Одним словом, мы можем входить с ними в контакт, они нас понимают.

Неподдельное удивление отразилось на лице девушки.

– Неужели контакт возможен с растением?

– Да, и ты знаешь, от этого контакта получаешь удовольствия не меньше, чем от общения с хорошим человеком. Но об этом после – у нас мало времени. Задача твоего подопечного – делать прививки в саду черенками, которые мы ему будем пе-

редавать как-то во время наших смен. Его распорядок дня это позволит.

– Дедушка, но это же длительный процесс. Андрей не дожидется пока они привьются, его же...

– Да, доченька, риск есть, хотя в наших опытах первые положительные результаты получаются уже в двухмесячный срок. Так его зовут Андрей?

– Да. Мне будет очень тяжело, если... я буду причастна к его гибели, У него жена, ребенок.

– А разве тысячи таких Андреев там не гибнет ежедневно молодыми для того только, чтобы посвященные могли пользоваться энергией их психоплазмы?

– Но ведь его могут застать в саду, когда он будет делать прививки.

– Вот это как раз практически исключено, Наш крестик предупредит его, если за ним будут следить. А потом, в этом и смысл использования твоего Андрея, что для «посвященных» он существо низшего уровня развития, что-то вроде домашнего животного – что за ним наблюдать? На самом же деле мы все вместе – Андрей, наши растения, ты, я, наш «фронт» – мы будем исследователями, а «посвященные» – объектом исследований! И вот еще, чуть не забыл...

– Тише, – вскочил с кресла Эан, – сюда идут.

– Кто? – разом спросили дедушка и внучка.

– Сейчас, – прошептал Эан. Он снова опустился в кресло и секунд через пять открыл глаза и сказал, как сплюнул: – Кесс и его папуля.

Дедушка приложил палец к губам и озорно подмигнул. – Ты должна помнить, какую честь тебе оказал Верховный Совет, помнить и оправдать высокое доверие. В твоём сердце не должно быть места слабым чувствам к обитателям планеты-двойника. Они находятся на том уровне развития, когда их еще нельзя причислить к высшим разумным существам Космоса. Им известны только четыре типа взаимодействий, и они, еще недостаточно изучив их свойства, уже пытаются найти начала, их объединяющие – они в тупике.

Мы овладели шестью первичными и седьмым объединяющим взаимодействиями первого уровня симметрии – в рамках плоской модели. Мы успешно работаем над объемной моделью симметрии сил природы. А им даже в голову не приходит серьезно начать изучение пятого типа взаимодействия – психической энергии, хотя это лежит у них под ногами. Я глубоко убе-

жден, что у них нет перспективы и что быть источником энергии – это для них справедливое решение в масштабе Космоса, так как сами они свою психоплазму эффективно использовать не могут. И ты, Эа, всегда должна помнить, что нашей семье выпала большая честь: твои дети будут полноправными «посвященными» и им...

Раздался стук в дверь, она отворилась и вошли двое – молодой человек с узким бледным лицом и бегающими глазами и пожилой – маленького роста напыщенный и неопрятный одновременно. На его вытянутом черепе волос не осталось даже за ушами. Они сохранились только на месте бровей и на кончике длинного угреватого носа. Крошечные выпуклые глазки, казалось, просверливали тебя насквозь. Один из них был незрячим и неподвижным, зато второй постоянно находился в движении, как у хамелеона. А так как нос закрывал часть обзора здорового глазу, то человечек вынужден был все время крутить головой по сторонам и кустик волос на его носу описывал при этом самые замысловатые траектории.

– Как приятно, – проскрипел старший, – видеть столь почтенную семью в прекрасном здоровье. Лицо его выражало полнейшее удовлетворение, было ясно, что «наставление» Эанида проглочено им если не полностью, то уж конец – без всякого сомнения.

Эанид почтительно встал, за ним встала Эа и Эан. Они хорошо усвоили одно из «мудрых» предписаний, которыми пользовались «посвященные»: Победи себя и врага твои будут повержены.

– Садитесь, уважаемый Кессах, – сказал Эанид, показывая на плавно отделившиеся от стены кресла.

– Нет, нет, почтеннейший Эанид, мы на секундочку, мы только посмотреть на Вас и вашу красавицу, – говорил человечек, удобно устраиваясь в кресле, – мы только хотели обсудить кое-что, ведь через два дня наша красавица, наша умница отправится в трудное путешествие. И пусть она не волнуется – это в последний раз, пусть этим занимаются другие, пусть ее ничто не беспокоит. Я сам позаботился, чтобы трансфертером управлял никто другой, как капитан Румс. Да, да – капитан Румс И пусть наша красавица...

Эа уже не слушала его, она опустила глаза и только Постоянный тренинг позволил ей удерживать себя в равновесном состоянии и не выдать своих чувств.

Когда гости, наконец, ушли, Эанид возобновил свой словесный камуфляж, а Эа мгновенно вошла в контакт с ушедшими. Дедушка старался зря, они уже были заняты друг другом.

– Знаешь, папа, – говорил Кесс, – сколько я ни старался, я не смог уловить больших симпатий у моей невесты, тебе это не показалось?

– Кретин! Какая симпатия? Все, на что ты можешь рассчитывать – это отсутствие, мягко говоря, неприязни. И это очень хорошо. Если луады пытаются тебя убедить в своей симпатии или, не дай Бог, в любви, знай – тебя обманывают. Луады завидуют нам, нашей талантливости и потому ненавидят всех нас. Только этот старый осел Эанид всегда витал в мире грез и кроме науки ему ничего не надо. Так он воспитал и своих внуков – тебе повезло, идиот. – В горле у старика захрипело, забулькало и он зашелся долгим лающим кашлем.

V

Утром следующего дня Эа заняла свое привычное место в лаборатории за пультом с множеством кнопок, тумблеров и ручек управления перед огромным темным экраном. Это было одно из двенадцати видеоконтрольных устройств – ВКУ, которыми располагала лаборатория психоплазмы первого сопряженного пространства. Плавно засветился в обзорном режиме экран. Это было похоже на звездное небо. Только звездочки медленно меняли яркость, иногда едва заметно для глаза, исчезали совсем, появлялись новые, постепенно, день ото дня разгораясь. Чем ярче звездочки, тем реже они попадались. Звезд первой величины было не более дюжины. Эа набрала на пульте восьмизначный номер объекта, выставила на коррелятор-накопителе порог первой величины, включила режим поиска и в левом углу появились четыре строчки семизначных цифр, меняющихся в трех последних знаках каждые три секунды – координаты поиска. Истекло контрольное время, но объект не обнаружен. Эа очень удивилась и насторожилась, она снизила пороговый уровень до второй величины – при болезни или других аномальных состояниях объекта уровень излучения может снижаться. Но поиск оказался безрезультатным и на уровне второй величины. То же самое повторилось на уровнях третьей и четвертой величины. Чем ниже пороговый уровень, тем больше время поиска. На все эти операции ушло с полчаса. Эа набрала номер одного из объектов второй величины, выставила

порог и снова включила режим поиска. Цифры на экране, сменившись несколько раз, застыли, «звездное небо» исчезло, и на экране возникла плавно изменяющаяся, живая картина спектральных составляющих психоплазмы – зеркало души объекта, а в правой части экрана высветилась колонка цифр – количественные характеристики психоплазмы. Те, кто видел полярные сияния, может представить себе эти мягкие столбы света, неторопливо меняющие свои очертания. Только здесь на экране цветовая гамма была намного богаче. Эа не раз наблюдала полярные сияния здесь, на своей планете, говорят, они точно такие же, как и на планете-двойнике. Тогда, глядя на сиренево-голубовато-зеленоватые, медленно разгорающиеся, тускнеющие и тающие столбы света, Эа сразу вспомнила спектровидеограммы психоплазмы и подумала, что, может быть, полярные сияния это тоже зеркало души – души планеты?

Она включила звук. Полилась тихая необычная музыка с отчетливыми диссонансными компонентами. Этот объект был крупный ученый, человек добрый и доверчивый, но ему не повезло с ближайшим окружением. Его умело использовали в политических играх. Наука была заброшена, личность разрушалась и с первой величины он быстро опускался к границе между второй и третьей. Смена объектов в режиме поиска показала, что аппаратный комплекс ВКУ исправен. У девушки возникла смутная тревога, она росла, охватывая ее все сильнее.

– Что-нибудь случилось? – раздался голос за ее спиной. Эа вздрогнула. Это был заведующий лаборатории Нииф, он был «посвященный», как и все, кто занимал административные посты.

– Нет, ничего, – быстро пришла в себя Эа, – все в порядке.

– Волнуешься, девочка, – это понятно. Капитан Румс сто восемнадцать раз путешествовал в смежные пространства, но говорит, что каждый раз все равно волнуется. А ты знаешь, что он будет управлять твоим трансфертером?

– Да, знаю. Нам сказал об этом Кессаах.

– Ну и как чувствует себя наш объект?

– Все в порядке, – солгала Эа, – все текущие показатели в пределах допустимых отклонений.

– Ну и хорошо. Иди, девочка, отдыхай, тебе надо хорошенько подготовиться. – Нииф положил руку на плечо девушки. Эа почувствовала, что он хочет еще что-то сказать, но Нииф молча повернулся и вышел. Рядовые сотрудники лаборатории – в основном «непосвященные» – относились к Ниифу с уваже-

нием. Он был той самой «паршивой овцой», которая всегда есть в стаде, и сильно отличался от среднестатистического «посвященного» интеллигентностью и мягким благожелательным характером.

– Что же он мне хотел сказать? – думала Эа. – Уж не догадался ли он, что я соврала ему? Дедушка! Как он нужен мне сейчас, но встретиться можно только в обед.

Эа снова набрала на пульте номер Андрея, включила режим поиска и снова на экране монотонно менялись цифры, только теперь это сопровождалось типичным «тепловым» шумом звукового сопровождения с легкими щелчками во время смены цифр на экране. Она снизила пороговый уровень до десятой величины. Среднее время поиска возрастает в этом случае более, чем в сто раз по сравнению с объектами первой величины. Время шло, но никаких изменений не было, и Эа уже почти безнадежно смотрела на экран.

Вдруг ужасная мысль, резкая и беспощадная, как электрический разряд, пронзила все ее тело: – Это же я во всем виновата! Это же я, при нашей с ним последней встрече, позволила ему уговорить себя не стирать из его памяти все, что он узнал от меня! – Голова мгновенно наполнилась нестерпимым жаром. Экран помутнел и пошатнулся. Эа вцепилась в пульт руками, чтобы не упасть. Стоп! – возникла четкая мысль. – Взять себя в руки! Надо взять себя в руки. Ты можешь погубить все дело. Спокойно... Спокойно...

С большим трудом Эа вернула себе самообладание, вернее сказать, немного пришла в себя. Она долго сидела неподвижно, бессмысленно глядя на экран, где мелькали и мелькали, сменяя друг друга бесстрастные, такие ненавистные ей сейчас, цифры. Потом она набрала номер одного из объектов третьей величины, потом пятой – аппаратура, как и всегда, работала без сбоев.

– А почему я решила, что его исчезновение произошло из-за моей ошибки? Разве не происходят там несчастные случаи, аварии, катастрофы? Ах, да разве в этом дело – срывается программа фронта... О чем это я? Ужасно! Какая я бессердечная! О чем я думаю? Ой, как стыдно. Нет чудесного человека, умницы и... вообще. Ведь он уже многое понял сам, до меня. Эа вспомнила, как он, растягивая задумчиво слова, сказал однажды: – Бесконечность – она во всем. Наивно предполагать, что мы, впрочем – и вы тоже, – последнее звено в цепи взаимозависимостей от простого к сложному. Я был готов к этому. Именно поэтому человек поселил выше себя, в небесах, Бога. Бог, как

все неосознанное, недоступное до срока пониманию – такой Бог мне понятен. Примитивный материализм провозгласил человека венцом творения и привел к таким изменениям в его сознании, за которыми начался конфликт человека с природой. Это мы все сейчас хорошо видим.

Бог у людей появился как результат подсознательного представления о бесконечности во всем, с одной стороны, и ограниченности своего сознания, своих возможностей, – с другой. Даже не представления, а скорее чувства, чего-то инстинктивного. Но... – здесь, вспомнила Эа, Андрей посмотрел ей прямо в глаза. – Но чтобы запредельное было таким! Все, что я узнал от Вас – крайне угнетающе. Это так упрощенно, принижено, даже примитивно... Выходит, между нами и Богом опять все та же бесконечность.

Эти слова тогда задели Эа, может быть и потому так врезались ей в память. Вообще, отношение Андрея к ней было неожиданным. Им преподавали, что земляне при открытых контактах принимали их за божества и вели себя обычно так, что их приходилось «приводить в чувство», то есть в состояние, необходимое для контакта и исследований, при помощи сильного биополевого воздействия. Ничего подобного с Андреем не было. В первый момент, когда Эа объяснила ему кто она, откуда и зачем появилась, он, правда, сильно изменился в лице и побледнел, но сам справился со своими чувствами и в дальнейшем относился к ней как старший брат – всегда доброжелательно, но иногда и с легкой иронией. Сначала Эа была слегка раздосадована этим, но неожиданно быстро для себя она приняла все как должное.

Это было так недавно. Воспоминания еще больше разбередили душу девушки. Ей так хотелось сейчас уткнуться в подушку и поплакать. Слезы уже готовы были появиться на глазах, но... Эа снова взяла себя в руки. Она вынула из сумочки переговорное устройство с маленьким экраном, набрала номер Эана. Экранчик осветился и на нем появилась улыбающаяся физиономия Эана. – Привет, сестрица! Чем обязан?

– Привет, братец, – как можно более непринужденно прошептала Эа. – Я хочу вам с дедушкой показать мой новый комбинезон. Ты скажи ему, что я в обед приду к тебе. Ладно?

– Ладно... – Эан не смог скрыть своего удивления, но Эа, быстро сказав, – привет – выключила прибор. Она правильно решила, что у Эана им встретиться удобнее всего – вероятность того, что там им помешают, – наименьшая.

Когда Эа вошла к Эану, дедушка был уже там. – Доченька, на тебе лица нет! Что случилось? – Эанид поднялся ей навстречу.

– Дедушка, Андрей... то есть наш объект исчез! Его нет! И я в этом виновата, я! – Все напряжение последних часов неожиданно прорвалось потоком слез, как тяжелая грозовая туча дождем. Эа уткнулась лицом в грудь старику и расплакалась.

– Постой, деточка, успокойся, расскажи все по порядку, – он обнял одной рукой ее за плечи, а другой гладил волосы. – Ну, ты мне всю бороду вымочила. Смотри, какая мочалка у меня теперь вместо бороды.

Эа вытерла слезы, носик ее покраснел, губы поджались. Она стала похожа на Золушку, которую не взяли на бал.

– Я нарушила инструкции, – наконец произнесла она упавшим голосом, – перед своим возвращением оттуда я не стерла из его памяти все, что он узнал от меня в открытом контакте...

– Как! Как это могло случиться? Ты что – забыла?

– Нет, я не забыла, он все понял и... уговорил меня.

– Ну знаешь, сестрица... – Эан театрально развел руки и закатил глаза к потолку.

– А ты, паршивец, помолчи, пока не получил по шее! – резко оборвала его Эа. – Понимаешь, деда, он и без меня почти все понимал сам.

– Что ты говоришь! – Эанид разволновался, движения его стали резкими, руки рассекали воздух. – Что он мог понимать?

– Да, да! – Эа вдруг разозлилась и успокоилась. – Это только в лице преподают, что они на другом уровне – эдакие непуганые недоумки! Андрей мог бы дать сто очков вперед некоторым лицейским педагогам по всем статьям. В человеческом плане с лучшими из них нас ничто кроме пространства не разделяет. А уровень науки есть только уровень науки, не более того! Ты же сам этому учил, – лицо ее зарделось, глаза блестели. – Он же почти все понял сам. Вот послушай его стихи, они написаны до моего появления.

Эа села в кресло и, не глядя ни на кого, прочла:

«Слова опустели и выцвели.
Ум плещется, в камне зажат.
Над серой, занюханной истиной
Навозные мухи жужжат.
Незримые гнусные монстры
За бархатной ширмой снуют.
Над ширмою куклы юродствуют,

Скликая на бойни и труд.
Все куплено, продано все
Под визг убалдевшей толпы,
И, радостно прибыль плюсуя,
За ширмой жиреют клопы.
Но чудятся в черном зените
Едва уловимые нити.»

Некоторое время они молчали. Потом Эанид, задумчиво поглаживая бороду, произнес: – Мрачновато у него... получилось. Но, в принципе, верно. Так, значит, мы – это черный зенит? Мрачновато. Вообще-то я, ты знаешь, не поклонник их литературы. Вот музыка – это другое дело. Здесь мы действительно близки. – Он снова помолчал. – А еще что-нибудь он тебе читал?

– Да. Правда, больше о другом. Ему ближе размышления.

– Прочти что-нибудь.

Эа привычным движением руки убрала волосы со лба и тихим ровным голосом начала:

Мы – искры в пламени жизни,
Взметнемся и гаснем
И тонем
В потоке бездвижном,
Безгласном,
Бездонном.
Мы – искры в пламени жизни.
Оно же горит бесконечно
И будет гореть бесконечно,
Сверкнешь ли, истлеешь ты...
Пусть время твое быстротечно,
Как искры полет быстротечно –
В том смысл обновления вечный
И вечный исток красоты.»

Все трое молчали. Эа закрыла глаза и, видимо, что-то вспоминала. Эан постукивал пальцами по подлокотнику кресла в такт ему одному слышимой музыки. Эанид подошел к окну и, скрестив руки на груди, смотрел в даль. Потом повернулся и улыбнувшись спросил: – Значит, он все понял и уговорил тебя? Девочка моя, уж не влюбилась ли ты в него?

– Нет, – вымучено улыбнулась Эа, – не успела. Да он к тому же женат. Вот если бы здесь, у нас такой человек был, то может быть и влюбилась бы.

– Ну, ладно! – видно было, что Эанид принял решение. Первое – не вешать нос. Второе – об этом никому ни ползвучка. И третье – вернись в лабораторию, увеличь в разумных пределах допуски по всем основным параметрам психоплазмы, задай режим последовательного поиска по порогам до двенадцатой величины включительно и оставь аппарат включенным на всю ночь – об этом я договорюсь с Ниифом. После этого – отдыхать! Марш в бассейн или на корт, или куда хочешь, но отдыхать. Понятно? Утро вечера мудренее.

Ночью Эа долго не могла уснуть. Бралась за чтение и откладывала книгу. Смотрела в окно на звездное небо и на тускло мерцающий над горизонтом малиновый с неожиданно возникающими протуберанцами гигантский сгусток, океан живой, дышащей энергии. Может быть то, что было недавно Андреем, его «Я» уже здесь, в этой... бездне? Она снова ложилась в постель и снова не могла уснуть. Под утро, вконец измученная, она задремала. Ей приснился крайне неприятный сон, от которого она быстро проснулась. Силится его вспомнить, но вспомнила только финал – как по ее обнаженному телу медленно ползла, подбираясь к лицу, холодная и липкая змея. Она снова задремала, увидела сон еще неприятнее, снова проснулась, и так до утра. Напоследок же ей приснился утренний луг, мокрый от росы. Она шла по нему босая. Подол платья намок и прилипал к коленям, но ей не было холодно. Там, в конце безбрежного луга было то, что манило ее и звало к себе. Она уже не шла, а бежала. Из-под ног ее вспархивали птицы, ф-р-р-р шумели их крылья. Одна из птиц вдруг стала огромной, она сделала круг над ее головой и крикнула: – Прощай, Эа... Прощай, – крикнула в ответ Эа, – но кто ты? Птица взмахнула крыльями, золотыми от утреннего солнца, повернула к ней голову и уже издали донеслось: – Прощай, Эа-а-а, не забывай-ай-а-а... меня-а-а... Эа бежала за птицей изо всех сил, но та удалялась, становясь едва различимой, пока не исчезла совсем. Эа оглянулась вокруг и увидела себя на берегу моря. Оно было беспокойно. Волны с шорохом бежали к ее ногам и, оставив на песке тающую пену, отступали назад. У самого берега на волнах качалась лодка с опущенными в воду веслами. Светило солнце и с моря навстречу ей по золотистому небу бежали розовые облака. Эа проснулась и, не открывая глаз, долго лежала, стараясь запомнить все детали своего сна. Как хорошо, что последний сон был таким светлым, – подумала она, – значит, все будет хорошо. Непременно все будет хорошо.

Примерно через час Эа не вошла, а почти вбежала в лабораторию. Там за пультом ее ВКУ уже сидел дедушка. Он улыбался, – Все хорошо, моя девочка, смотри... На экране во всем полноцветьи дышала видеоспектрограмма. Эа глянула на цифры в углу экрана, – Да, но данные – не совсем те!

– Отличие невелико, – ответил Эанид, – вероятность ложной идентификации по обобщенному показателю – всего лишь около семи на десять в минус девятой, как видишь.

Эа задумчиво слушала звуковое сопровождение.

– Да, – наконец сказала она, – мелодия похожа тоже, но все же отличается. Она пробежала глазами цифры в правой части экрана. – И величина третья, а не первая... С ним что-то происходило?

– Вероятно, – поглаживая бороду сказал Эанид, – обрати внимание на дельта-характеристики, они уменьшаются в четвертом знаке прямо на глазах. Это не может быть случайностью. Когда в последний раз ты выходила на контроль?

– Совсем недавно, сразу же после возвращения сюда – все было в порядке. Это было... это было в их масштабе времени около двух лет.

– Надо отложить под каким-нибудь предлогом твой новый переход, но ненадолго, время не терпит. Нужно все хорошенько просмотреть и взвесить. Случайности в нашем деле должны быть исключены – слишком многим рискуем.

VII

Эти несколько дней были днями томительного ожидания и смутной тревоги. Исследуемый объект за это время «разгорелся» до второй величины, а его дельта-характеристики неуклонно стремились к нулю. Что же происходило там с Андреем? Болезнь? Провалы излучения такой глубины при болезнях еще не встречались. Клиническая смерть, реанимация, а затем медленная реабилитация? И хотя все числовые характеристики психоплазмы все больше нормализуются, на слух «мелодия его души» все же другая.

– Ну и что, – утешала себя Эа, – значит то, что случилось, не прошло бесследно. Каким он теперь стал? Согласится ли на ту роль, какую она ему предложит?

Теперь Эа иногда задерживалась у окна лаборатории, выходящего в сад. Там кряжистые деревья устало покачивали тяжелыми ветками с мясистыми бурыми листьями. Листья –

большие с синими прожилками и розоватыми краями – вблизи выглядели довольно живописными. По весне деревья покрывались темно-бурыми, почти черными цветами с ярко-желтой сердцевинкой. Осенью на них созревали глянцевиые иссиня-черные ягоды. Только теперь Эа заметила, что птицы в этом саду не водились совсем и эти ягоды никто не клевал. Поздней осенью и в начале зимы перезрелые они осыпались на дорожки сада и расплывались на них чернильными кляксами.

Дедушка предостерег Эа от попыток контакта с деревьями в саду. Она и не пыталась нарушить запрет, но, когда просто дольше обычного стояла у окна, глядя в сад и размышляя о том, что она теперь узнала, у нее возникало ощущение скользкого, сырого и холодного, хотелось отойти от окна и спрятаться за стену.

В день старта она проснулась рано. Солнце только-только показалось над горизонтом. Эа подошла к окну и увидела освещенные крыши домов и на золотистом небе розовые облака, бегущие ей навстречу. И сразу вспыхнула радостная мысль. – Как в том моем сне!

Она спустилась в бассейн и около часа с небольшими перерывами моталась челноком от одной стенки бассейна до другой.

На космодром она отправилась загодя и не по воздуху, а по воде, чтобы тоже было похоже на ее сон. Только ждала ее не веселая лодочка, а выдавший виды допотопный катер на воздушной подушке. На причале ее провожали только дедушка и брат. Она с огромным удовольствием представила себе кислую физиономию Кесса, когда тот через час полтора с букетом каких-нибудь цветов притащится на аэродром и не найдет ее там.

– Будь умницей, Эа, не делай больше глупостей. Устав существует не для того, чтобы им пренебрегать. Это может плохо кончиться, моя доченька. – Эанид чаще обычного моргал глазами, стараясь сдерживать слезы. – Я уже в том возрасте, когда близко неизбежное... да, да и не перебивай... ты должна думать не только о себе, ты еще очень нужна брату.

– Дедушка, милый, я обещаю тебе... будь пожалуйста спокоен, не переживай за меня. Я сделаю все, как ты мне говорил. Я все поняла... Все-все. – Эа встала на цыпочки и обхватила шею старика обеими руками.

Эанид одной рукой обнял внучку, а другой пытался вытереть глаза. Эан стоял рядом и был удивительно сдержан и молчалив. Эа подошла к нему, взяла его за оба уха, притянула к

себе и поцеловала в один глаз, потом в другой. Странно, но глаза у Эана были серьезные и грустные.

– Ну, до свидания, мои родные, – Эа повернулась и прыгнула на палубу катера.

Здоровенный матрос легко оттолкнул тяжелую посудину от причала. Утробно взвыли моторы, и суденышко помчалось по озеру в радужном облаке водяной пыли. Вот уже скрылся из глаз причал, где старик и юноша все еще стояли и смотрели вдаль.

Эа перебралась на нос катера и, вцепившись обеими руками в поручни, отдала себя стремительному движению. Ощущение неудержимой мощи рвущегося вперед судна, поднялось в ней бессознательным восторгом. Как мало надо человеку для минутного счастья! Нескончаемое мелькание солнечных бликов на воде, да гулкий воздух, обхвативший тело упругим потоком и тянущий за волосы голову назад – и вот уже забыты все неприятности и заботы. Ах, юность, юность! Как быстро тают твои тревоги. Это потому, что ты – сама радость и ее предвкушение и мало остается места в сердце другим чувствам.

На огромном поле космодрома застыло в неподвижности десятка два трансфертеров – от огромной сигарообразной матки, способной нести до шести спускаемых аппаратов, до двухместного малыша, еще до конца не прошедшего летные испытания.

Эа ждал трансфертер среднего класса, он управлялся командой из трех человек и мог «перевозить» шесть исследователей и две тонны груза. Каждый из исследователей имел индивидуальное задание, которое не должны знать остальные. Дедушка говорил, что это делается для того, чтобы можно было посылать «хвосты» за исследователями, что и практиковалось, и он, еще перед первым ее посещением планеты-двойника, научил Эа, как обнаруживать «хвост» и как вести себя в этом случае.

Все шесть исследователей уже были на месте у трансфертера – «летающей тарелки», как называли его на планете-двойнике, и ждали прибытия команды, но она задерживалась. Капитан Румс мог позволить себе прибыть к месту старта за полторы-две минуты до пуска двигателей. В этот раз он прибыл за целых двенадцать минут. Он вышел из маленького аэробуса со своим помощником и штурманом и стал обходить шеренгу исследователей, внимательно изучая лицо каждого из них. Это был крепкий мужчина с красным лицом, еще более красным

носом и маленькими глубоко посаженными светлыми глазами. Когда капитан подошел к Эа, его лицо размякло. – Так это ты – внучка Эанида? Какая хорошенькая, – пробасил он. Но тут же его физиономия приняла протокольное выражение, он повернулся и тихим, даже вкрадчивым голосом спросил: – Штурман, Вы, надеюсь, не забыли взять с собой машинное масло?

Штурман – совсем еще молодой человек, худошавый с застенчивыми глазами и довольно свежим розовым шрамом над левой бровью – недоуменно смотрел на своего командира: – Масло? – наконец выдал из себя незнакомым ему самому тонким голосом.

– Да, масло – машинное, – еще вкрадчивее прожурчал капитан. – Я думаю, Вам надо хорошенько смазать свои шейные позвонки, чтобы они не скрипели каждый раз, когда Вы будете крутить башкой и пялиться на эту красотку. Помощник прыснул. Голова капитана запрокинулась и он захохотал (впрочем, можно было сказать и – заржал), открыв внушительных размеров рот с прекрасными вставными зубами. Штурман густо покраснел и было ясно видно, что он с удовольствием провалился бы куда-нибудь от стыда. Капитан шарахнул его по плечу своей тяжёлой клешней и, продолжая смеяться, бодро застучал ботинками по трапу. За ним поднялись ухмыляющийся помощник, никуда не провалившийся к своему сожалению штурман и заметно повеселевшие исследователи.

Теперь они, еще минуту назад суетливые и неуклюжие от напряжения, оживленно поглядывали на Эа и перекидывались вполголоса фразами-междометиями.

«Герой» эпизода – штурман только что с отличием окончил высшую школу исследователей космоса, был новичок в экипаже и еще не привык к специфическому капитанскому юмору. Капитан пользовался им не так часто, но и не упускал возможность «отмочить» что-нибудь в удобный момент. Самое ужасное для штурмана было то, что он уже дважды встречал эту девушку и мечтал с ней познакомиться. Она ему даже снилась. Впервые он увидел ее на теннисных кортах, потом – на выпускном балу. Он сделал пару робких попыток пригласить ее на танец, но каждый раз опаздывал – возле нее обязательно кто-нибудь крутился. Штурман проследил: провожал ее до дома невзрачный и, как ему показалось, даже чем-то неприятный тип – это вселяло надежду. Сегодня он сразу узнал ее и его сердце радостно зачастило. Как шея ей серебристый комбинезон с розовой и голубой полосками по контуру – рукавам и рейтузам!

Но этот старый чурбан! Как теперь после этого подойти и заговорить с ней! Сундук красноносый! Чтоб ему... Выживший из ума балабон! Чтоб он... – но это лучше после полета.

– Все!! – молча докипел штурман, – возвращаюсь и подаю рапорт о переводе в другой экипаж!

Тем временем все заняли свои места. Прошла команда на пуск двигателей; их работа воспринималась не столько на слух, сколько ощущалась всем организмом – с нарастающей тревогой и оцепенением. Тарелка стала стремительно набирать высоту. Наступил момент, когда тяжесть наваливалась на все тело сразу и одна часть чего-то опускалась по позвоночнику вниз, а другая – поднималась вверх к самому горлу. В это время кресло капитана резко повернулось, он упруго выскочил из него и подошел к исследователям, размещенным полукругом сзади экипажа: – Ну, как дела, дочка? Ты на меня не осерчала? – обратился он к Эа, внимательно глядя ей прямо в глаза.

– Нет, не обиделась, все нормально, – Эа старалась четко и раздельно выговаривать слова, что было сейчас совсем непросто.

– Ну, ты молодчина, – капитан движением иллюзиониста вынул из верхнего кармана комбинезона длинную карамельку в пестрой обертке, – кушай на здоровье. А ваши конфеты, – он развел руками, обращаясь к остальным исследователям, – остались дома.

VIII

Воскресное утро. Как всегда внезапно завершал электронный будильник. Если верить паспорту на это изделие, то звучала сороковая симфония Моцарта. Алексей выключил Моцарта и снова закрыл глаза, пытаясь вспомнить только что виденный сон, но не смог. Ему показалось, что сон был какой-то удивительный, необычный даже для сновидений. Проклятый будильник!

Алексей встал, подошел к окну. Сквозь легкие высокие облака город освещался мягким утренним солнцем.

– Так, сегодня у нас... Троице-Сергиева Лавра. Андрей говорил, что это кусочек старой России? А где он видел старую Россию?

Алексей неторопливо побрился и спустился в ресторан. За завтраком он снова пытался вспомнить сон, но вместо этого вспоминалась его последняя встреча с братом в Париже. Анд-

рей был необычен. Он то задумывался и уходил в себя, то шутил изо всех сил и смеялся. Разговор бестолково скакал с одной темы на другую и, наконец, наткнулся на смерть. Не смерть вообще, а конкретное его, Андрея. Тогда он задумчиво улыбнулся и сказал:

– А я знаю свою смерть. Я ее уже видел и говорил с ней. Она совсем молодая, очень красивая и у нее темно-сиреневые глаза.

Алексей с «непромокаемым» лицом игрока в преферанс посоветовал. – Ты расскажи о ней Жаклин и опиши поподробнее, она быстро сообразит, как уберечь тебя от этой «смерти», и вспоминать ее не захочешь.

Они рассмеялись.

Покончив с завтраком, Алексей вышел из гостиницы. На стоянке было несколько машин, но все они оказались занятыми. Минуты три он ждал. Наконец, подкатило такси, из него вышли две молодые, смело одетые женщины и, увидев, что Алексей направился к ним, остановились в ожидании. Но ему нужна была только машина.

– Свободен?

– Пожалуйста.

Алексей сел на заднее сиденье.

– Куда едем?

– В Загорск

– Вот в Загорск не могу, у меня через час смена кончается. Да и нет смысла туда пылить в тачке – трасса старая, перегружена – не раскатишься, только гари наглотаешься. На электричке лучше. На Ярославский отвезу, пожалуйста.

Алексей представил себя у окна вагона... под стук колес пейзажи... пейзажи... и согласился. Минут через десять были на месте. Выйдя из такси, он сразу потонул в привокзальном муравейнике. Народу было как на хорошем базаре: торговали цветами, мороженым, толкались у ларьков, толпились у таксофонов, сновали во всех направлениях с чемоданами, мешками, рюкзаками и сумками всех видов. Толстые низкорослые цыганки перекрывали общий гвалт фанерными голосами: – Тени, девочки, тушь французская, помада барламутовая... Тени, девочки, тени...

Алексей протолкался к нужной платформе. Вагоны в электричке оказались уже заполненными, но в проходе еще можно было устроиться. Как только поезд тронулся, пассажиры потянулись в свои многочисленные сумки за едой. Кто не жевал, те

либо читали, либо закрывали глаза и дремали. Было ясно, что все они устроились на дальнюю дорогу и пейзажи под стук колес отменяются. Сразу же, несмотря на открытые окна, вагон наполнился цепким запахом вареной колбасы. На первой остановке Алексей повернулся к стоявшей рядом девушке с мороженым. – Долго ли до Загорска?

– Часа полтора, – ответила та.

– Влип, – подумал Алексей и пробрался в тамбур, где колбасный дух полностью потерялся в табачном дыму и винном перегаре. Четверо молодых упитанных мужиков громко беседовали, остальные пассажиры жались по стенкам.

– Ну! Серый – башка, – говорил один из них, – на прошлой неделе такую крутую халтуру смозговал! Мы с ним за два дня семь штук заколотили.

– Ну, это ты гнешь, – ухмыльнулся другой, – семь штук за два дня!

– Я? Гну? Козел ты...

– Сам ты – козел...

– Ша, мужики! Не надо! – вмешался третий, самый здоровый. – Будем по-культурному. А куда он, Серый-то девался? Что-то его давно не видно.

– Да он из Лосинки съехал. Знаешь, какую он себе хазу на Ленинском ухватил! Я у него на днях был. Ну, я, понятно, с банкой пришел, он свою выставил, потом ноль семь бормоты достал из холодильничка. Ну, потолковали – то, се... вроде маловато.

– Ха, – вмешался четвертый, – это вам с Серым, как слону дробина.

– Да, – продолжал первый, – Серый – за телефон и своей звонит. Приходи, грит, и подругу свою из винного захвати с товаром, нас тут двое.

– Во, это путем, – оживился здоровяк и выпустил в сторону Алексея паровозную струю дыма с перегаром.

Тут электричка остановилась, двери открылись, и Алексей, не размышляя, выскочил на платформу. Электричка с воем и скрежетом набрала скорость и скрылась.

С одной стороны платформы тянулись жилые дома, с другой к самому полотну подступал лесопарк. Наступившая вдруг тишина, чистый воздух и выглянувшее солнышко несколько подняли настроение. Планов не было, и он, нырнув в тоннель, очутился на широкой асфальтированной дороге, ведущей в глубь лесопарка. Справа показался большой, огороженный за-

бором, пруд с песчаным пляжем, где купались, загорали, играли в волейбол и даже удили рыбу. Слева, в тени старых берез, в излучистых прудиках-протоках с бетонными бережками плавали дикие утки. Это была окраина «Сокольников».

Рядом с ним и навстречу шли пешком и катили на велосипедах отдыхающие всех возрастов. Алексей заметил, что, несмотря на знак, запрещающий выгул собак, собак этих было множество, всех мастей и размеров, и чаще всего без намордников и поводков. Сонных милиционеров с шипящей рацией, устроившихся в тени на скамейке, это не волновало.

– Да, – подумал он, как бы суммируя все сегодняшние впечатления. – Если, может быть, это еще и не Азия, но уже и не Европа. Азия? Он вспомнил выхолощенные улочки Сингапура с яркой зеленью в вазонах из пористой керамики, – Азия, она тоже разная. Как было все непохоже на то, что рассказывал отец и дед Егор. Они, правда, были в России очень давно, а мама была совсем маленькой и ничего не помнила. Но более всего удивляло, как все, что он видел, не совпадало с рассказами брата, а он был здесь совсем недавно – всего три года назад.

По мере движения вглубь парка людской поток постепенно слабел, растекаясь налево и направо по дорожкам и тропинкам, и совсем уже тоненькой струйкой успокоился в уютном саду, где и под свисающими ветвями берез, и среди сирени, и в центре клумб привольно расположились скульптурные группы и одиночные фигуры. Спокойная простота форм каменных изваяний и живая ткань цветущих растений удивительно дополняли друг друга.

Как нелепо бы выглядели на их месте модернистские забавы, – подумал Алексей. Он присел на скамейку рядом с молодой мамой в белой панамке. Одной рукой она покачивала детскую коляску, а в другой держала толстый журнал и читала.

Было светло и покойно. Он закрыл глаза. Пробиваясь через листву, по лицу бегали пятнышки солнца. Впечатления сегодняшнего дня отодвинулись, поблекли и уступили место тому особому душевному ладу, свободному от торопливых мыслей и суеты. С годами он все больше ценил такие минуты. Он не дремал, но покой и неподвижность обволокли все его тело, мысли, и в какой-то момент сами собой всплыли строчки:

«Хорошо никуда не спешить,
Ни о чем не жалеть, не желать,
Губы солнцу подставить и длить
Эту маленькую благодать.

А по небу плывут облака.
А в цветке копошится пчела.
Так легко, будто чья-то рука
Тяжесть лет с плеч усталых сняла,
И рассеялась серая мгла.
Так светло, будто свет изнутри
Начинает лицо освещать.
Мысль, растаяв, течет за миры...
Но, чтоб не было в этом и тени игры,
Надо много пройти и узнать...»

Стихи отзвучали, но осталась тихая, едва различимая музыка и танцующие пятна света. Они множились, разбегались и сливались, подчиняясь плавному ритму музыки, убаюкивали но не усыпляли.

Вот два сиреневых пятна остановились на одном уровне и вокруг них движение стало постепенно замедляться, утихать, и Алексей вдруг ясно увидел перед собой живое девичье лицо с темно-сиреневыми глазами! Он вздрогнул и огляделся по сторонам. Вокруг все было по-прежнему. Только молоденькая мама перестала укачивать дитя и, отложив журнал, вязала. Мимо них, стараясь не шуметь, шли посетители парка. Иногда они задерживались ненадолго возле каменных фигур.

– Что это сегодня за чертовщина... с сиреневыми глазами! – Алексей поднялся и пошел из сада. В конце дорожки, по разные стороны ее стояли бюсты Пушкина и Чайковского. Алексей остановился и долго всматривался в их лица. Казалось, их взгляды пересекаются где-то в пространстве в одной общей точке. Они как бы вели давно начатую беседу. О чем? Может быть, о нас, потомках, и обо мне тоже. Если бы они знали тогда, как их любят теперь! Пушкин задумчив. Горечь его нелегких дум притушила глаза и осушила очертания губ: – «На свете счастья нет...»

А какое лицо у Чайковского! Никогда прежде Алексей не встречал такого одухотворенного лица – в жизни или на полотне, в камне или бронзе. И было в нем какое-то неуловимое сходство с Андреем. Он долго вглядывался в удивительные черты и понял – доброта и безнадежность всепонимания. Как там у Андрея:

«Во многом знании немалая печаль»,
Оно подобно ноше за плечами,
Оно как свет, открывший глазу даль
И ранящие камни под ногами.

Но чем свет ярче и чем путь ясней,
Тем ноша давит плечи все сильнее.»

– Ну, прощайте, родные, – почти вслух подумал Алексей, – спасибо рукам, освободившим вас из камня. Он посмотрел на них в последний раз, повернулся и... замер... перед ним стояла стройная светловолосая девушка с темно-сиреневыми глазами.

– Здравствуйте, Алексей Иванович, – сказала девушка и улыбнулась.

– Она! – тело обмякло, стало чужим, неуправляемым. Сердце заколотилось так, что, казалось, могло вывалиться из груди.

– Нет же, не пугайтесь – Андрей был не прав, я – никакая не смерть, нет. Поверьте мне.

– Что это – она читает мои мысли? Ведь я еще ничего не сказал...

– Да, – просто сказала она, – читаю. И Вы правильно поняли – я встречалась с Андреем, когда он был еще жив.

Алексей по-прежнему не мог открыть рта.

– И не торопитесь говорить, я Вас и так понимаю. Я Вам все-все объясню.

Мысли необхватными валунами едва ворочались в его голове, – какое, наверное, сейчас у меня идиотское лицо.

– Нет, улыбнулась девушка, – у Вас хорошее лицо. Вы очень похожи на брата, только прическа другая, – и, подумав, добавила, – спектральные характеристики Вашей психоплазмы также отличаются совсем немного. Правда, когда был жив Андрей, Ваше излучение не входило в число контролируемых, но после оно стало заметным, растет и почти достигло первой величины. Впрочем, все это должно быть непонятно. Я все расскажу по порядку...

Вот уже который час они бродили по дорожкам парка, иногда присаживаясь отдохнуть на свободные скамейки. При беглом взгляде их можно было принять за отца с дочерью, при более внимательном – за влюбленных: они молчали, но было видно, что окружающее для них не существует – они целиком замкнуты в другом, только им известном мире. Еще более внимательный наблюдатель мог бы прийти к выводу, что их любовь с изломом – она несколько возбуждена, но серьезна, а он совершенно потерян. Но кому могло прийти в голову, что сейчас перед одним из них открывается сокровеннейшая из тайн этого мира?

– ...Именно так, – «говорила» девушка, – чтобы получить максимальный урожай, у Вас на Земле хлеб убирают в оптимальные сроки: и раньше – плохо, и позже – потери. Так и психоплазма – оптимальный возраст для ее трансплантации в наше пространство для разных людей составляет 20–40 лет.

– Это не очень убедительно. На одних автотрассах гибнет сейчас гораздо больше людей, чем в локальных войнах. За прошлый год только в этой стране на дорогах погибло больше людей, чем за девять лет войны в Афганистане.

– Все не так просто. Мне трудно Вам за короткое время объяснить все детали. Во-первых, одно не исключает другого – эти процессы аддитивны. Во-вторых, если человек находится в стрессовом состоянии какое-то достаточно длительное время, то эффект трансплантации существенно возрастает, а на дорогах гибнут внезапно. У Вас это называется повышать КПД. Кроме того, и убивающий теряет часть своей психоплазмы. Да, человек, который вынужден заниматься убийством, в конечном итоге вырождается, становится, по существу, уже не человеком. Ведь Вы сами совсем недавно утверждали, что двуногое, у которого ничего нет, кроме двигательных, жевательных, половых и других рефлексов, в какую бы цивилизованную форму они не облекались, – еще и не человек вовсе. Но и это не главное. Существует, используя вашу терминологию, оптимум интегрального уровня нравственного развития человечества в целом, при котором выход психоплазмы максимален.

– ?? – Алексей глянул на девушку и ничего не сказал.

– Чтобы понять существование любого оптимума, нужно рассмотреть две крайние точки. Двуногое без психоплазмы – с него и взять нечего – это одна крайность. Но, если уровень психоплазмы высок, а ее структура тонка и однородна, тогда тоже уменьшился бы ее съем, трансплантация в наше пространство, так как уменьшится число войн, победятся болезни и другие причины гибели в оптимальном возрасте. В пределе совершенствования человека выход психоплазмы уменьшился бы до минимальной величины. Наступило бы состояние собственного динамического равновесия. Поэтому войны, впрочем не одни они, являются еще и средством снижения нравственности и поддержания ее на необходимом уровне. Войны входят в число инструментов растления людей.

– Растлевой и властвуй – это у нас на Земле прекрасно освоили «наши родные мафии», но вы существа другого уровня, как Вы утверждаете, а методы такие низкие.

– Напрасно Вы, Алексей Иванович, сердитесь и хотите уколоть меня, – улыбнулась девушка, – проблемы добра и зла, я думаю, существуют во Вселенной на всех уровнях. Меняется только форма, обличье добра и зла и форма их взаимодействия – борьбы. Это один из законов Космоса.

Девушка «замолчала». Легкий ветерок поднимал сзади ее волосы, солнечные лучи их просвечивали и делали похожей издали на золотой одуванчик.

– Одним словом, – после некоторого раздумья продолжила она, – все, что по-крупному происходит у вас на Земле, детально исследуется, моделируется там, у нас, и оптимизируется. Только критерием оптимизации является не ваше благо, а максимум плотности потока психоплазмы, перекачиваемой в наше пространство. Задача таких «посланников небес» как я, – уточнение здесь, на месте, оперативных показателей процесса для коррекции текущих данных, вводимых в оптимизационную модель.

– Значит, Вы что-то вроде лаборанта-натуралиста при господах-ученых, или кто там они...

– Нет, Вы меня не поняли, – глаза девушки потемнели, по лицу скользнула досада. – Это мы, мой прадед и его друзья, открыли это пространство и начали изучать вашу психоплазму, а они захватили власть и наши знания.

– Похоже. Здесь на Земле – тот же сценарий: одни – ученые изучали атом, другие – власть имущие купили эти знания и сделали атомную бомбу, так?

– Так.

– Но войны родились вместе с человечеством, когда же Ваш прадед мог изучать нашу психоплазму, не прибегая к таким инструментам?

Она улыбнулась, как улыбается мать, услышав вопрос своего малыша. Лицо ее посветлело и стало прежним – спокойным и серьезным: – Ваши дни для нас – мгновенья, а вот время, проведенное мною здесь, отсчитывается, увы, в другом масштабе, промежуточном между земным и нашим. Это – ответ на еще один вопрос, который Вы не успели мне задать – почему «посвященные» не навещают вас сами, а посылают нас – «лаборантов-натуралистов», как вы выразились. Посвященные себя ценят и берегут. Это во-первых. А во-вторых, период времени, до того момента, как вас стали использовать в качестве источника энергии, естественно стерт из вашей истории почти полностью.

Исключение составляют фрагменты некоторых легенд, да и те воспринимаются вами иначе.

Они помолчали.

– Помнится, – прервал молчание Алексей, – у индейцев Центральной Америки был культ жертвенных войн – чем сильнее льется кровь, тем ярче горит солнце – так учили жрецы. Это буквально то, о чем Вы мне рассказали.

– Да, Вы правы. Это один из вариантов культа, «посеянных» в свое время на Земле по замыслу «посвященных».

– И таких вариантов было несколько?

– Да. И этот, как самый прямолинейный, оказался не самым эффективным...

– Эффективным? Кровавым! Если быть честным и не искать эвфемизмы.

– Вы правы, мне самой крайне неприятно говорить обо всем этом. Об этом и думать не хочется...

– Извините... Голова разболелась... А какой же самый эффективный вариант?

– Избранность народа. Если Вы помните, и Чингиз-Хан провозгласил монголов избранным народом и пролил их руками столько крови – избранным все можно; и Наполеон внушал своим солдатам, что французы – первый народ в мире и пролил крови не меньше. Были и другие. Примеры из недавней истории и этих дней, я думаю, мне приводить не надо.

Край неба потемнел. Подул свежий ветер, и в его порывах уже слышались глухие раскаты грома.

– Гроза будет, – безучастно подумал Алексей, – или стороной пройдет. Он вдруг ощутил в себе тяжелую безразличную пустоту. Больше ни о чем не хотелось ни думать, ни говорить. В левом боку кольнуло раз, другой, потом еще... И уже по инерции он спросил:

– А болезни?

– Они не так эффективны, как войны, но дают некоторый прирост по сравнению с естественным процессом.

– Я не это хотел спросить.

– Я поняла. Большинство из них имеет естественный характер.

– Большинство? Значит, есть и ваши...

– Да не наши, а «посвященных». Неужели Вы до сих пор не поняли разницы? Или не верите мне?

Лицо девушки стало отчужденным.

– Поймите же, наконец, если бы я выполняла волю «посвященных», зачем бы мне понадобился весь этот разговор, когда есть отработанные методы воздействия и управления? Какой в этом смысл?

– Да, верно... извините.

– Вы устали, да и мне пора. Скоро нужно отправляться обратно, а еще многое не сделано. Я приду к Вам завтра после обеда.

– Ко мне? Куда?

– В гостиницу.

– Ах, да... действительно. Куда же еще.

Она остановилась и посмотрела ему прямо в глаза:

– Конечно, у Вас сейчас больше вопросов, чем хотелось бы. Завтра я постараюсь на них ответить. До свидания, Алексей Иванович. Глаза ее снова улыбались.

– До свидания...

– Эа, меня зовут Эа.

– До встречи, Эа.

IX

Эа... Эа... В голове Алексея ничего не было, кроме этого Имени. Оно бессмысленно повторялось, словно бесконечное эхо, то отдаляясь и затихая, то снова приближаясь и усиливаясь. Немного придя в себя и оглядевшись, он обнаружил, что стоит на том же самом месте где впервые ее увидел. А не почудилось ли мне все это? – посмотрел на часы – нет, не похоже – не мог же он «бредить» почти четыре часа. Взгляд его остановился на каменных ликах Пушкина и Чайковского. Но и тени тех чувств, которые он испытал так недавно, глядя на них, у него не возникло. Ощущение крайней опустошенности овладело каждой клеткой его тела. Если бы сейчас перед ним оказался черт с рогами, копытами, хвостом и прочими аксессуарами, он спокойно прошел бы мимо этого черта.

Эа... Алексей повернулся и побрел наугад. Пройдя через заросли кустарника, он оказался перед шахматным клубом. Под вековыми деревьями стояли маленькие столики с двумя скамеечками, врытыми в землю. За ними десятка три-четыре добровольных рабов Каиссы отрешенно стучали кнопками шахматных часов.

Алексей сел за один из свободных столиков и долго сидел неподвижно, глядя перед собой ничего не видящими глазами.

Гроза прошла стороной. Светило солнце. Вверху на деревьях ссорились и кричали вороны, внизу в кустах без умолку верещали воробьи. Шахматисты обильно сопровождали свое действие ритуальными восклицаниями типа: «Нет-нет! конь ходит, а не слон: полапал – женись!» – или – «Да я митель лучше тебя стоял, если б не зевок, ты бы у меня как Дуся сидел!»

Эа... Сошел ли я с ума? Судя по тому, что возникает такой вопрос – еще нет. А что, в сущности, надо от меня этой... богине? А как хороша! Алексей стал мысленно перебирать своих знакомых: если бы среди них была такая – не ходить бы ему старым холостяком. Эа... Эа...

– Извините, не хотите ли сыграть партию? – Алексей слегка вздрогнул от неожиданности. Перед ним с сумкой через плечо стоял мужчина среднего роста лет сорока с круглой лысеющей головой и густой щеткой широких усов. Серые глаза смотрели просто и доброжелательно.

– Да, с удовольствием. – Алексей обрадовался возможности отвлечься от этой... фантастики.

– Меня зовут Игорь, – сказал человек, садясь за стол и вынимая из сумки часы и шахматы.

– Алексей. Приятно познакомиться. – Он почувствовал, что вышло несколько натянуто. Игорь улыбнулся и протянул руки с двумя пешками. Алексей выбрал левую, получил белый цвет, но это ему не помогло: он быстро проиграл партию, затем вторую и третью.

– Я Вам, кажется не партнер, – бесстрастно сказал он.

– Ну почему же, – проявил великодушие Игорь, – игрок чувствуется. Просто, я думаю, вы давно не гоняли блица.

– Да, Вы правы, очень давно.

– Вы из Прибалтики?

– Нет, я из Франции. Что, сильно заметен акцент?

– Нет, не очень. Для иностранца Вы говорите отлично.

– Я иностранец, да, но не совсем. Мои мать и отец – русские, и все корни, ветви и сучки генеалогического дерева – тоже. Родители эмигрировали из России осенью двадцатого года с белой армией, – Алексей ждал реакцию на «белую армию», но Игоря это ничуть не смутило.

– Вы из промышленников или дворян?

– По отцу – из старинного княжеского рода Ижеславских, по матери – из терских казаков.

Игорь смотрел на собеседника с явным интересом. Алексей достал визитную карточку на английском и французском языках и протянул Игорю. Эа... Эа...

– Мои предки, – стараясь переключиться продолжал Алексей, – впервые упоминаются в летописи в 1237 году во время нашествия Батая на Рязань. Старший из двух братьев тогда погиб, но остался младший, от него и тянется наш род.

– Интересно, – задумчиво произнес Игорь. – Это сколько же? Семь с половиной веков. История. – Они помолчали.

– С историей у нас своя история, – неторопливо продолжил он, как бы вдумываясь в каждое слово, – ее нам разрешили снова изучать только в тридцать четвертом году – зачем быдлу история? Да и как нам ее подносили: одно вырезали, другому понаклеивали ярлыков – буржуазный, реакционный, третье, мягко выражаясь, исказили, в общем, написали ее заново. Лучших людей разогнали или уничтожили – рабов формировали и, надо сказать, во многом преуспели. Трудармия. Каналоармейцы. Моего деда, крестьянина, в тридцать седьмом сгноили. Все мои предки – крестьяне из одного села – это к слову о генеалогическом древе. И за что сгноили? Ходоком два раза у Калинина был: «обчество» посылало – поезжай, Иван Игнатъич, ты – грамотный. А грамоту он в окопах первой мировой освоил. Был бы мироед какой, а то на семью из восьми человек одна лошадь, да корова – впроголодь жили. После второго его «вояжа» в Москву к Калинин, только он вернулся домой, пришла из города подвода с двумя чекистами – и больше никто его не видел. Даже письма ни одного не было. Да что мой дед! Лучшими умами набивали пароходы и выбрасывали за границу – нате вам, а нам не надо. Серых-то легче охмурять. И каких людей вышвырнули – Питирим Сорокин, Сергей Булгаков, да мало ли...

– Ну, если эти имена здесь помнят, значит, слава Богу, еще не все потеряно. А с отцом Сергием матушка моя хорошо была знакома, протоирей и дома у нас, говорят, за самоваром сиживал... Это уже там, в Париже. Матушка моя была глубоко верующим человеком.

– А Вы веруете в Бога?

– Я – нет, пожалуй. А Вы?

– Если вы о библейском Боге, то – нет, разумеется. Кстати, и моя мама тоже была верующей. Вообще же, вера подменяет знание, и, кто знает, чем эта подмена оборачивается для людей. Впрочем, надо признать, многие светлые головы думали иначе

и не только были верующими, но и находили в христианстве источник для творчества.

– Кого Вы имеет в виду?

– Например, Гегеля и его «Философию религии».

– Вы филолог?

– Нет, я – радиофизик, окончил московский университет.

Алексей вспомнил свои споры о Боге и христианстве с Андреем еще в гимназическую пору и, как здесь говорят, «прикинулся валенком». – Согласитесь все же, что христианство несет в себе высокую нравственную идею.

– А это, Ваша светлость, как посмотреть... Извините, ничего, что я Вас так?

– Ничего. Дело не в форме. Мой дед Егор – старый казак, говаривал. – Хоть горшком назови, только в печку не суй.

Они рассмеялись.

– Скажите, а что же простой казак бежал за границу, крови что ли много пролил?

– Нет, он был денщиком моего деда по отцу – полковника Александра Ивановича Ижеславского. Дедушка не захотел уезжать со своей земли. Когда красные Перекоп взяли и прижали наших к морю, он с одним из последних кораблей отправил в Константинополь своего сына Ивана, моего будущего отца. Отец тогда серьезно ранен был.

– Он тоже воевал?

– Да, ему было уже семнадцать лет. Пулевое ранение в грудь. С сыном дедушка отправил своего денщика Егора, чтобы тот выходил его. Егору он отдал все фамильные драгоценности. Кое-что из них пришлось заложить, чтобы добраться до Канады. В Канаде у Егора земляки были. Но была с ними еще и пятилетняя дочка Егора, Аннушка – моя будущая мама. Егор ее с собой вынужден был возить – жена умерла от тифа.

– А что же Александр Иваныч?

– Погиб, конечно. Дед Егор говорил, для того и остался, чтоб умереть на своей земле, как положено.

– Романтическая история, – помедлив сказал Игорь, – князь женится на дочери своего слуги, как в кино.

– Не так все просто. Во-первых, Егор был уже не слуга, он оказался верным другом: выходил отца, поставил на ноги. Во-вторых, отец сначала женился в Канаде на богатой, но Егор с Аннушкой жили с ним вместе. Когда же Аннушка подросла, все изменилось – отец оставил богатую жену, дело, и они втроем уехали во Францию. Сначала бедствовали. Егор сапожничал.

Отец работал шофером, подрабатывал уроками английского и немецкого. Потом обжились понемногу.

Некоторое время они сидели молча.

– Вы знаете, – прервал молчание Алексей, – есть такая теория, что люди при первой же встрече проникаются друг к другу симпатиями или антипатиями... где-то на уровне биологических полей, – и, помедлив, неожиданно для себя, добавил. – Вы мне сразу стали симпатичны.

– И Вы мне... Мы, по-моему, примерно, ровесники – мне тридцать девять.

– Увы, нет. Мне – пятьдесят один.

– Пятьдесят один? Ну, я скажу, время к Вам даже не по-княжески, а по-царски относится. Никогда бы не дал больше сорока-сорока трех.

– Приятно слышать. Так мы, помнится, говорили о христианстве?

– Христианство... – это такой разговор. В этом деле, как у нас говорят, без бутылки не разберешься. У меня есть предложение – я тут недалеко живу, неплохо бы перекусить. Жена с дочками к теще уехала в Звенигород, будут не раньше десяти, так что времени и на христианство хватит.

– Что ж, с удовольствием, – ответил Алексей. Эа... Эа...

Игорь собрал шахматы и часы в сумку, перекинул ее через плечо. Они поднялись и пошли.

– А что же вы к теще не поехали?

– Мое присутствие плохо отражается на ее здоровье – у нее давление от этого поднимается. Человек она хороший, добрый, хлебосольный, но в вере крепка необыкновенно. Я как-то по недомыслию прокомментировал при ней библейский сюжет – как праотец Авраам свою жену Сару пристроил в гарем фараона, когда они прибыли в Египет. С тех пор моя жена ездит в Звенигород без меня. Да нет худа без добра – у меня появились совершенно свободные дни – один, а то и два в месяц. Иногда так хочется побыть одному. Но, – спохватился Игорь, – сегодня другой случай.

Чем ближе к выходу из парка, тем становилось больше народу, ларьков, киосков и детей с разноцветными воздушными шарами. На маленькой эстраде играл духовой оркестр. Вальс неторопливо покачивался над шумной толпой, но никто не танцевал. День клонился к вечеру. Небо затянулось плотными облаками. Подул ветер, закачал верхушки деревьев, зашумел листвой.

– Так Вы к нам туристом? – спросил Игорь.

– Нет. Я, как у вас принято говорить, – бизнесмен. Правда, уже три года, как отошел от больших дел. Сейчас у вас разрешили совместные предприятия, и я изучаю возможность вложения своего капитала.

– Рассчитываете на хорошую прибыль?

– Прибыль меня мало волнует. Моего состояния хватит на несколько моих оставшихся жизней, обеспеченных на высоком уровне не по вашим, а по западным стандартам... И наследников у меня прямых нет.

– Так что же – ностальгия?

– Ностальгией это не может быть, так как я родился и прожил жизнь там. Что меня сюда привело, я пока толком не могу объяснить и самому себе.

– Ну, тогда – смена впечатлений, любопытство, наконец.

– Да, может быть. Хотя я не очень любопытен по природе. Мое любопытство развито не более, чем этого требует технология бизнеса, – он немного помолчал. – Скорее всего, хочется понять, о чем тосковали всю жизнь дедушка и отец.

– Значит, капитал тут ни при чем.

– Капитал? Великая страна была Россия. Какой взлет духа в девятнадцатом и начале двадцатого веков. Мировая культура и сейчас черпает из этого колодца. А что теперь? Одни ракеты.

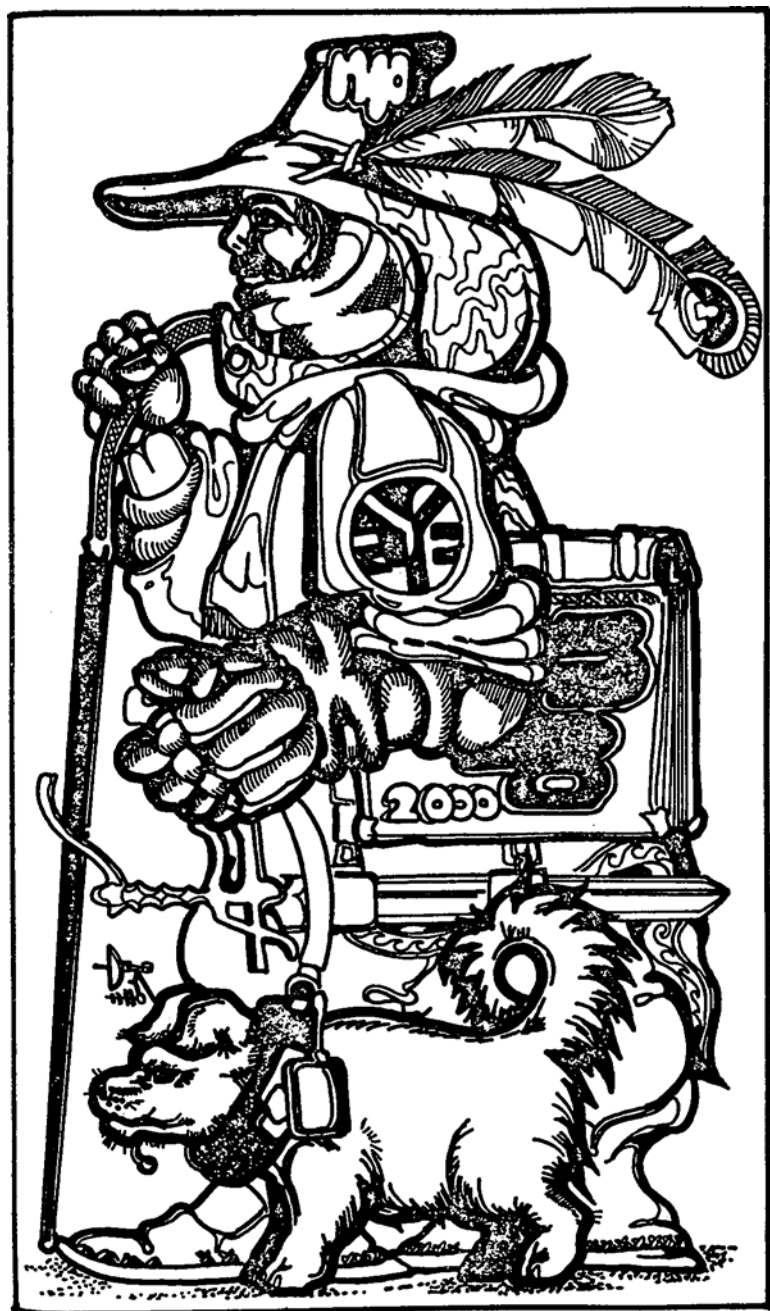
Они вышли из парка и, свернув направо, шли недолго вдоль его ограды, потом углубились в маленькие улочки, где дома старой Москвы перемежались с безликими коробками современных зданий.

– Вот мы и пришли, – сказал Игорь, когда они оказались возле одной из таких девятиэтажек. Небольшая трехкомнатная квартира с низким потолком была обставлена безо всяких претензий. Множество книг, пожалуй, было ее единственным украшением.

Алексею вспомнилось: «Греховно все, что не необходимо». Если так, то здесь до греха далеко.

Игорь очень быстро – была видна сноровка – порезал на сковородку, где уже шкварчало сало, картошку, вынул из холодильника несколько банок: исландскую селедку в винном соусе, шпроты, югославскую ветчину, соленые грибы, порезал финский сервелат и увенчал стол потной бутылкой пшеничной.

– Ого, – искренне удивился Алексей, – значит, не зря говорят, что у вас в магазинах пусто, а в холодильниках густо.

– Да, – согласился Игорь, – заказы иногда переппадают, приходится запасаться впрок. А грибочки вот зато свои, домашние. Но все это доставание, добывание унизительно. Я даже машину продал, покатавшись всего три года, – не вынес мук автосервиса. Бунин писал, что у него была совершенно ощутимая боль возле левого соска даже от одних таких слов как «революционный трибунал». У меня то же самое от слов «автосервис», «стройматериалы» – словом, как говорил один слесарь: «Дожились». Ну, да ладно, – Игорь поднял свой шкалик, – как водится в таких случаях: со свиданьем!

– За приятное знакомство, – ответил Алексей, выпил и, немного закусив, спросил. – Скажите, мне показалось, что у вас теперь очень много пьют, это так?

– Да, так, – посерьезнел Игорь и добавил, – но у тех, кто пьет, водка в холодильнике не стоит.

После второго шкалика пшеничной дьявольская нагрузка этого дня немного отпустила. Поутихла боль, стальным обручем обравшая голову. Алексею временами удавалось отвлечься и тогда ему уже не приходилось думать об одном, а говорить на другую тему. Беседа складывалась непринужденно. Алексею было с Игорем с самого начала легко и просто, как ни с кем после смерти Андрея. Он вдруг подумал, что, если правы те, кто учит – ищи радость в каждом бегущем мгновении, ибо оно неповторимо, то он, Алексей, испытывает сейчас простую радость бытия, может быть, впервые за несколько лет, несмотря на все сегодняшнее потрясение. Но может быть и благодаря ему? Может быть в этой кухоньке он бессознательно ищет недолгое и ненадежное убежище от сокрушительной стихии, так неожиданно сорвавшей крышу над его головой.

Он смотрел Игорю в его серые с грустинкой глаза, такие близкие сейчас, слушал его, иногда не слыша, и в то же время всем существом проникаясь его мыслями, может, даже не самими мыслями, а тем, что их порождало. И одновременно он еле сдерживал себя, чтобы не разрыдаться, не крикнуть ему: «Родной мой, все это ерунда, пустяки, все самое главное – совсем не так, как нам представляется. Никакие мы не цари природы! Вершина творения! Мы – очередное слабое звено в бесконечной цепи, вроде травы для зайцев или зайцев для волков».

А вместо этого он смотрел на Игоря, кивал ему головой, лишь иногда вставляя в разговор какие-то фразы, что-то такое, что, к удивлению, было уместно, что побуждало Игоря спорить

с ним или соглашаться, но что он, Алексей, сам слышал как бы со стороны.

Эа... Эа... Кто ты в моей судьбе? Одно ясно, жизнь переломилась и прошлому нет возврата. Он летит в бездну и не знает, что впереди – острые камни или звездное небо.

– Новый завет, – между тем рассуждал Игорь, – это супермаркет, где каждый найдет себе свое: бедняк – утешение в загробном царстве небесном; богач – уверенность в своем деле, в умножении благ при жизни; бездельник – оправдание своей праздности; жулик – похвалу за смекалку... Тот, кого природа, к его несчастью, наградила совестью, в этом супермаркете тоже найдет свое и, в первую очередь, в нагорной проповеди. Одно утверждение, что кроткие наследуют Землю, заставляет задуматься и оглянуться по сторонам – вокруг-то все наоборот! А в евангелии от Иоанна – познай истину и истина сделает тебя свободным! Каково? Правда, Веды «поведали» это миру намного раньше. Кстати, и знаменитая формула Маркса о свободе имеет по существу, тот же смысл, если ее не вырывать из контекста.

А над всем этим разнообразием – десять заповедей ветхого завета и, заметьте, первые четыре направлены не на совершенство духа человеческого, а на утверждение власти над человеком:

– Аз есть Господь Бог твой, да не будет тебе Бога, кроме меня;

– Не сотвори себе кумира и всякого подобия ни на небе, ни на земле, ни в водах, ни под землей, да не поклоняйся и не служи им;

– Не упоминай имени Господа Бога твоего всуе;

– Помни день субботний, шесть дней работай, делай дела свои, а седьмой день, субботу посвети Господу Богу твоему, – Игорь усмехнулся, – у нас это совсем недавно называлось – «единый политдень». А супермаркет нового завета нужен был, по-видимому, для того, чтобы в сети эти, под первые четыре заповеди попало побольше народу и не так важно какого – важен охват, одним словом – все те же проблемы власти.

– Уж не изгнали ли Вас из семинарии? – искренне удивился Алексей. – В университете все это, насколько я знаю, не преподают.

– Нет, – рассмеялся Игорь, – семинаристом я не был. Просто интересно было копаться в книгах, чтобы понять, чем жили наши предки, и почему христианство стало мировой религией.

– Так почему же?

– Многое осталось непонятым. Может быть, не хватает знаний по истории человечества в целом и по нашей истории – чем и как жили наши предки. Ведь дошло до нас немного – осколки. Христианские миссионеры постарались все уничтожить, что мешало им захватить власть над душами людей – даже наши древние музыкальные инструменты. Сколько веков им, «милосердным», огнем да мечом пришлось искоренять язычество на Руси. Но мне стало ясно, что верование простых людей очень сильно отличается от христианских канонов. Это я знаю не из книг, а по своей матери, по бабушке. Да и некогда им было книжки читать, к тому же и не все умели. Мать моя неполных две зимы в школу ходила, а бабушка и вовсе не училась. Но, представьте себе, как маленьких детей приводили в церковь. Какая красота по сравнению с их избой! Хор поет, и как поет! Совсем не то, что сосед под гармошку. Слова священника непонятны, но от того и значительны – тайна, таинство. А тайна в каждом из нас разрастается по размерам его души. Вот и создал за века наш народ себе Бога по образу и подобию своему, по размерам своей души. Мне кажется, в этом и есть суть народного православия.

– Какие у Вас сложные отношения с христианством. Я даже не пойму, чего в них больше: неприятия или почитания? Что-то в этом есть от Толстого. Кстати, не забудьте – он был предан анафеме!

– Ну, – рассмеялся Игорь, – мне это не грозит, да и кого этим теперь испугаешь. – И уже серьезно. – А знаете, как я люблю наши древние храмы – белые с золотыми куполами. Скажите, они Вам ничего не напоминают?

– Я слышал где-то, что их облик символизирует свечи – белые свечи с золотым пламенем вверху, – немного подумав ответил Алексей.

– Да, это интересный образ, – согласился Игорь, – но я, наверное, неточно выразился. Напоминает – это, по-видимому, не очень подходящее слово. Они совершенны. В них нет ничего лишнего. Они просты и, в то же время, непостижимы как кристаллы. Кристаллы, выросшие в душе народа. Мне кажется, что, если бы существовали кристаллы совести, кристаллы справедливости, то они были бы такими, как наши древние храмы. Вспомните Успенский собор во Владимире или Дмитровский.

– Эти два храма я видел только на фото, – признался Алексей, – но вот новгородские в самом деле удивительны. Кристаллы совести... – сильно сказано, но... не слишком ли сильно?

– Я думаю, нет. То, что совесть и справедливость на особом месте в России и теперь, после жуткого геноцида и растреления, – это признают даже русофобы.

– ? – Алексей поднял брови.

– Да. Например, один из них, нимало не терзаясь сомнениями, решил обсуждать не свой народ, а наш. Он так по-хозяйски и определил, что ничего хорошего в русском народе нет кроме тяги к справедливости, но что истинная демократия в справедливости не нуждается... Вот так!

– Это забавно.

– Да, очень забавно. Но я не хотел бы дожить до того времени, когда Россию «перестроят» под «истинную демократию». Да это и невозможно! Это же – ложь, а что можно построить на лжи! Ну как это – без справедливости? Какая это, к черту, демократия, и какому «демосу» она нужна! Ну, да Бог с ними, с русофобами, – Игорь зажевал русофобов ветчиной. – Хоть и говорится, что нет пророков в своем отечестве, но, к счастью, они все же есть! Вот Достоевский – сколько томов о нем написано, а Иннокентий Анненский в четырех строчках всю его суть высветил, даже в одной строчке – первой: «В нем совесть сделалась пророком и поэтом». Каково? А кто из наших писателей был ближе к русскому человеку, чем Достоевский? Вы скажете: «Он – почвенник. Это – не типично». А Толстой? В любой его книге разве не совесть – тот стержень, вокруг которого все крутится? А Цветаева? Уж ее то к почвенникам никак не причислишь, но и она: «Пригвождена к позорному столбу. Славянской совести старинной...»

– Да, да, – неожиданно прервал Игоря Алексей, – и Толстой, и он тоже! Я раньше никак не мог понять одной его мысли, что война – то страшное дело, которое совершается не по воле людей... Это из «Войны и мира»... Помните?

– Война? – удивился Игорь. – А по чьей?

– Ну, я к тому... что в мире нет справедливости, – замялся Алексей и, стараясь вернуться в прежнее русло разговора. – Ваши чувства... Ваше видение древних русских храмов, как кристаллов совести и справедливости – это действительно интересно. Я бы добавил еще – и светлой радости... Вот, к примеру, Нотр Дам – поразительное творение, но кристалл этот вырос, как Вы говорите, в душе другого народа. Его создал другой

гений. И, конечно, ни его химеры, ни храм в целом с совестью или справедливостью не ассоциируются. Что-то другое, сложное, не до конца уловимое, хотя и нельзя не восхищаться его каменными кружевами... Эа... Алексей умолк, поймав себя на мысли: «О чем это мы? Какая справедливость? Ее нет не только здесь, на Земле...»

Одно ясно – Игорю некому было сказать все это, над чем он, по-видимому, много и долго, может быть не один год размышлял. И теперь его прорвало, он выговаривается, освобождается от груза мыслей, отягчавших его душу своей невосребованностью, ненужностью в его повседневной жизни. И не надо ему мешать». Алексей смотрел мимо Игоря в потемневшее окно и думал, как хорошо ему было бы здесь еще вчера, до того, как он заглянул в эту пропасть... в эти чудные, цвета нераспустившейся сирени, глаза... В доме напротив зажглись окна. В одном из них светился сиреневый абажур...

– Ведь так? – Игорь смотрел Алексею в глаза, ожидая ответа.

– Да, пожалуй... – замялся Алексей. Он отключился на какое-то время и не знал, с чем согласился.

– И заметьте, – не утихал Игорь, – что все ложное, пустое из христианских канонов забыто и похоронено временем. Но есть истины, которые и сейчас зовут поразмышлять. Скажем, лозунг: Возлюби ближнего, как самого себя.

– Так истина или лозунг? – включился Алексей. – Или Вы тоже считаете любовь к ближнему ханжеством?

– Скорее утопией – не будем употреблять сильные слова. Я думаю, что это – еще большая утопия, чем коммунизм. Даже если он будет когда-нибудь построен (в чем я сомневаюсь), вряд ли все же его строители, или хотя бы большая часть их, будут любить ближних, как самих себя. Это такая далекая перспектива нравственной эволюции человека, скорее всего недостижимая полностью – что-то вроде асимптоты.

– Свет в конце туннеля? Тогда он тоже нужен людям, разве не так?

– Так, но между реальным нравственным уровнем человека и этим лозунгом – целая пропасть, а потому и слабо его воздействие на души людей. Очень мало, кто сейчас способен вместить в сердце такое чувство. Мне, по крайней мере, такие люди пока еще не попадались. Я думаю, что сначала человеку надо подняться до «ненасилия». Есть такое ведическое предписание: «Никогда и ни к кому не применяй насилия».

– Но можно подойти и с другой стороны – возлюби ближнего и прекратится насилие.

– Не согласен. Любовь – это больше и сложнее для человека. Я могу себе представить, что я полюблю кого-то братской любовью, как самого себя и даже сильнее, но не всех, конечно. Я никогда не смогу полюбить, например, паразитов, живущих чужим трудом и живущих лучше, чем те, кто трудится. Да это было бы разрушительно для общества – представьте себе такое общество, где любят паразитов, куда бы оно пришло? Значит, «ближнего» надо понимать иначе, не как любого, не как всех, но тогда кого? В этом вся суть – в толковании. Но что это за истина, если ее можно толковать и так и этак? Нет, любовь – это не просто для человека. И уж совсем я не смогу полюбить кого-нибудь больше своих детей – это против природы. Любовь нельзя себе внушить, а принцип ненасилия можно. Он доступнее, проще, его можно в обществе закрепить юридически. Ненасилие – та ступенька, став на которую человек поднимется и, может, быть, увидит, как возлюбить ближнего, – Игорь ненадолго задумался. – А что вокруг нас? Ненависть, насилие и кровь – до любви ли? И вот, что меня поражает. Мир, где мы существуем тонок и хрупок. Ученые спорят, какова минимальная толщина земной коры. Одни говорят – примерно километров сто шестьдесят, другие – километров двадцать пять – тридцать. В любом случае, это – тонкая пленка, ведь диаметр Земли – более двенадцати с половиной тысяч километров. А там – огненная бездна. А над нами? Всего-то несколько километров атмосферы, а дальше другая бездна – абсолютный холод. Получается, мы живем в микроскопическом по масштабам космоса пограничном слое между двумя смертями: огненной и ледяной. И люди как-то не понимают этого, множат смерть и в ней – в этой тонкой пленке: враждуют, уничтожают друг друга, загрязняют и разрушают этот уникальный слой жизни. Не дико ли это? Тут к самому себе, не то что к ближнему, любви не видно, да и разума тоже.

– Да, – кивнул Алексей, – насилие и кровь... Вот и они... А... не думаете ли Вы, – спохватился он, – ...не следует ли из этого, что утопичность основного догмата православия помогла «овладеть массами» другой утопической идее со всеми печальными последствиями для этой страны?

– Трудно сказать. Мне думается, главное – в другом.

Игорь добрал из тарелки остатки картошки и ветчины и, отложив вилку, продолжил: – из самана можно сделать хлеб,

сарай. Из дерева – хороший дом, даже церковь, как в Кижях. Из камня и кирпича – многоэтажные дома, храмы, дворцы. Но останкинская телебашня построена из напряженного железобетона. Так и человеческое общество: каждому уровню развития его элемента, кирпичика-человека нужна соответствующая этому уровню общественная структура, и нельзя людям навязывать что-то искусственное. Это во-первых. А, во-вторых, пытались ли те вожди это понять и построить новый мир для блага людей? Мне кажется, у них были совсем другие цели.

– Другие? А какие?

– Теперь можно только строить гипотезы. Преступления делаются втайне. Хотя преступление такого масштаба тайной быть не может. Я думаю, что все «нужные» документы мировое зло, а это его рук дело, давно уничтожило. Но все же как-то всплывают, например, сведения об огромных, миллионных личных вкладах в иностранных банках у всех «вождей» без исключения. Да и голод, разруха, море крови – разве не документы? Какими высокими целями «во благо народа» или какого народа это можно оправдать? Уничтожалась великая страна и великий народ, ее создавший. Видно, поперек горла они этому мировому злу пришлись – вот в чем суть. Кстати, и сейчас метода та же – опять переворот с ног на голову экономического строя. Только теперь это называется не революция, а перестройка. И так же новые «вожди» первыми оказываются у денег, и так же разорение грядет страшное. Да и геноцид, я думаю, под аккомпанемент гражданской войны, например, повторится. Зло не может идти другим путем, другого пути у него просто нет. Все, что тогда, после революции, так бурно расцвело, Питирим Сорокин очень точно определил – шакализм. Теперь же у нас – супершакализм. Последний парад наступает... Эх! Невеселый разговор получился.

На плите зашумел чайник, из носика повалил пар. Игорь залил кипятком круглый цветастый чайник, накрыл его белым с красными узорами полотенцем. Затем он разлил по шкаликам остатки водки и поставил пустую бутылку на окно.

– Ну, да Бог с ними со всеми... Никто и никогда на чужом несчастье счастья не построил и не построит – и шакалы эти подавятся нашими костями. Давайте выпьем за Россию Совести и Справедливости, за ее будущее. Я думаю, оно все же есть.

– С радостью! И за Вас! – чокнулся и высоко поднял шкалик Алексей. Про себя же подумал, – за Андрюшину Россию! – Теперь он знал, какая она.

За окном светились огни вечернего города и звезды над крышами, и, чудилось, в бликах на стекле улыбались, мерцая, сиреневые глаза... Эа...

Во входной двери зашуршал ключ.

– А вот и мои, – сказал Игорь. Дверь распахнулась и первой вбежала в прихожую девочка лет трех-четырёх. Увидев незнакомого, она на мгновение посерьезнела. – Здравсьте.

– Здравствуй, малышка, – поднялся ей навстречу Алексей. За ней появились мама и девочка лет десяти. Ритуал приветствий и знакомства был простым и непринужденным. Мама Оксана и дочки Оля и Света – светловолосые, голубоглазые, были так похожи, что, по-существу, отличались только размерами, и, казалось, что они только что на лестничной клетке перед дверью появились друг из друга, как матрешки, и могут снова собраться в одну большую.

– А бабушка запечалилась, – растягивая слова заговорила младшая, – за то, что ты к ней не хочешь ехать.

– Да ну? – с деланным удивлением развел руками Игорь.

– Да, – с веселой укоризной сказала мама Оксана, – она привет тебе шлет и гостинец – домашнего сала. Вот. И вот – рябиновой. Оксана положила на стол большой сверток в полиэтиленовом пакете и поставила бутылку с розовой жидкостью.

– Ну, мне пора, – заторопился Алексей.

– Нет-нет, – запротестовала Оксана, – отдайте рябиновой на дорожку, и я с вами, а то, ишь, без меня тут гуляют. – Бело-зубая улыбка осветила ее лицо, она подошла к столику у плиты и положила руку на заварной чайник. – Так вы, я вижу, еще и чай не пили.

Х

Утром следующего дня Алексей проснулся поздно. Накануне, несмотря на непривычную для него дозу выпитого у Игоря, он долго не мог заснуть. Снова и снова его мысли возвращались к этой пропасти. Снова и снова... по замкнутому кругу, как лошадь по цирковому манежу... И нет исхода... Он встал. Долго стоял у окна. Ходил из угла в угол. Снова стоял у окна. Принял очень горячий душ. Снова лег. И снова все тот же замкнутый круг... Задремал только под утро, но спал плохо – все время снилось что-то, какой-то бред. Он поминутно просы-

пался и снова впадал в дремоту. От всего этого голова была тяжелая и темная, как старинный угольный утюг.

Интенсивная получасовая гимнастика, прохладный душ и крепкий чай с лимоном несколько поправили дело. Завтракать он не пошел.

До обеда еще около трех часов. Пойти на улицу, затеряться в толпе и попытаться отвлечься как-нибудь или остаться в номере и все обдумать? А что «все» он может обдумать в его положении? Что думает кролик, глядя в глаза питону? Кролик? Ты что, испугался смерти? А чего ты еще не испытал в этой жизни? Есть у тебя желания впереди? Слово «мечта» и употреблять не стоит. Все повторяется и многократно, как ритуал бритья. Вот семьи у тебя не было, отцом ты не был и не знаешь, что такое ласка ребенка. Но об этом надо было думать не сейчас, а по меньшей мере лет десять-пятнадцать назад. Да, видно, не судьба. Сколько было женщин, а та, от которой захотелось бы иметь детей, так и не встретила. Да ты, приятель, итог подводишь. Ну что ж, итог – так итог. Плакать по тебе некому.

Нет, в самом деле, почему мысли все время тянутся к смерти? Из-за брата, его участи? И зачем мы с ним понадобились этой... богине? Что она может добавить к тому, что рассказала? Почему рассказала не все сразу? Почувствовала, что и так много – перегрузка, и пощадила? А Андрей что же – не выдержал? Но он-то был, пожалуй, покрепче меня – знал больше, видел дальше.

Мысли Алексея ушли в прошлое. После смерти брата он неожиданно для себя обнаружил, что знал о нем меньше, чем ему это казалось. Он был удивлен не столько тетрадью его стихов, сколько подбором книг его библиотеки. Раньше он не обращал на это внимания. Дело не в нем, а во мне, – с горечью решил Алексей, – я просто был слишком занят самим собой. Теперь же он все чаще навещал Жаклин, подолгу застревал в библиотеке Андрея и брал книги с собой.

От бизнеса он практически отошел. Налаженное дело двигалось по накатанным рельсам при его минимальном участии. Оно, хотя и не расширилось, но пока и не хирело.

Сильно изменилась и Жаклин. Дела ее также перестали интересовать, она замкнулась и ушла в себя. Алексею пришлось подыскать толкового менеджера, чтобы ее хозяйство не пришло в упадок. Встречая Алексея у себя, Жаклин неизменно доставала бутылку хереса – любимого вина Андрея. Было заметно, что она им пользуется не только для приема гостей. Она часто ез-

дила погостить к дочери. Мишель довольно удачно вышла замуж и жила теперь под Марселем в маленьком, но очень ухоженном доме с садом и видом на море. В такие дни Алексей задерживался в библиотеке Андрея много дольше, а иногда и оставался на ночь. Он прочел большую часть этих книг. Среди них было много поэзии, но ничьи стихи не стали ему ближе тех, что оставил Андрей. Стихи Андрея жили в нем, были частью его души. Они всегда приходили на помощь в трудные минуты:

«На склоне дня спроси вечернюю звезду:
Какою далью наградит дорога?
Звезда рассыплет блестящие по пруду
И свечкою погаснет... у порога.
На склоне дней найди в душе своей
Единственный ответ на вечное сомненье,
И день твой станет выше и светлей,
А ночь подарит благодать забвенья».

Забвенья... теперь он лишен и его, и высокого светлого дня. Мрак впереди. Постой, Эа говорила, что есть план – они же там пытаются что-то сделать, изменить, для этого я им и нужен. Но что я могу рядом с ними?

«Усталый ум скользит.
Сгустились тени.
В окно стучится куст сирени
И птица черная глядит.
В душе покоя нет...»

Алексей встал, зашагал из угла в угол. – Да черт с ним со всем! Пусть будет, что будет. Не терзай себя раньше времени. Он подошел к окну и смотрел долго вниз на людской муравейник, ничего не видящими глазами. Сейчас, накануне встречи, которая должна повернуть все в его жизни (да все уже перевернулось, он только еще не знает – куда), ему на память пришла одна из книг по древнеиндийской философии из библиотеки Андрея. Как она называлась, он сейчас точно не помнил – может «Мокшадхарма»... или «Нараяния». Его тогда поразило то место в ней, где описывался путь к сокровенному. От строчки к строчке постепенно, но неуклонно убеждают вас, что вы приближаетесь к величайшей из истин. От строчки к строчке нарастает накал чувств и нетерпение читающего открыть для себя это сокровенное. И вдруг, в конце пути обескураживающий финал: приносите жертвы... Алексей был удивлен и разочарован. Так убедителен был путь к истине, так захватывал и влек, а

упоминание о жертве показалось таким незначительным, образ этот – таким скудным, что он просто прошел мимо него. Тогда Алексей решил, что вся суть и есть в самом пути познания, пути к вершине. Теперь же это, казалось, давно и прочно забытое, вдруг поднялось в памяти из какой-то глубины и осветилось по-другому. Неужели и там наследили эти «посвященные»? И только теперь, в это мгновение, впечатление кошмарного сна превратилось для него в реальность. Как будто все небо закрылось крепкой тюремной решеткой. Он вдруг почувствовал, что страшно обкраден и на всю жизнь, навсегда! Вот чего не мог пережить Андрей! Теперь он это знал. Но не бессилие кролика перед удавом ощутил он в себе, а неожиданный прилив энергии. Не злоба, не ненависть, а ясная пронзительная сила как бы подхватила его и подняла. – Нет! Черта вам в глотку! Со мной у вас так просто не выйдет! Я всю эту свою психоплазму до последней корпускулы брошу против вас и вашего дьявольского дела! Даже если эта богиня не появится больше, все, что нужно делать здесь, на Земле – ясно! Абсолютно ясно!

Но... она появилась. Раздался стук в дверь. Алексей глянул на часы, время пролетело совершенно незаметно – было уже четверть третьего.

Прошло еще несколько часов. Край неба побагровел. Над крышами домов медленно остывали пунцовые облака. Собственно самое главное – зачем Алексей должен отправиться в сопряженное пространство, как и что конкретно он там будет делать – они уже детально обсудили. Он на все согласился без колебаний. Эа, видя как он это воспринимает – просто и спокойно, без эмоций, как быстро и свободно он проникает в суть дела – была счастлива. И... немного обескуражена. Почему он так легко прощается с этим миром? Впереди столько опасного и неизвестного. Ведь даже если он когда-нибудь и вернется сюда, пройдет столько времени, что никого из его современников, даже нынешних детей, уже не будет в живых. Его встретит совсем другой мир. Все корешки, связывающие его с этим миром, обрываются безвозвратно. Чего больше в его решимости: чувства долга высоконравственного человека, ненависти к силам зла или простого разочарования в жизни?

Разговор, уже перешагнувший рамки «обязательной программы», шел, в основном, о том мире, куда они теперь перенесутся. Эа, в меру возможности, подробно рассказывала ему о жизни на ее родной планете, о бабушке, о брате, а сама, как бы исподволь, иногда спрашивала, пытаясь найти ответ на свой

вопрос. И еще. Когда Эа рассказывала о свойствах нательного креста и его будущем назначении, Алексей, положив крест на ладонь и разглядывая его, сказал с усмешкой. – Крест, так крест, хотя я предпочел бы носить на груди солнышко. Впрочем, крест, наверное, больше подходит к тому, что меня ждет.

Неужели он не верит в наше дело? Тогда она не стала спрашивать – нужно было многое еще объяснять и уточнять. Теперь она осторожно вернулась к этому, начав издалека: почему он предпочитает солнце кресту, разве он не христианин?

– Опять христианство, – улыбнулся Алексей. – Один мой друг, философ, светлейшая голова, утверждает, что это такой сложный вопрос, что без бутылки в нем разобраться нельзя. – Он улыбался, Эа тоже улыбнулась, хотя смысл слов дошел до нее не сразу.

– А если серьезно, то мы, русские – закоренелые язычники, несмотря на тысячелетие христианства на Руси. И даже само христианство превратилось у нас в нечто свое, как говорит мой философ: в религию по размерам души – души народа. А что касается солнца, то у Христа мы все рабы – рабы Господа Бога, а в своей первородной вере мы – божьи дети – Дажьбожьи внуцы – дети солнца.

– А крест Вам кажется символом страдания? – допытывалась Эа.

– Нет, отчего же. Это символ веры. Все мои предки носили кресты и на радость и на страдания... одним словом – на жизнь.

Эа задумалась. Тень грусти мелькнула в ее глазах.

О чем это она? – подумал Алексей. Он поймал себя на том, что все время любит ее. – Смотри, «старый пень», не влюбись! Добра от этого не жди.

Она подняла глаза и встретила его слегка затуманившийся взгляд.

– Скажите, Алексей Иванович, – она решила на прямой вопрос. – Почему Вы так легко расстаетесь с этим миром?

– Почему? – он задумался. Как ей ответить, если он сам не знал этого. – А разве Вы не могли это выяснить используя ...как оно у вас называется... колдовство Ваше?

– Колдовство? А, – закрытый контакт. Вы обо мне плохо думаете. Я использовала его только, чтобы обнаружить, найти Вас. Это было ночью в гостинице, когда Вы спали. И еще там, в парке, когда Вы сидели на скамейке в саду. – Вас нужно было подготовить к этой встрече. Да, и еще немного в первое время встречи – Вы все же были сильно взволнованы. Все остальное

время мы были с Вами на равных. Да и не очень это приятное занятие. Мне, по крайней мере, не нравится... Только в случае необходимости...

– Спасибо, Эа, – и, помедлив. – Скажите, а что Вы тогда на скамейке подслушали... нет, извините... услышали?

– Тогда Вы вспоминали стихи брата. Он мне тоже читал некоторые... Они понравились даже моему дедушке, который не любит, как он утверждает стихов. Вам ведь они тоже нравятся?

– У меня это по-другому. Когда я их вспоминаю, Андрей как бы становится рядом со мной... это трудно объяснить.

– Я понимаю, – тихо сказала девушка. Глаза ее затуманились и потемнели, стали почти синими. – Как тонко он чувствовал и как много понимал. Помните?

Очисть свой дух от мутной пены,
От паутины суеты
И гулкий благовест вселенной
В самом себе услышишь ты.

Алексей молчал, Эа – тоже. Заря за окном догорала. В комнате сгущались тени. Тишину нарушали только далекие, приглушенные звуки улицы.

– Алексей Иванович, – прервала молчание Эа, – Вы мне так и не ответили, почему Вы так легко расстаетесь с Землей?

Алексей, не меняя выражения лица, тихо и размеренно. – Потому, что я влюблен в Вас без памяти.

Лицо девушки побелело... глаза расширились...

– Нет, Эа, я шучу, конечно, – он улыбнулся широкой и доброй и виноватой улыбкой. Он никак не ожидал такой реакции. – Извините, но мне показалось, что я имею право на такую шутку, ведь я старше Вас почти в три раза.

Краска прихлынула к девичьему лицу, Эа улыбалась, но, как показалось Алексею, слегка натянуто.

Лицо Алексея снова стало «непромокаемым». – Впрочем, в каждой шутке есть доля правды.

– Вы опять надо мной смеетесь! – Эа махнула рукой и улыбнулась, теперь уже совсем непринужденно. – А что касается возраста, то это надо еще посмотреть. Я уже говорила Вам – у нас другой масштаб времени. И как считать, мне можно насчитать и лет триста с лишним. Вот так-то, – она помедлила. – Кстати, у Вас так и не разобрались, почему библейские прототипы жили по много сотен лет и сочли это вымыслом. Но... об

этом в другой Раз. Мне пора, да и Вам нужно свои дела завершить. Помните – завтра в пятнадцать ноль-ноль.

– Это не проблема. Завтра утром я схожу в свое посольство и по факсу дам все необходимые распоряжения.

– А тетрадь? Что Вы хотите сделать со стихами Андрея?

– Ее перешлют сюда моему новому другу.

– Философу?

– Да, ему, – улыбнулся Алексей, – я позвоню ему об этом. Правда я еще не знаю, как объяснить ему и Жаклин – жене Андрея, что мы никогда не увидимся больше и не сможем даже связаться. Очень бы не хотелось, чтобы они это неправильно поняли.

– Об этом не заботьтесь, я все устрою. До завтра. – Эа подала руку, Алексей наклонился и поцеловал ее. Губы ясно ощутили легкую дрожь тонких полупрозрачных пальцев.

Она, не отнимая руки, очень тихо спросила. – Хотите, я на прощанье немного поколдую?

– С радостью, – так же тихо ответил он. Она взяла его за обе руки и глянула в самые глаза. И как тогда в «Сокольниках», только в обратном порядке – сначала где-то по краям, потом все ближе и ближе к ее глазам затанцевали световые пятна. Вот и два сиреневых пятна задрожали и расплылись и остались только неясные блики, самые яркие из которых вспыхивали крохотными звездочками.

Перед ним был пруд, и в нем смеялось солнце. Ветви ивы качались над самой водой и в такт им солнечные блики возникали, множились, разбегались и исчезали. И тихая музыка... очень знакомая, очень... Звуки едва уловимы – поют блики солнца... Бах, партита номер один, – вспомнил Алексей, – мама так любила это слушать, когда отец садился за рояль... Мама...

– Алеша! – вдруг позвал голос матери. – Алеша, иди сюда, смотри, что Андрюша нашел. Алексей повернулся и увидел маму – молодую, светловолосую и босоногую в легком голубом платьице. Глаза ее светились и смеялись. – Иди скорей, – она протянула руки. Алексей побежал к ней по высокой траве изо всех сил. Мама подхватила его на бегу, подбросила вверх над собой и, поймав, крепко прижала к груди.

Мама... Где же ты была так долго?

Мама улыбнулась, поцеловала Алешу в лоб и опустила на траву рядом с братом.

– Алешка, смотри, – Андрей разжал ладонь, в ней неярко поблескивал плоский полупрозрачный камень. – Это не простое стекло, через него видно наше солнышко.

Алексей взял стекло и глянул через него вверх на солнце. – Ой, мама, оно улыбается!

Он повернулся, но мамы нигде не было, лишь далеко над самым горизонтом таяло в небе светлое облачко.

Алеша повернулся к брату – перед ним стоял другой Андрей, взрослый. Волосы его были совсем-совсем серебряные, а глаза – добрые и грустные. Алексей огляделся вокруг и увидел, что и трава и цветы на лугу стали маленькими, а даль раздвинулась.

– Алеша, – сказал Андрей, – помнишь у Лермонтова:

«В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.»

Помнишь? Я знаю такую молитву. Она тебе пригодится в твою «минуту жизни трудную». Обратись лицом к солнцу и повторяй за мной.

«О, Великий Дажьбог, давший жизнь на Земле всякой сути,
Светоносные очи свои обрати на заблудших внуцы,
Просвети помраченный наш разум,
Ну, а счастье мы сами найдем
По дороге к заветным истокам:
Души, земли от скверны очистим,
Зашумят вековые леса, одаряя целебным дыханьем,
Встанут росные травы в лугах,
И наполнятся золотом нивы...

О, Великий Дажьбог, давший жизнь на Земле всякой сути,
Светоносные очи свои обрати на заблудших внуцы,
Выжги в наших сердцах шакализм,
А шакалы рассеются сами.
Совесьть светлую в души верни...
Тяжела ее скорбная ноша,
Но и Мрак без нее – нестерпим!

О, Великий Дажьбог, давший жизнь на Земле всякой сути!
Светоносные очи свои обрати на заблудших внуцы,
Отврати от насилия нас,
Ну, а в братстве мы сами сойдемся.
Сколько пролито крови и слез,
Ну, а много ли радости в жизни!

Дай нам мудрость, Врага разгадав,
Что терзает и душу, и тело,
Не топор в руки взять, а весы.»

Слова молитвы волнами света накатывались на Алексея и замирали где-то в самой глубине его существа. Голос Андрея отдалялся и, наконец, затих, но струи света не иссякали, а текли и пели. Алексей растворился в этом потоке целиком... без остатка. Ничего и нигде... ничего и нигде не было, не существовало кроме тихой безграничной радости... в море света... безграничном...

Далеко-далеко ударил колокол: «А-У-МММ...»

Алексей вздрогнул и очнулся, он стоял один в пустой комнате у темного окна.

– Фу ты... Я стал стоя спать, как лошадь. Какой чудный сон... А может быть Эа мне тоже приснилась?

Он разжал ладонь, в ней тускло светился серебряный крест на серебряной цепочке. Крест был тяжелый и теплый, и от него по руке в грудь что-то поднималось и таяло.

XI

К назначенному месту Алексей подъезжал заблаговременно. Таксист – молодой парень молчал всю дорогу, за что Алексей был ему очень благодарен. Машина, старая и изношенная, гремела и дрожала всеми своими составными частями. Алексей со страхом ждал, когда она рассыплется и ему придется искать другую, что здесь совсем непросто. Особенно досаждали светофоры: при торможении и наборе скорости добавлялись новые страшные звуки, кошками скребущие по сердцу. Наконец, слава Богу, эти испытания кончились. Он расплатился, вышел из машины, повернулся и... обомлел. Прямо перед ним на огромном пустыре у только что выстроенного бело-голубого многоэтажного дома, среди разнообразного строительного мусора на трех опорах стояла серебристая сплюснутая юла – летающая тарелка. Мимо пустыря ехали машины, шли по тротуару пешеходы, но никто не обращал на нее никакого внимания. Алексей крутил головой, вглядываясь в лица идущих мимо него и ничего не понимал. За его спиной кто-то прыснул и засмеялся, он вздрогнул от неожиданности и обернулся. Перед ним стояла Эа.

– Здравствуйте, Алексей Иванович, – еще смеясь сказала она, – не удивляйтесь, никто этого не видит, а с Вас я сняла

блокирующее поле. Красивый аппарат, правда? А знаете, что им движет? – Да, ваша земная психоплазма.

Алексей молча разглядывал «тарелку». Глядя на его лицо, Эа едва не засмеялась снова, но взяла себя в руки. – Извините за любопытство, – ей никак не удавалось отделаться от улыбки, – а что у Вас в кейсе?

– Все только самое необходимое – смена белья, электробритва, полотенце, мыло, ну и прочее.

– Где же я возьму Вам электричество, Алексей Иванович, мы им давно не пользуемся, – в глазах у нее опять запрыгали чертики, – вот если бы Вы прихватили с собой педальный электрогенератор, тогда другое дело. Я бы крутила педали, а Вы – брились. Больше сдерживаться она уже не могла и снова залилась звонким серебряным колокольчиком. – Нет уж, придется Вам отпустить бороду... и... ха-ха-ха... и усы.

Тут не выдержал и Алексей и стал как-то странно подхихкивать, содрогаясь всем телом.

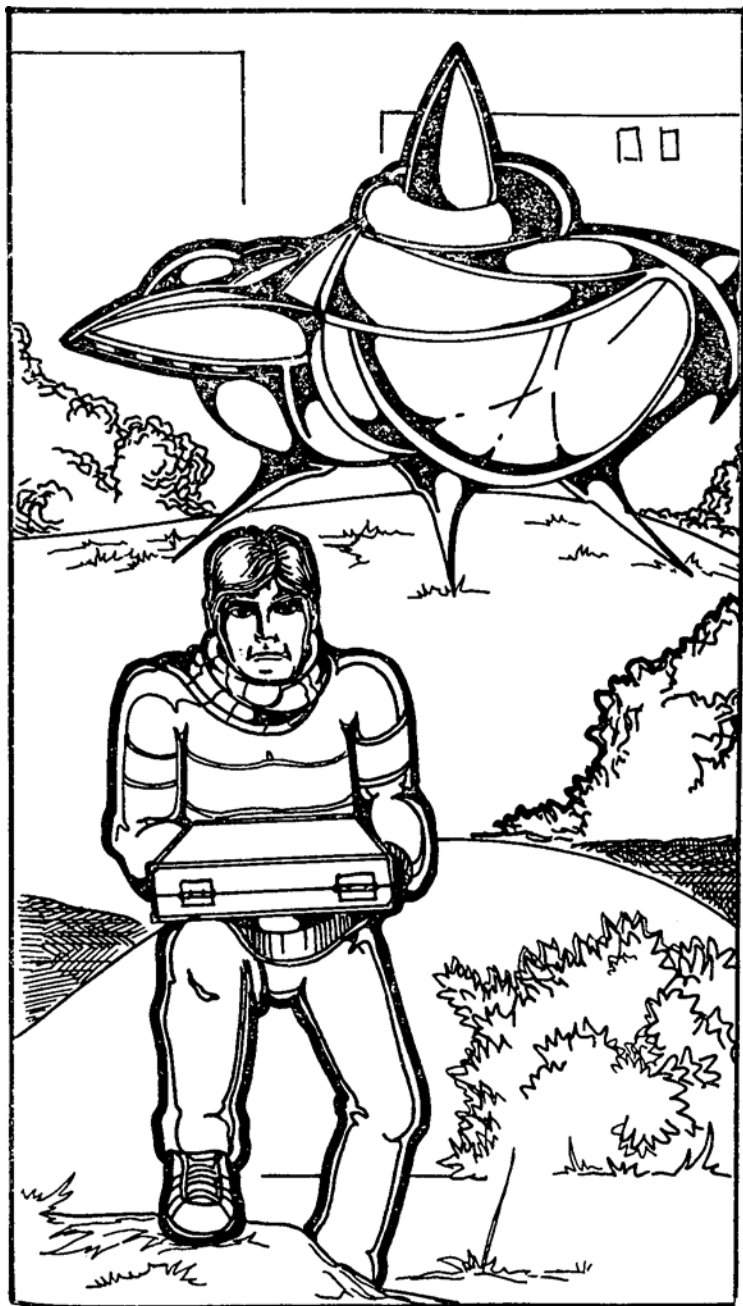
Приятно в этот момент было смотреть на эту пару со стороны. Немного успокоившись, но еще улыбаясь, она предложила.

– Остальные вещи, да и сам кейс Вам тоже не понадобятся. Знаете что, поставьте его там на автобусной остановке, пусть кому-то повезет.

Алексей подумал и покачал головой. – Нет, не согласен. Это будет..., так скажем, не совсем честный человек. Я бы не стал брать чужую ведь, даже беспризорную. Я лучше его подарю. У нас есть время?

– Да, есть.

Алексей пошел к автобусной остановке, Эа наблюдала за ним издали. Вот он подошел к крепышу в потертой кожанке и синей шапочке с американским флагом и огромным козырьком. Крепыш выслушал, слегка наклонил голову, сделал шаг назад, замотал головой и отошел в сторону. Алексей пожал плечами и подошел к другому. Тут уже все присутствующие при этом насторожились и стали за ним наблюдать. Второй также закрутил головой и замахал руками. Вдруг крепыш выскочил за проезжую часть и поднял обе руки вверх. Завизжали тормоза, и проезжавшая мимо милицейская машина остановилась. Крепыш подскочил к ее открытому окну и стал что-то говорить, показывая рукой на Алексея. Из машины вышел молодой пузатый офицер и неторопливо пошел за крепышом, который энергично жестикулировал. – Посмотрим, что там у него... – донесся

его голос Милиционер подошел к Алексею и лениво козырнул. Вокруг них моментально сомкнулась толпа.

– Это пора кончать, – Эа стала совсем серьезной, лицо ее даже чуть постарело.

Милиционер опустил руку, поглядел направо-налево, потом зачем-то обошел вокруг навеса, сел в машину и уехал. Зрители неторопливо отошли от Алексея. Подъехал автобус, все дружно кинулись в него, и Алексей остался один. Он потоптался немного и стал возвращаться. Вид у него был крайне удрученный. Воротник рубашки стал тесен. Он крутил головой и пытался под галстуком расстегнуть верхнюю пуговицу.

– Бред какой-то, – пробормотал он, подходя.

Эа тоже была подавлена. Она поняла, что с самого начала, с этой глупой выходки по его разблокировке вела себя, как девчонка. – Я неисправимая идиотка. Разве мало было мне промаха с Андреем? Разве я должна была допускать все это? Не огорчайтесь, Алексей Иванович, я все улажу, – она хмуро огляделась по сторонам и заметила прихрамывающего старичка с палкой. На его ветхом пиджаке красовалась затертая орденская планка. – Давайте ему отдадим.

– Как хотите, – Алексей безразлично пожал плечами.

Старичок вдруг повернул к ним, подошел к Алексею и протянул руку к кейсу. Алексей отдал кейс и суетливо, – один момент, – вынул из кармана бумажник и протянул ему тоже. Старичок молча поставил кейс наземь, освободившейся рукой взял бумажник, спрятал его в боковой карман пиджака, поднял кейс и так же молча похромал дальше.

– А потом с ним ничего не случится? – осторожно спросил Алексей.

– Нет, – чуть не плача сказала Эа, – я и на потом его запрограммировала, – и, спохватившись, – только в части кейса и бумажника, конечно.

Наступило тягостное молчание. Алексей смотрел куда-то вверх ее головы. Здорово это у Вас получается, – наконец проговорил он.

– Это нетрудно, – сухо ответила она. Снова молчание. – Да, кстати, Алексей Иванович, там в трансфертере – так это называется, – она кивнула головой в сторону тарелки, – да и позже, там у нас, не все смогут правильно понять... ну, в общем, будет лучше, если вы будете говорить и давать не то, что... одним словом, я буду Вас контролировать.

– Как этого старичка? – совершенно безразличным тоном спросил он.

– Но это будет не все время,.. только сначала, когда Вы еще не освоитесь. А когда мы будем наедине... или с дедушкой, с братом, с другими из фронта.., – ей вдруг стало так его жалко. Она взяла его за руку, заглянула в глаза.

– Алексей Иванович, миленький, потерпите, а? Ведь ничего другого нет.

– Я потерплю, – очень просто ответил он. – Ну, а не пора ли нам?

Эа посмотрела на часы, точнее на то, что было у нее на запястье. – Сейчас еще рано. Коридор для прохода разблокируют только через шесть минут.

Алексей вдруг, как бы что-то вспомнив, оживился. – Это хорошо, что есть немного времени. Вы знаете, – начал он каким-то извиняющимся тоном. – Я никогда не писал ничего кроме деловых бумаг, а тут вдруг... сегодня ночью – стихи. Знаете, сами почему-то... Хотите, я прочту, а то случая может и не представиться больше. Конечно, они не такие, как у Андрея, но сейчас дело не в этом. Хотите?

– Да, с радостью, – она смотрела ему прямо в глаза. Он распрямился, поднял голову и, глядя куда-то вдаль, поверх ее золотистых волос, тихим, но твердым голосом прочел:

Мое сердце открыто тревогам,
Как покинутый дом для ветров:
Впереди – неизбежность дороги;
Позади – пепелища костров.
Я костер свой последний, прощальный
Сам сложу из остатков желаний,
Из обломков надежд и мечты –
Подойди и согреешься ты.
И взметнется веселое пламя
Лепестками тюльпанов и астр –
Сам огонь запалю под ногами
И шагну – принимай, Зороастр!

ХП

Дмитрий Иванович Несов закончил писать, переписывать, перечитывать, править, вновь перечитывать и править. Это была его первая литературная работа. Он писал с большими перерывами и только тогда, когда получалось как бы само собой. А это случалось нечасто, да и основная его работа отнимала мно-

го времени и сил. Он был далеко не последним специалистом в своем деле – космической биохимии, хотя и не имел самых высоких научных титулов. Приходя с работы после часового мытарства в переполненном городском транспорте – автобус, метро, автобус – он чувствовал полное опустошение. Сил хватало только на просмотр за чаем по «ящику» информационной программы и беглое листание газет или журналов. После этого – сон. Часто мучила бессонница. Засыпал мгновенно, едва голова опускалась на подушку, но потом, часа в три-четыре ночи просыпался и уже не мог уснуть. Лишь под утро сон снова опускался к нему, но... тут – начинал звонить будильник. И так изо дня в день. Он пробовал использовать бессонницу – лежа с закрытыми глазами старался разыгрывать сюжетные ходы, озвучивать героев, чтобы потом, придя пораньше на работу, записать несколько строчек. Но это слабо помогало, и его труд растянулся почти на три года. Выходные дни весной, летом и осенью отнимал садовый участок, и только зимой дело понемногу двигалось.

И вот, наконец, финиш. Но нет радости. Нет даже чувства, что освобожден от чего-то. Добавились сомнения. А хорошо ли вышло? Нужно ли кому-нибудь? А мне самому зачем все это на шестом десятке лет? Деньги? Так их не будет. Известность? Задаром не надо. Напротив, скрыться под псевдонимом, чтобы не нарушился сложившийся годами привычный уклад жизни и, как писал Толстой, – доживать жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая. Тогда что же? А черт его знает, что! Зуд какой-то бессмысленный, беспокойство, словно что-то растет внутри, как деревце из семечка

Как там у меня было:

...светло и просто, как растение,
вверх тянется, цветет и плодоносит.
Кто у него смысл жизни спросит?

Вот и новая забота: надо все это где-то отпечатать и нести в редакцию. Какую? Куда? Да и надо ли?

И все же он отпечатал свою работу, в тридесятый раз ее перечитал, подправил местами, подработал, с четверть листов перепечатал и, наконец, придумал название. Оно ему долго не давалось. Во всех вариантах обыгрывались сиреневые глаза, но ничего путного не выходило. Он понял, что дело именно в них, и название подсказали финальные строчки. Затем в самый последний раз все перечитал и отнес в редакцию своего любимого

толстого журнала, на который подписывался уже несколько лет подряд.

Заместитель главного редактора без каких-либо эмоций взял рукопись, записал адрес и телефон и сказал, что ему позвонят, что материала сейчас много и скоро звонка ожидать не следует. На том и расстались. Прошло недели четыре. Дмитрий Иванович все реже вспоминал про рукопись. Беспокойства он не испытывал. Вроде так и надо, он свое дело сделал, а теперь – будь, что будет. И вдруг вечером звонок. Очень вежливо зам спросил, удобно ли Дмитрию Ивановичу прийти завтра в редакцию часам к десяти, чтобы решить со сроками и оплатой. Дмитрий Иванович сказал, что, конечно, удобно, что обязательно придет. Это было так неожиданно, что он вдруг разволновался, даже «остограммился» на ночь глядя, чего раньше никогда не делал. Но сон не шел. Проворочавшись в полудреме с бока на бок почти всю ночь, утром он поехал в редакцию с большой головой.

Старинный свежевыкрашенный дом в самом центре Москвы с улицы выглядел нарядно и приветливо, но двор его был замусорен до изумления. Дом обживался всякого рода конторами и кооперативами, о чем говорило обилие свеженьких табличек и вывесок на его стенах, и весь строительный мусор новоселы вывалили в небольшой дворик, а убирать явно не торопились.

Лестница с истертыми, покатыми ступенями и перилами, давно утратившими деревянные поручни, едва освещались тусклой лампочкой под очень высоким бурым потолком.

Дмитрий Иванович нашел нужную дверь и шагнул внутрь помещения. Оно приятным образом отличалось от лестничной клетки: потолок ослепительной белизны, чистые стены, отделанные панелями под дерево, прекрасное освещение. Шустрая улыбчивая девушка в варёнке, узнав кто он и что ему надо, скрылась за высокой дверью и тут же выпорхнула обратно.

– Входите, Дмитрий Иванович, пожалуйста.

Из-за стола, заваленного бумагами, навстречу поднялся тот же зам, но лицо его уже не выражало нечеловеческую усталость, как прежде, оно было приветливым и улыбалось.

– Здравствуйте, Дмитрий Иванович, рад Вас видеть. Садитесь вот сюда. Извините, я на минуту.

Он скользнул в соседнюю комнату, где кроме горы перевязанных шпагатом бумажных кип и телефона на подоконнике ничего не было. Быстро-быстро набрал номер. – Алло! Алло!

Арнольд Михеич? Это я, Кравчуковский. Я Вас жду, он у меня сидит... Да тот самый... фантаст про психоплазму. – В трубке что-то заурчало и пошли гудки. Зам посмотрел на трубку, потом в окно на мусор и вернулся к себе.

– Сейчас придет очень большой специалист и мы все обсудим, – сказал он, садясь за стол. – Я тоже прочел Вашу работу. Два раза прочел. И должен сказать, что это крайне интересно! Волнует. Захватывает. Дает такую пищу... Хотя, конечно, что-то придется подправить, но совсем немного, чуть-чуть, знаете ли, мелочь разная.

Дмитрий Иванович молчал. Зам ему не понравился еще тогда, при первом знакомстве. Темные глазки неопределенного цвета бегали, как бы не находя нигде опоры, и, когда Дмитрий Иванович пытался заглянуть в них, они тотчас соскальзывали в сторону. Зам еще что-то говорил, предлагал чай, но Дмитрий Иванович его почти не слышал. Он ждал того, второго. Было ясно, что он все и решит. Минут через пятнадцать открылась без стука дверь и вошел грузный человек с окладистой черной бородой и густыми с редкой проседью черными волосами. На коротком крепком носу надежно держались большие роговые очки с толстыми стеклами.

– Здравствуйте, – широко улыбаясь прожурчал бородач и сел прямо против Дмитрия Ивановича, положив на стол волосатые руки с пухлыми короткими пальцами. На левой руке красовался золотой перстень с огромным красным камнем. В камне вспыхивали и гасли огни, как угли в остывающем костре. Глаза невольно тянулись к этому маленькому чуду.

– Знакомьтесь – Арнольд Михеевич, – засуетился зам, – Дмитрий Иванович Несов – автор той самой вещи...

– Очень приятно, – еще шире заулыбался бородач. – Ваша работа действительно очень интересна..., – он смотрел прямо в глаза, – поражает какая-то достоверность, реальность всего происходящего. Мы это обязательно напечатаем. Ведь это Ваша первая работа? Представляю, как обрадуются Ваши родственники – жена, дети. Они, наверное так ждут этого?

– Да нет, – как-то вяло начал Дмитрий Иванович, – Дети взрослые и живут своими семьями и своими заботами. А жене я тоже пока ничего не говорил. Знаете... Раньше времени. Вот уж если получится, тогда...

– Да, да. Я Вас так понимаю, – оживился бородач, – это будет замечательный сюрприз. Я Вас очень, очень понимаю. Конечно, женщины, они все не так воспринимают как мы – муж-

чины. Ментальность женщины аксиоматична – они... Бородач говорил... говорил... – Возьмите даже Софью Ковалевскую... левскую... евскую...

Дмитрием Ивановичем постепенно овладевала тягучая обездвиженность в теле и мыслях. Софью Ковалевскую он «взять» уже не мог. Огни в красном камне из искр превратились в туманные шары – розовые, пурпурные, темно-сиреневые, они поднимались вверх и плавали по комнате. Все потеряло форму и исчезло.

– Готов, – сказал бородач. Он встал, подошел к окну, выходящему во двор и сделал знак рукой. Очень быстро дверь отворилась и вошли двое в белых халатах с носилками. Бородач запер дверь на ключ. – Быстро!

Двое в белом молча свалили со стола зама все бумаги на стулья и положили Дмитрия Ивановича ничком на стол, предварительно спустив с него брюки. Бородач раскрыл кейс с баночками и коробочками, взял шприц и сделал ему укол. Затем, глядя на часы, выждал и сделал укол другим шприцем. Снова немного выждал и махнул рукой. – Давай! Двое в белом легко переложили тело на носилки, накрыли пальто и, все также молча, исчезли. За ними устремится бородач.

– А как же теперь рукопись? – закричал вдруг зам незнакомым визгливым голосом.

Бородач, стоя у открытой двери, посмотрел на него «как солдат на вошь», отчего зам съезжился и опустился на стул с бумагами. Бородач помедлил немного, но, так ничего и не сказав, захлопнул за собой дверь.

Скорая быстро катила сначала по центру города, потом по рабочей окраине и, наконец, слева по борту замелькали голые деревья лесопарка. Поворот налево, мимо бело-серых корпусов больницы, еще поворот налево, и скорая оказалась у морга. Когда мотор заглох и распахнулись двери автомобиля, его заполнила удивительно глубокая тишина и чистый воздух ранней весны.

К скорой заспешил мужичок, похожий на врубелевского Пана, только помоложе и с другим цветом лица, выдававшим «одну, но пламенную страсть». Он закрутился около бородача, по-собачьи заглядывая ему в глаза, но бородач не обращал на него внимания. Двое в белом быстро подхватили носилки и понесли их в морг. Впереди них уже трусил Пан. Он проворно открыл двери и, аккуратно закрыв их за вошедшими, снова

подтрусил к бородачу. – Я грю, третий – комплект значить. Должон прилететь... А?

Бородач вынул из кейса самодельную флягу из нержавеющей стали граммов на семьсот и протянул ее Пану.

– Не разбавленный? – прошептал Пан, высоко подняв лохматые брови. Бородач молча отвернулся. Пан проворно отвинтил пробку и сделал несколько громких булькающих глотков. Крякнул. Затих на мгновение и блаженной улыбнулся, – не разбавленный.

Вернулись двое в белом, и скорая укатила.

Пан стоял у дороги с флягой и глядел им вслед. – У-у, гад, – неожиданно его затрясло от злобы, – нажрал пузо, падла!

Поздним утром следующего дня на обширный, покрытый весенним темным снегом газон возле морга опустилась серебристая тарелка. Открылся люк и из него выпрыгнул крепкий мужчина с красным лицом, еще более красным носом и маленькими глубоко посаженными светлыми глазами. Он огляделся вокруг. Метрах в сорока мирно прогуливались обитатели больницы с родственниками или знакомыми, пришедшими их навестить. Трансфертер они не видели, его со всех сторон надежно укрывало блокирующее поле. Только через небольшой коридор в нем, выходящий к моргу, можно было разглядеть этот необычный аппарат. В открытых дверях морга стоял бородач, за ним двое в белом, а сбоку выглядывал Пан. Они ждали сигнал.

Следом за краснолицым из трансфертера выпрыгнул совсем еще молодой человек, худощавый, с застенчивыми глазами и довольно свежим розовым шрамом над левой бровью. Он был одет в такой же серебристый комбинезон, как и первый. Это было всего второе его посещение сопряженного пространства и он с нескрываемым любопытством озирался вокруг, неторопливо обходя тарелку.

Краснолицый как бы наконец увидел ждавших сигнала и подал знак рукой. Бородач затрусил к нему мелкими шажками. Его обширное тело как-то обвисло и болталось при каждом движении. Он остановился метрах в двух от краснолицего, слегка согнувшись вперед и по-собачьи заглядывал в светлые глазки пришельца.

– Автор подготовлен? – спросил краснолицый.

– Конечно, конечно, – всем телом закивал бородач.

– Последовательность уколов и их дозы точно соблюдены?

– Конечно, конечно, – бородач снова обильно закивал.

– Давай, – сказал краснолицый.

Бородач суетливо повернулся к моргу и замахал обеими руками. Двое в белом скрылись в глубине помещения и быстро, одно за другим, перенесли к тарелке три тела, наподобие египетских мумий замотанные с ног до головы в голубовато-серую материю и затянутые белой тесьмой. Они прислонили зачехленные тела вертикально к тарелке.

– Который из них автор? – спросил краснолицый. Бородач посмотрел на своих помощников, один из них проворно показал на самую крупную фигуру.

– Разверните голову, – сказал краснолицый. Двое в белом тотчас выполнили приказ. Пришелец подошел к автору и стал разглядывать его лицо. Простое, открытое. Темно-русые волосы посеребрены по вискам. Лицо было спокойным и даже каким-то просветленным. Жизнь, казалось, не покинула ледяное тело, а таилась где-то внутри, до поры затихшая и неподвижная. Несколько секунд краснолицый постоял в задумчивости. Потом повернулся и стал разглядывать лес за моргом, облака над лесом, небо над собой. Из-за облаков выглянуло солнце. Краснолицый закрыл глаза и подставил ему свое лицо, оно оттаяло и потеряло жесткость. О чем он думал в этот момент? Какое солнце светит ему там, на его земле? Подул ветер, зашумел ветвями деревьев, похолодил шею, забрался за ворот комбинезона. Краснолицый опустил голову и еще несколько секунд разглядывал лицо автора. Потом тихо сказал молодому: – Зови. Тот нырнул в люк. Тотчас из тарелки вышли двое в таких же серебристых костюмах.

– Будьте крайне осторожны, – строго, но дружелюбно сказал им краснолицый, – не повредите ткани тела, – они в таком состоянии очень хрупкие. Он еще раз поглядел в небо, как бы прощаясь, и ничего не сказав больше и ни на кого не глядя, повернулся и исчез в люке.

Двое в серебряном бережно перенесли в тарелку одно за другим три тела. Люк закрылся и внутри аппарата стал нарастать тихий настойчивый звук, постепенно переходящий в тонкий свист. Бородач с помощниками заспешили к моргу. Между ними и тарелкой как будто заструился горячий воздух – очертания аппарата заколебались, стали размываться, таять и через несколько секунд все исчезло.

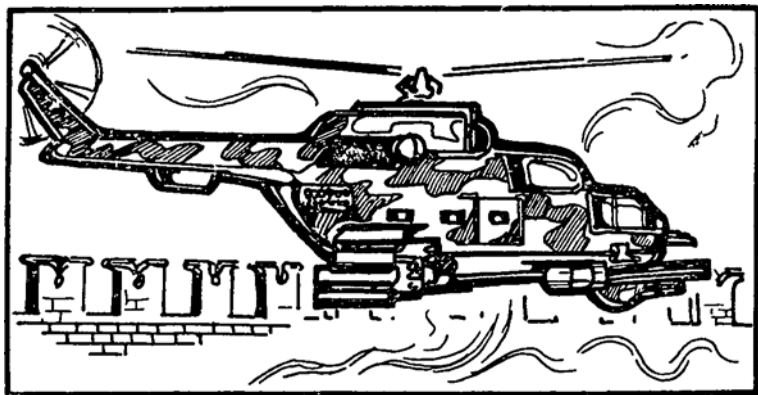
У морга стояли окаменело четверо и молча глядели на пустой газон, с четкими глубокими следами в снегу от трех опор.

Наконец молчание нарушил Пан:

– Слышь, – тронул он за рукав бородача. – А на кой им эти жмурики?

Бородач брезгливо отдернул руку и молча пошел к машине. Тело его вновь обрело упругость и монументальность. Двое в белом последовали за ним. Заурчал мотор и скорая скрылась за поворотом, оставив после себя смрадное облако выхлопных газов.

– У-у, гнида, – Пан густо плюнул им вслед.

Александр Логунов

ГОД – ОДНА ТЫСЯЧА...

Фантастическая повесть

ОТ АВТОРА

Летом 1991 года, когда вчерне была написана повесть, и никто еще не помышлял о близости августовских событий, многие все же чувствовали, что тучи на политическом горизонте сгущаются, дышать становится все труднее, подземные толчки все активней выбивают почву из под ног вчера еще незыблемой власти.

Чувствовал это и я. Накал и сгущение политических страстей, также, как сгущение атмосферного электричества, говорили об одном – грозы не миновать, и всполохи молний не происходят сами по себе. И вот, это случилось. Помню, как многие радовались победе; монстр коммунизма повержен. Радовался и я. Радовался, что сценарий, воплощенный в повести, уже не будет реализован. И что Господь вновь нас миловал.

Но прошло два года со времени так называемой победы, и дышать снова стало невыносимо трудно; и снова, как тогда, небо заволочло тучами, и где-то на горизонте появились злоеющие всполохи. Словно какая-то невидимая рука вновь загоняет народ в угол и, подталкивая к кровавой развязке, ставит определенные условия: истребление русской нации с помощью ее же самой.

Остается надеяться, что нас в очередной раз пронесет через бурные пороги, и в очередной раз будет дан шанс, чтобы мы поняли наконец простую истину – лишь возвращение России к исконному для нее устройству государства позволит прекратить падение ее в тартарары. Но что произойдет до времени понимания столь несложных вещей? Что придется еще пережить? Военную оккупацию? Фашизм? Народный бунт – бессмысленный и беспощадный? Полное распадение некогда единой страны?.. Спаси нас, Боже!..

Но видимо, русскому народу придется еще много пострадать, для окончательного освобождения от иллюзий. Ибо только по прошествии времени приходит осознание истинного положения вещей.

И с расстояния прошедших двух лет начинаешь с особой отчетливостью, как в фокусе, видеть, что Божественной воле угодно было низвергнуть коммунистов с одной-единственной целью – показать истинную суть российских демократов, и производной от них демократии. Чтобы не были они у народа (в случае победы ГКЧП) мучениками и героями, пострадавшими за правду. Чтобы все увидели их настоящую, подноготную суть. Чтобы не слагали о них легенд и не поднимали знамена их идей. Но каких еще страданий нужно русскому народу для понимания элементарного? Неужто нас настолько затравили за последние три четверти века, затуркали, затоптали в грязь, запоили бормотухой? Неужто история нас ничему не учит? Какую цену еще надо заплатить, чтобы каждому прозреть духовно, и восстать, наконец, из гроба?

Когда же мы поймем, что невозможно жить России по-Божески, но без Бога, и царствовать, но без царя?..

В повести дан лишь краткий эпизод событий, который был бы кое-кому выгоден: ибо в ослабленную междуусобицей страну проще простого ввести войска международного сообщества; так сказать, для разъединения враждующих сторон; и оставить их, затем, навсегда.

Повесть написана накануне путча, но я решил оставить текст неизменным; поэтому пусть не удивляет упоминание о ЦК КПСС и тому подобное; не в этом дело. Суть в том, что тучи вновь, как тогда в девяносто первом обложили небосвод, и снова нечем дышать.

И я не знаю, какую форму может принять надвигающаяся гроза; не знаю, куда хлынет волна гнева. Или может, не будет

никакой грозы, а просто, все тихо и покорно задохнулся без притока свежего воздуха.

Будущее темно, и не видно ни зги. Что в ней, в темноте? Вглядываюсь со страхом в смутные очертания. Жду, и страшусь.

.....

Воздушный налет закончился около часа назад. Три вертолета, в спешке опустошив остатки ракетного боезапаса (основной груз был сброшен на группировку Можайского направления) и, потеряв одну машину, ушли в направлении Кремля.

И теперь, когда в дивизионе подсчитали потери, и определились с распорядком службы, наконец, дали отбой тревоги.

Собственно, если говорить о потерях, то, если не считать пожара в старом корпусе гостиницы «Урал» – один покорезженный БТР, да два изрешеченных осколками автофургона. Что же до личного состава: всего, около десятка раненых, и вполонину меньше убитых.

«Крокодилы» – как на жаргоне называли вертолеты, за их неуклюжий вид и пятнистую окраску, шли явно на излете, после выполнения основного задания; отсюда спешка и хаотичность сброса боезапаса. Теперь, один из них пылал на углу Покровки и Садово-Черногрязской улицы, заволакивая стелющимися клубами гари площадь «Земляной вал».

Но сейчас, после отбоя тревоги, досматривать картину разрушений оставили караульным, а толпы бойцов уже заполняли второй, уцелевший корпус гостиницы.

Замкомбата Данильцин открыл дверь номера и, осветив внутренность, крикнул в галдящую, кое-где разрежаемую фонариками тьму коридора.

– Первая рота, отделение Перелыгина, занимай пятиместный!

– Нам бы еще один! – Раздалось в ответ, на что Данильцин лишь выругался, относительно личных апартаментов и двинулся дальше, выкрикивая из темноты отделенных мотопехотного батальона.

Электричество, как и следовало ожидать, отсутствовало, но особой нужды в нем не было; старый корпус гостиницы пылал довольно прилично, отчего все фасадные номера заливали блуждающие всполохи сумеречного света.

Десять бойцов гурьбой ввалились в отведенное им помещение и, побросав вещмешки, пристроив оружие в свободных

углах, расположились на полуторных, застеленных пледам кроватях; Серега Перелыгин – отделенный, на правах старшего застолбил диван у окна, остальные, кто как мог, сели по ходу, вдоль стоящего между кроватями стола.

«Дед» Семен Михайлович, самый старый в отделении, не дожидаясь, когда все уgomонятся, первым делом наполнил полуведерный чайник и, напевая под нос, начал раздувать примус.

– Красота, братцы, я тащусь. – Веня Грушинский, их дивизионный поэт, блаженно растянулся поперек кровати и одной рукой приобнял севшую рядом медсестру Лидию. Она незлобливо шлепнула его, но Грушинский руки не убрал; да, все и так знали об их отношениях.

Димка Васильев, дабы не ютиться на проходе в ожидании чая, уселся прямо на ковер, прислонившись спиной к платяному шкафу.

Бойцы весело болтали, кто о чем и выставляли провиант из неприкосновенного запаса; в основном галеты, сгущенное молоко. Нашлась пара банок тушенки и даже, плитка шоколада.

Димка оперся поудобней на стоящий рядом карабин и с истомой ткнулся лбом в его ствол. И чувствуя, как прохладная сталь приятно оттягивает усталость, в сладостной полудреме начал наблюдать, как бойцы накрывают на стол, снуют по комнате, выходят – кто за чем, как отблески пожара вспыхивают на их лицах, и словно не было этого месяца непрерывающихся боев, словно не было шквального, начавшегося в Нижнем Новгороде, прошедшего через Тулу и Коломну движения народно-революционной армии. Теперь, повстанческие войска, получив поддержку от Орла и Смоленска, двигались по трем основным направлениям: Можайскому, Мало-Ярославскому и Коломенскому; Петербургская же независимо созданная группировка оказалась отрезанной в районе Твери, и судьба ее оставалась неизвестной. И хотя основные соединения повстанцев еще бились с насмерть стоящей правительственной гвардией, головные части уже прорвались в столицу и за двадцать четыре часа овладели рубежами Садового кольца.

Остался последний бросок. Он был решающим. И никто не хотел ждать арьергардных и тыловых подразделений.

– Ребята, я с чаем! – В комнату вошел, будто вкатился пулеметчик Витя Шульгин, и с несвойственным для спортсмен-агиревика изяществом потряс над головой пачкой. – Но с условием, сказали – отсыпать и вернуть.

– Это кто, Голдобинские такие скряги? – С гонором произнес дымящий самокруткой Перельгин, – завтра в Кремле пьем бразильский кофе, а они пачку чая жалеют. Ничего не отдавай. – Он затынулся в последний раз и выбросил окурочек в приоткрытую форточку.

– Правильно, не отдавай. – Все весело загалдели, поддерживая отделенного.

– Не-е, надо вернуть, – с улыбкой ответил Шульгин, высыпая заварку в закипевший на примусе чайник, – последним поделились.

– А-а, если последним, то, ладно, – благосклонно отозвался Перельгин, хотя с самого начала было ясно, что весь его гонор – не более, как для видимости, чтобы таким образом выказать благодарность находчивости взводного пулеметчика.

Димка уже совсем было задремал, но встрепенувшись от громкого окрика Шульгина, вновь начал расслабленно наблюдать за происходящим в комнате; вот, в кресле у окна, рядом с диваном отделенного, надвинув на глаза флотскую пилотку и полурасстегнув бушлат, вольно развалясь сидел бывший мастер ПТУ Пенкин; того самого, в котором учился и Димка Васильев; правда, преподавал Пенкин в параллельной группе и по другой специальности.

Лет ему, не более двадцати пяти, но ведет себя, как высокий начальник. В Нижнем, когда формировали армию, до хрипоты ругался и требовал, чтобы ему дали взвод; это при его-то звании старшего матроса.

Бесноватый блеск его чуть выкаченных глаз, ко всему, усиливался вдавленной переносицей и крупным нависающим лбом; даже небольшая, похожая на щетку борода загибалась и топорщилась вверх; это все верно от гордости и непомерных амбиций.

Димку он, все эти тридцать дней словно и не замечал, хотя оба в ПТУ глаза друг другу успели намозолить.

Кстати, «дед» Семен Михайлович тоже, нижегородский. Но Михалыч – другое дело, ему уже пятьдесят, а ведет себя на равных со всеми; говорит – у дочери от первого брака, второй внук родился. Сам женат три раза, а к шестому десятку остался один.

– Слушай, братва. Недавно сочинил стихотворение. – Вскинулся вдруг Грушинский. – Конец еще не совсем, но все-таки...

– Давай-давай, травы, – благодушно послышалось со всех сторон.

– Но только, чур, – призывая ко вниманию, Вениамин ткнул пальцем вверх. Наш дорогой Цымбал Валера сразу отсыпает мне табачку. – И кивнул в сторону молчаливо сидевшего против него парня.

– Во, смотри-ка, – усиленно окая и комично выпучивая глаза, ответил Цымбал, зачем-то убирая вещмешок с колен, – утром только брал.

– Утром было до боя, а сейчас – после. – Начальственным тоном осадил его Грушинский и прокашлявшись, картинным жестом пригладил едва оформившиеся щетки усов. – Итак. – Вениамин скрестил ладони у живота и уставившись в верхний угол комнаты, начал:

«Когда правят свиньи страну,
Когда на престолах лжецы –
Едят бутерброды с икрой
Подонки и подлецы.

А ты – что пахал и пластался
За доблесть, за честь и за труд,
Тебе вновь в награду достался
Все тот же постыдный хомут.

Ты верил – огни перестройки
Теперь не погаснут вовек.
Но вышло – платить неустойку
Обязан простой человек.

Ты ждал. И надеявшись, верил.
Но – вновь вынимается кнут.
И вновь тебе в спину штыками толкнут.
Лицом на брусчатку. Сомкнется редут.
И вновь к свеживырытым рвам поведут...»

– Вот, только последняя строфа, не совсем гладко. – Несколько виновато начал объяснять Грушинский, закончив читать стихотворение.

– Ладно, завтра во Дворце съездов расскажешь все до конца. Успокоил его Михалыч. – Но ведь действительно, свиньи же правила, довели страну до такого. – Подвел он резюме и стал, вместе с пришедшим на помощь Шульгиным, вскрывать консервные банки.

Дверь неожиданно отворилась, и в полумраке проема показалися братья-близнецы, Леха и Андрей, с полотенцами и бритвенными приборами в руках. С самого начала они куда-то ус-

кользнули, и судя по их всклокоченным прическам, оба только что вышли из душевой.

– О-о, два брата-акробата! – Крикнул из своего угла, прямо в сапогах улегшийся на диван Перельгин. – Уже где-то помыться успели.

– Да, там, в душе – неопределенно ответил один из них и повесил полотенце на крюк платяной вешалки.

– Холодной водой, что-ли? – Криво усмехнулся Пенкин и понимающе подмигнул отделенному, ткнул пальцем в сторону близнецов.

– Не-е, в походной кухне нагрели. Там, третий взвод моется.

– Бля, ну и тихушники! – Смачно выругался командир отделения, и от возмущения даже поднялся со своего ложа. – Хоть бы слово сказали. Дать бы вам по наряду вне очереди... Ну, ладно. – И вдруг переменял тон. – А может и нам на халяву сполоснуться? Как в старину, перед ответственным сражением.

– Да-а, брось, командир, – вяло возразил ему пулеметчик, – считай, скоро полночь, а в пять утра, наверное выступим.

– Хм, и то верно, – согласился с ним сержант и поскреб щеку с трехдневной щетиной, – но побриться все-таки надо.

Наконец, долго сипевший чайник засвистел и плюясь паром, начал подбрасывать крышку.

– Ребята, подставляй, у кого что есть. – Михалыч кинулся к примусу и, спрятав ладонь в рукав гимнастерки, быстро снял чайник.

– Скорей-скорей, заварка выкипит, – подбадривали его со всех сторон, но Михалыч и сам знал, что надо делать.

Разобрав галеты и тушенку, вновь заняли свои места, лишь только близнецы, как Димка, расположились у входа в номер.

Братья родом были рязанские – освобождены во время наступления из следственного изолятора.

А сидели они вроде как за убийство; угоняли вместе с цыганами лошадей, да потом и убили одного из них, за обман при дележе денег.

Братьям так и так надо было уходить; надеяться на милость цыган в смутное время – верх легкомыслия.

При возрасте в девятнадцать-двадцать лет, во всем держались независимо и особняком; к командирам относились со сдержанной снисходительностью. Вот и сейчас, расположили отдельно от всех, на табурете, нехитрую снедь и о чем-то говорят вполголоса.

Может быть о доме? Хотя, чего о нем говорить. Димка, месяц, как в регулярных частях, а никакой тоски не чувствует, наоборот, первым пошел записываться добровольцем: накинуд год, сказал, что в декабре восемнадцать, и порядок; никто документы и не стал требовать.

Мать, правда, жалко. Истерику закатила напоследок. Да еще бабка с младшей сестрой начали ей подвывать. Но ничего, уж обойдутся как-нибудь, пока. А дальше – видно будет.

Дверь мягко отворилась и в комнату, также беззвучно вошел Гоша-минер; низкорослый, в гражданском берете, из под которого выглядывали вьющиеся волосы, переходящие в кустистые рыжие бакенбарды. Гоша прошел Афган, и был всегда спокоен, что называется, как удав.

– От вашего купе-люкс, – произнес он улыбнувшись одними уголкам губ, – аромат... сразу видно – Михалыч заваривал. – И, развязывая на ходу вещмешок, направился к столу.

– В коммерческом кафе сейчас печенье надыбал. – Георгий тряхнул содержимым мешка и отсыпал добрую его треть на стол.

Как само собой разумеющееся, налил чай в свою, едва не литровую кружку, и поудобней уселся с краю кровати.

– Вот, ценник захватил. – Он достал из кармана бумажку и, покрутив ей в воздухе, бросил рядом с чайником. – Восемьсот рублей – килограмм.

– Ого. – Шульгин даже присвистнул от изумленья, а Лидия нервно расхохоталась, едва не подавившись печеньем. На что Гоша лишь согласно кивнул и со значением заключил. – Власть возьмем – головы будем отрывать за такие цены.

И по тому, как вдруг блеснули его глаза, Димка понял – будет отрывать, без всякого сомненья.

– Ну-у, про власть размечтался, – с усмешкой возразил Михалыч Георгию. – Народ ведь никогда власти не имел – ни в семнадцатом, ни при Хрущеве, ни в перестройку, и сейчас, то же, не стоит особенно мечтать.

– Это почему же? – Минер откусил печенье и сделал обстоятельный глоток.

– А потому, что народ не правил никогда. Не знает, как это делать. И не готов он к власти. И не чувствовал себя ей ни раньше, ни сейчас. Не зависит ведь ничего от народа. – Заключил он свою тираду и широко развел руки в стороны.

– Как это?! Не чувствовал, не зависит?! – Завелся вдруг Грушинский и даже привстал с кровати. – Я себя сейчас, ой-ей-

ей как чувствую властью, и от меня много чего зависит, Михалыч, и от тебя, впрочем, тоже.

– Ну, еще замполит, на мою голову, – отмахнулся от него «дед», – зависит – не зависит, я – мы... армия – мы, понятно. Что прикажут, то и делаем. Другой вопрос, что все – добровольцы, но это, особый разговор.

– Так чего ж ты тогда полез в армию, раз тут приказывают, – с нескрываемой издевкой поддел его Пенкин, и торжествующе задрал вверх свою куцую бородку; на него, впрочем, никто не обратил внимания.

– А я говорю, – Михалыч начал заметно распалиться, – когда со стрельбой прекратим, надо подумать, чтобы действительно власть народной сделать, чтобы не отобрали ее, как большевики в семнадцатом, – Михалыч начал жестикулировать. Видно было, что думал он над этим много, но не умел хорошо выразить словами, – чтобы не от народа в целом, а от каждого человека зависело – что и как надо устроить в государстве. По мне – хоть коммунизм, хоть царизм, хоть фашизм – лишь бы человек себя властью ощутил... Вот так, да. А иначе, чего я в пятьдесят лет под пули лезу? У меня уже скоро четвертый внук будет; дочка от третьего брака замуж недавно вышла.

– Ну, ладно, все это разговоры. – Гоша-минер смачно отрыгнул и поставив кружку, полез в портсигар за папиросой. – Сейчас, вот, ума не приложу, как Кремль брать будем?

– Да-а-а, рассуждаешь ты будто командир дивизиона, – хохотнул из своего угла Перелыгин.

– Ага, посмейся, – минер прикуривал сделав затяжку, выпустил дым через нос, – сейчас с радистом беседовал о том о сем... так, доложу вам по секрету, что от армии Тимофеева осталось, максимум, полторы дивизии. Потому как... – он вытащил спичку, и поковыряв ей в зубах, сплюнул на пол, – гостиница «Украина», в которой они расквартировались сегодня вечером, уничтожена при недавнем авианалете. Кстати, Новоарбатский и Дорогомиловский мосты – тоже, того...

Пенкин вдруг хлопнул пилоткой о стол и, резко Поднявшись, встал около окна. – Идиоты! – Он зачем-то схватился за ствол карабина и несколько раз перекинув его из руки в руку, поставил назад, к спинке кровати.

– Дорвались до бесплатного! Как же, гостиница, номера! Идиоты!

– А сам-то ты где? – Недоумевающе оборвала его Лидия, – не в гостинице, разве?

– Нет, не в гостинице! – Огрызнулся Пенкин в ответ и, развернувшись на каблуках, в запальчивости шагнул вперед. – В нашей, всего шесть этажей, и зажата меж домов. А там – высотное здание. Надо же понимать! И к тому же – мост! Неужели трудно мост было перейти?!

– Мост ПТУРСами простреливался, – пояснил Гоша-минер, и словно его не перебивал никто, продолжил дальше. – На Тверской, кстати, армию Гайдалова тоже здорово потрепали. Вся техника была на площади Маяковского – так, пожгли на корню. И отель «София», ясное дело – прямым попаданием...

– Слушай, ты – «афганец», – Пенкин с ошалелым неистовством схватился за карабин и натянулся как тетива, – шел бы ты отсюда, со своей информацией, к едреной тете! А то, я сейчас, за себя не отвечаю!

Минер снова затянулся, и с прищуром поглядев на Пенкина, потушил окурочек в банке из-под сгущенного молока. – Ладно, пойду, – произнес он тем же равнодушным голосом и поднялся из-за стола. – Скоро на разминирование. Уже понаставили, небось. – Георгий вскинул на плечо вещмешок, и взглянув в последний раз на Пенкина, снисходительно добавил. – Ладно, морячок – вольно. Тебя я все равно не боюсь. И за пушку хвататься не надо, потому что этот чайник, – он щелкнул по его пузатому алюминиевому боку, – полетит быстрее, чем ты дернешь затвором.

Неизвестно, чем закончился бы этот конфликт, если бы в дверях не появился комбат Жерехов; Георгий тактично уступил дорогу, и отдав на прощание честь (при этом несколько иронично вывернул ладонь вверх), исчез в темноте коридора.

– О-о, товарищ майор, присаживайтесь к нашему столу. – Перельгин с показной ретивостью поднялся с дивана и сделал приглашающий жест рукой.

– Нет, спасибо, уже ужинал. – Комбат оглядел всех исподлобья и на секунду остановил взгляд на Лидии. – Как личный состав? – спросил он, то ли медсестру, то ли командира отделения.

– В порядке, товарищ майор. Настроение боевое. – Ответил за всех Перельгин, поправляя для пущей важности топорщившуюся гимнастерку.

Жерехов лишь угрюмо кивнул и словно споткнувшись, теперь уже впрямую уставился на медсестру. – Лидия, после налета есть раненые?

– Во взводе, нет, – равнодушно отозвалась она, – а в батальоне... четверо, по моему. Один – тяжелый, в госпиталь надо.

– Угу, – с обычной своей мрачностью заключил майор, но по вспыхивающим затаенно уголькам глаз было видно, что не состояние личного состава его сейчас интересует.

– Ну, что ж, отдыхайте, – наконец прервал Жерехов возникшую было неловкую тишину. – Завтра, по всей видимости, нелегкий день. – И взяв под козырек, тяжело направился к выходу.

– Так точно. Все уже отбиваются. – Бодро ответил Перелыгин ему вслед, и лишь захлопнулась дверь, рухнул на диван и беззвучно расхохотался.

– Лид, а Лид, смотри, как майор тебя глазами-то ел. Так бы и проглотил всю... ха-ха. Гляди, комбат – парень не промах, – и он игриво погрозил ей пальцем, – мастер скрытой тактики.

– Да, он уже применял тут разведку боем, – простодушно отозвалась Лидия, и смущенно улыбнулась, обнаружив ямочки на щеках.

– И ты конечно уступила, – хохотнул в такт общему настроению Шульгин, и скинув сапоги, начал устраиваться на кровати.

– Еще чего! Болтаешь что попало! – Лидия взъерошилась вдруг, как тигрица, но тут же утихла, и ласково прильнула к плечу Грушинского, все это время нервно крутившего кончики едва оформившихся усов. – У меня, вон... свой комбат, – и она торжествующе стрельнула глазами по сторонам; мол – я не какая-нибудь, вам, походная... понятно.

– А чего я сказал? – Пошел на попятную Шульгин; он устроился поудобней, и предвкушая близкий отбой, подоткнул подушку в изголовье. – Я ж, так, просто. А Жерехов, мужик – что надо. Разведен. Высшее образование. КМС по боксу.

– Да, ну тебя, трепло. – Лидия махнула на него рукой и поднявшись, направилась к выходу. – Пойду, к своим, Медсестрам.

– Лид, ты куда? – Поэт тут же вскочил, и растерянно откинув падающий на глаза чуб, увлекся за своей подругой.

Через пару минут в комнату заскочил взводный шофер и, вылив в кружку остатки чая, с набитым ртом начал объяснять, что клапана стучат и с карбюратором непорядок, и что аккумуляторы подсели... Но Димка сквозь качающуюся дрему едва слышал его болтовню, а сон уже властно забирал к себе измо-

танное тело, и завтрашний, а по сути, сегодняшний день, представлялся, спокойным; словно не будет никакого решающего штурма, а просто – все образуется само-собой. – Все будет хорошо. Непременно будет хорошо.

Волны дремы, плавно, с баюкающим шуршанием накатывались друг на друга, будто играя в свои бризовые кошки-мышки, в тускло-золотистых лучах Луны, и уже казалось...

– Эй, малой. Ты, чего это, в углу? – Михалыч заботливо наклонился и потрепал Димку по плечу; в другой руке у него был опорожненный чайник, который он видимо нес промывать от заварки, но остановился, увидев Дмитрия, спящего между шкафом и кроватью.

– Да, я здесь... нормально, – отозвался сквозь сон Димка, но Михалыч, вновь, не терпя возражений, потряс его за плечо. – Вон, ложись с Шульгиным... Цымбал, сейчас, все равно в караул заступает.

– Да, иди ложись на мое место, – вторя Михалычу произнес Цымбал и, вскинув на плечо АКМ, направился к выходу, – после меня, на дежурство, так и так идешь.

– Да, Васильев, в четыре часа тебе в караул, – подтвердил его слова командир отделения, – поэтому, отбивайся. И, кстати, – добавил он начальственным тоном, – всем остальным – тоже, отбой! Завтра будет не до шуток.

Но приказывать уже не было необходимости; по комнате разносилось – унисонное посвистывание близнецов, посапывание расположившегося в кресле Пенкина, да могучий храп Шульгина.

...Штурм Кремля произошел невероятно легко и быстро; обороняющиеся сами открыли ворота Спасской башни и без сопротивления впустили повстанцев вовнутрь.

И теперь, когда все кончилось столь благополучно, Димка от нечего делать стал ходить по кремлевским апартаментам, рассматривая на стенах полотна старых мастеров. Но чем дольше он так прогуливался, тем более странным казалось ему сходство Кремля с внутренним устройством Зимнего дворца; так, как это и показывалось в классике советских кинематографистов.

По лестничным маршам и коридорам один за другим проходили отряды арестованных юнкеров и кадетов.

Димка поглядел, как они обреченно идут с поднятыми вверх руками, заметив попутно, насколько не вяжется все это с

мраморными скульптурами, старинными картинами на стенах, и дорогами вазами из тонкого фарфора.

Увлеченный рассматриванием работ голландских мастеров: ведь ничего подобного видеть ему не приходилось, Димка вышел из очередной анфилады и неожиданно попал в огромный зал, поперек которого, змеей протянулась длинная очередь, голова которой упиралась в массивные двустворчатые двери.

Из любопытства он подошел к ее краю, но вдруг увидел, что в середине, закинув автомат за спину, стоял Цымбал и безмятежно посасывал мундштук пустой трубки.

– Слушай, Валера – куда все выстроились? – Подошел к нему Димка и как ни в чем не бывало пристроился рядом.

– Как, куда? – Немногословный Цымбал удивленно приподнял брови, и задумавшись, отвел взгляд в сторону. – Вон, в Петровский зал, на президентском троне посидеть.

– Хм-м, а разве у президента трон был? – И Димка обескуражено оглядел стоящих в очереди бойцов; те, впрочем, не обращали на него никакого внимания.

– А как же. Экий ты. – Цымбал лукаво улыбнулся и принялся обстоятельно рассказывать, при этом как бы желая окончательно сбить с толку и тем ввести в еще большее недоумение.

– Сначала, конечно, на нем цари сидели; ну, это понятно... Князь Игорь, там, Владимир Мономах... и все остальные, вплоть до Ивана Грозного... Так, наверное? – Он пососал мундштук трубки, и словно уяснив что-то для себя, уже уверенно добавил. – Ну, а дальше – Петр I стал на нем восседать, и все-такое прочее... вплоть до Николая II... Да, ты, историю что ли не учил?

В ответ Димка лишь неопределенно поскреб в голове и смущенно улыбнулся.

– Ну, а затем, должен знать – Ленин на него переместился, потом – Сталин, Хрущев... ну и пошло-поехало: Брежнев, Горбачев – вот... А теперь, значит, наша пора пришла. – И он осклабил желтые от табака, широкие как лопаты зубы.

– Вон, – Цымбал кивнул на выходящих из Петровского зала, – счастливые до самой жопы. Посидели, ха-ха...

– Ничего себе, курим. – Грушинский подскочил к ним, суматошно жестикулируя по своему обычаю и хлопнул Цымбала по плечу. – Ну-ка, сыпани табачку боевому другу.

– Так, я ж тебе давал этим утром, – Цымбал даже отвесил губу от изумления и сделал попытку шагнуть в сторону.

– Э-э, то было до штурма, а сейчас, уже после... Надо ведь понимать. – Грушинский выразительно постучал себе по лбу, после чего укоризненно закивал головой.

– Ладно, и я заодно покурю, – сдался наконец Цымбал и в поисках кисета похлопал по карманам бушлата. – Хм, – он недовольно нахмурился, – кажется, в вещмешке оставил?.. Верно... Пойду заберу... А ты – малой, – кивнул он Васильеву, – вставай на мое место. Я сейчас вернусь. – И он с тревогой посмотрел на очередь, заметно приблизившуюся к резным двустворчатым дверям. – Так что, вставай малой, чего в стороне-то пристыл?

Но Димка, действительно, онемел как парализованный и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Так, ты вставай. – Цымбал шагнул к нему и стал неистово трясти за плечо. – Вставай, говорю!

– Да, встанет он, чего ты в самом деле. – Попытался приструнить его Грушинский, но Цымбал почему-то разъярился еще сильнее. – Вставай! Неясно, что ли?! Эй, малой, понял – нет?!

– А-а, что?! – Димка вынырнул из цепкого омута небытия и дико заозирался по сторонам; у стены залиvisto храпел пулеметчик, в окне тускло дрожали всполохи догорающего пожара, а над Димкой склонялся разводящий караула и тряс его за плечо.

– Ты, что ли, Васильев?!

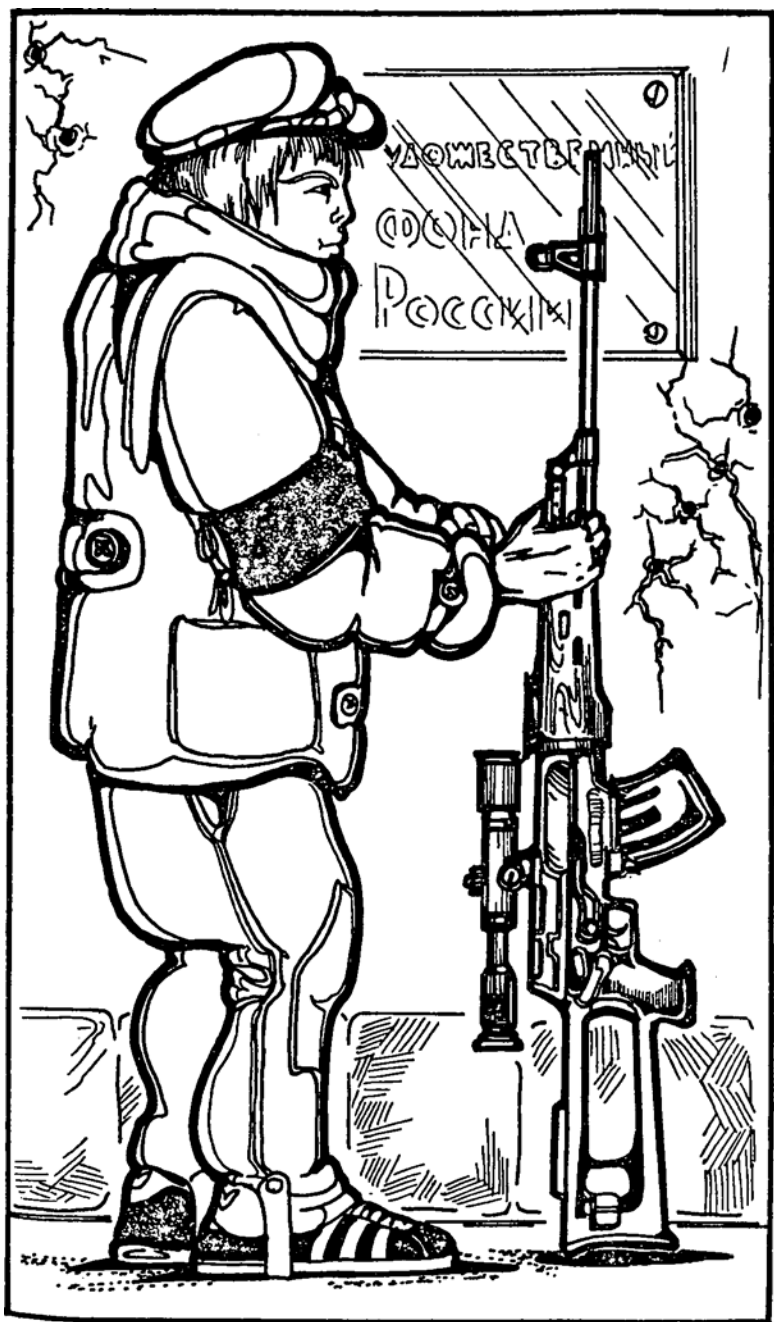
– А, да... я, – сбрасывая сонную одурь, отозвался Димка, и сев на койке, начал напяливать сапоги.

– Давай на дежурство... пост твой, прямо у горящего корпуса, – недовольно пробурчал сержант, – да, побыстрее собирайся. За ручку каждого некогда водить. – Он потоптался для порядка на месте, и лишь убедившись, что вахтенный не заснет снова, направился к выходу, тяжело бухая сапогами.

От утреннего озноба Димка окончательно пришел в себя, и чтобы не так чувствовать забирающуюся под ватник промозглую стылость, начал ходить взад-вперед по своему участку.

Горящий корпус гостиницы уже находился в последней стадии дотлевания; тому способствовали и стоящие по углам вахтенные с брандспойтами, уже, впрочем, не лившие беспрестанно воду, а только изредка пуская ее на минуту-другую, чтобы сбить вспыхивающие кое-где немощные языки.

Нарушая туманную хмарь предутренней тишины, со стороны Китай-города раздавались редкие автоматные очереди. Но

ослабленные расстоянием, они тут же гасли в серой мгле, что стоячим беспроглядным мороком закрыла всю Старую Москву.

Дмитрий вгляделся вглубь черного «оврага» улицы Покровки, состоящей из двух и трехэтажных зданий; если конечно не считать одной высотной коробки, восьмой этаж которой исчезал в грязно-молочном тумане, отчего, казалось, здание упирается прямо в небосвод.

«Художественный фонд России» – прочитал Димка на покосившейся табличке у парадного входа. И, как и следовало ожидать, витражные окна Худфонда были порушены до основания, и теперь внутри них зияла лишь черная пугающая пустота.

Казалось, что вот-вот из нее выпрыгнет нечто потустороннее и мгновенно поглотит оказавшегося рядом человека.

Димка поежился от пробравшего его озноба и поправив на плече карабин, повернул обратно.

На углу Покровки и Садово-Черногрязской улицы по прежнему валялся каркас сбитого вчера вертолета; теперь он походил на останки доисторического ящера и лишь слабый дым струился из его обгоревшего нутра.

Как ни странно, мертвенно белеющий в предрассветной мгле кинотеатр, не пострадал вовсе; если не считать отдельных трещин в витражах, да редких осколочных щербин в мраморной облицовке, отчего можно было заключить, что противник сознательно стремился не причинить ему явных повреждений.

Тем временем, пасмур низкого неба заполнялся сизым мерцанием, отчего с особой чернотой стали проявляться контуры высотных построек.

На улице – никого. Лишь у подножий угрюмо громоздящихся домов понуро шагал часовой в бушлате и бескозырке. И видимо от одолевавшей его скуки, он беспрестанно манипулировал с автоматом: то закидывая его на плечо, то, наоборот, вешая на грудь, либо укрепляя у бедра, наподобие шмайсера. – Эй, вахта, закурить не найдется? – Крикнул он Васильеву, но получив отрицательный ответ, снова зашагал вдоль перекрестка, подобно маятнику.

Димка развернулся назад, ибо несколько удалился от основного поста; ко всему, из глубины Покровки явственно слышался усталый разнобой шагов возвращающегося отряда.

Едва Димка встал на пост, как из парадных дверей, в сопровождении штабной свиты, вышел командир дивизиона Рябов.

Чтобы как-то сгладить неловкость, ибо командир наверняка заметил отсутствие часового, Димка вытянулся по стойке смирно, и щелкнув каблуками, приложил ладонь к пилотке. – Рядовой Васильев, пост – номер четыре. Во время службы...

– Вольно. – Комдив устало махнул рукой и направился к двигающемуся из глубины Покровки подразделению.

– Товарищ полковник! Всеу батальону – ордена! – Еще издали прокричал Стафеев – несмотря на звание майора, простецки обращавшийся как с выше – так и с нижестоящими по званию. – Переход на Старой площади отстояли... На Лубянке, впрочем, тоже...

– Будут, будут ордена. Возьмем Кремль, все будет. – С теплотой в голосе ответил комдив и вытащил из кармана пачку «Казбека». – Закуривай, майор, – протянул он папиросы комбату, при этом добавив, как бы невзначай, – кстати, батальон отправляй на отдых. Через час выступает.

– Ясно, – кивнул Стафеев и повернувшись к подчиненным, привычно крикнул поверх голов. – Всем отдыхать! Чай, кофеи не разводить. Они уже приготовлены в буфете Дворца съездов! Всем понятно?!

– Так точно! – Со смешком отозвались бойцы, и по команде – разойдись, возбужденно галдя, двинулись к гостинице.

Тем временем, Стафеев, почувствовавший себя в центре внимания, после двух-трех жадных затяжек, начал обстоятельно рассказывать о действиях на Старой площади.

– Мы, товарищ полковник, поступили хитрее, чем предыдущий батальон сотоварищей. – Лукаво прищурившись, он оглядел вставших полукругом офицеров, которые уже внутренне улыбались, ожидая не просто доклада, но – небольшого артистического действия.

– Так, вот. Поздняков, бедолага; неплохой парень, между прочим, едва нас дождался. Ибо перестрелял к исходу событий почти все патроны: так сказать, отгоняя неприятеля от входов в подземные переходы.

Он вновь лукаво усмехнулся и со значением выпустил вверх струю дыма. – Но я его не обвиняю, хотя он и положил там десятка три, не считая раненых... Но, да ладно. Мы же, товарищ командир дивизиона, поступили проще. – Стафеев явно тянул время, чтобы произвести максимальный эффект.

– Тихо-мирно, – комбат чуть присел и даже стал на цыпочки, жестами изображая характер операции, – без суеты, – хитро

подмигнув, он заговорщически огляделся по сторонам, – прикрепили фитили к бочкам с бензином, да и.

Стафеев наотмашь рубанул ладонью и в азарте топнул ногой, – катнули их в переход.

– Отлично придумано, – наперебой загалдели офицеры, и кто-то из комбатов одобрительно хлопнул его по плечу.

– Вот, и я говорю то же самое... А затем – следом, бочку мазута, ну, и соляры, естественно... полыхнуло лучше, чем твой напалм... Рота Айтуганова, тот же фокус проделала на Лубянской площади. Ну, а затем, ладком-рядком, пулеметы – на третий этаж ЦК ВЛКСМ; вся площадь, как на ладони... Кстати, они там баррикады начали возводить. На крыше ЦК КПСС – минометы... Разок на нас с вертолетами рыпнулись. Но это, с их стороны – уже, кулаки после драки... Хотя, ЦК ВЛКСМ вскоре накрылось. О чем сожалею...

– Так, понятно, – прервал комдив фривольный доклад Стафеева, и его лицо вновь обрело отстраненно-официальное выражение. – Это вы хорошо придумали – с бочками бензина. Теперь переходы не подорвут. – Ну, да-к, – Стафеев с апломбом пожал плечами, – все метро, небось, пылает. А значит – изнутри, им то же, не добратся.

– Танки с БТРами пройдут, а это самое главное, – вклинился в разговор высокий сухощавый подполковник – командир мехбригады, и разговор офицеров, естественным образом перешел в деловое русло.

Командиры подразделений еще поговорили о предстоящей операции и разошлись для инструктажа младшего состава; скоро надо было выступать.

Через полчаса из закоулков между домами начала выполнять боевая техника; не слишком много – три танка, шесть БТРов, да десять крытых грузовиков. К половине из них прицеплены средние гаубицы и миномет – «Град», в сорок стволов.

Не густо, но вся артиллерия и основной мехкорпус были сосредоточены на Тверском направлении. А что от них осталось, Дмитрий уже знал; поэтому и эти полдюжины стволов оказывались не лишними.

Наконец, машины выстроились в одну колонну и ушли вперед, едва ли не к трамвайным линиям Чистопрудного бульвара. И тут же по этажам гостиницы пронеслись зычные возгласы дневальных.

– Подъем! Выходить строиться! Подъем!..

Через четверть часа дивизион стоял на противоположной от командирского БТРа стороне и ожидал дальнейших команд.

Утренняя хмарь сливала плотный строй бойцов в единую, почти неразличимую массу, но комдив мог и с закрытыми глазами рассказать структуру, своего, растянувшегося на целый квартал войска; в голове, батальон мотопехоты; затем – полк карабинеров (всполохи дотлевающего пожара тускло отсвечивали на примкнутых к карабинам штыках); полк автоматчиков, связь, минеры, медсанчасть, минометчики.

– Братцы! – Голос комдива сорвался, но затем вновь зазвучал надтреснутым дискантом. – Настала великая минута. И я верю. Эта минута даст новый отсчет в Истории народа. В Истории России! Может быть, в Истории человечества!.. И говорю это не ради высокопарных слов. Ибо сейчас мы двинемся в наш последний и решающий бой! На штурм Кремля!

Да! Враг силен. Но знайте. Никакая сила не может остановить воли народа. И его гнева. Тем более – если этот гнев праведен...

Комдив возбужденно взмахнул рукой, подбирая нужные слова, но тут к БТРу подбежал адъютант и взобравшись на него, что-то отрывисто, вполголоса произнес.

Полковник одобрительно кивнул и поправил фуражку, привычно скомандовал. – Дивизион! Напра-во! Отряды мотопехоты – по машинам! – И сразу, головной батальон кинулся к своим грузовикам.

Автофургон «КамАЗ», в котором, вместе со взводом находился Васильев, шел первым, сразу после колонны бронемашин.

Димка, как обычно, сидел с краю, и потому, видел все, что происходило снаружи.

Хотя, разглядывать было особенно нечего; двух и трехэтажные дома лишь изредка перемежались более высокими постройками. Вокруг ни души, все замерло и только – мерное движение колонны, да приглушенный рокот грузовиков.

Улица, как и полагалось для Старой Москвы, была не совсем прямой, и когда, после Чистопрудного бульвара въехали на Маросейку, пехотные полки потерялись в сумраке, за изгибом поворота.

Димка с опаской взглянул на крыши домов и сделал заключение, что забросать их оттуда гранатами – ничего не стоит, также, как ничего не стоит двум-трем боевикам, спрятавшись в переулке, поджечь все головные машины.

Теперь, оторвавшись от основного контингента, мехколонна оказалась как бы представленной сама себе: отчего чувство загнанной обреченности, щемящим ознобом начало вползать в душу. Внутренний холод, здесь странным образом соединился с холодом внешним, и того гляди, мелкой дробью начнут стучать зубы.

И чтобы избавиться от ознобной неуверенности, Димка прикусил губу, и начал усиленно рассматривать уходящие назад здания.

Это было совсем не интересно, но краем рассудка он отмечал, что некоторые из них, до Октябрьской революции, явно принадлежали богатым жильцам: ибо имели вычурную лепнину на стенах и барельефы масок над окнами.

Около одного такого остановились, не доезжая квартал до Старой площади.

– Что там? Затор какой-то. – Вполголоса предположил Михалыч и приподнявшись, посмотрел в лобовое, вставленное в брезент окошечко.

Димка тоже высунулся из грузовика; голубое трехэтажное здание было мастерски отделано лепниной, миниатюрными колоннадами и гипсовыми скульптурами античных нимф.

«Постпредство кабинета министров Белоруссии» – прочитал Димка на доске у главного входа.

На противоположной стороне, за решетчатой оградой тонула в полумгле церковь, фоном которой служил стеклобетонный параллелепипед, теряющийся верхними этажами в утреннем тумане.

– Сержант Воробьев! Установку «Град» – на площадь! – Послышался по селекторной связи голос комдива.

– Чегой-то они там? Баррикады, небось? – Вставил свое предположение Михалыч и снова прильнул к окошку.

– Товарищ полковник! Последний заряд, всего десять стволов! – Взмолился в радиодинамике растрескиваемый помехами сержантский голос.

– Ты что, хочешь, чтобы они перещелкали все танки?! Выполнять приказание!

– Есть! – С горьким надрывом раздалось в ответ и через полминуты, по краю обочины, то и дело выбиваясь на тротуар, прокатился «Зил», с минометом позади него.

– Сейчас что-то будет, – с тихим восхищением произнес Грушинский и его глаза шально сверкнули в полутьме. – Даже

покурить захотелось, – и он недвусмысленно посмотрел на Цымбала.

– Накуришься еще, – недовольно бросил ему из глубины фургона командир взвода Шкрабов, – в любую минуту могут в бой бросить. Уж тогда, точно, всем дадут – и «Мальборо», и «Герцеговину Флор»...

Около двух-трех минут тянулось тягостное молчание; с той стороны, тоже, никто не стрелял.

И вдруг, серия мощных взрывов лопающимся рапидом располосовала вакуумную тишину.

– Конец котенку, больше сосать не будет. – Нервно хохотнул сидящий рядом с Дмитрием Пенкин, и в возбуждении потерев ладони, азартно хлопнул ими по коленям.

И снова, на две минуты – тишина.

– Механическое подразделение, – раздался по радиосвязи, теперь уже устало безразличный голос комдива, – малый вперед.

И колонна техники вновь двинулась к Старой площади.

От здания ЦК ВЛКСМ, действительно, остались лишь дымящиеся руины; а из подземного перехода валила тяжелая жирная гарь, аспидные клубы которой скатывались вниз, в Китай-город.

Досталось и Политехническому музею; занимая целый квартал, он уступал в размерах разве что ГУМу.

Ко всему, общее впечатление дополняла мостовая, изуевченная многочисленными колдобинами, засыпанная обломками кирпича, штукатурки, строительного мусора.

И снова остановка.

– Личному составу мотопехоты, на расчистку баррикад. – Команда комдива прозвучала как-то особо буднично и бесцветно.

– Значит, все в порядке, – решил про себя Димка и первым выпрыгнул из машины.

Баррикада, состоящая из наваленных поверх мешков с цементом штабелей деревьев, перегораживала въезд на Ильинскую, которая, начинаясь от полукружий угловых домов, будто стекала вниз по направлению к Красной площади.

– А ну, ребята, навались! – Комбат Жерехов сходу начал руководить работами, и тут же, первым ухватился за комель дерева.

Баррикаду, сработанную наспех и под огнем, растащили через пятнадцать минут; две 122-миллиметровые пушки отка-

тили на задворки углового здания; туда же перенесли и трупы изрубленных осколками артиллеристов. Димка с содроганием посмотрел на месиво из человеческих тел, которые, элементарно, сложили в штабель; оно и не мудрено – если после минометного обстрела даже стены покрылись оспинами глубоких рытвин.

И едва появился необходимый для техники проход, как танки пошли вперед и пехотинцы, на ходу попрыгав в машины, двинулись следом.

– Мин быть не должно, – задышливо произнес Пенкин; он опять сидел рядом с Димкой, – в асфальте не больно поставишь, я так думаю. – Расположившийся напротив Шульгин согласно кивнул и аккуратно поправив на пулемете свисавшую до пола ленту, рассудительно добавил. – В лоб бить будут. Это точно... Сердцем чувствую.

Как Димка ни сдерживал страх – все же мелкий озноб, порождаемый внутренней, подошедшей вразнос пружиной, начал неодолимо сотрясать его тело. И чтобы никто не заметил художеств постыдной зубной чечетки, он целиком отвернулся назад, как если бы его интересовала втягивающая на Ильинскую колонна автомобилей.

Почти беззвучно она двигалась на малом ходу мимо окрашенных в темно-зеленый и брусничный цвета ампириного стиля зданий; монументальная их лепнина, сложная вязь наличников, горельефы масок, и торсы угрюмо поддерживающих балконы Атлантов, только усугубляли тревогу напряженного ожидания.

И вот, она прорвалась. Взрыв, к которому все были внутренне готовы, и тем не менее, происшедший неожиданно, располосовал как фольгу молочно-серый рассвет; и сразу все задергалось, забилося, завизжало колодками тормозов, беспорядочно забухало пушками танков, застучало пулеметами бронемашин.

– Один, готов, – Шульгин вцепился в ствол пулемета и его обескровившиеся губы превратились в тонкий натянутый шнур.

Впереди раздался еще один раскат, и тут же, рикошета о стены, мостовую и борта машин, частой шрапнелью россыпью зацокали пули.

Не в силах ощущать себя живой мишенью, забыв про страх, Димка выглянул наружу... Головной танк, замерший у перекрестка – пылал как свеча, а впереди, буквально через квартал, между ГУМом и «Средними рядами», до второго этажа возвы-

шалась несокрушимая, выложенная мешками с песком и цементом стена.

Стена – на гребне которой все было сплошь утыкано ПТУРСами, пулеметами и артиллерией.

– Что там?! – Фальцетом выкрикнул из глубины кузова взводный, но селектор уже разрывался от истошного дисканта комдива.

– Всем поворачивать вправо! Вправо, и на Никольскую! Пехота, по Новой площади на Лубянку! Как слышите?!..

Моторы сразу взревели до полных оборотов, и Димкин фургон – со скоростью, максимально возможной в этих условиях, рванул за бронеколонной, в Богоявленский проезд.

Где-то рядом ухнул артиллерийский взрыв, и Пенкин, выгнувшись, будто в столбнячной катаlepsии, навзничь упал на Димкины колени; он несколько раз конвульсивно дернулся, и кровь, с клекотом полилась из его широко открывшегося рта.

Раздался еще один взрыв, и кузов «КаМАЗа» круто занесло на повороте; теперь снаряд попал в идущий следом грузовик.

И словно в мельтешащем калейдоскопе, Димка одновременно видел: агонизирующего на коленях старшего матроса, танк – пылающий у портала «Торгово-промышленной палаты», бойцов – выпрыгивающих под пули, из кузова развороченного грузовика. А за танком – в жерле Рыбного переулка, под прицелом золотых крестов церкви, настороженно замерли корпуса гостиницы «Россия».

Впереди опять что-то взорвалось; на этот раз стреляли со второго этажа серого здания, скалоподобным монолитом взгромоздившимся рядом с церковью Богоявления; снаряд ПТУРСа поджег второй танк, и теперь, проезд к Никольской оказался перекрытым.

– Заворачивай на Старопанский! – Рябов выпрыгнул из командирского БТРа.

– Чтоб ее – засада! – В сопровождении адъютанта, не обращая внимания под свист пуль, он прихрамывая побежал к углу переулка.

– Внимание экипажам!.. Савельев – первый! Следующий – Климук... Харченко...

Рискуя быть задавленным, комдив метался между машинами, направляя их в узкий изогнутый переулок, пока площадь перед Министерством труда не освободилась полностью.

Димка осторожно взглянул наверх, в узкий просвет уличного каньона, и топкая коллоидная жуть стала медленно запол-

нять его сознание; он вдруг с необычайной ясностью понял, что для превращения бронеколонны в груды металла, достаточно одного вертолета.

Димка инстинктивно дернулся в желании скрыться от предполагаемой бомбежки, но Пенкин по прежнему лежал у него на коленях; остекленевшие глаза матроса тускло смотрели в Димкино лицо, а окровавленная борода, непокорная даже смерти, еще сильнее задралась вверх.

Дмитрий пытался незаметно столкнуть его на дно кузова, но одеревеневшие руки не подчинялись волевым усилиям, и даже наоборот, в судорожной конвульсии еще сильнее обхватывали коченеющий труп.

Теперь Димку трясло так, что он уже не мог этого скрыть; мутный ужас волной затапливал сознание; Димке хотелось кричать, на – губы застыли, будто запечатанные сургучом, а ведь еще вчера он считал, что начисто избавился от страха – привык к свисту пуль и разрывам снарядов – но здесь, среди нависающих каньонов Старой Москвы, все его бесстрашие было сметено и задавлено словно обвалом, без всякой надежды на спасение; а он, оказался беззащитным, загнанным в клеть кроликом, один на один с испепеляющим дыханием смерти.

И вскоре, не помня себя, он бежал вместе со всеми по Лубянке и Театральному проезду, хрупая усыпавшими мостовую осколками витрин «Детского мира».

Подобно клокочущей, падающей с гор реке, масса людей скатывалась вниз, и также, словно водный поток раздваивалась на два рукава, ударившись о баррикаду у гостиницы «Метрополь».

Подземный переход, следующий сразу за баррикадой, был превращен в противотанковый ров, и взвод пехотинцев, разбирая оставленный противником завал, сталкивал в его обрушенное чрево деревья, фонарные столбы и бетонные блоки.

– Давай-давай! БТРы пройдут! – Командир мехбригады словно стрелочник махал руками перед образовавшимся в баррикаде проходом, но техника – не желая ломить на авось, воспользовалась более надежным путем: поворачивала за Малый театр, чтобы переулками выйти к Манежной площади. Как ни узки были полуобрушенные тротуары, но вскоре Театральная площадь оказалась заполненной едва ли не на треть; на этом движение толпы и заканчивалось, ибо потеряв управление, оно, повинувшись первоначальному импульсу, не в силах остановиться

совсем, она спонтанно образовала вращающийся вокруг своего центра водоворот.

Оказавшийся по воле случая в арьергарде, комдив, размахивая пистолетом ринулся в пролом, которым не пожелали воспользоваться танки, и преодолев переход по лежащим поперек деревьям, вклинился в потерявшую управления массу.

– Слушай мою команду! – Закричал он срывая связки, и добавив для крепости трехэтажный мат, несколько раз выстрелил в воздух. И тут же, когда все замерло на короткий миг, скомандовал со звенящей властью.

– На штурм Кремля! Вперед!

Шквал огня уперся в атакующих сплошным свинцовым частоколом; окна второго и третьего этажей музея имени Ленина, ощерившись десятками изрыгающих стволов, смертоносным гребнем впились в катящуюся через площадь человеческую лавину.

Рябов схватился за вспыхнувшее алым плечо, и с криком, – назад! – На подламывающихся ногах кинулся к гостинице «Москва», увлекая под скалоподобные ее стены, рассеиваемые огнем полки.

Жерло Моховой втянуло их подобно гигантскому вакуумному насосу, и теперь тащило по своему чреву между гостиницей «Москва» и не менее огромным Домом Совета Министров.

Димка увидел, как бегущий впереди комдив начал вдруг медленно оседать, и сделав несколько шагов к парапету министерства, рухнул у парадных дверей.

К нему тут же кинулся адъютант, но это уже было все равно; командир толпе стал более не нужен. Теперь она управлялась собственной яростью и страхом; яростью и неумолимостью общего движения, внутри которого нельзя было остановиться также, как в объятиях смерча либо горного потока.

Переходы на перекрестке Тверской и Манежной площади, также оказались взорваны; прибывшие немногим ранее части Гайдалова забрасывали провалы щитами ограждения, что стояли вокруг ремонтируемого отеля «Националь». Но это было необходимо для прохождения техники, а люди, уже наученные предыдущим опытом, устремились к узким бровкам тротуаров; самые же находчивые высадили парадные двери министерства, и теперь, преодолев коридоры, прыгали на мостовую из торцовых окон первого этажа.

Две армии соединились и на Манежную площадь словно хлынул селевой поток. Но едва он достиг середины, как со сто-

роны баррикад Исторического и Кремлевского проездов, в ответ на шквалоподобное движение, обрушился смертоносный ураган свинца.

Баррикады здесь были не чета Ильинским – эти поднимались едва не к крыше Исторического музея и среднему ярусу Угловой Арсенальной башни. Но также, как на Ильинской – были усеяны пулеметами, ПТУРСами и легкими орудиями.

От шквального огня передний клин наступавших дрогнул и покатился, словно вдоль невидимой преграды, к воротам Александровского сада. Кое-кто попытался преодолеть чугунные с бронзой решетки, но за каждым выступом Кремлевской стены и в окнах-бойницах Арсенала сидело по пулеметчику.

Наткнувшись и здесь на свинцовый волнорез, батальоны атакующих отхлынули назад, к отелю, и устремились естественным ходом мимо П-образного корпуса МГУ, и вдоль Манежа, к площади Борисоглебских ворот. Оттуда, с Новоарбатского проспекта, навстречу им уже двигались части Можайского направления.

После разгрома в гостинице «Украина», они все-таки собрали несколько полков и переправившись в районе Бережковской набережной, вышли к Кремлю почти к началу операции.

Теперь оба соединения столкнулись в тесном промежутке квартала, и заполнив его, остановились в неодолимом противоборстве.

Деморализованная толпа управлялась уже не приказами командиров, а властным повелением инстинкта самосохранения; и единственной ее задачей было – смять оказавшееся на пути препятствие, повернуть назад, опрокинуть, смести, подавить, и если придется – уничтожить. Ибо, странным образом, перед лицом неминуемой смерти, свои стали чужими, друзья – врагами, а враги – некой безличной, неотожествляемой с человеком силой.

И совершенно произвольно, тысячи спаянных воедино тел, не находя выхода, стали выдавливаться вверх по Большой Никитской, помимо желания дезертируя с поля сражения.

Хотя и сознательных дезертиров было немало; ибо тот, кто не мог прорваться между университетскими корпусами, бил окна, чтобы внутри здания укрыться от смертоносного огня.

А двигающиеся с Тверской и Нового Арбата части все продолжали прибывать, и теперь – явившиеся на смену расстреливаемым первым рядам, уже буквально шли по трупам, едва не в сплошную вымостивших Манежную площадь.

И как жидкость, принимающая форму сосуда, человеческая масса, несмотря на встречный ураганный огонь, потекла вниз к Неглинной, где ангароподобный Манеж уже не служил защитой, и пули, свободно прошивая кроны деревьев, с неумолимой фатальностью отыскивали свои жертвы.

Левый фланг армии Гайдалова выдавливался по тому же принципу, назад, к Театральной площади, и откатываясь вдоль стен министерства и дома Пашковых, явно предпочитал такой исход событий.

Никто более не жаждал боя; все понимали, что наступление провалилось, и теперь искали одного – спасения. И спасение для устремившихся к ЦУМу и Большому театру могло превратиться в реальность, если бы со стороны Лубянской площади, в воздухе не появились четыре полностью экипированных боезапасом вертолета.

И сразу, шесть огненных струй сорвалось с пилонов одного из них, сметая с лица земли «Детский театр» и здание метро «Охотный ряд».

Следующий ракетный удар обрушил северо-восточную часть гостиницы «Москва». А следом – еще и еще; ракеты отрывались очередью, будто снаряды с касет зенитных установок, рождая своим действием клокочущие каскады дыма и гари.

Взрывы, грохот рушащихся зданий, вопли погребаемых под обломками людей, конвульсии потерявших туловища конечностей, ошметки разносимых по мостовой внутренностей, изувеченные осколками и задавливаемые стенами трупы – все смешалось в одну сплошную невыносимую вакханалию ужаса. Вертолеты быстро набрали высоту и, сделав круг над Красной площадью, вновь двинулись к Манежной.

Выстроившись будто на параде в одну линию, и в торжественной надменности показывая собственное превосходство, словно апостолы смерти, они не знали жалости и пощады. А под ними, будто гигантское цунами вращалось, раздираемое тротилом ракет, иссекаемое пулеметными очередями, тысячеголовое, окровавленное Нечто.

Толпа рвалась вон из этого крошечного ада, но выбраться назад не было ни малейшей надежды; люди давили друг друга и узкая горловина Большой Никитской ничего не меняла в принципе.

Солдаты, беспорядочно и без стремления поразить цель, палили по рвавшим их на части железным чудовищам; две зенитки, развернувшиеся у гостиницы «Националь» и запрудив-

шие Тверскую БТРы, стреляли до покраснения стволов, и все казалось бессмысленным; извержения огня, как ни странно, напоминали действия ребенка, от страха прячущего голову под одеяло, либо агонию утопающего, видящего спасение и в соломинке.

Но вдруг одна винтокрылая машина застыла, будто подвешенная на невидимых нитях: ее пропеллеры противоестественно зафиксировались крест на крест, и качнувшись вперед, словно в стремлении выровнять нарушенное равновесие, она отвесно рухнула в центр скопления людей.

Лишь краем глаза Дмитрий успел увидеть взметнувшийся после нее огненный смерч, ибо уже через мгновение мчался по Неглинной, то и дело спотыкаясь о валяющиеся на мостовой трупы, механически отталкивая сраженных огнем бойцов, пока их с размаху не вынесло, наконец, к Кутафьей башне Троицкого моста.

По деморализованной массе вновь прокатился боевой дух, и с криками, – Ура! – Словно что-то заново осознав, с тем же напором, что толкал ее к бегству, толпа покатила к Троицким воротам, по вымощенному брусчаткой пологому спуску.

Уже ломы и приклады застучали по дубовой обшивке ворот, а по сотням поднятых рук, качаясь, двинулись невесть откуда возникшие лестницы, как в воздухе что-то взорвалось, и огненные слитки посыпались на головы штурмующих.

Тишина замерла на миг, как треснувший лед. И тут же, подобно обвалу прорванной плотины, покатило назад обезумевшее, расколотое ужасом Существо без лица; в страшной давке, сминая друг другу ребра и ломая позвонки люди, словно фарш из мясорубки, выдавливались через створы Кутафьей, а вслед им, рождая рукотворный поток лавы, одна за другой падали рвущиеся бочки с горючей смесью.

– Шестая, седьмая... десятая, одиннадцатая... – Димка, прижатый к ограде Александровского сада, в каком-то застывшем остеклении ума следил за страшной работой обороняющих Троицкие ворота; солдаты противника все продолжали и продолжали сбрасывать гекалитры смерти, а внизу, объятые пламенем люди, обезумев прыгали с моста и в поисках спасенья, живыми факелами металась по саду; многие, обессилев, падали на землю, и в судорожной агонии катались по жухлой полегшей траве, но некоторые натыкались на деревья, падали под них, и вот уже ели и лиственницы начали медленно заниматься трескучим сатанинским огнем.

А пылающий ураган, выдавив из Кутафьей спасавшийся бегством арьергард, стремительным накатом ударил об угол Манежа, и покатился дальше, походя слизывая десятки обреченных жизней.

Словно в замедленном кино Дмитрий увидел падающую в пламя медсестру Лидию, и, как Грушинский, развернувшись, с перекошенным лицом рвется против движения, но сметаемый живой лавиной, ломается, будто вырванный с корнем тростник, и тонет в ней, погребаемый под множеством затаптывающих его ног.

Новая людская волна оторвала Димку от чугунной ограды, и он вместе со всеми побежал вниз по улице. Перед его застывшим взглядом одна за другой проносились, укрепленные на грязно-зеленых стенах, памятные доски: ...Анна Ильинична Елизарова-Ульянова – словно вспышка стоп-кадра; метр на полтора, из серого камня... окна, двери, балконы – балюстрады с решетками похожими на паутину. И следом – будто кровавый лоскут: «Музей В. И. Ленина (в квартире А. И. Елизаровой-Ульяновой). Вход бесплатный».

У Боровицких ворот, тоже, все горело; огонь стекал к Большому каменному мосту, где по водостокам попав на Кремлевскую набережную, уже беспрепятственно заливал пожаром черную гладь Москвы-реки.

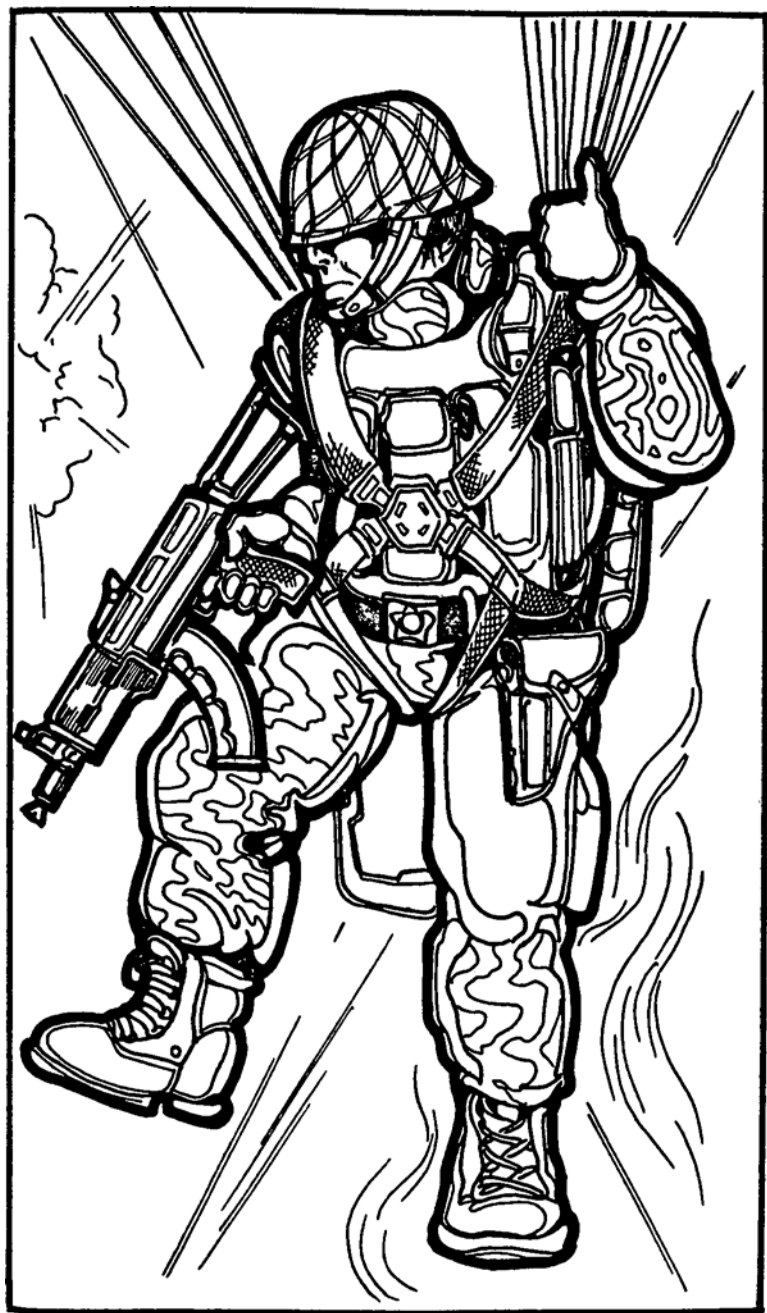
Чтобы не попасть в какое-либо жгучее щупальце напалма, Димка выскочил на холм пожухлого газона, и вдруг, в который раз за последние минуты, будто в стоп-кадре остановили движение и выключили звук.

Треск пулеметов, крики, грохот орудий – все ушло куда-то в небытие, а посреди навалившегося чистой голубизной утреннего неба, словно мыльные пузыри, один за другим раскрывались белые купола парашютов.

– Десант... – И тысячный унисонный вздох заворуженно исторгся в одном оцепенелом изумлении.

Десантники уже в воздухе вели огонь, но выстрелов не было слышно, так же, как не было заметно движения парашютов, что будто приклеенные застыли посреди небосвода. И эта игрушечная ирреальность становилась вовсе невыносимой, отчего хотелось упасть в жухлую траву и зажать уши ладонями, чтобы не слышать, не видеть, не знать, не существовать, вырваться из этого ада...

Но тут снова прорвалось, будто кто-то прикладом разбил звуконепроницаемые двойные стекла.

– Ребята! Через мост, пока не отрезали! – Прокричал, срывая связки, невесть откуда взявшийся Жерехов, и значительная часть солдат ринулась за ним к Большому каменному...

Вдруг, черный зигзаг расплосовал Димкино сознание, и покатился вниз, к мгновенно ослабевшим коленям: он словно воочию ощутил, как разверзается мост под его ногами, как все уходит в тартарары, в преисподнюю, в никуда; рядом прихрамывая семенил Леха и ташил, подставив плечо, раненного брата Андрея: голова близнеца моталась из стороны в сторону, и похоже...

– Мины. Под мостом мины. – В ужасе, до горячей струи по ногам, понял Димка, и отпрянул от увлекшей его толпы, побежал вдоль Боровицкой площади.

Не примкнул он и к основной массе, повернувшей к Большой публичной библиотеке (бывшей Ленинской), инстинктом ощутив – всем вместе, сейчас, можно только погибнуть. Сейчас – каждый сам за себя... Каждый спасается в одиночку.

Дмитрий и еще четверо солдат бежали вверх по уходящей на взгорье Знаменке; на углу ее, скелетом лесов ошетинилось постренессанского стиля здание; Димка бросил беглый взгляд на его облупившиеся стены и сколотые карнизы, и – сердце скакнуло куда-то в кадык.

Из рук приземлившегося на соседнюю крышу «берета», вращаясь, летела ребристо-овальная, блескуче переливающаяся в утреннем солнце, аспидно-ворона лимонка.

Дмитрий отчетливо видел все ее квадратные, нафаршированные смертью сегменты, которые сейчас должны выдавиться чудовищной силой, и рассыпавшись на мелкие зерна, впитаться в его тело.

И в следующую секунду, подобно гаубичному снаряду влетев в тесный проулок, он покатился по мостовой, и тут же, рвущийся хлопок швырнул ему вслед бритвенную россыпь чиркающих по стенам осколков.

Наверняка, те, четверо были мертвы, но Димка уже не думал о них; пробежав дальше, мимо похожего на сарай жилуправления, он свернул влево, на детскую площадку и словно с размаху ткнулся о непреодолимую прозрачную стену.

Навстречу, с Волхонки, обрезая на ходу парашютные стропы, поднимались двое десантников.

Димка почувствовал, как сердце, стенобитным орудием ударило о грудную клетку, а холодный, с шумом втянутый воздух обжигаяще заломил кончики зубов; он крадучись попятил-

ся, и тут же опрометью кинулся назад, в спасший его от взрыва двор, и заметался между облупленными, сложенными впритык стенами домов.

И неопишимо дикая, рожденная безысходностью злоба, наполнила его остервенелой яростью, и он, истощно вопя бросился на трехметровый кирпичный забор; не чувствуя ног вскочил на стенд, служивший ранее «Доской почета», и ухватившись за верхнюю кладку, как обезьяна, перекинул себя на ту сторону.

Висящий за спиной карабин больно ударил прикладом по затылку, но это не имело никакого значения. Наоборот, Димка вспомнил, что у него есть средство для самозащиты.

Он цепко, будто радаром прозондировал замкнутый со всех сторон двор, и взяв карабин на изготовку, тенью проскользнул к узкому проходу между стен.

Прижавшись к углу, осторожно выглянул наружу, и тут же отпрянул назад; посреди перекрестка винтом крутился БТР и палил по крышам из всех пушек.

– Ага, похоже, что наш, – с радостью подумал Димка, – на крышах, ведь одни «береты». – И чтобы убедиться, вновь выглянул за угол.

Заполняя, словно поршень, весь Мало-Знаменский переулок, БТР двигался в его сторону; пулеметчик приваливался в горловину люка, сходу задраивая за собой крышку, а к Знаменке бултыхаясь летела брошенная им напоследок граната.

Димка инстинктивно отпрянул назад, чтобы не попасть под действие осколков, заметив вскользь, что напротив, в глубине библиотеки, со стилизованной под фронтоном крышей, словно взмах крыла мелькнула фигура женщины; нельзя было различить ни ее лица, ни тем более, возраста, но даже за двойным стеклом, в полумраке фойе, с мистической отчетливостью горели наполненные страхом и отчаянием, словно обретшие самостоятельность глаза.

Видение продолжалось всего один миг, потому что в следующую секунду, машина заслонила собой весь ордер двухэтажного фасада.

И, что есть силы оттолкнувшись, Димка прыгнул на БТР – как лягушка распластавшись по его бронированному корпусу.

Теперь он висел согнув ноги в коленях, а болтающийся на локтевом сгибе карабин, стучал и подскакивал, ударяясь прикладом о траки гусеницы; пальцы очень скоро занемели от хо-

лода и напряжения, но отцепиться было нельзя без того, чтобы оказаться тут же раздавленным.

Наконец остановились на углу следующего перекрестка, и командир БТРа, высунув голову в танковом шлеме, огляделся по сторонам; внизу – Волхонка, с бегущим по ней отделением голубых беретов, прямо – на задворках каменного корпуса музея имени Пушкина, тупиковый двор «Мосинжстроя».

– Давай вверх! Через Пречистенский!.. Небось, прорвемся к Арбату! – Крикнул он внутрь машины, и коротко улыбнувшись висящему на броне Димке, тут же исчез в чреве люка.

Не выгодное они взяли направление, – как-то отстраненно подумал Дмитрий (теперь ему удалось устроиться поудобнее), – нет, не выгодное, – Он уже давно заметил – если тело страдает и все чувства обострены, то мысль, зачастую холодна и бесстрашна, будто произносится другим человеком.

Сделать подобное заключение было от чего; с одной стороны, стояли, построенные почти впритык, четырех и двухэтажные коммуналки. С другой – овраг, огражденный кирпичным, крашенным шаровкой, забором.

Из люка вновь выглянула голова в шлеме; она повертелась в разные стороны, будто укрепленная на шарнир, и озорно подмигнула Димке (вроде, как – не дрейфь, прорвемся), но ничего не сказала.

И вдруг, что-то неуловимо изменилось, как если бы в пространстве лопнула важная невидимая нить.

Голова дернулась внутренней каталептической судорогой и замерла, превратившись в меловой, грязно-серый полубюст; глаза танкиста вздулись, как проскакивающие сквозь лузу шары, и в них отрешенно застыл стеклянный мертвенный блеск.

– Назад! Танки! – Челюсть с синими шнурами губ откинута, словно надрубленная топором, и мертвенно-гипсовое лицо искажилось страшной нечеловеческой гримасой. – Полный назад!

Вынырнувший из-за угла танк спешно разворачивал башню, и ствол его опускался вниз.

Не дожидаясь дальнейших событий, Дмитрий отпрянул в сторону, и больно ударившись коленями, покатился вдоль серого забора...

Взрыв догнал его гулким ударом, как если бы кто-то с размаху заехал кувалдой по пустой цистерне.

Инстинктивно закрыв голову руками и судорожно вжимаясь в асфальт, Димка пролежал несколько секунд в ожидании

повторного выстрела. Но вместо этого послышался удаляющийся рокот мотора, и оглянувшись, Дмитрий увидел, что из люка БТРа валит стелющийся черный дым, а танкист навзничь свисает вдоль корпуса машины.

– Кумулятивный. – Отстраненно, с холодным безразличием отметил Димка и пополз вниз, к перекрестку подтягивая за собой, ставший едва ли не пудовым карабин.

На углу, где они развернулись тремя минутами раньше, Дмитрий привстал, и лихорадочно соображая, огляделся по сторонам: бежать налево?.. Нет, нельзя. Только что оттуда... Вверх – тем более... Остается – либо, Волхонка; но, там, перед фасадом музея – открытое пространство, либо – этот тупиковый двор. Да, кто знает, нет ли в нем засады...

– Э-э, была не была. – Димка вскинулся и побежал вниз по Антипьевскому, но тут же отпрянул, и едва не поскользнувшись, бросился назад; из-за фасадного угла, словно подстерегавший зверя охотник, выскочил «берет», и тут же, с пояса открыл автоматный огонь.

Впереди, исторгая смрад горелых человеческих тел, чадно дымил БТР; справа, на крыши приземлялись последние десантники, и Димка, будто затравленный сторожевыми псами, кинулся в тупик, к прорабским вагончикам «Мосинжстрой».

– Вперед-вперед. Скорей-скорей. – Наливающиеся ватной тяжестью конечности топтались почти на месте, а рядом, с глумливым посвистом летели, и рикошетом цокали пули.

Димка бросил на землю бесполезный теперь карабин, и с кровавым хрипом выталкивая отчаянные усилия воли, продолжал и продолжал, будто в кошмарном сне, передвигать прекратившими подчиняться ногами.

И вдруг, тупая горячая боль, с лопающимся бамбуковым хрустом переломила пополам позвоночник.

– И это, все?! Значит... это, все?! – Еще не веря, он удивленно смотрел, как закрутились торчащие из оврага черные деревья, празднично-желтого цвета церковь на углу, строчащий с пояса десантник, рустованная стена музея, вагончики и двор тупика.

– Господи, что же это?! – Димка сделал еще пару неверных шагов, и рухнул навзничь.

Ясное, в редких облаках небо, спокойно глядело в него свежей утренней чистотой, и этому небу было совершенно безразлично, что творится там, внизу, в суетном и жестоком мире; там, где живое превращается в мертвое, а мертвое – в живое.

Небу было безразлично, ибо оно существовало в ином измерении, которое называется вечностью, где причины и следствия давно прекратили меняться местами, во взаимном порождении друг друга, ибо уравнивали себя в абсолютной гармонии ставших единым целым противоположностей.

– Завтра – двадцать пятое октября... Промедление – смерти подобно... Революция – как искусство... – Заученные в школе фразы с кристальной мелодичностью прошли мимо, и уплыли куда-то вверх, к облакам.

И Димка почувствовал, что жизнь вместе с кровью истекает сквозь перебитый пулей позвоночник; истает, гаснет будто огарок, и что это уже необратимо, и навсегда.

Ему стало невыносимо жалко себя; на несколько секунд перед ним появились: мать, сестра и бабушка, которые почему-то сидели в креслах, и казалось, они все видели, знали и понимали.

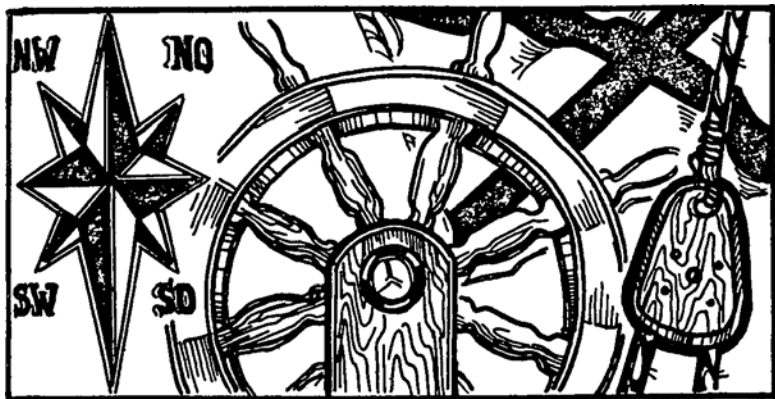
Дмитрий хотел подняться и взять их за руки, либо, просто позвать, но уже не мог ни повернуться, ни крикнуть.

Усатый десантник наклонился над ним и посмотрел прямо в глаза своей жертве.

– Пацан совсем, – донеслось как сквозь двойное стекло, и Димка, обрадовавшись этому участию, хотел попросить о помощи – сказать, что он жив, и что ему очень больно, и что он ни в чем не виноват, но губы и язык не подчинялись усилиям рассудка, и он заплакал от отчаяния и безысходности.

Усатое лицо солдата размазалось и уплыло далеко назад, и Димка понял, что принесший ему смерть – уходит; мерное цоканье сапог затихало с каждым шагом, пока не исчезло совсем, за пределами слышимости.

– Все в жизни ложь и мишура. – Как последний пузырек воздуха, покинувший альвеолу утопленника, всплыла из глубин сознания мысль, и Димкины глаза застыли в последнем, почти радостном изумлении; и в них, теперь уже навсегда отразилось, в легкой облачной шуге, голубое, бездонно-стеклянное небо.

Алексей Поликарпов

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Приключенческая повесть

В основу повести легли реальные события русской истории начала прошлого века. Да, действительно жили на свете такие люди. И они ушли в южные моря в поисках счастья и свободы. И судьба играла их жизнями прихотливо и жестоко. И многие погибли, оставив боль и светлые воспоминания о сопричастности к их деяниям у оставшихся живых товарищей.

Достоверность – прежде всего в документах, которых, увы, сохранилось немного. Но за каждой строкой – кровь, кипение страстей, непримиримые столкновения, предательство и святая, самоотверженная дружба. И невольное воображение дорисовывает то, что кроется за казенным слогом вахтенного журнала. Так угадывается течение могучей реки, когда бредешь по песку вдоль полузасыпанного русла...

* * *

Это была великая и чистая страна, простиравшаяся от ковыльных придунайских степей до холодных волн Великого океана. За Уралом лежала необъятная нетронутая человеком Сибирь. Где теперь города стоят, где села да Деревни россыпями пестреют, почти сплошь тянулись леса, такие густые и дремучие, что зачастую сквозь чащу нельзя было ни пешком пройти, ни верхом проехать. Глубокие реки растекались до горизонта, унося свои воды на север к Ледовитому океану. В лесах, что

народ прозвал тайгой, всякого зверья кишмя-кишело: и медведей, и волков, и кабанов, и соболей. Без ружья или рогатины нельзя было в путь собираться. Но не одного зверя боялся путник: бродили по дорогам лихие люди, государевы преступники. Разбойники. Кто отправлялся в дорогу, тому уж приходилось трусость за порогом оставлять. Далеко-далеко за многие тысячи верст от русской столицы на полуострове Камчатка – самом глухом медвежьем углу великой империи – стоял острог, часток из столетних смоляных бревен: по углам сторожевые башни, барак для восьмидесяти узников, казарма для шестнадцати солдат стражи, да три избы – одна для коменданта, две для его ближайших помощников, молодых унтер-офицеров.

С трех сторон к острогу подступали отвесные скалы, с четвертой – дыбил валы неумолчный океан.

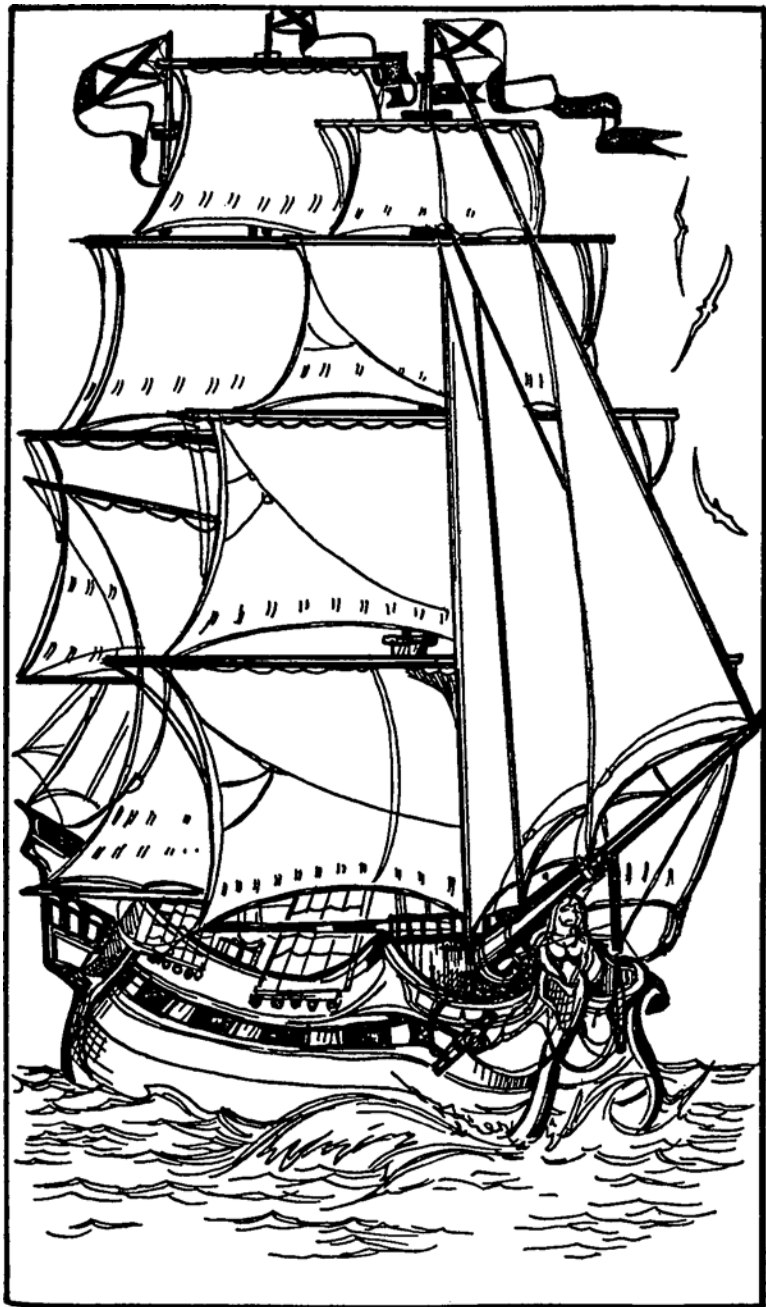
Стояла середина лета 1809 года.

В это время, единственный раз в году, к камчатскому берегу подходил корабль с материка. Это уже – праздник для всех: и для господ-офицеров, истомившихся без вестей из России, без аглицкого табака и французских вин, и для солдат, часть из которых должна возвращаться домой, отслужив свое, и даже для немногих узников, чья каторга подошла к концу.

Гостей ждали крабы, лососина, красная икра, свежее мясо медведя, лося, кабана, – дары щедрой камчатской земли, на которую ступил русский человек. Ступил, хоть недавно, но навсегда. Но не как временщик, рвач, жаждущий сиюминутной выгоды, а как рачительный хозяин, думающий не только о себе, но прежде – о внуках.

Посему никогда не оскудевал стол у тех, кто в силу своей воли, а чаще по высшему цареву повелению, пребывал на камчатской земле. И солдаты, сторожившие острог, вместе вставали на рассвете, вместе ели, вместе шли на работы, вместе с солнцем ложились спать. Было еще у сторожей и узников общее – судьба. Все они были несвободны. Хоть стой на вышке с ружьем, хоть корчуй пни, расчищай бурелом – все равно в одной клетке. И конвоирам, и каторжным снились по ночам одинаковые сны.

Но однажды приходил в острог день, который все расставлял по своим местам: день прибытия корабля из России. И сразу обозначался водораздел: узники оставались на своих нарах и в заданный час брели хлебать опостылевшую лососиную уху, а стража их, те солдаты, с которыми каторжные еще вчера были запанибрата, теперь в своей казарме глушили водку, привезен-

ную с материка, а начальство – вчера тянувшее тоскливую служебную лямку – сегодня потчевалось французским шампанским.

Раз в году появление барка под андреевским флагом встречалось салютом из единственной пушки острога...

23 июля. 18 час. 05 мин.

В светлой избе коменданта, просторной гостиной царило веселье.

Умели гульнуть русские офицеры!

Воспряли от казарменной скуки унтер-офицеры Архип Андронов и друг его Павел Неродных. На Камчатке им обоим оставалось служить еще три года. Как раз обозначился повод выпить, чтобы этот растреклятый черный отрезок быстро уходящей молодой жизни поскорее бы закончился.

Во главе стола восседал хозяин – Алексей Иванович Перов, комендант острога, с лицом загорелым и гладким, без единой морщины – вряд ли кто мог дать ему его почтенные пятьдесят лет.

Угадывалась однако у всех троих какая-то общая черта – стертость, приземленность что ли, усталость. Сказывалось все-таки долгое пребывание на далеком полуострове, отсутствие впечатлений и свежих идей; выглядели они, словом, как бы провинциалами. Да и как не быть провинциалом, если живешь на краю земли, откуда даже при срочном случае кричать не докричатся не только до Москвы или того же Санкт-Петербурга, но и до ближайшего губернатора, сидящего то ли в Иркутске, то ли в Тобольске, то ли в каком ином месте, которое от полуострова за тридевять земель.

Прямую противоположность «аборигенам» являли гости – морские офицеры с прибывшего барка «Святая Анна».

Напротив коменданта сидел капитан корабля Николай Николаевич Вольф – краснощекий, с черными усами и великолепной окладистой бородой, пышущий русско-немецким здоровьем; рядом – Артем Семенович Некрасов, помощник, – сухощавый, с правильными аристократическим чертами лица и тонким с легкой горбинкой носом; по правую руку – Егор Иванович Васюков, штурман, мясистый и широкоплечий, самый молчаливый в компании.

После обильного обеда за картами шла неспешная беседа о политике, ибо к женской теме господа офицеры пока не подступили. Женщины в разговоре среди русских людей идут, как правило, на втором месте после политики.

Впрочем, женщины в этот вечер тоже не скучали.

В углу гостиной брэнчала пианола, над ней усердствовала Танечка, местная красавица. Происхождение ее было в некотором роде загадочно. Ходили слухи, что она незаконнорожденная дочь предыдущего коменданта, который неожиданно скончался десять лет назад от апоплексического удара, и взамен него прибыл на полуостров нынешний комендант Перов. Овдовевший два года назад, Алексей Иванович принял Танечку под покровительство, сделав своей экономкой, чем вызвал немалые пересуды в остроге и его окрестностях, на кои он, Впрочем, не обращал особого внимания. Об истинных отношениях между Танечкой и Перовым знал лишь его четырнадцатилетний сын Петя, который, несмотря на активное любопытство окружающих, особенно женщин, неоднократно пытавшихся вызвать мальчика на откровенность, хранил глубокое мрачное молчание.

В гостиной, помимо Танечки, веселились еще две весьма милостивые девицы – шестнадцати и восемнадцати лет, дочери местного священника, находящегося в отсутствии по случаю недельного запоя.

Молодые мичманы Александр Демьянов и Прокофий Вольский, щегольски проделав кадрили с поповнами, каждый раз однако возвращались к красавице Татьяне, неустанно бренькающей на разлаженном инструменте.

Между тем ставки за столом росли, кучка денег заметно увеличивалась.

– Что характерно для России, так это безденежье и бездорожье, – глядя в карты, продолжал развивать свою давнюю мысль капитан Вольф. – С другой стороны, это к лучшему. Если дать русскому мужику хорошие дороги, да еще красненькую впридачу, его черт знает куда занесет.

– Россия – капкан. Капкан посреди лесной дороги, – мрачно произнес Васюков.

– Это вы, голубчик, напрасно, – возразил комендант Перов. – Страна – прежде всего ее женщины! Обратите внимание на этих прекрасных Дульциней! Любая могла бы составить счастье любому из нас, господа! Впрочем, даже в этой глуши, уверяю вас, никто из них не зачахнет. Красота и талант в нашей великой империи всегда были в почете!

– Позвольте с вами не согласиться, – встрял унтер-офицер Архип Андронов. – Не талант, а удача! Все, кого знал еще по

гимназии – все в командирах! И – ордена за Кавказ! А я вынужден прозябать здесь! Вот так-с!

– В вас никогда не стреляли горцы? – поинтересовался Некрасов.

– Да, не стреляли! – хмельно мотнул головой Андронов. – Так что? Разве я в том виноват?

– Не надо, голубчик, ни в чем вы не виноваты, – успокоил унтера комендант Перов. – Что касается удачи, тут мы с вами очень близки. Неудачники мы с вами, сударь, хоть и вы, и я – Водолеи, – Перов бросил карты. – Пас!

– Да, милостивые государи, – вынимая из кошелька очередную ассигнацию, заметил капитан Вольф. – Наполеона Буонапарте среди нас, увы, нет.

– Беру две карты, – сказал унтер Павел Неродных. – Буонапарте – это что? Мы, извините, будучи на отшибе... совершенно здесь без новостей.

– Отсутствие новостей – самая хорошая новость, – бросая деньги в общую кучу сказал Вольф.

– Как, господа, вы не слышали о Наполеоне? – изумился Некрасов. – О нем сейчас – весь мир. Вшивый заштатный офицеришка в два года стал императором Франции! С ним соизволил сделать аудиенцию даже наш Александр!

– Наполеон, Наполеон, – раздумчиво разглядывал карты комендант. – У нас таких Наполеонов – пруд пруди. Все – хоть сейчас в императоры! Можно в момент составить вселенское правительство. Один Бурковский чего стоит.

– Бурковский? – встрепенулся Вольф. – Господа, я ж его знаю! Мы были в больших приятелях!

– Простите, вы не можете его знать по некоторой известной причине, – комендант был несколько раздражен – карта не шла. – Бурковский никогда в морях не служил. Этот шляхетский выродок – командир отряда. Из польского восстания изменника Костюшко.

– Нет-нет, господин комендант, – заупрямился Вольф. – Я вам точно доложу – Бурковский мой старинный приятель. Я желал бы засвидетельствовать!

– Извольте, – комендант щелкнул пальцами. – Прохор!

От стены отделился крепкий высокий солдат с веселыми плутоватыми глазами.

– Вот что, голубчик, скажи Емельяну, – комендант потер переносицу, – вели ему привести этих троих... ты знаешь.

– Емельян, вашбродь, пьян-с, – чуть наклонился, отгородив ладонью рот, сообщил Прохор.

– Ну тогда этого попроси... ну этого... Семена Старостина, – бросив взгляд на собравшихся за столом, несколько стушевался комендант Перов.

– Семен пьян-с, вашбродь, – стоя в той же позе отвечивал вестовой.

– Тогда, голубчик, – комендант забарабанил пальцами по столу. – Давай-ка сам, братец, сходи и приведи сюда этих негодяев.

– Слушаюсь, вашбродь! – вскинулся вестовой, лихо развернулся и, чеканя шаг, вышел из гостиной.

– Я смотрю, у вас не острог, не каторга, а нечто вроде семейного приюта, – усмехнулся капитан Вольф. – Потакать пьянству, заигрывать с подчиненными, Алексей Иванович... Разумеется, это не мое дело... Но я буду вынужден в своем рапорте осветить...

– Рядить со стороны – оно, конечно, сподручнее, – сказал Перов. Вы, господа, приплыли и уплыли... А теперь представьте на минуту. Войдите в мое положение. Если б я, как вы выразились, не «заигрывал», от нашего достопочтенного острога мокрого места давно б не осталось! Но как видите – Бог милостив. Здравствуем.

– Прелюбопытная ситуация, – кивнул Вольф.

– Вот именно. Самое любопытное, – продолжал комендант Перов, – что в стенах этой грустной обители созрел заговор. Не много – не мало. Я доподлинно узнал об этом недавно. За неделю до вашего прибытия. Недурственно, господа?

– Забавно, – беря карту, согласился Вольф.

– Да, вы правы. Забавно, – вздохнул Перов. – Как, впрочем, все, что делается у нас в России.

Открылась дверь, и в гостиную вошли трое заключенных в сопровождении вестового.

– У нас что-то вроде классического театра, – рассмеялся Некрасов. – Явление второе. Те же – и три злодея.

– Вот, господа, извольте – заговорщики! – комендант ткнул пальцем в высокого белокурого человека. – Зачинщик! Бывший поручик Бурковский.

– Какой красавчик! Сколько не смотрю, никак не налюбуюсь, – пискнула в углу шестнадцатилетняя барышня, дочь священника, пребывая в объятиях мичмана Прокофия Вольского.

– Да. Набор лиц комедии у вас довольно своеобразный, – согласился капитан Вольф.

И действительно. Трое вошедших заключенных были, казалось, несовместимы друг с другом. Тем более – в серьезном деле. Тем более – в заговоре.

Стефан Бурковский – высокий, сильный, будто вырезанный из крепкого степного дуба, рядом – угрюмый коротыш Степан Рогозин, могучая неистребимая бородаща почти до самых глаз; короткие, будто свитые из стальных канатов руки, безвольно опущенные вдоль квадратного туловища. И резким контрастом – Андрей Малинин. Вечная ухмылка на гладком, розовом, как поспевающий помидор лице. И, конечно, чубчик кучерявый, который все время лезет в глаза. И надо его бесконечно сдвигать, чтоб не путался, не мешал лицезреть этот прекрасный солнечный мир.

– Что касается остальных заговорщиков, – комендант Перов указал на звероподобного узника. – Степан Рогозин, убивец. Зарезал самолично собственного барина Ануфриева. Представьте – за что? За первую брачную ночь с его женой. Будущей, разумеется. А этого,.. – комендант указал на розовощекого ухмыляющегося парня, – про него слов не найдешь. Самая распоследняя дрянь! Скажи, Малинин, ты в Господа Бога веришь?

– Нет, ваше благородие! – весело ответил Малинин.

– Вот именно – нет, – грустно повторил комендант Перов. – Из-за таких, как ты в России постоянная смута. Вот уж по кому петля плачет!

– Вас еще переживу, ваше благородие! – улыбка на лице Малинина стала еще более лучезарной.

– Что же, господин поручик, вы думаете я не знал, что вы втроем в заговоре? – обращаясь уже к Бурковскому, невозмутимо продолжал Перов. – Не видел ваши обезьяньи ужимки? Все видел. Доносы – вот у меня где! – комендант стукнул себя по затылку. – Кстати, Бурковский, доносы строчил один из твоих товарищей!

– Прекратите, господин комендант! – прервал коменданта Бурковский. – К чему этот пошлый балаган?

– Какой уж тут балаган, господин хороший. Увы, я связан с негодяем данным честным словом... – комендант отпил водки. – Впрочем, чего ж вы стоите? Присаживайтесь. В ногах правды нет. У меня нынче с картишками что-то не везет. Может подмените?

– Это можно, – осклабился Малинин.

– Тебя не приглашают, – бросил комендант презрительно. – Так как же, господин Бурковский?

– Благодарю покорно.

– Дело хозяйское. Ты, Бурковский, однако своим друзьям не верь. Особенно вот ему, – комендант указал на Малинина. – Продаст.

– Зачем же так, Алексей Иваныч, – чуть побледнев, покачал головой Малинин.

– За полкопейки заложит, – продолжал Перов. – Да-с. В хорошую вы компанию попали, бывший поручик! Стыдно! Давали клятву на верность царю и отечеству!

– Мое отечество – Польша!

– Нет такого отечества! И не будет! И это еще раз подтвердил своим походом на Варшаву наш генералиссимус князь Александр Васильевич Суворов-Рымнинский!

– Возможно, ваш Суворов – великий полководец. Но он обогрил свои руки кровью честных поляков! История ему этого не простит! – чеканя каждое слово, проговорил Бурковский. – Что касается моей Польши – и над ней встанет солнце свободы! Проще Панове извинить за столь напыщенный слог!

– Если у Вас, господин комендант, все бунтовщики в таком роде, я с удовольствием бы остался служить на Камчатке, – рассмеялся Некрасов.

В ту же секунду от удара сапога разлетелась дверь. Взвизгнули испуганно барышни. В гостиную ввалились ошалевшие от собственной храбрости люди – безумные глаза, перекошенные лица...

– Ложь оружие, вашбродь! – выкрикнул молоденький солдатик.

– Что! Что за идиотские шутки? – вскочил Вольф.

– Прошу прощения, господа, но нам, видимо, придется прервать партию, – комендант раскрыл карты, бросил на стол. – Печально, конечно, у меня джокер...

– Собственно, что здесь происходит? – изумленно переводя взгляд на присутствующих, повторил капитан Вольф.

– Бунт-с, братец, бунт-с! – комендант Перов взял графин с водкой, налил.

– Ложьте пистоль, Алексей Иваныч, – уже как-то неуверенно повторил молоденький солдат.

Все почувствовали – и солдат, и другие бунтовщики смущены спокойствием господ-офицеров.

– Бред! Чертовщина какая-то! – Некрасов тоже налил себе водки. – Вы что-нибудь понимаете, господин комендант?

– К сожалению, – комендант осушил бокал, встал из-за стола. – С этими тремя все ясно! Но вы-то, братцы, как попались на удочку этой троицы? – Перов указал на Бурковского. – Завтра утром половина из вас отплыла бы в Россию, срок вашей каторги закончился, вас ждала свобода. А теперь – виселица! Кому вы доверились, братцы? – комендант ткнул в звероподобного Рогозина. – Душегубу Рогозину? Малинину? – Перов перевел взгляд на Малинина, который вновь продолжал издевательски ухмыляться. – Кровавому разбойнику с большой дороги?

– Но-но, ты! – вмиг сбросив улыбку, зло цыкнул Малинин.

– Не смей мне тыкать, хам! – стукнул кулаком по столу комендант.

Как раз в эту секунду в гостиную вбежал заспанный всклокоченный мальчик, протиснулся к столу.

– Папа, что это? Что им надо?

– Спокойно, сынок, – комендант пытался говорить как бы добродушно. – Иди, Петруша милый. Иди спать. Я скоро приду.

– Иди-иди, барин! – огромный цыганистого вида арестант подхватил мальчика, потащил к выходу.

– Как ты смеешь? – кричал, извиваясь, Петя. – Немедленно отпусти!

– Без тебя, барин, разберутся, – лохматый мужик впихнул мальчика в чулан, звякнул засовом.

24 июля. 1 час. 24 мин.

Горели северные звезды. На палубе скучали два вахтенных матроса.

– А вот отчего, скажи мне, – спросил вахтенный Ермолай, – отчего почти во всех судах нашего русского флота – все, как ни есть немцы? Или еще того пуше – голландцы?

– То еще от Петра пошло, – рассудил вахтенный Василий. – А что, тебе от иноземцев плохо, покажи? Возьмем нашего Вольфа. Справедливый мужик, самостоятельный. Грех жаловаться.

– Водочку сейчас поди пьет с Некрасовым за наше здоровье, – вздохнул Ермолай.

– Святое дело... – так же тяжело вздохнул Василий.

24 июля. 1 час. 45 мин.

– Если вы, господин комендант, полагаете, что мы сейчас пустим вам пулю в лоб, то заблуждаетесь, – принимая из рук коменданта пистолет, сказал Бурковский. – Вас будут судить завтра. По закону совести и чести.

– Скот! Шляхта недобитая! – сидящий за столом помощник капитана Егор Васюков вскинул пистолет. Но выстрелить не успел. Rogozin подтолкнул его под руку. Раздавшийся выстрел опалил его бороду, пуля проделала в потолке дырку. Rogozin ударил Васюкова в скулу, тот рухнул, выронив оружие.

Все произошло так быстро и неожиданно, что сидящие за столом оцепенели, потом вскочили. Стол опрокинулся.

Некрасов успел подхватить подсвечник и метнуть его в Малинина. Тот увернулся и ударил Некрасова сапогом в живот. Некрасов опустился на колени, изо рта потекла струйка крови.

Комендант отскочил к камину, за ним – Бурковский. Перов выхватил из камина полено – оно было наполовину схвачено пламенем. Полено горело, металось в дрожащих руках. Комендант орудовал факелом, как шпагой.

– Образумьтесь, Алексей Иваныч! – подняв пистолет, отступил Бурковский. – Не хочу брать грех на душу! Вы проиграли!

– Врешь, подлец! Русские офицеры не проигрывают!

Комендант неожиданно с подлинным фехтовальным умением ткнул горящее полено в лицо Бурковскому. Тот отпрянул и выстрелил.

Перов пошатнулся, факел выпал из его рук. Он сделал шаг навстречу Бурковскому.

– Будь ты проклят, шляхтич! – и упал навзничь с выражением печали в открытых глазах. Из раны на голове торчала раздробленная кость.

– Гадина! – к Бурковскому подскочил унтер офицер Архип Андронов и ударил, целя в челюсть. Это был искусный удар! И все грациозное, сухощавое тело нападающего в стремительном развороте молниеносно устремилось за его рукой. Бурковский не то чтобы полностью уклонился от удара, он только быстро повернул голову влево и чуть отшатнулся. Кулак Андропова скользнул почти вхолостую по подбородку. И когда кулак пронесся мимо лица, Бурковский поймал, руку, сжал запястье и резко дернул на себя, а правой рукой толкнул противника в локоть. И услышал, как сухо и резко хрустнул сустав.

Раздался оглушительный крик!

Бурковский продолжал нажимать на локоть врага, следуя за его телом, изогнувшимся под прямым углом к полу.

– Ладно, чего там! – подоспел Рогозин. – Лежачих не бьют!

24 июля. 3 час. 15 мин.

И прибывшие на полуостров, и местные господа офицеры лежали, связанные в дальнем углу гостиной. Подле них хлопотали барышни – перебинтовывали, поили из уцелевших хрустальных бокалов.

– Так и не привелось нам сплясать с тобой мазурку! – капитан Вольф с перевязанной головой, сидя на полу, изловчившись поцеловал склонившуюся над ним пухленькую Танюшу.

Бывшие узники и солдаты, водрузив стол на место, сгрудившись в тесную кучку, разлили, перекрестились и молча выпили водку.

Бурковский поставил бокал, перешагнув через убитого коменданта, подошел к камину.

Долго смотрел на кивающего китайского болванчика, на губах которого застыла тонкая змеиная улыбка...

24 июля. 3 часа 23 мин.

Осторожно отодвинулась щеколда, и чей-то голос позвал шепотом в темноту:

– Барин... Петр Алексеич... Слышь, барин?..

В проеме показалось бледное лицо Пети.

– Василий?

– Тихо, тихо... – торопливо шепнул заросший мужик в малахае – тот, что запирал Петю. – Бежать надо, барин... Нельзя тут... Прибьют!..

– Где отец?

– Нету батюшки... Царствие небесное...

– Кто?! – Петя схватил мужика за плечи.

– Да энтот... главный у них...

– Бурковский?

– Он... изверг...

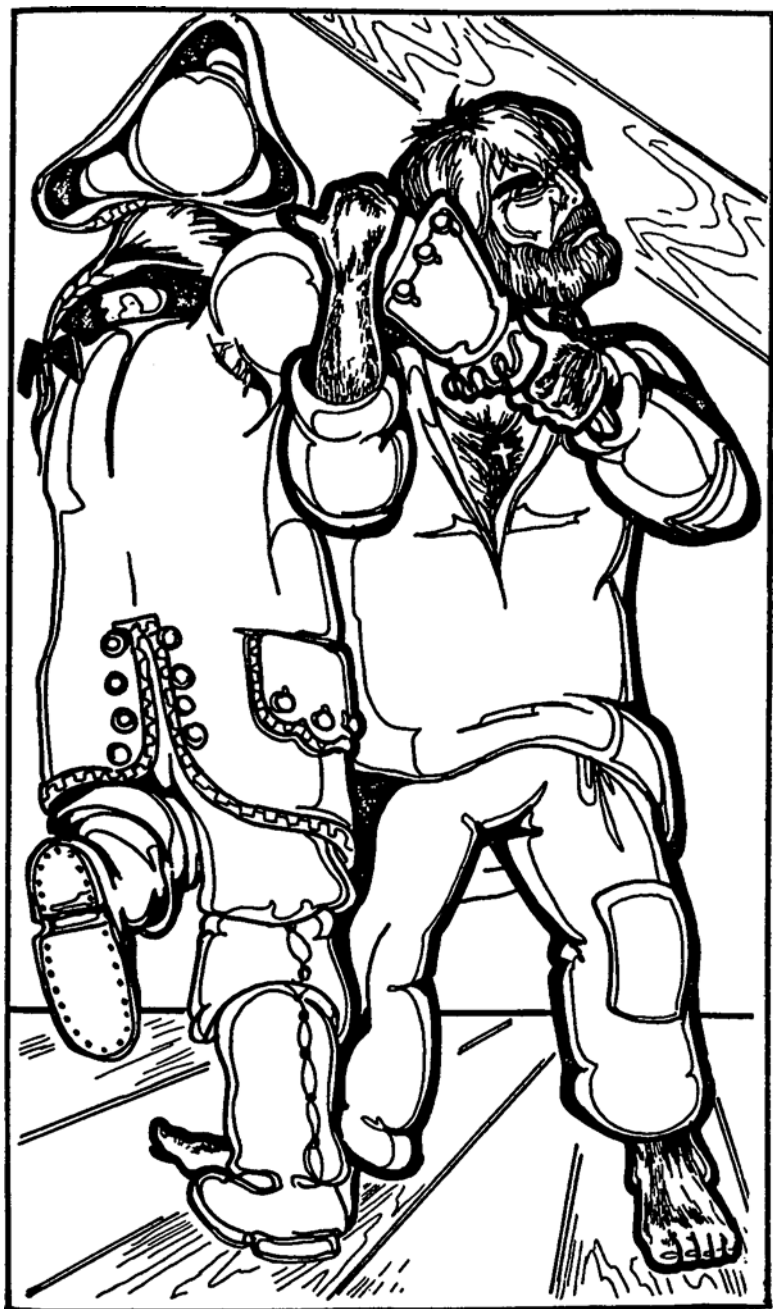
Дул сильный ветер.

Волны глухо бились о берег. Удар – затем недолгая пауза.

На короткий миг море, уходя с шуршанием, тащило за собой гальку, мертвые водоросли...

Но вот из сумрака – новый вал. Опять удар – водяная глыба вновь обрушивается на берег.

И так – бесконечно. Удар... Пауза... Удар... Беспрестанное единоборство водной стихии и земной тверди.

Петя брел по берегу, по окаменевшему лицу текли слезы. За ним бесшумно следовал мужик в малахае.

Неожиданно Петя остановился.

– Мне нужно на корабль. Немедленно!

– Господь с вами, барин! Эти супостаты завтра и туда доберутся!

– Дай нож.

– Петр Алексеич, голубчик! Христа ради прошу! Не надо! Я за Вас батюшке Вашему слово давал!

– Ты ж меня знаешь, Василий! Нож! Это приказ!

Василий вытащил из сапога нож.

– Прощай! Даст Бог – свидимся, – Петя прижал к себе старика. – Отца положи... знаешь... где мама, – повернулся и побрел во тьму.

24 июля. 4 час. 00 мин.

Поднимался предутренний ветер. Мерно ухали волны. Вдали над горизонтом сверкнула зарница.

Петя шел по ночному берегу. «Надо действовать, действовать немедленно! Утром бунтовщики захватят корабль и уйдут в море. И никто им не сможет помешать. Бурковский, конечно же, будет в жожаках... Убийца!.. А теперь спокойно!..»

Петя снял, аккуратно свернул одежду, стянул ее ремнем, сжал зубами нож – и быстро вошел в прибор.

Он прекрасно плавал и преодолеть расстояние до барка, стоявшего в полутора кабельтовых от берега, было для него пловым делом. Вода была теплой и спокойной.

Труднее было незаметно пробраться на корабль. Но ему сильно повезло. Когда он, сжимая стиснутыми коленями якорную цепь и, подтягиваясь руками, ловко взобрался и ступил на палубу «Святой Анны», поблизости никого не оказалось. Лишь доносились приглушенные голоса вахтенных, смолящих трубку на полубаке. Петя тенью неслышно проскользнул мимо нагромождения бочек, открыл люк и шмыгнул в канатный трюм.

Теперь оставалось ждать. Он был готов ждать столько, сколько понадобится. Он перенес все – одиночество, голод, жажду, но дождется своего часа. «Этот презренный шляхтич от возмездия не уйдет. Негодяй свое получит! Сполна! Он отомстит за смерть отца, а там... Пусть делают с ним все, что захотят...»

Томительно ползли первые часы. Было душно. Затхлый кислый воздух, казалось, все более сгущался. В углу пищали крысы, и когда становилось совсем невмоготу сидеть в смрад-

ной кромешной темени, Петя представлял мысленно надменное красивое лицо Бурковского, и все вновь вскипало в нем – свежая горячая сила ненависти смывала усталость и сомнения.

И Петя становился все более уверенным – он все выдержит, он – отомстит.

24 июля, 12 часов.

Было тепло и солнечно.

К этому часу на корабль прибыли и бывшие узники, и их бывшая охрана – солдаты острога, и господа офицеры под конвоем.

Моряки встретили весть о бунте в остроге вначале встревожено, но потом успокоились: «значит так тому и быть. Каторжане – тоже люди, не век же им здесь прозябать!»

На переполненной палубе шума не было. Все внимательно слушали Бурковского.

– Вот что, братцы, теперь мы все свободны! Все! – Бурковский обвел руками собравшихся.

– И куда ж мы теперь? – спросил молоденький каторжанин.

– Решайте! Мы вот с ними... я и мои товарищи, – Бурковский обернулся к стоящим рядом Рогозину и Малинину. – Поплывем искать свободную землю. А как найдем, создадим там коммуны – свободное общество свободных людей. Будем трудиться совместно, а плоды трудов наших – меж всеми поровну. И не будет меж нами ни господ, ни холопов.

– Складно брешешь, барин! – усмехнулся пожилой солдат.

– Какой я тебе барин? Спроси у них! – Бурковский указал на друзей. – Я такой же бывший каторжник... Да ты и сам, Федотыч, про это знаешь...

– Так-то оно так. А все – не ровня мы с тобой. Разная кровь у нас... – пожилой солдат, зажав ноздрю, высморкался на палубу.

– Убрать! – побледнев, приказал Бурковский.

– Во-во! – солдат сапогом растер след. – А ты, барин, про свободу поешь... Вранье все это. Сказки! Не по пути нам с Вами, Ваше благородие!

– Послушайте, братцы!.. – Бурковский уже взял себя в руки. – Что за блажь – гадить на корабле? Это наш с вами дом! Не дикари же мы в конце концов! Свобода и грязь – вещи несовместимые!

– Позвольте усомниться в искренности вашей тирады, – вышел вперед Николай Николаевич Вольф. – Вчера вы убили моего друга. Сегодня уговариваете, – кивнул на толпу, – ведете

на смерть тех, кто вам по невежеству своему может поверить. Покойный комендант не успел сообщить узникам острога, быть может, самое важное! Его Величество Государь Александр Первый объявил всероссийскую амнистию. И все с сегодняшнего дня были бы на свободе! За вами и был послан корабль под русским флагом. Теперь же, сотворив бунт и убийство, вы обрели себя на царский гнев. Одумайтесь, пока не поздно! И отдайтесь на милость Государя нашего!

В толпе возникло замешательство:

– Как так амнистия?

– Чего ж нам сразу не сказали?

– Не верь ему, братцы! Брешет!

– Пусть какой документ покажет!

– Стройся! – прервал гвалт Бурковский.

Бывшие узники, солдаты, команда корабля, нехотя, кое-как выстроились в две шеренги.

– Была ли амнистия, не было ли ее, сейчас не об том речь, – продолжал Бурковский. – Я сообщил вам о нашем плане. Мы никого не держим. Кто не желает плыть с нами – шаг вперед!

Двое солдат и трое матросов вышли из строя. Шагнул было и четвертый, но его остановил боцман:

– А ты куда, Ваня? Ты что – с этой рванью? Опять беду на голову кличешь?

– Ты припомни, чума! – говорил боцман тусклым голосом, – как они тебя напоили в индийском городе Калькутте. А тебе нельзя. У тебя головка слабая.

– Так ить... – засмутился здоровяк. – Друзья-товарищи. За-всегда вместе были, в кучке.

– Пушай эта пьянь остается. Их камчадалы очень даже ждут. А ты знаешь, Ваня, кто есть камчадалы?

– Кто?

– Людоеды, Ваня, – вздохнул боцман. – Они, Ваня, людей едят.

– Дурак ты, боцман. И шутки твои дурацкие, – сплюнул за борт проходящий мимо небритый низкорослый узник.

– Вот когда из тебя суп сварят, узнаешь, кто дурак, – почти не обиделся боцман. – А ты, Ваня, их не слушай. Ступай себе в строй, ступай. Ну их к бесу.

– Вы, господа, насколько я понимаю, остаетесь? – подошел к связанным офицерам Бурковский.

Все ответили ему молчанием. Вольф брезгливо смотрел в сторону; мичманы, опустив головы, смотрели под ноги, унтер-

офицеры Андронов и Неродных, будто не замечая подошедшего, непринужденно перешептывались; Васюков с ненавистью уперся взглядом в глаза руководителя бунта.

– Что ж, воля ваша, – усмехнулся Бурковский. – Оставайтесь.

– Я, пожалуй, с Вами, господин поручик, – неожиданно сказал Некрасов.

– Что?! – вскинулся Вольф, лицо его налилось, стало почти багровым от прилившейся крови. – Как... как вы посмели?! Вы, дворянин, русский морской офицер!

– Я, знаете ли, люблю авантюристов, – обращаясь к Бурковскому, невозмутимо продолжал Некрасов. – Вся эта Ваша затея, господин... мм... поручик, конечно же закончится крахом. Хотел бы быть свидетелем этого.

– Мне свидетели не нужны, – сухо заметил Бурковский. – Мне нужен толковый моряк! Если Вы соглашаетесь присоединиться к нам, я назначаю Вас капитаном корабля.

– Да, я согласен! – кивнул Некрасов.

– Подлец! – Вольф рванулся, но его удержали, повалили на палубу двое караульных.

Третий солдат по молчаливому приказу Бурковского подошел к Некрасову, развязал и размотал тугую веревку.

Остальные офицеры в изумлении глядели друг на друга, смущенные и потрясенные происходящим.

– Господа, не будем из всякой ерунды устраивать древнегреческое трагическое действо, – Некрасов растирал на руках красные рубцы, оставленные веревками. – Меня, например, вот вы, Андронов, удивляете. Несколько часов назад жаловались на удачу, которая, якобы, обошла Вас стороной. Что ж Вы? Дерзайте! Может быть это – единственный выпавший шанс! Перед Вами – весь мир!

– Да! Я готов на любое предприятие! – унтер-офицер Архип Андронов чувствовал себя в этот миг героем, кем-то вроде неизвестного и загадочного Буонапарте. – Я готов на все, но не на предательство!

– Не будем, господа, бесплодно сотрясать воздух, – прервал Андронova Бурковский. – Здесь собрались не мальчики. И каждый из нас – кузнец своего счастья. Или несчастья...

26 июля. 11 час.

Грело солнце, ослепительно сверкал Тихий океан.

Белые паруса растворялись в далекой синей дымке.

Оставшиеся на полуострове люди, стоя на высоком берегу, смотрели вслед уходящему кораблю.

– Жаль ребят. Поверили этой сволочи, – зло сказал Васюков.

– Хоть бы живы остались, – утирая белым платком слезы, прошептала красавица Таня.

– Благослови их Господь, – сказал сизый испитой священник острога и перекрестил уходящих.

– А я им завидую, – тихо, будто про себя сказал Николай Николаевич Вольф.

Никто его не услышал...

26 июля. 17 час. 55 мин.

Начало пути, тем более дальнего, всегда веселее, чем его конец...

На палубе, уходящего в неизвестность корабля, все шло вкривь и вкось. Наши люди везде гулять умеют – даже посреди океана! Тут тебе и песня, тут тебе и пляска, тут и соленое русское слово:

– Стоит поп на люду, подпер шишкой бороду!

– Трах, трах, трах – любит монах старуху на осиновых дровах!

– Был я добрый молодец! Пошел я к синю морю дубище-коренище рубить! Как отрубил я коренец, он ударил меня посреди яец! Так вот – у меня рубец!

– Стали мы дядюшку женить! Послали за свахами – четыре свахи дубовые, пята сваха вязовая. С той радости наш дядюшка уделался, кругом обделался! Домой побежал – никому не сказал!

...Внизу в капитанской каюте Бурковский и Некрасов пили французский коньяк.

– Как это ни странно, я в некотором роде способствовал успеху вашего восстания, – рассказывал Некрасов. – Невольно, разумеется. Я упросил коменданта пригласить Вас на ужин. Дело в том, что со мной учился некто Бурковский. Очевидно, Ваш однофамилец. Кстати, прекрасный добрый человек...

– Не в пример мне, – улыбнулся Бурковский.

– Кокетничаете, поручик? – чуть прикрыв глаза, сказал Некрасов. – Вам ни к лицу, Вы не красная девица.

– Вот хлебнем вместе морской водицы, узнаете – кокетничаю или нет.

– Да, – вздохнул Некрасов, – хлебнуть придется. Они помолчали. Потолок над ними ходил ходуном – веселье на палубе набирало силу.

– Веселится народ, – прислушиваясь, сказал Некрасов.

– А Вы их не попрекайте особенно, господин Некрасов, – сказал Бурковский, разливая коньяк – Когда теперь еще доведется? Да и ром кончается.

– Да. Наш человек пока не увидит дно бочонка – не угомонится, – согласился Некрасов. – Кстати, что вы скажете о своих людях. Вы-то их всех знаете, как облупленных.

– Это уж точно, – вздохнул Бурковский. – Разные люди, господин Некрасов. Очень разные. И грабители, и убийцы. Отъявленный, словом, народ. Вы правы – я пожил с ними в остроге не один год. Там все мы были друг перед другом, как на ладони. Скажу Вам – обыкновенные, несчастные мужики. Им бы пахать, детишек растить, барина своего почитать... Но обстоятельства, господин Некрасов! Как говорится, от суммы да от тюрьмы не зарекайся... Есть почти у всех у них к тому же одна... червоточина не червоточина... Чертовщина! Не могли они спокойно жить среди прочих государевых людей, мешал запас энергии, что-то в этом роде... А энергичный человек в России – либо национальный герой, либо преступник. Либо и то, и другое... Прозит! – Бурковский кивнул Некрасову и выпил.

На палубе становилось заметно тише – веселье угасало.

– Можно я задам Вам один вопрос? – сказал Бурковский.

– Да, разумеется.

– Скажите. Почему Вы все-таки решились на эту Одиссею? Авантюру, как Вы изволили выразиться?..

– Причины? – Некрасов немного подумал. – Во-первых, я и сам толком не знаю. А во-вторых... Почему-то вдруг представил, что непременно открою на этом барке неизвестный архипелаг. Или неизведанный остров, на худой конец... И назову его своим именем. Смешно, конечно... Я с детства отличался непомерным воображением. Боготворил Джемса Кука и все такое... Как видите, в отличие от Вас, вознамерившего построить земной рай, моя цель более реальна и прагматична.

– Да, у нас в детстве были разные кумиры.

На палубе допивали последнее. Кто-то уже лежал, блаженно похрапывая, самые устойчивые расселись возле бочки, продолжали балабонить.

Однако никогда, даже в самые веселые минуты не оставляет русского человека тоска.

– Воля – оно, конечно... Бабу еще бы... Для полноты счастья, – мечтательно сказал молодой солдат.

– А вот ты послушай, – пыхнул трубкой боцман. – Жили-были генерал да архиерей. Случилось им быть на беседе. Стал генерал архиерея спрашивать: «Ваше Преосвященство! Мы люди грешные, не можем без греха жить... Без бабы то есть... А как же вы терпите?» Архиерей ему и отвечает: «Пришли ко мне за ответом завтра». Завтра, так завтра... На другой день генерал приказывает денщику: «Поди к архиерею, спроси у него ответа». Денщик приходит, доложил о нем архиерею послушник. «Пусть постоит», – говорит архиерей. Денщик еще долго стоял. Не вытерпел – лег, да тут же и заснул. Так и проспал до утра. Поутру воротился и рассказывает: продержал, дескать, архиерей до утра, а ответу никакого не дал. Генерал разгневался: «Ступай назад и беспременно дождись ответа!» Пошел денщик, приходит к архиерею, тот его позвал в келью и спрашивает: «Ты вчера у меня стоял?» «Стоял!» «А потом лег да заснул?» «Лег и заснул». «Ну так и у меня встанет... постоит, постоит, потом опустится и уснет. Так и передай своему генералу».

Палуба колыхнулась от хохота.

– Чего ржете, жеребцы необъезженные? – невозмутимо продолжал боцман. – Смейтесь – не смейтесь, а того не знаете, что конец у всех вас – один! Будете скоро ржать на том свете!

– А ты почему знаешь, какой у нас конец? – подступил к боцману молоденький матросик.

– Знаю, коль говорю... – пробурчал боцман недовольно.

– Что ж тогда сам не остался? – не отступал матросик.

– Об том – особый разговор, – уклонился от ответа боцман, шмыгнув носом.

– А вот, положим, – прилип матросик. – Когда я, к примеру... туда – к царю небесному?

– Ты? – боцман на секунду помедлил, в задумчивости пожевал губами. – Ты умрешь завтра. Тебя волной смоем.

– Ну, старый, ты даешь! – рассмеялся матросик, но как-то ненатурально. – Откель здесь волны? Смотри – кругом тишь да гладь!

– А я? Сказывай, я когда помру? – пробасил Рогозин. – Давай, выкладывай!

– Ты? Ты не так скоро. Ты помрешь не в океане-море, а на суше. На берегу, значит. Причем, по своей глупости.

– Ладно, уговорил. А сам-то ты? Бессмертный, что ль?

– Вообще-то, – почесав затылок, согласился боцман, – я тоже умру. Все там будем. Бог дал – Бог взял. Однако насчет срока – не ведаю. Про всех про вас знаю, а про себя – нет. Но чувствую... скорее, тоже по своей глупости. Русские люди главным образом так умирают.

– Что ж? – не унимался матрос. – Вот так все вскорости и порем?

– Зачем все? – боцман даже немного обиделся, – Не все. Большинство.

Некрасов и Бурковский поднялись на палубу и, стоя поодаль, иронически переглядываясь, посмеиваясь, прислушивались к неспешным пророчествам боцмана.

– Смотрю, Вы у нас ясновидящий! – подошел к боцману Некрасов. – А как, положим, насчет моей судьбы?

– Свою судьбу вы, господин хороший, сами то есть решили. Шли б себе своим путем, по своей колее то есть. Ан нет! Угораздило вас – в сторону! А этого не любят! Ни на земле, ни на воде, ни на небе!

– Послушайте, боцман! – встрял Бурковский. – Перестаньте людям голову морочить! Держите Вашу дурь при себе!

– Никак нет! – выпрямился боцман, поднимаясь с корточек. – То – не дурь! Сколько знаю семейство свое... почти, считай, до Седьмого колена... Весь наш корень в деревне за колдунов привечали. Ведуны, вроде бы... И прабабка мне судьбу предсказала. И все пока сбылось! И про Вашу судьбу я тоже знаю!

– Однако... – хмыкнул Бурковский. – И что же?

– Подробностей при команде говорить не стану. Одно у меня убеждение. Хоть Вы, господин хороший, человек и не глупый, но тоже помрете по собственному неразумению...

– В каком, боцман, смысле?

– А смысл-то один на белом свете, господин хороший! Уж больно, скажу, вы, поляки, заносчивы! Все – с гонором! А у жизни свой гонор! Супротив жизни – не попрешь! – пыл у боцмана внезапно иссяк, он махнул рукой, отвернулся. – Что говорить? У вас, молодых, все как об стенку горох!

– Братцы! Гляди! – крикнул впередсмотрящий с мачты. – Кажись, шторм идет!

Впереди над горизонтом повис черный зловещий квадрат.

– Дождались... – вздохнул боцман. – Начинается.

Поднялся ветер, и прежде ровное почти зеркальное море начало тихо шевелиться.

– Ну, держись, братцы! – встревожено глядя вдаль, побелевшими губами пробормотал Некрасов.

26 июля. 19 час. 30 мин.

Внезапно хлестнул холодный ветер, поднял с воды мелкую соленую пыль.

Корабль вздрогнул, будто уперся в невидимую прозрачную стену, хлопнули паруса – и тут же безвольно обвисли.

Каждой клеточкой мозга Некрасов ощутил страшную опасность, стремительно надвигающуюся на судно и людей, необходимость вот сейчас, немедленно что-то предпринять, легла на него тяжелой плитой.

– Слушай команду! – вытянув шею, сдавленным, сиплым голосом прокричал Некрасов. – Фок! Фор-мар-сель-нижний! Грот! Убрать!!!

26 июля. 21 час 30 мин.

Петя лежал между канатами в полузабытьи.

И вдруг, в сырой душной мгле, он ощутил движение пола, на которое не обратил поначалу внимание. Пол с каждой минутой раскачивался все заметнее – монотонно, безостановочно.

Сверху, с палубы, доносились тревожные крики.

Петя догадался – начинается шторм. Его охватил ужас. Первый порыв – прочь отсюда! Из этой душной мерзкой тьмы! На воздух! К людям! Он не может, не хочет сидеть здесь, скрючившись, среди грязных канатов и крыс, сам как полудохлая крыса! Только на волю!

Но опять явственно в сознании – надменное наглое лицо убийцы. Значит, что ж – отец, выполнивший свой долг русского офицера, погиб, а подлец останется безнаказанным?

Теперь уже трюм ходил ходуном, сквозь невидимые щели с потолка лились потоки холодной воды. Петю кидало из стороны в сторону. Обдирая о грубые волокна пальцы, срывая ногти, он вцепился в жесткие канатные кольца, но могучая сила оттащила его и бросила в стену... Петя вновь пополз к канатам, скулит от бессилия, тоски и боли...

27 июля. 4 час. 44 мин.

Шторм усиливался. Жуткий, беспощадный.

Черные валы дыбились. Крепкий, просмоленный корпус барка «Святая Анна», рангоут – мачты, реи, стенки – скрипели, трещали, стонали под страшным напором волн и ветра. Поминутно уходя бушпритом в волны, барк переваливался с носа на корму, как старый брошенный среди моря ящик.

Ветер метался в предрассветной мгле, злобный, неустанный, безостановочный. Небо нависло так низко, что казалось – можно коснуться его рукой, и было оно так грязно, как прокопченный потолок.

Некрасов вцепился в штурвал окоченевшими пальцами, в лицо его летели клочья пены. Судно мотало все сильнее. Некрасов еле-еле держался на ногах, но не терял управления.

– Господин капитан! – соскальзывая, вскарабкался на мостик боцман. – Помпы не работают!

– Кто из нас боцман? – не выпуская штурвал, всматриваясь в серую осатаневшую мглу, зло прохрипел Некрасов. – Вы или я?

– Эх! – в сердцах махнул боцман рукой и, пятясь, сполз по ступеням.

27 июля. 12 час 06 мин.

Сквозь рваные тучи на миг выглянуло солнце. Море было белое, как кастрюля с кипящим молоком.

Барк метался, нырял, становился на нос, приседал на корму.

Ваня-здоровяк, Бурковский, Рогозин, Малинин возились возле помпы.

– Ванька, черт! – заорал боцман, пробираясь по колена в воде к измученным товарищам. – На, держи прокладку!

– Отыскали уже, дядя Егор! – разгибаясь, невозмутимо улыбнулся Ваня. – Не волнуйся! Сейчас заработает!

– Шевелитесь! – боцман едва удержался на ногах от удара очередной волны.

Некрасов по-прежнему был у штурвала. Лицо его осунулось, глаза ввалились. Курс ему помогали удерживать два богатыря в драных бушлатах.

Внезапно раздался страшный, будто пушечный выстрел удар-хлопок. И все увидели, как со средней мачты сорвало грот-бом-брем-рей. Верхний парус еще несколько секунд удерживался на канате и развевался в небе, как огромный серый стяг. Но вот верхушка грота, не выдержав, с треском переломилась. Реющий парус оторвал конец мачты и вместе с ней взмыл высоко под облака, распластав полотняные крылья, как величественный перуанский кондор.

– К архангелам полетел, – задрав голову, сказал один из матросов. – Скоро и мы – следом.

– Отставить разговоры! – налегая на штурвал, крикнул Некрасов. – К архангелам всегда успеем.

Шторм все усиливался. Судно таяло по кусочкам: с палубы уже снесены все бочки, вдавлена дверь рубки, баркас, крепко державшийся на вантах, вдруг в одно мгновение превратился в щепки.

Привязанные канатами к грот-мачте, стоя по-двое по бокам помпы, из последних сил работали Бурковский, Ваня, Рогозин и Малинин.

Через них перекачивались волны – казалось, океан издевался над людьми, тупо и безнаказанно.

– Все! Больше не могу! Один конец! – хрипел Малинин, выплевывая соленую воду.

– А что? Хороша банька, всю пыль смыла! – хохотнул Рогозин.

– Что верно, то верно, – поддержал его Бурковский. – Будем теперь чисты, как младенцы.

Сотый, а может тысячный вал перехлестнул через борт.

– Японский бог! – в лицо Рогозина со звяканьем ударила кастрюля. – Чего это?

– Ребята! Камбуз снесло! – крикнул Бурковский. – Бросай помпу! Все – искать кока!

Едва держась на ногах, по пояс в воде, они пробрались к камбузу, вернее – к его останкам.

Обхватив покосившийся столб, повисло на нем бледное истерзанное существо. Невозможно было в нем сейчас признать когда-то вальяжного гладкого повара острога. Изнуренное существо – бывший повар, а ныне корабельный кок – горланило во всю глотку.

– Эх вы рыбки мои! Рыбки милые! Златогривые! Игривые!

– Ты чего, Мефодий? – встряхнул кока Рогозин.

– Чокнулся! Не видишь? – ответил за кока Малинин.

– Куда ж его теперя? – Ваня растерянно оглядел товарищей. – Может – в каюту?

– Ты что? – Рогозин выругался. – Он там все разнесет к чертям собачьим!

– В трюм его, куда еще! – Малинин повернулся к Бурковскому.

– Придется пока в трюм, – кивнув, согласился Бурковский.

– В каюте он и впрямь все перекорежит. Кончится эта канитель дальше посмотрим.

– Поживей, братцы! Помпа стоит... – Рогозин обхватил за плечи повара, оторвал от столба. К нему на помощь поспешили остальные. Подняли сумасшедшего, побрели по палубе.

– Жизнь прекрасна! Позвольте покрыть ваше тело поцелуями! Буль-буль, дорогая! – опять запел-заорал повар Мефодий.

...Петя сидел, поджав ноги, уткнувшись в осклизлую перегородку.

И вдруг услышал железный лязг над головой. Открылся люк – в трюм упал белый сноп света в котором бешено роилась пыль. Пыли было такое неистребимое изобилие, что даже сырость была ей нипочем.

Петя вскочил, выхватил из-за пазухи нож.

Сверху кто-то пытался, медленно спускался в трюм, неся громоздкую тяжелую ношу, сапоги осторожно ощупывали каждую ступень.

27 июля. 18 час. 05 мин.

Силы стихии – они тоже не беспредельны, и природа иногда позволяет себе отдохнуть. Океан в своем безбрежном беспутстве, безалаберной гульбе, сам себе надоел и решил наконец вздремнуть.

Девятый вал в последний раз взметнул в поднебесье корабль, и он опять выдержал.

Великая планета Океан подняла свою грудь, глубоко вдохнула и начала погружаться в сон.

Все обитатели барка, все вмиг сразу поняли – пронесло! На сей раз Бог смилостивился!

– Вроде поменьше качает, – сказал Ваня, выпрямляясь, отирая грязным рукавом лицо.

– Похоже так, – продолжая налегать на ручки помпы, сказал Бурковский.

– Типун вам на язык, – прогундосил проходивший мимо заморенный боцман.

27 июля. 20 час. 07 мин.

Повар сидел, откинувшись на трюмные канаты и мрачно, не отрываясь, смотрел на неподвижное пламя вставленной в железный стакан свечи.

Петя, зарыв нож в тряпки, поднялся и тихо вышел из укрытия.

– И ты здесь, барчук, – скосив полусонный взгляд, ничуть не удивившись, пробормотал повар. – Вот и свидетель, – и вдруг в безумных его глазах промелькнуло беспокойство. – Погодь! А где же ваш батюшка? Алексей Иванович! Нет-с, не порядок! – Мефодий закричал, заелозил, пытаясь встать. – Нет! Все к столу! Живо все! Обед!

– Молчи! – Петя схватил повара за лохмотья. Мефодий! Умоляю!

– Не извольте ли расстегайчиков? – Мефодий держал перед собой и дул на мокрую тряпку. – С пылу, с жару. Ваши любимые, барин, – повар оглядел трюм. – Эй, люди! А ну сюда, лодыри! Подать борща к столу!

– Молчи, дурак! – метался в панике Петя. – Молчи! Приказываю!

– Ну вот... – обмяк, горестно вздохнул кок. – Опять не потрафил господам.

28 июля. 5 час. 00 мин.

Дул свежий ветер, но волнение утихло.

По палубе, как сомнамбулы, бродили сонные усталые люди, выбрасывали за борт разбитые бочки, доски и прочий хлам.

– Пронесло, кажись, Господи, – перекрестился боцман.

– Все живы? – спросил Некрасов.

– Семерых снесло, – опять перекрестившись, доложил боцман, горестно вздохнув, продолжил. – А остальные побитые, но вроде как все, господин капитан.

– Нет здесь, боцман, господ, – сухо заметил подошедший Бурковский.

– Оно, конечно. Вам завсегда виднее, – кивнул боцман и побрел по палубе, недовольно бормоча что-то под нос.

В небе, на огромном пространстве, беззвучно таял архипелаг розоватых облаков. Некрасов оглядел горизонт. Море дышало спокойно, вот-вот из воды должно было подняться солнце.

– Могу засвидетельствовать – мы пережили чудо, – Некрасов подошел к Бурковскому. – Я думал, что знаю про эту жизнь все. Оставались так... незначительные детали. Но поведение стихии меня радостно удивило. Даже она иногда бывает снисходительной. Вы не находите?

– Вам лучше знать, – пожал плечами Бурковский. – Я – человек сухопутный.

– Оставьте, – засмеялся Некрасов. – Помпу вы крутили знатно. Как капитан, выношу Вам благодарность.

– Позвольте. Не понял, – Бурковский посмотрел в глаза Некрасову. – Давайте, господин мичман, определим наши отношения, – Бурковский говорил медленно, чеканя каждое слово. – Думаю, что капитан здесь – я.

– Даже так? – улыбка сползла с лица Некрасова. – Два капитана на одном судне. Занятно.

– Вы правы, – кивнул Бурковский. – Полагаю, однако, здесь не место для подобных выяснений.

– Прощу в каюту, – посторонился, пропуская Бурковского, мичман Некрасов.

28 июля. 7 час. 35 мин.

Разговор в капитанской каюте продолжался уже более часа.

«Эх, великовельможный пан... Беда с тобой, право! Хотим мы того или не хотим, но представляем с тобой два народа, два государства. Ну что ты, Бурковский, здесь передо мной пижишься? Откуда у вас, поляков, столько гонора? Рассуди. Что есть моя великая империя и что – твое захудалое польское подворье? Это же мы, русские, тебя шляхтича как куренка бросили в острог и тебя же вызволили из него, дали волю. Что ж теперь ерепенишься, пушишь хвост?» – таковы, если вкратце, были подспудные мысли Некрасова в продолжении его беседы с бывшим поручиком Бурковским.

«Что поражает в вас, русских, – полная историческая слепота. Абсолютное непонимание собственной обреченности. Это сегодня вы – властелины половины мира, диктуете вроде бы свою волю сотням племенам и народам. Вы и не подозреваете, на что уходят вся ваша энергия и силы, не желаете видеть, что сами рухнете вскоре под плитой, которую добровольно на себя взвалили. Это неизбежно: ваши большие и маленькие губернаторы и все вы перегрызете друг друга и уйдете в никуда. Как великие некогда греки и римляне. Что далеко ходить? Этот ваш неприступный камчатский острог... Он рассыпался от первой легкой встряски. Или ваш барк «Святая Анна», которая с такой легкостью перешла в руки взбунтовавшейся толпы. Какие еще свидетельства вам нужны в подтверждении вашей лени и слабости?» – примерно так, если совсем коротко, думал про себя, глядя на Некрасова бывший поручик Бурковский.

В течение этого долгого разговора каждый из них окончательно осознал, почувствовал – насколько они разные люди. Беседа, конечно, продолжалась, но уже вынужденная, вялая, по инерции. Однако пора было что-то решать.

– В конечном счете, – прервал молчание Бурковский, – все, как еще издревле, упирается в одно – в стремление к власти. Я не прав?

– Какая к шуту власть? – отмахнулся Некрасов. – Что нам делить? Мы – точка посреди океана. Вокруг – на Запад, на Восток, к любому полюсу – вода. Команда больна, многие изувече-

ны. Нас ожидают вскоре вселенская тоска, озлобленность, голод. Колумбу такое не снилось. Желаете быть адмиралом на этом судне? Извольте.

– Напрасно Вы иронизируете, – Бурковский раскурил трубку. – Не знаю, как на русском флоте, во всех цивилизованных странах всегда единоначалие. Без сильной руки нам тоже не обойтись. Впрочем, я не претендую...

– Не лукавьте, Бурковский. Тем более – наш разговор совершенно приватный. Вас, поляков, ей Богу, трудно понять. Вы первые – за свободу угнетенным. Аплодировали Великой Французской революции. Великолепно! И что же? Вы же первые – за императора Наполеона! Ваши соотечественники сегодня сражаются под знаменами тирана. Я не удивлюсь, если через год-другой польские полки, ведомые Бонапартом, пойдут на Россию.

Бурковский побледнел, но тут же взял себя в руки, наполнил из бутылки бокал.

Если мы будем продолжать в таком духе, мы с вами слишком далеко зайдем.

– Согласен, поручик, – вздохнул Некрасов. – Предлагаю сделать друг другу шаг навстречу. Цель-то у нас едина. Вот мое предложение. Я стану отвечать за сохранность корабля, за точность курса. А вы – за людей. За дисциплину. За корабельную казну тоже. Мир, Бурковский? – Некрасов встал, протянул руку.

– Вы весьма дипломатичный человек, – сказал Бурковский, пожимая руку. – Это приятно.

– Просто я не люблю воевать, – улыбнулся Некрасов. – С детства. У меня на сей счет свои убеждения. Полагаю, что в тот день, когда государи объявляют друг другу войну, их надобно тут же казнить. Потому что в сражениях гибнут не повелители, а подневольные.

– А стихи вы в детстве не сочиняли? – поинтересовался Бурковский.

– Нет, только прозу.

– Впервые вижу среди русских офицеров флота литератора, – почти искренне рассмеялся Бурковский.

– Вы очевидно мало встречали русских офицеров флота – ответил Некрасов.

1 августа. 11 час. 06 мин.

На море происходит немало чудес, пожалуй больше, чем на суше.

Кто не слышал о Летучем Голландце? Нет числа легендам о безлюдном корабле-призраке, которые встречается морским путникам совершенно неожиданно в разных концах океана.

Эти призрачные корабли – реальность. Тысячи свидетелей поведали о них, написаны сотни книг, в которых делаются попытки объяснить необъяснимое.

Вот одна из гипотез.

Время от времени в центре океанов случаются мощные извержения вулканов, либо гигантские подвижки морского дна – подобие глубинных землетрясений. Помимо тверди, приходят в великое смущение и водные пласты. Над поверхностью океанов вздыбливаются гигантские валы величиной в высокие дома. Это – цунами. Мощные, громадные волны стремительно и бесшумно мчатся к берегам. И там, ударившись о кромку земли, мгновенно вырастают в десятки раз и, продолжая стремительное движение, сметают все – прибрежные леса, селения, города. Но еще не достигнув берега, цунами несут смерть – неслышным человеческим ухом инфракрасные волны, порожденные водяным валом, предупреждая его, незримо бьют по психике человека, сводят его с ума. Даже не видя катящуюся вдаль ужасную водяную гору смерти, среди ясного солнечного дня, в тишине и штиле, люди без видимых причин испытывают невыразимую тревогу: кричат, мечутся, бросаются в панике за борт. Оставленные корабли десятки лет затем бороздят океанские просторы. И каждая встреча с ними – дурное предзнаменование.

Первым увидел одинокое судно стоявший на капитанском мостике Некрасов.

– Боцман! Свистать всех наверх!

Путешественники высыпали на палубу. Поднялись даже самые немощные – стояли у борта, поддерживаемые товарищами.

Русский человек всегда настроен на встречу с чудом. На барке возник великий пересуд.

– Братва! – кричали оптимисты. – Готовь кружки для рома!

– Раскрывай рот шире! – это уже пессимисты. – Поднесли хоть бы кагору на полглотка. В самый раз бы сейчас причаститься...

Но вот судно все ближе, на борту «Святой Анны» – все настороженнее:

– Братцы! А может, пираты?

Теперь уже хорошо видно: встреченное в океане судно – небольшая китайская джонка. Медленно сблизились.

На незнакомом углу суденышке – ни души. На «Анне» притихли.

– Эх, была не была! – Rogozin, поплевав на ладони, ухватился за край борта – перемахнул на палубу джонки.

Немного побродил, скорбно и растерянно оглядываясь.

– Ну! Что там? – не выдержал Бурковский.

– Пусто, – поддев ногой мешок, отвечивал Rogozin. – Капуста одна.

– Что – совсем никого? – перегнулся через борт Некрасов.

– Ни единой христианской души, – Rogozin развел руками, хлопнул по бедрам. – Одна капуста. Да и та насквозь гнилая.

– Поздравляю, – Некрасов взглянул на Бурковского. – Летучий Голландец. Правда, китайского происхождения. Вам, как новичку на море, считайте, повезло. Встреча с подобными господами даже для тертого морского волка – событие.

– Я принял бы Ваше поздравление с гораздо большим воодушевлением, – Бурковский скривил обметанные солью губы, – если б этот китайский голландец преподнес новичку стакан пресной воды.

– Вы много, поручик, требуете от случайных встреч.

Некрасов помог Rogozinu выбраться на палубу «Анны».

– Ребята! Глянь, что это? – закричал Ваня.

То, что все увидели, походило на кошмарный сон наяву.

Крысы! Одна за другой они появлялись на поручнях, оглядывались на покидаемый корабль, а потом прыгали с глухим стуком на палубу пустой джонки.

– Во дают! – изумился Ваня. – Сколько ж их, братцы!

Команда заморожено наблюдала за великим крысиным переселением.

– Двенадцать... четырнадцать... – загибал пальцы Малинин.

Крысы, казалось, совершенно не замечали людей, выказывая к ним полнейшее пренебрежение. Перебирались на джонку спокойно и деловито.

– Бежит живая тварь с нашего корабля, – мрачно сказал боцман.

– На то они и крысы, боцман, – сказал Некрасов. – Сбежавшие, они и есть сбежавшие.

– Куда вы, детки! – устав считать, крикнул Малинин. – Чем наша лохань хуже? А говорят еще вы – мудрые животные. Такие же, как мы, чокнутые...

– Это ты зря, – не согласился боцман. – На этой джонке хоть гнилая, а какая-никакая жратва есть. А у нас – пшник.

2 августа, 12 час. 30 мин.

Барк вяло тащился под палящим тропическим солнцем. Стояла несусветная жара, и люди на вахте, обвязав головы Мокрым тряпьем сонно и лениво глядели на слепящую гладь океана, мечтая только об одном – о слабенькой струйке прохладного сквозняка.

– Воды осталось на пять дней, еды – на четыре, – сообщил Некрасову Бурковский.

– Бочки надо было вовремя крепить. Была бы сейчас и вода, и солонина, – буркнул проходивший мимо боцман.

– Это Вы, боцман, правильно заметили, – иронично заметил Бурковский и тут же сорвался на крик. – Только Вы на что? Вы куда смотрели.

– А что я? – шмыгнул по привычке боцман. – Нешто я здесь начальство?

– Ладно. Все виноваты, – сказал Некрасов. – Всем теперь эту кашу расхлебывать. Вернее то, что от нее осталось. Вот что, боцман. Отныне каждый фунт хлеба, каждый грамм воды – на строгий учет. Поровну, понял? Всем. И тебе, и мне, и любому, кто на корабле. И запомни, наконец, – нет здесь на судне начальства.

– Оно и худо, что нету, – отходя, неторопливо, вразвалку, пробурчал боцман.

– Крепкий орешек, – сказал Бурковский.

– Крепкий, – согласился Некрасов. – Однако, вроде дело говорит...

2 августа. 14 час. 00 мин.

Боцман делил плесневелый хлеб, разливал по кружкам мутную жижу, некогда бывшую питьевой водой.

– Слышь, боцман, – остановил его Rogozin. – Мы ж это... О поваре нашем... Мефодии то есть, кок... вроде как совсем забыли. Ему ж тоже доля полагается... Живой человек.

– Вам решать, братцы, – скрупулезно отмеряя жижу из бочки, сказал боцман. – Я что? – Я – как общество. Полагается, так полагается.

– И ты, Rogozin, чокнулся? – не расставаясь со своим любимым словом, встрял Малинин. – Твоему Мефодию, может, лучше, чем нам всем. Ты сумасшедших не знаешь, а я навидался. Сейчас нам только твоему повару и завидовать! Он сейчас в своем воображении дурном может семгу или баранину парную трескает! И шампанским запивает! А если ты такой благород-

ный да сердобольный – ступай и отдай ему свою долю. Но учти – дурак после этого будешь. Верно говорю, братцы?

Очередь к хлебу и воде промолчала.

Рогозин крикнул, повернулся и медленно побрел, старательно обходя товарищей, которые, кто с пониманием, кто с улыбочкой смотрели ему вслед.

2 августа. 15 час. 45 мин.

Рогозин спустился в канатный трюм. В одной руке он держал холщевый мешочек с хлебом, кружку, в другой – свечу.

Трюм встретил затхлой сыростью, тишиной. Рогозин, бесшумно двигаясь, освещал все, что можно было осветить.

– Чудеса! – он замер, заметив в углу двух приткнувшихся друг к другу спящих – заросшего повара Мефодия и бледного худенького подростка. Приблизил свет.

– Никак барчук? – Рогозин поставил свечу на ящик, осторожно коснулся колени спящего. – Петр Алексеич.

Петя пошевелился, сонно раскрыл глаза, увидел, вздрогнул, схватился за нож.

– Ну-ну, будя! – Рогозин легонько схватил мальчика за запястье, от чего оно чуть не переломилось, нож, упав, воткнулся в пол.

– Пусти! – искривившись от боли, почти крикнул Петя.

– Тихо, барин, – Рогозин отпустил руку. – А я думал – привиделось. Откель ты здесь, ваше благородие? Вас вроде сюда никто не приглашал

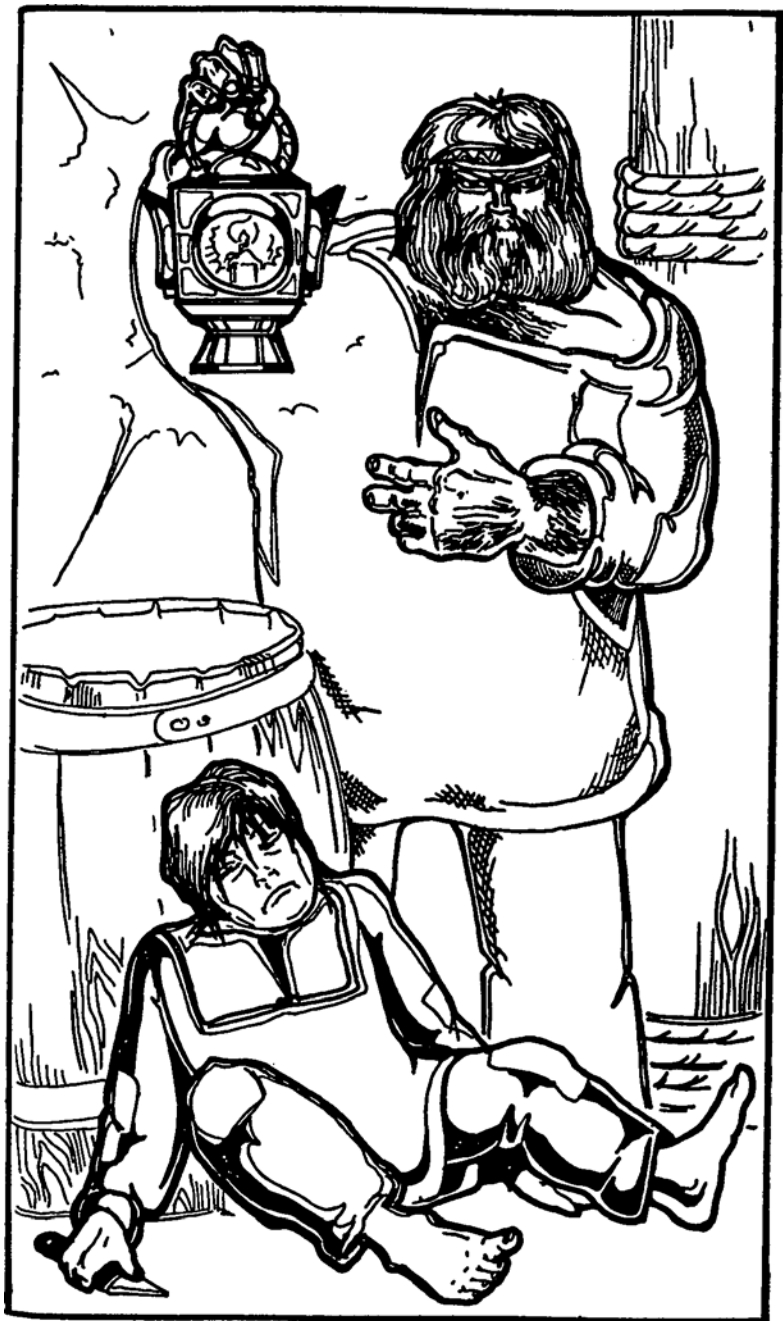
– Забыл вашего бандитского приглашения спросить! – вскинул голову Петя.

– Ладно. Ты, барин, особенно не ершишь, – Рогозин укоризненно покачал головой. – Будешь ерепениться – сейчас отведу наверх. Там тебя даже очень сильно любят!

– Не надо, дядя Рогозин, – Петя сразу сник. – Господом Богом прошу...

– То-то, – Рогозин поправил свечу. – Ты вот что... Не хнычь. И не бойся. Давай-ка, сказывай. Все, как есть, начистоту.

Что мог сказать измученный голодный пацан? Кто его поймет на этом судне, захваченном преступниками? Но есть, существует между людьми какое-то странное незримое поле, оно может и притягивать и отталкивать. Петя внезапно почувствовал участие большого, сильного человека и, словно какую-то плотину, прорвало в душе его. Давясь слезами, пугаясь, перекакаявая, Петя начал торопливо рассказывать, не рассказывать

даже – исповедоваться в своем горе, одиночестве. Проклинал этого мерзкого гадкого убийцу Бурковского, всю его шайку висельников-бандитов.

– Я ему все равно... я его зарежу, этого гада, – всхлипывал Петя, размазывая по грязным щекам слезы.

– Э, малец-малец... – сокрушенно покачал головой Rogozin.
– Какой из тебя убивец?

– Отомщу! – упрямо стиснув кулаки, повторил Петя.

– Ты вот что, ты попей, – Rogozin придвинул к Пете кружку. – Попей, уймись.

Как всякий очень сильный человек, Rogozin по натуре своей был добр и незлобив. Случившееся убийство, приведшее его на каторгу, он сейчас объяснить для себя совершенно не смог бы. Он вообще старался в течение многих лет о нем, об убийстве, которое совершил, спасая честь молодой жены, не думать, не вспоминать, стремился вычеркнуть прошлое. Но будучи человеком от природы мудрым, обладая истинно крестьянским, по-сибирски цепким умом, тем умом, что угадывает интуитивно в себе зверя, спрятанного на семь аршин в глубинах собственной души, он боялся себя и молил Бога, чтобы не случилось такого, когда зверь этот проснется и вырвется на волю. Тогда пределу жестокости и безумству не будет! И потому Rogozin, умиряя и спасая себя, благоговейно относился ко всем слабым и слабым – от божьих птах до детей.

– Успокойся, Петр Алексеич, – повторил Rogozin. – Я тебя не выдам. Ты меня слышишь?

– Слышу, дядя Rogozin, – в очередной раз всхлипнув, прошептал Петя.

– А если слышишь, то и понять должен. Тебе наверх сейчас никак нельзя. Убьют. Уж больно ты многим насолил. И мне, грешному... Да ладно. Сиди пока здесь. Терпи. Чем смогу – помогу тебе, – положил рядом кулек с хлебом. – Сиди, не рыпайся. Я к тебе по утрам буду... Мефодия тоже не забивай. Делись. Но не особенно. Он пока и так толстый. Все понял?

– Понял, дяденька Rogozin.

Rogozin укрепил свечу, встал.

– Ну, держись, Петр Алексеич! – повернулся, чтоб идти.

– Дяденька Rogozin! – Петр схватился за его штанину. – Не уходи, погоди минутку. Мне здесь страшно!

– Сиди и никуда не выказывайся! – приказал Rogozin. – Сам себе сотворил историю, сам и терпи. А я приходи буду. Не сомневайся. С голоду не помрешь.

3 августа. 13 час. 05 мин.

Наступил полный штиль.

Море блистало так, будто его смазали маслом.

Иногда поверхность воды вспарывали вспышки серебра – играли летающие рыбы.

Воздух стоял влажный, почти липкий.

Рогозин, обмотанный мокрым тряпьем, вел корабль.

– Левее! Левый галс! – подсказывал ему Ваня-моряк. – Неделю тебя учу, дядя Степан, а все без толку.

– Мне бы, Ваня, кабы воля, землю пахать, свою землю родную, а не это, – Рогозин кивнул на штурвал, – колесо крутить.

– Ты ж, дядь Степан, не прав! – обиделся Ваня. – Это ж море! Славное сильное море! – Ваня, в неожиданно нахлынувшем на него сильном чувстве восторга, воздел руки. – Соленое горькое море! Оно умеет нашептывать ласковые слова, может и убивать!

– Ишь ты! Складно это, однако, у тебя, – покачал головой Рогозин.

– А ты не смейся, дядя Степан, – устыдился своего порыва Ваня. – Хоть боцман считает, что я того... я про море тебе много чего могу рассказать, – внезапно встрепенулся. – Смотри-смотри, дядь Степ! Вон гляди – кит!

Невдалеке прямо по курсу выглядывало и исчезало в пучине лоснящееся сильное туловище громадного животного.

– Чего это? – опешил Рогозин.

– Кит-же! Я говорю – кит!

– Чего это?

– Кит... как бы тебе... это вроде как у нас в России корова. Только водяная. Гляди, а рядом китеныш.

Возле мамыши выпрыгивало из воды, игралось небольшое животное.

– Вишь, это телок ее, – все более волнуясь, объяснял Ваня.

– Она его молоком своим кормит.

– Так ведь рыба! – не поверил Рогозин.

– Вот тебе истинный крест! – перекрестился Ваня. – Молоком.

– Помело! – зло процедил ошалевший от жары, обмотанный как и все в мокрые тряпки Малинин. – Ты слушай его больше, Рогозин. Этот пентюх еще не такую лапшу тебе на уши навешает.

– Ты, Малинин!... – Рогозин бросил штурвал, стал медленно надвигаться на Малинина. – Ты пошто это людей забижаешь?

– «Забижаешь», не «забижаешь»! Не о том думай! Ослеп, не видишь? Скоро сдохнем все посреди этого чертова океана! Даже крысы от нас сбежали!

– Прекрати, Малинин! – подошел Бурковский, встал между недавними приятелями. – Нашли из-за чего цапаться...

Малинин, бледный, с вытянутым лицом, молча смотрел в сторону.

Бурковский видел, что Малинин на грани срыва. Надо было что-то срочно предпринимать.

– Остынь, Андрей, – Бурковский подтолкнул Малинина в плечо. – Пошли в каюту. Потолкуем.

3 августа, 14 час. 20 мин.

Спустились в каюту.

Бурковский взял с тумбочки щетку и принялся чистить сапоги. Делал это ловко, с удовольствием.

Малинин, прислонившись к косяку, молча наблюдал за ним. Наконец, не выдержал:

– Может помочь?

– В чем дело, Андрюх? – не отрываясь от любимого занятия, спокойно спросил Бурковский. – Какая муха тебя укусила?

– Ты что – сдурел? Не видишь, что творит вокруг?

– Не понял.

– Разуй глаза, Стефан! Гибнем! Воды тухлой полбочонка на всю команду! – Малинин подошел вплотную, сказал почти шепотом. – Бунт зреет...

Бурковский прекратил чиститься, выпрямился.

– Ты уверен в этом? – спросил он хмуро. – Такими вещами не шутят?

– Какие уж тут шуточки.

– У тебя есть доказательства?

– Да проснись ты, наконец! Спустись с облаков! Послушай, что в команде говорят! А то сидишь тут в каюте, долдонишь про доказательства.

Бурковский долго задумчиво вертел в руках щетку, потом отложил ее на табурет.

– Ладно, не дрейфь. Пошли, посмотрим на твой бунт.

3 августа. 16 час. 30 мин.

К вечеру поднялся легкий ветерок. Порванные паруса слегка зашевелились. На палубе лежали изнуренные люди.

– Сколько дней не евши, не жрамши, а все живы, – сказал бывший арестант.

– Хороша жизнь! – прервал его бывший солдат. – Чем хуже было в нашем остроге?

– Зато свобода, – возразил арестант.

– В такую мать... такую свободу, – сплюнул солдат.

– Ну-ка встать! – подошедший Бурковский пихнул солдата в бок.

– Уж, нет Ваше благородие! – солдат слегка приподнялся на локтях. – Ложись и ты рядышком. И подыхай со всеми нами, горемычными.

– Это что, неподчинение приказу? – Бурковский схватил, приподнял солдата за ворот. – К акулам захотел?

– Прекратите, поручик! – подбежал Некрасов. – Опомнитесь! Вы – офицер!

Бурковский замер, плотно сжав губы, смерил Некрасова холодным взглядом, процедил, с трудом подавляя нахлынувшее бешенство.

– Займитесь своим делом! Ваша прямая обязанность – держать корабль правильным курсом. Я лично начинаю сомневаться, насколько он правилен...

– Глянь, господа-капитаны! – радостно заорал Ваня-моряк – Вон они, акулы!

Параллельно курсу барка не торопясь, будто совершая дневную послеобеденную прогулку, двигались две морские хищницы. В прозрачной воде хорошо были видны их удлинённые головы с осторозубой пастью. Идеально обтекаемые мускулистые синевато-серебристые тела слегка извивались, повинаясь легким движениям хвоста и плавника, рассекавшего воду подобно серому косому парусу.

– Мерзкие твари, – глядя на них с отвращением, пробормотал Малинин.

– Э, не скажи, – заулыбался во весь рот Ваня. – Акула – она что? И вода и мясо! Вы вот все послушайте! Знаю способ... – Ваня сделал паузу, поднял палец. – Ей Богу! Меня коряки научили.

Ваня оказался не только примерным учеником, но и учителем. Подчиняясь его наставлениям, моряки нанизали на громадный крюк сгнившее вконец мясо. Крепкий канат служил удочкой, поплавком – бревно.

Одна из акул начала осторожно приближаться к наживке, затем резко ускорила движение и, на секунду подняв свирепую

морду из воды, вцепилась в кусок. С хрустом ухватила, зажала мясо в мощных челюстях, с силой дернула, стараясь оторвать. Но крючки уже глубоко вошли ей в пасть. Акула бешено трясла большой серой башкой, как собака, которая не может отпустить добычу.

– Тяни! – кричали, подбадривали друг друга на палубе.

После долгой бестолковой суетливой толкотни, канат все-таки удалось вытянуть. Акула бешено вертелась на палубе, сшибая с ног всякого, кто пытался к ней приблизиться.

– Эх-ма! – Рогозин вывернулся из-под удара хвоста, перепрыгнув через него, вскинул топор, и, что есть силы, врезал им по основанию акульего черепа. На палубу хлестнула кровь.

Акула продолжала еще минут десять извиваться, но ее судорожные движения становились все более замедленными.

Наконец, чудовище в последний раз изогнулось и замерло.

Малинин подошел, вспорол ножом жесткую кожу, проник рукой в недра акульего тела, вращая в нем ножом, а затем вытащил обеими руками сердце и бросил его на доски палубы.

Сердце вдруг запульсировало и начало двигаться по палубе лягушачьими прыжками.

4 августа. 15 час. 00 мин.

– Я приношу свое искреннее извинение, – обратился к Некрасову Бурковский. – Нервы в последнее время – ни к черту...

– Я Вас понимаю, – сказал Некрасов. – И забудем об этом.

– Благодарю, – Бурковский едва кивнул. Промолчал, как бы раздумывая, сомневаясь, стоит ли продолжать, но затем сказал. – Думаю, нам с вами нужно как-то определиться. С двоевластием на корабле придется кончать, оно нас погубит. Особенно тревожат дразги между матросами и бывшими каторжниками. А это народ такой, долго терпеть не будет...

– И что Вы предлагаете?

– Предлагаю навести порядок. Начнем с того, что объявим команде, кто из нас капитан. Я согласен служить под Вашим началом.

Некрасов помолчал, глядя на порванные, измочаленные паруса, потом спросил:

– А вы никогда не слышали, Бурковский о Новгородском Вече?

– Вече? Простите, что такое Вече?

– Я так и думал... Вы, европейцы, не знаете нашей истории. А зря, ей Богу. У русских тоже есть чему поучиться. Вече – наше старинное изобретение. Может, в будущем Россия вновь к

нему вернется. Было бы очень неплохо. Мы-то с Вами, увы, до этого времени не доживем.

Некрасов, все более воодушевляясь, принялся рассказывать о древнерусской республике, о том, как новгородцы сообща решали все государственные дела, сами всенародно выбирали главу их славного вольного города – Господина Великого Новгорода.

– Что ж, можно попробовать, – выслушав Некрасова, сказал Бурковский. – Команду мы пока плохо знаем. Любопытно убедиться, что о нас с вами люди думают.

4 августа, 16 час. 04 мин.

Команда барка «Святая Анна» ела акулу.

– Их там, акул этих, – навалом, – с трудом пережевывая резиновые акулы жилы, сообщил Ваня. – Так бы жил в этом океане-море...

– Так бы и гнил, – оторвался от жесткого мяса бывший солдат. – В этом своем море-океане.

Подошел Бурковский.

– Присаживайся, барин, – поднял глаза солдат. – Не побрезгуй.

– Что вы все заладили – барин, барин... – махнул рукой Бурковский. – Какой я вам барин, – Бурковский обратился к боцману. – Давай-ка, Тимофей, строй команду.

...Бесконечно было море.

И бесконечно было уныние на лицах оставшихся в живых людей.

– Давайте решать, братцы, – сказал Бурковский. – Кораблю без команды не быть. Мы пока – не команда. Сброд! В первую очередь, нам необходим капитан. Единый над всеми начальник!

– А как же свобода? Равные среди равных? – крикнул из строя молоденький солдат.

– Да, – кивнул Бурковский. – Свобода, а не анархия. Должна быть дисциплина. Иначе всем нам – смерть!

– Опять хомут на шею? – не унимался молодой солдат.

– Варежку закрой! – цыкнул на него Рогозин. – Дело говорит.

– С сего дня, – продолжал Бурковский, – прошлого у каждого из нас нет, оно забыто. Начинаем новую жизнь. Впереди – опасный путь. Потому выберем сейчас одного из нас и доверим ему нашу общую судьбу. Любое распоряжение капитана будет для всех законом. Приказом. Вот деньги. Сейчас вы опустите в

шапку одну из двух монет. Медную те – кто за меня, серебряную – те, кто за мичмана Некрасова.

– А ежели я захочу какого другого? – засомневался один из каторжников.

– Кого ж это? – спросил его такой же оборванец.

– Себя к примеру! – ткнул в грудь каторжник.

– Тогда, Вася, – подтолкнул его в плечо товарищ, – тогда кидай в шапку золотой.

4 августа, 17 час. 00 мин.

Малинин долго считал монеты, вынимая их из шапки. По левую сторону клал на бочку – серебряные, по правую – медные. И оказалось их поровну. Золотых в шапке не нашлось. Может потому, что золотых у команды барка «Святая Анна» отродясь не водилось.

Узнав о столь неожиданном результате, на корабле вначале впали в растерянность и недоумение, которые, впрочем, вскоре сменилось взрывом всеобщего веселья.

– Ну, смех! Ребята, будем пилить корабль! Одна половина поплывет с мичманом, а другая со Стефаном!

– Не, не так! Давайте к голове Некрасова приделаем пузо Бурковского! Получится преотличный капитан! Всем на вкус!

– А лучше наоборот. К польской голове – русскую задницу. Смешнее выйдет!

Некрасов понял – вот он, критический момент. Еще секунда – и эта разношерстная толпа, эти морские скитальцы с искореженной судьбой, измученные, голодные, все разнесут! Им теперь и черт не брат! Уж если самые уважаемые люди на корабле – нуль, чего еще ждать? Нет ни закона, ни узды! Гуляй! И пропадай все пропадом!

– Всем построиться! – крикнул Некрасов.

Его приказа послушались. Может еще и потому, что за внешней бравадой в каждом на корабле росла, все более укоренялась, тревога: хорошо, сейчас пошвистим, покричим, погогочем – а что дальше? Дальше-то жить надо... Впереди полная неизвестность и грозный океан. И нет ему ни конца ни края...

– Я обращаюсь ко всей команде, – негромко начал Некрасов. – Как видно – вам на все наплевать. Вам все равно, кто будет вашим капитаном – я или поручик Бурковский. Вам все равно – плыть мы будем или тонуть. Но я, офицер русского флота, не допущу хаоса на корабле. Нам необходим единоначальник. Коль скоро среди нас нет согласия, пусть им будет поручик Бурковский. Он доказал свою храбрость и рассуди-

тельность. Сейчас же все надо решить. Поднимите руку – кто за капитана Бурковского.

Подняли руки почти все.

И тогда Бурковский встал перед строем и сказал:

– Все мы теперь одна семья, а я ваш отец перед совестью и Богом. Любое послушание будет караться смертью. Оружие сейчас у всех отобрать, к нему приставить охрану. Если у кого есть сомнения – пусть скажет тотчас. Я не буду чинить препятствий и дам последнюю шлюпку с последней водой и провизией.

Ответа не последовало, и Бурковский закончил:

– Мы идем искать вольную землю и построим на ней коммуну. Не будет меж нами панов и холопов. Как только мы сойдем на вольную землю, я стану вровень с вами и буду столь же усердно трудиться в меру сил своих и без отлынивания.

4 августа, 22 час. 40 мин.

Эту речь слышал Петя. Сегодня под вечер он решил – несмотря на запрет Рогозина – покинуть трюм. Ждать больше было невоготу. Нельзя больше откладывать возмездие. Петя чувствовал, что силы с каждым днем оставляют его. Сегодня – или никогда уже!.. Сейчас он видел спину врага совсем близко. Бурковский стоял в одиночестве на корме, держал в руках Библию, шептал молитву по-польски, крестился, глядя на восток.

Петр стал подкрадываться, сокращая расстояние для последнего броска, вытащил нож.

– Стой, – прервав молитву, не оборачиваясь спокойно сказал Бурковский.

Петя застыл.

Бурковский подошел к нему, отобрал нож.

– Ступай за мной.

Они спустились в капитанскую каюту.

– Будешь спать здесь, – Бурковский бросил возле койки половик – Никуда не смей выходить.

Раздался стук в дверь.

– Нельзя! Я занят! – крикнул Бурковский. За дверью стихло.

– Что, мальчик, решил меня убить? – Бурковский опустил руку на голову Пети. – А ты знаешь, что человек не имеет права лишать жизни другого человека?

– А Вы? Отца моего...

– Это была роковая случайность. Не перебивай... Возможно, я не так выразился. Русский язык не является для меня родным. Я сейчас о другом. Они все, – Бурковский указал наверх, –

они тебя вправе ненавидеть. Ты, сын коменданта острога, измывался над ними. Пинал ногами!

– Нет! Неправда! – Петя возмущенно тряхнул головой.

– Неправда, говоришь? Ну, что ж... – Бурковский достал из стола тетрадку. – Зачитываю. Второго марта сего года ты, Петр Алексеич, в присутствии двух служивых ударил по лицу бывшего поручика Бурковского только за то, что я не успел тебе, Ваше бывшее благородие, уступить дорогу. Не дорогу даже, узенькую тропиночку в крапиве возле казармы. Так... пойдём дальше...

– Не надо, – опустив голову, тихо попросил Петя.

6 августа, 11 час. 20 мин.

Корабль медленно плыл мимо заросшего лесом крохотного островка.

– Вот он, рай на земле, – мечтательно вздохнул Малинин. – Может причалим, Стефан? Водицы поищем. И кокосовые орешки нам не помешают. А, капитан? – Малинин запанибратски хлопнул Бурковского по плечу.

– Малинин, значит так, – Бурковский слегка поморщился. – Мы с тобой друзья, конечно. Два пуда соли на каторге съели. Но я прошу... Давай на людях без этого...

– Как прикажете! – ухмыльнулся, вытянулся во фронт Малинин.

– Что касается причалить – тут ты прав. Мачту менять надо. Вот-вот рухнет, – Бурковский повернулся к капитанскому мостику. – Мичман Некрасов! Прикажете спустить шлюпку!

6 августа, 14 час. 00 мин.

Они продирались сквозь влажный тропический лес.

Было душно, как в парной. Пот катился по изможденным лицам. Между верхушками деревьев проносились обезьяны, орали во всю мочь, напуганные посещением гостей, появившихся незвано и неожиданно в их уютном зеленом царстве.

– Злые, однако, стервы, – задрал голову, пробормотал Малинин. – Почти как люди.

– Люди... Люди позлее, – заметил шедший следом боцман.

Ваня прорубал саблей дорогу в зарослях.

– Хватит, отдохни, – Бурковский отобрал у него клинок. – Всем – по очереди!

– Глянь-ка, капитан! – Ваня указал на большое стройное дерево, обвитое лианами, но от того вовсе не потерявшее свою силу и величелие. – Чем не мачта?

– Пожалуй, – согласился Бурковский. – Но работенка здесь – та еще!

Острые лезвия с трудом пробивались в гранитную твердь черного дерева. Это был поистине каторжный труд!

Наконец ствол слегка качнулся, и могучий лесной исполин, уминая подлесок на своем последнем пути, с оглушительным треском грохнулся на землю.

Самое трудное еще предстояло впереди: очистить ствол на месте и отволочь его к берегу.

Ствол обмотали канатами и поволокли по жидкой коричневой грязи.

Жара усилилась, обезьяны на деревьях обезумели от собственного ора.

– Быков бы сюда, – вытирая с лица струящийся пот, сказал Ваня.

– Уж лучше слонов, – возразил боцман.

– А чем мы хуже? – налегая на канат, прохрипел Малинин.

...Под вечер с помощью канатов и доморощенной лебедки новую мачту, взамен сброшенной за борт, с превеликим трудом все-таки поставили. Оснастили ее парусами.

– Ветра бы теперь, – мечтательно произнес боцман. – Да откель его взять?

Ветра действительно не было.

10 августа, 16 час. 00 мин.

Штиль продолжался вторую неделю. Безвольно повисли паруса.

– Степан, отойдем на минутку, – предложил Малинин Рогозину и воровато оглянулся.

Они отошли к корме.

– Ты ничего такого не замечал? – тихо спросил Малинин.

– Нет, ничего, – Рогозин почувствовал неладное, и похолодело в душе.

– У капитана нашего, у Стефана, в каюте кто-то прячется.

– Чего? – подняв брови якобы удивился Рогозин, на самом деле тут же понял: беда! пропал мальчишка!

– Чего чевокаешь? Не веришь? Я голоса за дверью слышал.

– Не может быть того, – якобы усомнился Рогозин. – Все тебе баламутить.

– Чего гадать? – подтолкнул Рогозина Малинин. Пошли проверим.

Их разговор прервал истошный крик

– Братцы! Кажись – земля! – кричал с мачты впередсмотрящий. – Ей Богу, братцы! Земля, ребята! Земля!

Малинин кинулся к борту, поднял подзорную трубу, обвел горизонт.

– Какая такая земля? Ни черта нет! – Малинин в сердцах матюгнулся. – Причудилось дураку. Перегрелся.

– А ну-ка, – Рогозин отобрал у Малинина трубу, прильнул, долго всматривался. – Нет, Андрюх, не прав ты. Что-то вроде чернеется. Неужто и впрямь?.. Чудеса твои, Господи, – схватил Малинина за рукав. – Айда к капитану.

10 августа, 16 час. 46 мин.

Бурковский в каюте сидел за столом, изучал карту. Угрюмо, озабоченно. Откинулся на спинку стула, задумался.

Петя, сидя в углу, листал морской атлас, украдкой следил за Бурковским.

– М-да... история! – Бурковский устало потер подбородок. – Плываем третью неделю...

– Господин капитан, а куда мы плывем? – осторожно спросил Петя, отодвигая атлас.

– Если б знать! – обреченно вздохнул Бурковский. – Если б, Петя, кто-нибудь знал...

В каюту без стука вошли Рогозин и Малинин, остановились в дверях.

– Слышь, Стефан. Извини, что без стука, – пробасил Рогозин, – там земля, вроде...

Заметил стоявшего в углу Петю.

– И Вы тут... – Рогозин смущенно кашлянул. – Здравствуйте, Петр Алексеич. Давненько не виделись...

– Вона, кто здесь прячется! – протянул, зло уставившись на Петю Малинин. – Здравие желаем, ваше благородие!

Петя не ответил.

– Смотри, какие мы тихие стали... – прищурился Малинин, обернулся к Бурковскому. – Немедля тащи щенка на палубу! – Малинин кипел от ярости. – А не поведешь... Ты меня знаешь, Стефан!

– По крови, Андрюша, соскучились? – медленно поднялся со стула Бурковский. Подошел к Пете, взял его за руку, повел к двери. – Не волнуйся, мальчик, я с тобой.

На палубе меж тем творилось бурное веселье. На палубе смеялись, обнимали друг друга, крестились. Вот оно, избавление! Конец всем мукам! Услышал их стоны и мольбы Господь! Земля!

Весь этот радостный праздник прервал громкий голос Малинина:

– А ну-ка сюда, братва! Все поутихли, оглянулись.

– Смотри, кого я вам нашел, – Малинин подтолкнул Петю в спину. – Узнаете? А я напомним. Алексея Ивановича Перова, покойного нашей коменданта-иуды отпрыск! Прятался здесь в трюме, шпионил за нами, змей!

И кто знал Петю, и кто не знал – все на палубе сейчас смотрели на мальчика. С удивлением, с любопытством, с явной враждой, даже с ненавистью. Последних было большинство.

– Аткель такой? – спросил было молоденький матрос, но его тут же отодвинули бывалые острожники.

– Что, Петра Алексеевич, поговорим может? – надвинулся на Петю пожилой каторжанин. – Поговорим, барчук? Повспоминаем, как ты надо мной и над ними вон, – указал на товарищей, – насмехался?

– Чего там – насмехался! – крикнул его приятель. – Издевки строил!

– Что молчишь, сукин сын? – схватил Петю за ворот пожилой. – Не было?

– Было... – выдержав его ненавидящий взгляд, кивнул Петя. – Если в чем виноват – казните!

– Гляди-ка, благородный! – изобразил изумление каторжник, сильнее стягивая Петин ворот. – А ты не виноваться. Что ты паскуда – мы все знаем! Ты ответь – пошто бил?

Петя резко повернул лицо в сторону. Молчал.

– Что с ним нянькаться? – махнул Малинин. – За борт щенка – и точка!

– За борт успеется, – пророкотал басом Rogozin, без труда отодвигая каторжника от Пети. Повернулся к Малинину. – Вот скажи, Андрюха, за что ты очутился на каторге? Я тебе напомним. На твоей совести почти дюжина душ христианских! Потому ты вор, бродяга и разбойник! Теперь я, к примеру. Я погубил своего помещика его сиятельство Онуфриева, потому что он, подлец, лазил под подол моей молодой жене-красавице. Но все одно! Убийство – убийство и есть! А мы все – грешники перед людьми и Богом! А теперь что же? Будем теперь с тобой судить этого несмышленного мальчика?

– Дело говоришь, Rogozin! – вмешался Бурковский, обвел всех взглядом. – Братцы, опомнитесь! Кто из нас безгрешен? Посмотрите! Впереди – вон она! Земля! Добрались, слава все-

вышнему. Зачем нам в такой светлый день лишний грех на душу брать?

Наступила тишина, люди растерянно переглядывались.

– А что, может правда? – поскреб в затылке пожилой каторжник. – Пусть живет. А, ребята?

– Шут с ним, пуцай!

– Не зверье же мы?.. Чай, православные!..

Задвигались, загомонили обрадовано.

– А Бурковский-то наш – башковитый капитан оказался!

Люди на палубе «Святой Анны» в эту минуту как бы сбросили с души тяжкий груз. Что и впрямь хорошего – судить, наказывать одинокого слабого мальчика? Других дел нет? Тем более – вот он впереди долгожданный берег! Свобода!

– Ты вот что, барчук, – сказал Петру пожилой каторжник. – Мы тебя простили, так и ты нас прости. Как сказал Господь – не суди да не судим будешь.

– Что испугался, парень? – подошел, тряхнул Петю за плечо Rogozin. – То-то. Говорил – сиди тихо. Спасибо, что так еще кончилось!

– Это тебе спасибо, дядя Степан. – Петя впервые за много дней слабо улыбнулся.

10 августа, 19 час. 30 мин.

Усталый корабль с усталыми людьми остановился в двух кабельтовых от берега.

В косых лучах предзакатного солнца хорошо видны были резные кокосовые пальмы и между ними – белые аккуратные домики, неожиданные по внешнему своему виду и очертаниям для глаз русского человека.

– Ну и где ж мы? – спросил Малинин.

В капитанской каюте склонились над картой Бурковский, Некрасов, Малинин, Rogozin.

– Вот здесь, – ткнул в карту Некрасов. – В Макао!

– Чего? В этой пуповке? – опешил Rogozin, разглядывая точку, примостившуюся возле азиатского материка.

– Эта пуповка, Степан, мала да весела, – Некрасов взглянул в иллюминатор. – Португальная колония у южных берегов Китая.

– Ничего себе, приплыли... – присвистнул Rogozin. – Колония. Да еще... португальская.

– Не унывай, Степ! – давно не был Малинин в таком приподнятом настроении. – Тут-то нам, может, и подфартит!

– Очень может быть, – согласился Некрасов. – Ты, Малинин, даже не подозреваешь, как ты иногда бываешь прав. Португалия и Россия, насколько мне известно, никогда не воевали, ничего между собой не делили. Наши страны до последнего времени были во вполне дружеских отношениях. Это нам очень кстати. Завтра утром войдем в гавань. Местный губернатор наверняка сможет оказать «Святой Анне» вспомоществование. Парусами, водой, провизией. Без этого нам пути дальше нет. Так что будем уповать на милость Божию и, естественно, на благоволение местных властей.

– Когда это губернаторы помогали каторжникам? – хмыкнул Рогозин.

– А почему здешнему начальству знать, кто мы такие есть? – возразил Малинин.

– А то не видно. На рожу свою посмотри.

– Спокойно! – прервал их спор Некрасов. – Не забывайте. Мыс вами не просто корабль с заблудившимися овцами. Мы – представители могучей державы, великой северной империи, – Некрасов сделал многозначительную паузу. – Тут, братцы, политика. А политика – штука тонкая.

– Не знаю я вашей политики. И в губернаторов наших не верю, – заупрямился Рогозин. – По мне – надо идти к простому люду. Есть же у них в этой ихней как ее... Макеу... наш брат? Наверняка, есть, куда им деться. Есть рыбаки, есть подневольные... Вот с ними бы сговориться!

– Оно, конечно, Степан, ты великий дипломат, – издевательски заметил Малинин. – Тебя бы сейчас – прямо в сенат. Гляди, какая мудрая голова!

– Уж не дурее твоей.

Бурковский отрешенно глядя перед собой, не встречая до сих пор в разгоревшуюся перепалку, вдруг убежденно сказал:

– Начнем все-таки с губернатора.

11 августа, 8 час. 05 мин.

«Святая Анна» приблизилась к молу. На нем толпились люди. Коричневые, бронзовые, желтые лица, черные глаза – незнакомый таинственный Восток.

– Спик инглиш? – спросил Бурковский долговязого сухого как щепка человека в шортах.

– Йес, – кивнул долговязый.

– Мы – русские. Рашен, – представился Бурковский.

– Да, конечно, – разглядывая оборванную команду барка, неуверенно кивнул долговязый.

– Я – Бурковский. Капитан русского торгового судна, – дальнейший разговор продолжался уже по-английски. – Простите, а Ваша должность?

– Да, конечно, – глядя на босые ноги команды, промямлил должовязый. – Я – комендант морского порта Макао.

– У меня есть весьма интересное деловое предложение к губернатору острова, я должен его видеть, – делая вид, что не замечает подозрительности портового чиновника, невозмутимо продолжал Бурковский. – Надеюсь, вы мне в этом окажете сильную услугу. Мы, русские, умеем быть благодарными.

– Да, конечно, – в глазах чиновника впервые промелькнуло нечто вроде слабого интереса к собеседнику. – Я не уверен, но попробую.

11 августа, 11 час. 05 мин.

На палубе выстроилась очередь к Рогозину.

Рогозин сидел на бочке. Между его грязных босых ног была зажата небольшая кожаная сума. Он опускал в нее руку, вытаскивал горсть монет и, послунявив палец, отсчитывал другой рукой по две золотые и ссыпал их в очередную протянутую ладонь.

Очередь, возбужденная, нетерпеливая, зубоскалила:

– Слышь, Степан! Клади поболее! Не жадись!

– Повеселей, братцы! Размахнет, зачерпнем, по компании разнесем!

– Одного-то ковша мало, а два не влезут. Лучше их вместе слить, да оба разом пить!

– Кому два, кому три, мне четыре! То-то местные кабачники возрадуются!

– Это уж точно – четыре! Задумал наш дядюшка жениться на своей кобыле. Хотел сварить кашу, да расклевали куры чашу!

– Глянь, братцы, у Степана руки-то трясутся. Будто кур воровал! Любит, оказывается, денежку Степан!

– Ишь, как глазки забегали!

– Ну вас к бесу! – не выдержал Рогозин, пнул суму грязной пяткой. – Сами делите! Я к вам не нанимался!

– Будя тебе, старшой! – раздались примирительные голоса. – Шутки не понимаешь?

– Он все понимает! Чай не дурной. Верно, Степан?

– Шабаш, братва! – отсчитав последнюю порцию золотых, пробасил Рогозин и затянул суму веревкой. – Остальные – по уговору! Остальные – общественные. На паруса.

– Служил солдат 20 лет, выслужил солдат 20 реп, наконец вышла ему отставка – сделалась прибавка, на шишке – бородавка, подкинув в ладони монеты, мрачно прогундосил боцман. – Эх вы, экономы дуrolомы. Ну да ладно. С паршивой овцы хоть шерсти клок, – подтолкнул Ваню к трапу. – Пошли, Ванечка. Людей посмотрим, себя покажем. Степан, тебя ждать?

– Идите. На базаре свидимся, – отмахнулся Rogozin. Оставшись один, долго сидел на бочке, хмуро смотрел на валяющуюся между ног кожаную суму.

11 августа, 12 час. 10 мин.

Бурковский плотно прикрыл дверь капитанской каюты, прислушался. Потом принялся расхаживать между столом и дверью.

– У меня к тебе, Петр, поручение особой важности.

В каюте они были сейчас вдвоем. Чувствовалось, что Бурковский был внутренне необычно напряжен, натянут и то в же время немного смущен.

Речь идет о судьбе всей нашей команды. Не удивляйся, что я обращаюсь именно к тебе. За эти дни я лучше узнал тебя. Верю – ты не подведешь. Сейчас все мы на краю пропасти. Люди устали, разуверились. Для многих игра закончена. Я был бы счастлив, если б сегодня с берега на судно вернулась хотя бы половина команды. Словом, мне необходима твоя помощь.

– Я не знаю... – Петя растерянно, с удивлением слушал капитана. – Разве я смогу?

– Сможешь, – Бурковский подвел Петю к столику, откинул серое полотно, прикрывающее рундучок. – Здесь все наши деньги, единственное сейчас для всех нас спасение, – Бурковский вытащил из кармана бушлата ключ. – Храни и никому не передавай. Кто бы у тебя того не требовал. Второй ключ – у Rogozina. Это человек надежный.

– Я знаю...

– Вот как... – коротко усмехнулся Бурковский. – Что ж, тем лучше. Значит, обо всем договорились. А теперь выйди, я должен переодеться, – Бурковский скинул бушлат, Петя увидел на его груди глубокие шрамы.

11 августа, 12 час. 55 мин.

О, Базар! Восточный базар!

Кто не видел его, не знает, как благодатна и щедра земля, на которой живет человек, как прекрасна эта жизнь, как ярки ее краски!

Горы золотистых лимонов, персиков, апельсинов, темно-желтый ливень бананов, бесконечные гряды совершенно незнакомых, диковинных красных, белых, оранжевых, черных, фиолетовых, сочных плодов! Как же по ним истосковались ватные от цинги десны, с каким упоением впиваются в горько-сладкую мякоть расшатанные зубы!

Русские солдаты, моряки, бывшие каторжники в счастливом изумлении, не веря своим глазам, бродили между бесконечных рядов, с восторгом вдыхали чудные пряные ароматы.

И сыпались им в шапки, в подолы рубах, приобретенные на русское золото плоды – грошовый по представлениям туземцев товар, дары солнечной земли, которые росли здесь на каждом кусту и которые были дешевле маисовой лепешки.

– Они сумасшедшие, эти белые! Из какого сумасшедшего дома они приплыли? – сверкая ослепительной белозубой улыбкой, ахала коричневая молодка, обращаясь к сморщенной, как моченое яблоко старухе-торговке, соседке.

– Они не сумасшедшие, они больны и голодны, – вздохнула старуха и незаметно опустила апельсин в карман продранной робы проходившего мимо русского матроса.

11 августа, 16 час. 00 мин.

На центральной базарной площади – праздник «зеленого змия». Здоровенный детина, мясистый, ширококостный, восседал между бочек, прикрыв набухшие веки, свесив между колен бурые окорокоподобные ручищи.

Возле его ног вилаась, гримасничала, виляла розовым задом макака.

Рогозин нерешительно потоптался и пошел было дальше, но детина приоткрыл глаз и слегка поманил его толстым пальцем.

Рогозин, прижимая к груди суму, спрятанную под драной робой, приблизился.

Виноторговец подал едва уловимый знак – обезьяна настожила, задрав хвост, привстав на задние лапки. Виноторговец что-то утробно буркнул – обезьяна молнией взметнулась на гору бочек, едва касаясь их, схватила большой оловянный ковш, слетела вниз и, подставив ковш под крантик, наполнила его ромом.

Рогозин вытащил из-под робы золотой, обезьяна цепко стиснула его, повертела перед глазами, ловко засунула за щеку и протянула наполненный до краев ковш.

Рогозин жадно припал к нему...

11 августа, 16 час. 10 мин.

Бурковский вошел в приемную.

– Господин губернатор ждет Вас, – вскочил секретарь и пропустил Бурковского в огромный, обитый красным деревом кабинет.

– Поручик Его величества императорской гвардии Бурковский, – представился Стефан выходящему навстречу ему из-за стола господину.

– Очень рад! – к нему, степенно переваливаясь, приблизился седовласый человек с подагрической внешностью, с бритыми румяными щеками. У него были полные круглые руки, круглые ноги, круглое туловище. Голова его едва достигала плеча Бурковского.

– Весьма рад! – повторил губернатор.

11 августа 16 час. 15 мин.

Виноторговец, оставаясь в полудреме, довольно цыкнул.

– Обезьянка вновь устремилась к крантику, снова ковш – до краев.

– Больно сладка у тебя водица, – принимая очередную порцию и отдавая золотой, сообщил макаке Рогозин. – Сейчас бы водочки!.. Да разве тут в вашей Макеу отыщешь?

Несмотря на критические замечания в адрес романа, Рогозин осушил и этот ковш с такой же быстротой, как предыдущие.

Виноторговец, уже не скрывая потрясения, отворил оба глаза и, почтительно глядя на Рогозина, тяжело кряхтя и отдуваясь, приподнял свое рыхлое туловище с сиденья, накрытого цветастым, правда, сильно засаленным истертым ковриком.

Обезьяна по привычке бросилась к крану, но виноторговец отпихнул ее ногой и самолично преподнес полный ковш удивительному покупателю, ни капли не пьянеющему, к тому же скажочно щедрому.

Рогозин принял ковш и чуть было не расплескал – в ногах вертелась, тыкалась в колени обезьяна, задрал лапки, протягивала громадную янтарную кисть винограда.

– Смотри! Зверь, а соображает, – Рогозин расчувствовался, поскреб обезьяну между ушами. – Ты бы мне хлебца черного, да с огурчиком...

Обезьяна, прыгая в восторге, старалась всучить виноград.

– Ладно, уймись, прикомодная! Вижу, торговать умеешь, – Рогозин передал в цепкие обезьяньи пальцы золотой, отодвинул протянутую виноградную гроздь. – А это – тебе.

За этой сценой внимательно наблюдали пятеро оборванных туземцев, под их лохмотьями угадывались крепкие, отлаженные мускулы.

– Эй, братва, давай, подваливай! – почувствовав их упорный взгляд, обернувшись позвал Rogozin. – Угощаю!

Оборванцы тут же очутились рядом.

– Наливай свою липучку! Только быстрее! – вкладывая горсть золотых в задрожавшие руки торговца, приказал Rogozin. – Давай! Быстро!

– Йес! Йес! Бистро! – загомонил торговец, продемонстрировав, несмотря на свои гигантские размеры, удивительную проворность.

Вмиг откуда-то появилась разномастная посуда – кружки, пиалы, чашки. Ром полился рекой. Казалось, возле бочек собрался весь базар, но подходили, спешили со всех сторон новые и новые, желающие приобщиться к дармовому пиршеству.

– Веселись, братва! Запомни русских – гудел на всю площадь Rogozin. – Наливай! Быстро!

– Бистро! Бистро!* – восторженно глядя на бородатого рыжего великана, ниспосланного будто самим небом, кричали, пили, приплясывали вокруг.

И тут перед Rogozinым предстала женщина...

– Никогда за всю свою глухую, беспросветную каторжную жизнь не встречал он такой красавицы. Красное платье, плотно облекая ее, подчеркивало восхитительное тело, лавина волос густой темной волной обрамляло ее смуглое прекрасное лицо. Rogozin ошалело глядел на тяжелую налитую грудь, полные мягкие слегка покатые плечи, гибкую талию над плавными изгибами бедер.

– Ну... ведьма!.. – вот и все, что мог прохрипеть, прошептать спекшимися от рома губами Rogozin.

И тут его как будто ударило!.. И он уже в тумане, влекомый красавицей-мулаткой, поплелся, покачиваясь через площадь.

– Бистро! Бистро! – кружился, качался, кричал в серой мути базар...

11 августа, 16 час. 30 мин.

В каюту спустился Малинин.

* В Макао и до сих пор круглосуточно открыто множество кафе-забегаловок «бистро» – след посещения колонии в начале прошлого века русскими. Немного позднее «бистро» появились в Париже – память о казаках, которые гуляли во французской столице после победы в войне с Наполеоном.

– Рогозин не появлялся?
– Нет еще... – привстал со стула Петя.
– Так и знал!.. – Малинин аж зубами скрипнул, приказал. –
Дай немедленно ключ от кассы!
– Чего тебе? – Петя попятился к сундучку. – Капитан нико-
му не велел...
– Ладно, пацан, сейчас не до разговоров!
– Бурковский не велел!
– Дурак! Не дорос еще помощнику капитана перечить! Я
при свидетелях! – Малинин указал на стоящих в дверях трех
переминающихся каторжников.

Петя чуть поколебавшись, протянул ключ. Кассу открыли.
Она оказалась пустой.

11 августа, 16 час. 35 мин.

Мы располагаем десятью тысячами рублей золотом, – за-
канчивал свой обстоятельный разговор с губернатором колонии
Бурковский. – Это ровно половина того, что получит Его Вели-
чество король Португалии после нашего прибытия на родину.
Мы в море почти полгода, и потому не знаем тонкостей ситуа-
ции в Европе. Но без сомнения хорошие отношения между та-
кими двумя могучими державами как Лиссабон и Санкт-Петер-
бург... Впрочем, я повторяюсь, извините покорно... – Бурков-
ский улыбнулся.

– Был рад нашей встрече, – поднимаясь, сказал губернатор
Макао. Для нас большая честь сотрудничать с великой Россией.
Завтра мы с вами заключим соглашение, где все подробно ого-
ворим. Вы получите все, что вам необходимо для дальнейшего
путешествия.

11 августа, 21.00.

Портовый кабак тонул в дыму. Дым стоял такой густой, как
будто одновременно палили из дюжины пищалей.

Рогозин пил все меньше, стараясь почаще наливать ханы-
гам, которые, как мухи облепили стол.

– Погодь, – отстраняя льнущуюся к нему всем своим рос-
кошным телом мулатку, обратился Рогозин к собутыльникам. –
Братва! Прошу, помогите! Иначе мы, все мои друзья-товарищи
из этого вашего вонючего Макеу ни в жизнь не выберемся. Нам
что нужно? Перво-наперво паруса. Вы ж все рыбаки, что вам
объяснять... Второе, конечно, вода... Ну и солонины немного.
На первый случай. Дальше море-океан прокормит. По рукам?

– Йес! – поглощая ром, охотно кивали портовые ханыги.

– Значит выходит – сладили! – обрадованный Rogozin опять начал разливать по кружкам. – Я заранее знал – пойдем дружка дружку! А Стефан, кореш мой, меня не слушал. Хотя я его и люблю, Стефана, однако он бывает часто что ни на есть чудак! Чего он, скажи, с какой-то такой... попер к вашему барину? К этому... извини... губернатору? Он за эти паршивые паруса с нас десять шкур содрал бы. А мы договоримся! Черный люд всегда меж собой договорится.

– Йес! Йес! – поддакивал «черный люд».

Внезапно чья-то костистая рука горячим жгутом обвила шею Rogozina и он услышал возле уха жаркий шепот:

– Рашен! Они – отнимать золото! Уходи! Бистро!

Сидящий вплотную худой, как скелет, китаец медленно снял с шеи Rogozina руку и тяжело, боком, повалился на стол, продолжая не отрываясь и не мигая, смотреть в лицо Степана. Rogozin впервые увидел его трезвые, полные отчаянной тревоги, умоляющие глаза...

Хмель сняло, как рукой. Rogozin наконец понял, в какой страшный капкан попал. Всею кожей он ощущал настороженные взгляды сидящих за столом.

«Спокойно! Спокойно! Надо срочно отсюда! Немедленно! Но как? Главное – ничем себя не выдать! Пусть думают – я пьян, пьян, как свинья! Кончить меня завсегда успеют... Здесь однако не начнут...»

Мулатка терлась щекой о плечо:

– Хочу бай-бай...

– Сейчас. Потерпи, дурашка. Вот только схожу... Пи-пи, понимаешь? – Rogozin поднялся, тяжело опираясь на стол, старательно покачиваясь, крепко прижимая под робой суму с монетами, побрел через дымный зал.

Открыл дверь в углу, пошел в полумрак. Прижал дверь спиной, прислушался. Здесь довольно тихо – лишь приглушенный гам кабака за дверью.

Он углядел лестницу, ведущую вниз, в темноту, и начал спускаться, нащупывая скользкие ступени, замирая на каждом шагу.

Он не успел сделать и десятка шагов, как наверху ржаво закрипела дверь и прорезался луч света.

Rogozin прижался к стене.

Кто-то громадный, прерывисто сопя, начал медленно спускаться.

Шаги зловеще приближались.

Когда верзила очутился на пару ступенек ниже Rogozina, тот резко рванул его за рубаху и изо всех сил ударил ногой. Rogozin не видел – куда попал, услышал лишь грохот упавшего тела, тяжелого, как десять мешков с песком.

Тут же, наверху, опять открылась дверь и в просвете появился коренастый человек.

– Майкл! – позвал коротыш и добавил что-то очень сокровенное, но что именно Rogozin, естественно не понял.

Не получив ответа, коротыш бросился вниз. Остановился на полпути, свесился через перила в темноту: – Майкл!

Rogozinu и на сей раз повезло: враг его не заметил. Сколько их еще? Сколько бы не было, пути назад отрезаны. Была не была!

Rogozin подскочил, обхватил коротышку за ноги, приподнял и перевернул через перила. Раздался отчаянный предсмертный вопль и тут же глухой шмякающий удар.

Rogozin сообразил, что лестница ведет в какой-то невероятно глубокий подвал, в преисподнюю... Он рванул наверх.

Но как только подбежал к двери, она вновь неожиданно приоткрылась и еще один громила, держа в руках свечку, просунул в темноту голову:

– Эй, парни! Мы ждем! Какого хрена!.. – неожиданно заорал он совершенно чисто по-русски.

И осекся – увидев в свете свечи лежащего невдалеке на ступенях товарища.

Громила замер. И тут Rogozin всем своим могучим телом налег на дверь, зажав громиле голову.

Свеча покатилась вниз по ступеням, погасла. Наступил полный мрак.

Rogozin отпустил дверь, гигант беззвучно осел на пол.

Rogozin переступил через обмякшее тело и вновь очутился среди угарного веселья.

В кабаке продолжалось Вавилонское столпотворение. Пьяно бродили, переворачивая табуреты, качались в любовных объятиях, трясли друг друга за грудки, пили, запрокинув голову из бутылей, сдирали платья, валялись под столами. Вдоль стены иссохшие люди курили кальян.

Rogozin, прячась за спинами блуждающих посетителей, осторожно пробирался к выходу.

Перед дверью оглянулся. За его столом народу сильно побавилось. Блаженно раскачивался незнакомый старик со сле-

зьящимися глазами, пышногрудую красавицу-мулатку лапал пареня в красном платке, надвинутом на глаза.

Рогозин брезгливо скривился, плюнул под ноги, распахнул дверь, шагнул – и замер. Его поджидал огромный слоноподобный верзила. Необъятное брюхо, лысая голова, похожая на перезревшую тыкву, маленькие глаза-буравчики из-под сросшихся густых бровей поблескивали в свете падавшего из окна кабака. Столкнувшись, оба от неожиданности отпрянули. Рогозин среагировал первым. Со звяканьем ударилась о камни сумка с монетами. Рогозин схватил слона за горло. Бандит почти равнодушно смотрел на Рогозина – шея у него оказалась поистине стальной. Через секунду до слона дошло, что его душат. Он схватил Рогозина за руки, разнял их и тут же нанес Рогозину огромным кулаком удар в шею. Удар пришелся по касательной – Рогозин, увернувшись, дважды врезал слону в корпус. Слон, хрюкнув, покачнулся, но падая, успел схватить Рогозина за рукав. Оба покатались по ступеням. Рогозин оказался наверху и несколько раз, что есть силы, ударил ребром ладони по могучей, толстой, как дубовое полено шее. Слон, взревев, стряхнул Рогозина и вновь вскочил.

Они стояли, чуть наклонившись, обливаясь потом, выжидая момент, чтобы броситься друг на друга.

– Кончай с этим дерьмом! – услышал вдруг Рогозин за спиной сиплый голос...

11 августа, 21 час. 20 мин.

Малинин, мрачно насвистывая, шел по палубе. Вечерело. Высоко догорали красные закатные облака. Вдруг на плечо Малинина легла цепкая рука. Малинин мгновенно оглянулся – сработала почти врожденная готовность к немедленному отпору и нападению.

Перед ним стоял вечно угрюмый длинноносый боцман.

– Спужался, Андрюха? Не надо. Это всего только я.

– Вижу. Чего тебе? – буркнул Малинин, стараясь скрыть минутный страх. Чертыхнулся про себя: уж больно пуглив стал в последнее время, не в меру. – Чего пялишься? Выкладывай.

– Выкладывать мне нечего, Андрюша. Ты и сам в полной известности.

– Надрался уже? Пойди, проспись! – в душе Малинина запыла непонятная вязкая тревога.

– Чего хвостом виляешь, Андрейка? Виляй-не виляй, а наружу все всегда выходит...

– Чего выходит?

- А выходит Андрюшечка, что ты есть настоящий подлец.
- Ты!.. Гад! – Малинин схватился за пистолет.
- Не надо, Андрюха, не надо, – тихоньким елейным голо-
сом продолжал боцман. – Не куражся. Сам ведь знаешь, что
рожа твоя в пуху.
- Молись, обрзина! – Малинин выхватил из-за пояса писто-
лет.
- Убери дуру, – лицо боцмана окаменело, он уже не похо-
дил на недалекого полудурка-службиста, Малинин увидел
вдруг перед собой бандита, а цену таким людям и то, на что они
способны, он слишком хорошо знал.
- Чего надо? – Малинин опустил пистолет.
- Вот уже другой разговор, – боцман оглянулся. – Дело
есть, Малинин. Небольшое такое дельце. Видишь лодочку?
- К борту, тихо шлепая веслами, приближалась лодка, в ней
сидели двое.
- Хороша лодочка, верно? – голос боцмана опять стал
глумливо-вкрадчивым. – Вот мы сейчас с тобой в эту лодочку
сядем и поплывем в одно место.
- В какое такое место?
- А это я тебе после расскажу.
- Никуда я не поеду.
- Поедешь, Андрейка. Еще как поедешь. Пехом по морю на
брюхе поползешь. А знаешь почему? А потому, Андрюха, что я
знаю твою тайну. Это ведь ты нашептывал коменданту, царст-
вие ему небесное, про готовящийся бунт. И про Бурковского. И
про Степана Рогозина. Что они главные смутьяны – все это ты,
ты милый!
- Врешь, гад!
- Нет, Андрюшечка, не вру. Думаешь, если коменданта
убили, так концы в воду? Ошибаешься, голубок. «Зреет бунт, а
я его не желаю, мне только год остался на каторге...» Не твои
слова? Не ты, паршивец, коменданту друзей предал? А того не
ведал, что этот твой поганый донос Петька, комендантский от-
прыск, самолично случаем услышал. Слава Богу, что ты того не
знал, не снести бы пацану головы!
- Опять врешь!
- Сам знаешь – не вру, – невозмутимо продолжал боцман. –
Петька молчал-молчал, а потом об услышанном поведал, слава
Господи, не этому дураку-шляхтичу Бурковскому, а нашему
Ваньке. А Ванька – что? Силы много, драться не умеет. Ванеч-
ка, дубина стоеросовая, дал слово молчать. Чтобы среди всей

нашей команды не производить смуту. Вот, решил, найдем свободную землю, выйдем на волю – там и поговорим. На том мы втроем – с Петькой и Ванечкой – и порешили. Порешить-то порешили, а если что... сам понимаешь. Бурковский такого предательства не простит. Не тот человек.

– И сука же ты... – еле слышно произнес Малинин.

– А вот лаяться не гоже.

Лодка подошла, с глухим стуком уперлась в борт.

– Что вы там, заснули? – вскочил, махнул рукой сидящий на корме.

– Сейчас-сейчас! – торопливо забормотал боцман, бросая трап.

11 августа, 22 час. 00 мин.

– Виват! Мы спасены! – Бурковский, радостный, счастливый взлетел на палубу и замер в предчувствии беды. Его встретили Некрасов, пятеро каторжан и два моряка.

– Где остальные?

– Разбежались, – отрапортовал Ваня-моряк – Как тараканы.

– Что? Все?

– Почти все.

– А где Малинин, боцман?

– Обещались вскоре вернуться.

– На минутку, капитан, – попросил Бурковского Некрасов.

Они вошли в каюту.

– Денег у нас больше нет. Рогозин пропал. Рундук пуст.

– Так... – Бурковский сел на край стола. – Это – крах.

11 августа, 23 час. 00 мин.

Петя бежал по городу. Все дома, обращенные к морю, были заперты. Набережная безлюдна. И только два туземца маячили вдали.

– Эй, мальчик! Ну-ка подойди, – услышал он голос за спиной.

Под полутемной аркой стояла накрашенная девица.

– Вы русская? – опешил Петя.

– Как видишь.

– А почему здесь?

– Это долгая история, – усмехнулась проститутка. – Дружка своего разыскиваешь? Возвращайся в порт. Те, кто плавает, далеко от моря не уходят.

11 августа, 23 час. 10 мин.

Они сидели в роскошно убранной гостиной: персидские ковры, золотые кубки. Вдоль стены взад-вперед вышагивал, волоча огромный пятнистый хвост молодой павлин.

Сидели четверо. Напротив Малинина и боцмана, за заполненным восточными явствами и винами инкрустированным столом, развалились в креслах тридцатилетний мужчина могучего сложения с маленькими пронизательными глазками и огромным губастым ртом, похожим на кошелек, и другой – полная ему противоположность: тощий, узкое бледно-землистое лицо кофеиниста, крючковатый нос, тонкие, искривленные в постоянной усмешке губы.

Разговор шел жесткий, и узколиций человек едва успевал переводить. Человек этот при всей своей невзрачной внешности, можно даже сказать, отталкивающей наружности, имел природой данный талант – он был полиглот. Знание полутора дюжин языков – от русского до китайского – сделало ему карьеру. Он стал совершенно незаменимым человеком в окружении главы империи, под властью которой было все юго-восточное побережье Азии и ближайшие к ним острова.

Здесь, на перекрестке торговых путей, приходилось и грабить, и убивать, и переговариваться, и соглашаться, и не соглашаться на всех основных великих языках жителей планеты.

– Нам известно, – пискливо выговаривал наркоман, – что у вас кончилась вода, нет провианта, паруса разодраны в клочья. И ваше судно продолжать путь в поисках обетованной.., то бишь, свободной земли... – тощий хихикнул, немного помолчал, – уже не сможет.

– Тебе-то какая печаль? – поинтересовался Малинин, отпивая.

– Вот он, – тощий ткнул пальцем в боцмана, уплетавшего ананас, – утверждает, что Вы, Андрей Малинин, – правая рука капитана Бурковского. Мы хотим с Вами иметь дело. Вы должны убедить Бурковского сдать нам оружие. Все, что есть на корабле. И порох, разумеется. В обмен вы получите новые паруса, пять бочек солонины и десять бочонков пресной воды.

– Ничего. Мы без твоей солонины прорвемся, – Малинин, выпив рома, довольно сильно нагрузился.

– Я и мой хозяин полагаем, что нет, – холодно заметил тощий.

– Мне плевать, что полагает твой хозяин, – захмелевший Малинин почувствовал прилив полузабытой отваги. – Мне пле-

вать на всю вашу дерьмовую шайку. Мы вернем свои деньги. Увидите, мудаки. И если местная полиция узнает...

Малинин прервал себя на полуслове: мгновенно трезвея, со страхом глядя на сидящего рядом с тощим гиганта. Малинин решил, что его сейчас же схватит апоплексический удар: лицо гиганта стало бурым; он шумно со свистом засопел. Грохнул по столу – на пол попадала, разбилась посуда. Начал подниматься с налитыми кровью глазами.

– Полиция? – злобно повертел огромным кулаком. – Вот где у меня твоя полиция. Сдашь все оружие! Все! До последнего пистоля!

– Мы ж не против... Мы так с самого начала и договаривались, – срывающимся голосом затараторил боцман.

– Тогда какого черта мы здесь сидим и тратим время? – гигант начал потихоньку остывать. – Зачем ты привел сюда этого болвана?

Малинин, бледный и пришибленный, боялся шевельнуться.

– Простите, – проблеял боцман, – мне необходимо было поставить в известность господина Малинина о нашей сделке. Он, к сожалению, действительно ближайший сподвижник ихнего предводителя... Бурковский ему еще доверяет... Малинин в нашем деле как нельзя более кстати. Мне казалось...

– Хватит болтовни! – гигант вышел из-за стола, крикнул. – Рудольф!

Открылась дверь и на пороге вырос статный красавец с слегка вьющейся рыжеватой бородкой.

– К тебе дело, парень, – гигант вернулся к столу. – Завтра, – сказал он, обращаясь к боцману и Малинину, – прибудет к вам на корабль с людьми вот он, – гигант указал на вошедшего красавца. – Рудольф привезет товар и заберет оружие. Вы сдадите все. И чтоб никаких фокусов. Я лично проверю.

Гигант сгреб волосатой пятерней орехи с хрустальной вазы и швырнул их к стене, вдоль которой безмятежно прохаживался павлин.

Павлин от неожиданности подскочил и противно заорал. Но тут же успокоился и с жадностью набросился на лакомство.

12 августа, 0 час. 04 мин.

На противоположной стороне бухты светились огни, доносились пьяные песни.

Китаец, прикорнувший на корме одного из трех сампанов, которые лежали на воде у конца мола, заметил бегущего к нему Петю.

Он вскочил, быстро обмотал вокруг головы косичку, натянул темные широкие штаны на бедра и, бесшумно пошевелив веслами, словно плавниками, подвел к ногам Пети сампан, скользнувший, как рыба, легко и плавно.

... Петя увидел Рогозина, когда какие-то люди, согнувшись, волокли его к кустам.

Петя бросился к нему.

То ли его отчаянный крик, то ли неожиданное появление – непонятно, что спасло мальчика.

Ханыги разбежались, а на руках Петра умирал с ножом в спине, умирал бесславно, всегда такой понятный и добрый ко всем дядя Степан...

12 августа, 4 час. 00 мин.

Начинало светать.

Остаток экипажа собрался на корме.

– Кому ж ты, Стефан, казну доверил? – язвительно спросил Малинин. – Ему, этому сосунку?

Петя, потупившись, стоял поодаль.

– Мальчика не трогай, не надо, – сказал Бурковский. – Вся вина – на мне.

– Во-во. Все в благородство играешь. Как был ты панским отпрыском, так им и остался, – Малинин встретил ставший вдруг ненавидящим взгляд капитана и тут же сменил тон. – Пошутил я, Стефан. Извини. Давай лучше к делу. Пока ты у губернатора пороги обивал, я нужного... вот такого!.. человека нашел.

12 августа, 5 час. 05 мин.

Через час к барку подплыла лодка, на борт поднялся «нужный человек» в чалме – красавец Рудольф.

– Кто ты и откуда – я не знаю и не желаю знать, – сказал он Бурковскому. – Я знаю, что тебе здесь оставаться нельзя. Я дам новые паруса, дам десять бочек воды, три бочки солонины. А взамен ты отдашь мне все свое оружие. Я проверю.

...Мрачные люди вытаскивали мушкеты и сабли из корабельного арсенала, а затем обыскивали каждого члена экипажа.

12 августа, 5 час. 50 мин.

Почти обезлюдевший барк «Святая Анна», подняв новые паруса, вышел из бухты.

– Гляди-ка, капитан, – Некрасов передал подзорную трубу Бурковскому.

К ним приближалась джонка. Боже, сколько ж на ней людей!

– Мы с вами, – на ломаном испанском, английском, португальском языке объяснил взобравшийся на борт здоровенный китаец.

– Что он там лопочет? – спросил Малинин.

– Говорит, что хотят вместе с русскими искать свободную землю, – пояснил Бурковский.

– Пушай! Все одно у нас людей почти не осталось... Стефан! – Малинин внезапно побледнел. – Кажись, пираты!

– Со стороны открытого моря к «Святой Анне» стремительно шел корабль. На капитанском мостике стоял знакомый, но уже без чалмы высокий человек, отобравший у экипажа оружие.

– Приготовиться к бою! – сказал по-русски, а затем по-польски Бурковский. И команду его повторили, передавая соседу товарищи по кораблю, каждый на своем языке.

Пираты приближались.

Лихой, рыжебородый красавец, поигрывая ятаганом, весело переговаривался с друзьями.

Зияли жерла пушек, блестело оружие в крепких руках.

На «Святой Анне», тесно прижавшись плечами друг к другу, приготовились к последнему бою.

Абордажные крючья зацепились за борт. Послышался сухой громкий треск.

Главарь пиратов, держа ятаган перед собой, приготовился к прыжку...

– И вдруг – выстрел!

Рудольф покачнулся, медленно наклонился, подгибая колени, – и рухнул лицом вниз в проем между бортами.

– Вперед славяне! – крикнул Бурковский и, воспользовавшись замешательством пиратов, перепрыгнул через борт.

И все ринулись за ним – и русские, и негры, и китайцы, ставшие в эту секунду единой грозной силой.

Завязалась отчаянная схватка безоружных людей с бандитами.

Бурковский подхватил на лету саблю. Оружие ему бросила молодая женщина, стоявшая на капитанском мостике, та, что выстрелила в спину главаря шайки.

Бурковский поймал саблю, и тут же увидел направленное на него ружье. Резко отпрянул – пуля чиркнула над головой. Пират взмахнул ружьем, целя прикладом в лицо, но Бурковский успел нагнуться и, что есть силы, протаранил врага головой в живот. Тот охнул и повалился навзничь. Бурковский от-

швырнул ногой выпавшее ружье – в то же мгновение перед ним возник второй неприятель, уже занесший ногу для удара. Реакция Бурковского была мгновенной. Если б не боевой опыт, он не избежал бы удара в пах. Теперь же удар пришелся лишь в бедро, но и это заставило Бурковского покачнуться и отступить. Пират взмахнул ятаганом... Но тут подоспел негр. Кулак врезался в зубы бандита с такой силой, которую не смогла бы выдержать и кирпичная стена.

Пират отлетел к борту, голова ударилась о деревянную стойку и он, безжизненный, сполз на палубу.

Бой разгорался. Люди дрались за свою жизнь с яростью тигров.

Среди этого кровавого хаоса Бурковский сумел разглядеть, как его спасительница, стоя на капитанском мостике стреляла в упор в набегавших на нее корсаров.

Среди дерущихся вдруг появился, поднявшийся из трюма кок Мефодий. Он брел, задрав обросшее изможденное лицо, глаза его лихорадочно блестели:

– Древние... они были мудры, полагая... что несчастья полагают к размышлению...

Безумный, не замечая ничего вокруг, наткаясь на павших и стонущих от ран, смотрел поверх убивающих друг друга людей – в небо, на высокие серебристые облака.

– Никто не ведает... – бормотал кок, – наша всеобщая скорбь есть фон жизни...

Мимо со свистом пролетали пули, в любой миг его могли ударить клинком, но Мефодий прошел невредимым через кровавую бойню, очутившись на корме, вытащил нож, обрубил им канат и спустил за борт шлюпку. Ловко управляясь единственным веслом, стал быстро удаляться от судна.

Больше его никто никогда не видел...

12 августа, 8 час. 06 мин.

Бой между тем не утихал.

Некрасов сидел, опершись спиной о грот-мачту, изо рта его сочилась струйка крови.

– Ты что? – подскочил к нему Бурковский. – Андрей, что? Ранен?

– Со мной все, Стефан, – с трудом шевеля спекшимися губами, прошептал Некрасов. – Видишь... так я и не открыл свой остров... Видно, не судьба...

Лежащий поблизости, раненый пират, подтянулся, подобрал валявшийся рядом пистолет и прицелился в спину Бурковскому.

– Дяденька Стефан! – бросился к Бурковскому Петя. Раздался выстрел – Петю отшвырнуло в сторону. Подоспевший Ваня ударил в голову пирата сапогом.

12 августа. 8 час. 20 мин.

Но вот все кончено.

Гнетущая картина: вся палуба покрыта телами убитых – и пиратов, и тех, кто бился с ними.

– Давай за победу, – Малинин отхлебнул из трофейной бутылки и протянул ее Ване.

– Не буду здесь, – отвернулся Ваня. – Грех.

– Ну и дурак! Весь день не пимши, не жрамши. Чего ж бросать добро?

– Покинуть судно! – приказал Бурковский.

Открыты кингстоны. Медленно пошел ко дну пиратский корабль со всеми погибшими – теми, кто совсем недавно были врагами, но для которых море стало общей братской могилой.

– Эти парни были хорошей закваски, – перекрестился вслед уходящим Бурковский.

12 августа, 10 час. 05 мин.

В каюту внесли Петю. Рядом с ним теперь были Бурковский, Малинин, Ваня, хрупкий маленький малаец – восточный лекарь. Круглое лицо покрывали бесчисленные морщины, годы долгой жизни пригнули его к земле, он был худ и согбен, но черные узкие глаза не утратили прежней зоркости.

– Надо головой на восток, – приказал малаец по-английски.

Бурковский перевел и Петю положили.

– Ты уйди, – обратился к Малинину малаец, Бурковский перевел. – А ты, капитан останься. Есть разговор.

– Чего ты эту мартышку слушаешь, Стефан? – оскорбился Малинин – Никуда я не уйду!

– Мудрый человек всегда стремится привести свой ум в состояние покоя, – сказал восточный лекарь, когда Бурковский перевел ему слова Малинина. – Успокой этого господина. Только тогда все мы приблизимся к истине. Я спасу мальчика, если этот злой господин уйдет. Он не может быть здесь. Иначе уйду я.

– Черт с ним! – пожал плечами Малинин – Мне – что? Мне не трудно, мы не гордые.

– Я пожалуй тоже пойду, – смущенно буркнул Ваня.

– Ваш маленький друг останется в живых, – повторил лекарь, когда они с Бурковским остались наедине. – Но прежде ответьте мне на один простой вопрос. Зачем Вы, капитан, загубили столько людей?

– Загубил, спрашиваете? – Бурковский покачал головой. – Они знали, на что шли. Мы придумали вместе свою мечту. Такие люди часто настигают свою жар-птицу, а если нет – гибнут. Или прозябают остаток дней на обочине жизни.

– Вы здраво судите, но ум хороший слуга, однако плохой наставник. Когда ум недисциплинирован, он сродни непослушному ребенку, – глаза малайца сумрачно горели. – Ваши чувства сейчас затмили разум, они бурлят, подобно кипящей воде, под крышкой котла. Вы живете не по закону жизни, а по закону, который хотят установить сами люди. Это такой порядок вещей, при котором одна ошибка громоздится на другую. Все строение в результате изначально перекошено, в нем нет никакого смысла и логики. Одна ошибка влечет за собой другую, и уже трудно определить, в чем корень зла. Я знаю – вы хотите создать большую семью свободных людей. Так не получится. Вокруг вас вражда, рабство, несправедливость. Нельзя быть островком счастья в океане беды. Море захлестнет вас. Невозможно создать рай для немногих.

– Не могу же я сделать счастливыми всех на этой земле, – Бурковский чувствовал какую-то правоту в словах малайского лекаря и это его бесило. Он все более распалялся. – Каждый из нас должен сделать свой шаг к свободе! Нас тысячи! В конце концов свободы желают все!

– Это иллюзия, молодой человек, – спокойно сказал доктор. – Что вы знаете о свободе? Вы ведете на смерть людей во имя мифа! Свободы физической, господин капитан, в этой жизни нет.

– Так. А что есть?

– Есть свобода духа, личная, глубоко внутренняя свобода. Если она живет в тебе, не страшны уже никакие цари, никакие тюремные ямы. Если человек не думает о материальном благе, а стремится лишь к самоусовершенствованию, бросая на это все свои силы, такой человек вдруг обнаруживает, что у него нет соперников среди живущих на этом свете. Борьба происходит не снаружи, а внутри него самого. Успех, который он достигает в этой борьбе, приводит не только к тому, что в нем растет радость от ощущения своего бытия, но и к тому, что ему сопутствует удача во всем остальном. В этом мире за все нужно

платить, но цена вашей свободы всегда выше той, которую человек готов заплатить за нее.

– Вы не готовы платить, достопочтимый доктор? – не удержался, съязвил Бурковский.

– Свобода достигается только громадной работой над собой, – не замечая иронии собеседника, медленно повторил малаец. – Прежде всего надо разобраться в своих помыслах и целях. Каждый человек – Вселенная. Но мы не слышим ее голос, не желаем и не умеем вслушиваться. А в этом голосе больше смысла, чем во всех наших нелепых и судорожных поступках... Впрочем, я вижу, Вы глухи к моим словам... – малаец помолчал, грустно улыбнулся. – Я кажется отвлекаю Вас от срочных дел. Простите мою старческую болтливость. А сейчас Вы на время меня оставьте, я должен сосредоточиться.

15 августа, 2 часа, 40 мин.

Многострадальная «Святая Анна» шла по Индийскому океану на запад.

В каюте капитана метался раненый Петя.

Над ним склонился, чуть покачиваясь, делая таинственные пассы, чуть нашептывал восточный целитель.

Рядом за столом трудились Бурковский и молодая женщина с пиратского корабля. Рвали льняные матросские рубашки и готовили из них бинты.

– Мы толком и не познакомились, – сказал по-английски Бурковский. – Простите, как вас величать?

– Анна, – улыбнулась женщина.

– Еще одна «святая Анна».

– Нет, я не святая, – Анна посмотрела на Петю. – Он наверно любил вас, этот мальчик.

Бурковский помедлил.

– Видите ли, Анна, я убил его отца.

Они долго молчали.

– Как все-таки страшно в этом мире... – еле слышно произнесла Анна.

Быть может впервые Бурковский увидел женщину, которая работала рядом с ним. Она была смугла, черноволоса и напоминала античную скульптуру: внешне холодное, даже слегка суровое и надменное лицо, но освещенное внутренним пламенем, делавшим эту женщину желанной и обольстительной.

– Правды ради можно сказать – вы всех нас спасли. Всех моих товарищей. И меня, разумеется. Когда убили этого негодяя. – Бурковский помедлил. – А я так ничего о Вас и не знаю.

– Вас интересует моя родословная? – грустно улыбнулась Анна. – Извольте. Мой отец – негоциант. Мама умерла, когда мне было десять лет. Мы родом из Голландии. Отец перевозил корицу и шелк из Вест-Индии. У него было два корабля. Полгода назад эти подонки подкараулили нас в Малаккском проливе. Ограбили, команду убили. Ну, а я... Вы видели этого Рудольфа... я стала его...

– Не надо... – прервал Бурковский. – Забудьте. В конце-концов – Вы отомстили.

– Можно я заштопаю ваш сюртук, – спросила Анна.

– Благодарю. Никогда не думал, что дочь голландского негоцианта способна зашивать сюртуки.

– Вы, Стефан, мало знаете, на что способны дочери голландских негоциантов, – она встала. – Ты меня проводишь?

– Конечно... – сдавленным голосом пробормотал Бурковский. – Извини, я должен был сам это сообщить...

15 августа, 3 час. 12 мин.

Малинин видел, как Анна и Бурковский вошли в ее каюту.

Он долго бесцельно бродил по палубе.

Луна опять вошла в тучу, океан погрузился во тьму.

«И что дальше? Какой черт занес меня в этот океан? – думал Малинин. – Чего я здесь потерял? Сейчас бы в России был уже свободен. Еще бы полгода и своя жизнь. Пусть в глухомани, в любой глуши. Разве здесь, на этом чертовом барке – не глушь? Тех же щей пожиже влей. Мы, русские, всегда в дерьме. А их польское благородие время не теряет! Что ж, так нам и надо!»

Пришли тут к Малинину жесткие воспоминания. Вспомнил он свое бесприютное детство, шайку, в которую попал, и тут же, внедрившись, как шило в масло, стал неожиданно для себя главарем... Гулял, убивал, любил, опять гулял и убивал...

Но все это представилось ему сейчас тоскливой скучной каруселью. Сколько веревочке не виться...

Вот он дышит рядом – безграничный спокойный океан, теплое море. И ни одной родной души. До ближайшего товарища-друга миллион верст, если живой, если не в кандалах ржавую воду пьет...

«Что ж мы, русские, такие? За что нас Христос так какает?».

Блеснула недалеко от борта, сверкнула под лунным светом стайка летающих рыбок. Исчезла.

«Пора умереть», – неожиданно сам себе сказал Малинин.

15 августа, 3 час. 30 мин.

Бурковский подхватил Анну на руки и осторожно опустил на кровать. Губы ее отыскивали его губы и поцелуй этот был терпким и сладостным, как прекрасное вино. Пальцы ее медленно лениво расстегнули его рубашку, нежно скользили по его обнаженной груди. У Бурковского перехватило дыхание, в ушах стоял неистовый звон.

Потом она, улыбаясь, оттолкнула его, слегка приподнялась на кровати и сбросила блузку.

Он смотрел на ее обольстительное тело.

– Я ужасно хочу тебя, – прошептал Бурковский.

Она привлекла его к себе, впилась в губы. Тела их и губы безраздельно слились. И сердца бились торопливо и жарко. И слышался сдавленный стон.

Сколько это длилось? Они не знали.

Корабль плыл в ночи. В неизвестность.

Над ним горел Южный крест.

... Анна лежала, откинувшись на подушку, глаза ее были дремотными, усталыми.

– Я думала, я сейчас умру... – сказала она. – Теперь ты мой... полностью...

Бурковский поцеловал ее в висок, мягко отодвинул прядь волос со лба.

16 августа, 3 час. 10 мин.

На палубе дежурили двое вахтенных, скучали, ожидали смену.

– Далеко теперь от нас Россия, – вздохнул бывший узник Скворцов. – Океан. Сплошной океан.

– Что по кандалам соскучился? – поинтересовался Ваня. – Ничего, успеется.

– Дурак ты, Ванек, – не обиделся Скворцов. – Чего хорохоришься? Сам ведь тоскуешь.

– Тоскую, – согласился Ваня. – А все ж таки, Тимофей Никанорович, не унывай сильно! Мы ведь тоже с тобой Россия. Нас куда хошь забрось, хошь в любую Африку – такие мы и останемся.

– Погодь, – прервал Ваню Скворцов. – Вроде шум... Стояла глубокая ночь, но звезды светили так, что казалось, булавку на палубе можно было отыскать.

Вахтенные увидели на корме Малинина и Анну. И сразу почувствовали неладное.

- Перестаньте! – Анна пыталась снять жесткую руку Малинина.
- Чего вам? – обернулся к подходящим вахтенным Малинин.
- Так ведь вахта... – пробормотал смущенно Ваня.
- Ступайте отдыхать! Считайте, я вас сменил. Скворцов подтолкнул Ваню, они повернулись и побрели прочь.
- От греха подальше, – тихо сказал Скворцов и добавил. – А у Малинина, у этого, губа не дура. Вот черт шепутной. По всему пьяный сильно. Не заметил?
- Не заметил, – буркнул Ваня. – И ты не заметил. Ну его к лешему! С ним действительно лучше не связываться...
- ...Так как, Анна? – продолжал домогаться Малинин. – Чего молчишь, неужто не сговоримся? Я ж к тебе всей душой.
- Что вы глупости говорите? Вы же пьяны, Малинин!
- Смотри-ка! – заржал Малинин. – Чего ты кобенишься? Небось с этим Бурковским, с нашим капитанчиком, не была такой недотрогой!
- Негодяй! – Анна вырвалась.
- Стой, дура! – Малинин, громяхая сапогами, бросился за ней.
- И столкнулся с Бурковским.
- Ты что? – Бурковский ухватил Малинина за плечи. – Сдурел?
- А как думал? – Малинин вывернулся, направил в грудь Бурковского пистолет. – Тебе все? И власть, и баба? Прочь с дороги! Пробью, как фанеру!
- Внезапно лицо его перекосила мука боли. Малинин покачнулся, выронил оружие. Сделал неверный шаг к борту.
- Из его спины торчал нож...
- И рядом Анна – бледная, дрожащая от ужаса.
- Гады... – простонал Малинин, склонился над бортом.
- И рухнул в воду.
- Все произошло быстро, неожиданно. Страшно.
- Между мачтами, как всегда, как тысячи лет назад метался ветер, ничего не понимая в людях, не думая о них, мчался дальше в ночь...
- Что же теперь? – нарушила молчание Анна. Бурковский не ответил.
- Я испугалась... за тебя. В эту минуту он был, как зверь. Бурковский молчал.

– Я никого в жизни еще не любила. Пока не встретила тебя. Я это сделала ради нас!

– Ты это сделала ради себя, – Бурковский смотрел на ночной фосфоресцирующий океан и вдруг вздрогнул – за спиной его раздался выстрел.

И тут же – тяжелый всплеск.

Бурковский перегнулся за борт, в жутком смятии вглядывался в круги, расходящиеся по спокойной воде.

– Бог нам всем судья, Анна, – прошептал Бурковский.

По палубе тяжело бухали сапоги – бежали, спешили вахтенные.

– Что, господин капитан? Что, Стефан?

– Ничего, ребята. Отбой, – белое лицо Бурковского одеревенело.

25 августа. 12 час. 56 мин.

Бурковский вошел в свою каюту и увидел сидящего на койке Петю.

Рядом загадочно улыбался азиатский лекарь.

– Вот, Стефан... господин капитан. Я, кажется, живой, – Петя уперся обеими руками в койку, пытаясь встать.

1 сентября. 20 час. 08 мин.

– Земля! – оглашено кричал впередсмотрящий с мачты.

– Мадагаскар, – невозмутимо сообщил стоявший рядом с Бурковским индус

2 сентября. 20 час. 47 мин.

Они вышли в долину, окруженную пологими холмами.

Свободные люди – белые, черные, желтые.

Кто-то от счастья, нахлынувшего безумного веселья начал напевать, прихлопывая, приплясывая. Люди входили в образовавшийся круг. Каждый пел и танцевал, как подсказывал ему голос далекой, навсегда потерянной Родины.

Но был этот праздник, обретенной очень долгожданной свободы.

А потом вспыхнул костер. И шло по кругу вино. И хлеб.

В разгар веселья кто-то тронул Бурковского за плечо, он поднял лицо и просиял:

– Каземир! Ты?

– Каземир, приземистый плотный человек в форме французской армии, поднес палец к губам и сделал знак следовать за ним.

Они поднялись на холм.

Они сидели на громадном валуне и все говорили, говорили...

Было что вспоминать...

Они верили и не верили, глядя друг на друга...

Встретиться!.. И где?.. В Африке!

Когда-то они, польские офицеры, сражались в одном полку. После разгрома русскими войсками варшавского восстания, судьба разбросала боевых друзей... Сегодня Каземир в составе польского отряда был на стороне французского императора.

Великий Наполеон гарантирует независимость Польши. Я и мои подчиненные охраняем берег французской колонии Мадагаскар от английского вторжения. Мы обязаны помогать Бонапарту, пока он не поставит британского льва и русского медведя на колени, – продолжал свой сбивчивый рассказ Каземир и неожиданно сменил тему. – Постой, кто эти люди. Что за сброд с тобой?

– Не будь так категоричен. Все не так просто.

– Хорошо, пошли к нашим, – встал с камня Каземир. – Объяснимся.

Они пошли к крепости, возвышавшейся на недалеком утесе. За ними тихо крался Петя. Он мало что понимал из разговора капитана с незнакомцем, но чувствовал нехорошее.

Он стоял в кустах возле освещенного окна, в котором, как в театре теней, двигались, что-то говорили возбужденные люди.

Внезапно чьи-то сильные руки схватили его за горло.

... Петя очутился в освещенном помещении. За столом сидели офицеры в незнакомой ему форме. Горел камин. Расхаживал черный дог. Подносил к губам шампанское капитан Стефан Бурковский.

– Отпустите мальчика, – приказал Бурковский. – Он в некотором роде мой спаситель.

Петю посадили за стол.

– Не смотри на меня волчком, – подставив бокал, подошел к нему Бурковский. – Довольно вражды. Экие вы – русские... Успокойся и выслушай. Все люди, которых ты перед собой видишь – мои друзья по оружию. Мы вместе поднялись против твоего русского царя, против твоей деспотической России. Мы – поляки! И не позволим, чтобы нас унижали. Ты – русский мальчик, русский дворянин, конечно, ни в чем не виноват. Все зло совершили наши отцы и деды. Панове! – обратился Бурковский к сидящим. – Я провожу мальчика.

2 сентября, 23 час. 01 мин.

Они вышли к океану.

– Ну вот, Петя все. Прощай, – сказал Бурковский.

– Зачем вы всем нам вдали про свободную землю? – спросил Петя.

– В жизни все не так просто, малыш... Моя крохотная Польша и твоя гигантская Россия... Я католик, ты – православный. Меня ждут мои товарищи...

– Вы решили нас бросить? Мы же Вам верили!..

– Мальчик мой! Я уже ничем не смогу вам помочь. У меня другие обязанности, другой путь. Но ты должен – слышишь? – должен создать нашу коммуну, нашу святую коммуну свободных людей! Обязан! Перед совестью своей и Богом сейчас же поклянись!

По щекам Пети катились слезы.

– Дядя Стефан, я не смогу без тебя...

– Прощай, – Бурковский обнял Петю. – Прости, – и зашагал к утесу.

В противоположную сторону, не разбирая пути, побрел мальчик.

3 сентября, 0 час. 10 мин.

Океан выходил из темноты, царапал белыми лапами пологий пустынный берег.

Опять взошла луна, и тут Бурковский увидел невдалеке незнакомый корабль.

К берегу бесшумно приближались лодки с вооруженными людьми. Одна... вторая... пятая...

Бурковский скрылся в манговых зарослях, напряженно, всматриваясь, пытаясь понять – кто они, ночные пришельцы?

Лодки одна за другой, с хрустом, врезались в береговую гальку. Из них, помогая друг другу, выпрыгивали солдаты. Бряцало оружие, звучала негромкая английская речь.

– И сюда добрались, сволочи... – прошептал Бурковский.

Оглянулся: в форте, где были его товарищи, безмятежно светились огни.

Бурковский бросился вверх по скользкой кремнистой тропе, но тут же понял – предупредить не успеет.

Англичане проворно карабкались следом – Бурковский затылком чувствовал дыхание молодых тренированных людей.

И тогда он выпрямился и вышел на площадку – одну из немногих, что остались на пути к форту.

Его неожиданно возникшая из тьмы фигура – темный силуэт на фоне освещенного дома – была одновременно и внезапной опасностью и идеальной мишенью.

Бурковский смотрел на застывших в растерянности врагов... И вдруг громко рассмеялся. Нет! Этого не могло быть! И тем не менее... Во главе отряда на скалистой тропе стоял... боцман.

– Здравие желаем, Ваше превосходительство! Принимайте гостей! – боцман вскинул ружье.

Бурковский успел выстрелить первым.

И тут же в ответ – беспорядочные торопливые выстрелы, град пуль...

3 сентября, 0 час. 20 мин.

Петя продирался сквозь колючий кустарник. И вдруг услышал недалекую стрельбу.

Сомнений не было: там, на берегу с его другом – беда.

Петя рванулся назад.

– Стой, капитана! – перед ним выросли два китайца. – Надо уходить отсюда, капитана. Бистро нада!..

– Вы что, сдурели?! Там – Бурковский гибнет! За всех за нас!

– Не нада, капитана, мы не поможем!

– Отойдите – вы! – Петя, бросившись вперед попытался увернуться, но китайцы тоже были ловки – Петя попал в капкан крепких рук.

– Не нада, капитана! Бистро уходить нада!

Петя и китайцы подошли к угасающему костру. Люди спали. Петя и его помощники, перебегая от одного к другому, пытались растормошить заморенных товарищей. Некоторые, похмельному ворча, нехотя поднимались. Но большинство отмахивались, оставались лежать на земле.

– Те, кто встали – идите за мной! – приказал Петя. – А остальные – что ж, пусть остаются. Значит, не судьба им...

И почему-то все эти люди, такие разные по возрасту и пониманию жизни, почувствовали вдруг в худом подростке вожака.

– А куды пойдем, Петь? – спросил Ваня.

– А ты, Вань, знаешь?

– Нет.

– Вот и я. Все равно надо идти.

И они двинулись вдоль берега. Мерно шумел прибой и высоко горел в черном небе Южный Крест.

3 сентября. 0 час. 30 мин.

Бурковский метался на камнях.

«Зефир прекрасный и игривый», – напевал задушевный вкрадчивый голос. Но видел он иное. Шла в его воспаленном мозгу непрерывная беспощадная борьба.

На широкой варшавской улице дрались русские гренадеры и польские гусары. Все они были прекрасны, и они убивали друг друга. Убивали молча, под тихую незнакомую песню. Это было страшно и великолепно. Потому что павшие под ударами штыков, вновь воскресали, вставали и устремлялись в бой. И опять падали под ударами. И вновь воскресали... И так до бесконечности.

Бурковский вскрикнул, открыл глаза, вскочил. Перед ним на коленях, прижимая кувшин с водой, стояла Анна.

– Кто ты?

– Успокойся, милый, – Анна провела по губам влажным платком. – У тебя лихорадка. Скоро пройдет.

– Спасибо, любимая, – прошептал Бурковский. Образ Анны становился все более зыбким. Растаял. Остались только черное небо и звезды. Бурковский опустился на камни. И закрыл глаза. Уже – навсегда.

5 сентября. 12 час. 00 мин.

Петя и его спутники вышли к пустыне. До самого горизонта лежал сверкающий под полуденным солнцем белый горячий песок. Не было ему ни конца ни края.

– Как же жить тут, Петр? – спросил Ваня.

– Будем думать, – Петя с тоской оглядел огромное песчаное пространство.

– Что тут думать? Вода нужна. Копать надо.

– Где копать, чужак?

– Да хоть где! Авось докопаемся!

– Нет, не хорошо «авось», – возразил азиатский лекарь, вылечивший Петю. – Надо правильно искать.

– А почему не здесь? – заупрямствовал Ваня, глядя на обугленного солнцем худого старика с седой бородкой. – Ты почем знаешь?

– Нет. Не здесь, – отмахнулся от него старик и заковылял вверх по склону песчаного холма. – Не здесь.

– У них, в этой чертовой Африке, нигде живого места нет, – вздохнул Ваня. – Сейчас бы в Россию – куда не ткнешь, везде живой колодец.

– Найдем, – всматриваясь в песок, пообещал старик. – Надо найти. Иначе плохо. Умрем.

Неожиданно замер.

Из песка, из-под маленького скрюченного кусточка, выпорхнула ящерица, проскользнула между ног, исчезла.

– Здесь, – указал место старик.

... Они копали. Русские, малайцы, негры, мулаты, китайцы. Они вгрызались в узкий шурф, шириной в метр – глубиной – в неизвестность. Они спускались в тесную яму, по очереди выгребая вначале песок, потом глину, подавали наверх в шапках и мешках породу. Работали в толще земли ножами и деревянными колышками. А когда теряли сознание – их за ноги выволакивали на поверхность и относили в шалаш.

Шалаш этот быстро соорудили неожиданно появившиеся кочевники.

Они некоторое время наблюдали за работой непонятных светлых людей. Работа показалась им бесплодной, и они решили вмешаться.

И дело закипело! Туземцы, такие на вид хрупкие, ловко слетали на дно колодца и там совершали работу, конечно же, более умело, быстро и грамотно.

Нет! Не грянул фонтан чистой воды, устремленный в небо. Не было сверкающего дождя, падающего на плечи усталых людей. Ничего этого не было. А была тусклая грязная жижа, внезапно проступившая из-под глины.

Вода выползала, пробиваясь сквозь комья. Она выходила из недр земных, нехотя подчиняясь человеческой воле.

И люди благодарно припадали к тощей струйке, имя которой – жизнь.

И возник тут короткий разговор между русским матросом Ваней и молодым негром-батраком. Говорили они на разных языках, но поняли друг друга сразу.

– Какая это вода? – отпив из кружки, поморщился Ваня. – Вот у нас в России – вода!

– Вот и поезжай в свою Россию, – сказал негр.

– Поздно, Патрик. Не примет она, – сказал Ваня. – Отсюда у нас уже нет к ней дороги.

– Почему? – удивился негр.

– Потому что она большая, а я маленький.

Сентябрь. Сон.

Ваня и Петя лежали рядом на песке и снился им один и тот же сон.

Они шли по хорошей вольной земле.

По ней текли холодные чистые реки.

Жеребенок вышел из голубого омута и, отряхнувшись, лег возле их ног.

Они брели по синим лугам, покрытым белыми ромашками, и навстречу им шла и улыбалась морщинистая старушка-карлица, медленно перебирая босыми темными лапками, держа под мышкой серую курицу.

Вдали над березовыми рощами бушевала гроза.

Неожиданно на дороге возник Бурковский – набухший от дождя человек, герой – не герой, гений – не гений, что-то в этом роде. Махнул рукой и пропал.

И очутились они вдвоем у берега залива. Поблизости кружили белые парусники, которые на самом деле оказались вдруг черными, но управлялись, судя по отсутствию ветра, умелыми мускулистыми людьми.

Море переходило в небо, а небо – в море.

Чайки, похожие на наконечники скифских стрел, пронеслись над волнами, планировали, твердо всматриваясь в воду...

– ... а потом в густую пшеницу...

Тополиный пух летел над Россией, над Рязанью...

Они лежали в траве.

К ним приблизилась прекрасная русская женщина и припала поочередно к их лицам.

* * *

На восточном берегу острова Мадагаскар русскими была создана коммуна свободных людей. В ней, в добре и мире, жили и бывшие узники, и те, кто решили разделить их судьбу, и туземцы.

И по сей день в этих местах встречаются люди, отличающиеся светлой кожей.

Через два года коммуна была расстреляна английской эскадрой – англичане приняли мирное поселение за боевое укрепление французов, с которыми в то время находились в состоянии войны.

Прав был восточный доктор – никто еще не сумел жить свободно и счастливо в этом несвободном и жестоком мире.

Петя (Петр Алексеевич Петров) и Ваня (Иван Николаевич Николаев) вместе с несколькими колонистами находились в это время в море на рыбном промысле и дальнейшая их судьба неизвестна.

А. Комков

ОБЫЧНАЯ РАБОТА

Я собрал в кулек оставшиеся от обеда крошки и сказав оператору:

– Валентина Ивановна, пойду угощу подопечных, – вышел из помещения пульта управления и направился к углу сушилки. Присев около норки я посвистел и вытряхнул угощение возле отверстия. Вскоре показалась любопытная усатая мордочка, блеснули глазки-бусинки. Зверек выглянул и увидев меня сразу спрятался обратно. Я разочарованно крикнул, пришел сам хозяин – большой с седыми усами крысак, а я почему-то не пользовался его доверием. Теперь будет так сопеть хоть час, но не вылезет пока я не уйду. Его крыса и крысята, те меня совсем не стеснялись, лопали чуть не из рук. Не повезло, я пошел обратно, торчать на улице под густо идущим снегом было вовсе не интересно. И надо же было Юрке так подловить меня – сутки на работе, да еще в воскресенье это не шутки. Но долг платежом красен. Я с удовольствием вернулся в тепло пульта, успокоительно горели разноцветные сигнальные лампы, работа шла нормально.

Наконец стала потихоньку собираться моя бригада. Я принял сам у себя смену и отправился на железнодорожные весы, принимать зерно. Пробыть там пришлось довольно долго и вернулся я почти половина первого.

– Петрович! – окликнула меня оператор пульта моей смены, – тринадцатый транспортер не идет, ремни ослабли.

– Пошли Рахова, пусть подтянет.

– Да я послала, – раздраженно махнула рукой Татьяна, – только это было почти час назад.

– А...

– На звонки не отвечает!

Ох, блин, выходить в стылую башню элеватора и подниматься на высоту пятидесяти метров, хотя бы и на лифте, совершенно не хотелось. Я взял трубку пультового телефона.

– Соедини, пожалуйста с электромастерской. Дежурный электрик ответил почти сразу.

– Леша, сделай доброе дело, поднимись к тринадцатому транспортеру. Надо помочь Рахову с ремнями.

С полминуты в трубке царило молчание и я чувствовал, как Алексей борется с желанием вежливо послать меня подальше, на что в общем-то имел полное право. Наконец он вздохнул.

– Ладно, иду.

Я положил трубку и налил себе стакан свежесваренного чая. На пульте постепенно собиралась вся смена – время обеда, если можно конечно так выразиться, имея в виду час ночи. Развернул свой пакет и я. Но не прошло и семи минут, как дверь с треском распахнулась и Алексей влетел внутрь так, словно за ним гнались собаки. Рот его был перекошен, глаза лезли из орбит. Разговоры разом смолкли и все повернулись в его сторону.

– Там, там... – Фролов махал рукой куда-то себе за спину, словно там стояло привидение и никак не мог выговорить ничего другого.

– Лешенька, милоч, да что ж ты так разволновался то, болезный. Да и нет же там ничего, – заглянув ему за плечо ласково сказала Нина Федоровна.

– Вот именно, что нет, – подскочил Алексей, – а вы то откуда это знаете?

– Дверь надо закрывать, не май месяц, – строго заметила Татьяна.

– Дверь? А, конечно, – Леша закрыл дверь и медленно опустился на стул, приговаривая себе под нос, – ничего, в том то и дело, что ничего!

Я встряхнул его за плечо.

– Леша, приди в себя. Что случилось?

– Случилось? – повторил он за мной, – случилось! И сделав над собой усилие, повторил снова:

– Случилось! Петрович, вам надо, наверное, самому посмотреть. Там у мотора...

Он не договорив, махнул рукой и откинулся на спинку стула. Было ясно, что дальше спрашивать его о чем-либо бесполезно. Я быстро допил чай. Лифт стоял на площадке. Леша не захлопнул за собой дверь, так что подъем на восьмой этаж много времени не занял.

Я потянул на себя оббитую жестью массивную дверь и вошел на надсилосный этаж. Пружина с громким стуком закрыла за мной дверь и наступила тишина.

– Сергей! Ты где есть?

Ответа не было. Я пошел вдоль транспортера и возле приводного барабана едва не наступил в лужу крови, или чего-то очень похожего на кровь. Я протер глаза руками, потряс головой, но ничего не изменилось! Передо мной по-прежнему была лужа, именно настоящая лужа крови, метра два в диаметра с раховской ушанкой по середине. Я присел на корточки и потрогал пальцем подсыхающий край. Кровь, вне всякого сомнения! Хоть бы след какой остался. Теперь то я понял, что хотел сказать Леша. Я огляделся по сторонам – ничего. Но куда же могло деться тело человека, потерявшего практически всю свою кровь?! Но его ли это кровь? Я попятился, не отводя глаз от кровавой лужи, и налетел на транспортерную раму. Что за черт! И что теперь делать? Мысль о не слишком удачной шутке я сразу отбросил – кровь настраивала на серьезный лад. С трудом подавляя желание удариться в бегство, я обошел этаж. Заглянул под все транспортеры, тщательно осмотрел сбрасывающие тележки. Ничего! Все силосные люки закрыты, нигде никаких следов. Пятясь я вышел с этажа и с облегчением захлопнул за собой дверь.

Как только я показался в дверях пульта все разом повернулись ко мне и заговорили наперебой, видимо Алексей все же рассказал им что к чему.

– Тихо! – я поднял руку и все умолкли.

– Все кроме Рахова здесь? С пульта никому не выходить!

– Как это не выходить? – переспорила оператор, — а отгрузка на мельницу? Если мы их без зерна оставим, с нас головы снимут.

– Ага, снимут, Сергею ее похоже и впрямь сняли. Подождут. Давай, посмотри в списке телефон нашего райотдела.

После нудного и долгого объяснения с дежурным райотдела милиций – тот наконец-то пообещал выслать группу, я предупредил ВОХР и мы стали ждать, гадая, что же все-таки могло

случиться с Сергеем. Вскоре показались сполохи мигалки и я вышел встречать гостей.

Лихо раскидывая свежевыпавший снег подкатил милицейский УАЗик. С переднего сидения легко спрыгнул щеголеватый лейтенант с «сучкой» * на плече, а с заднего неторопясь вылезли немолодой сержант и здоровенная овчарка.

– Оперуполномоченный, лейтенант милиции Горелов, – слегка прищелкнул каблуками лейтенант и протянул мне руку.

Начальник смены элеватора, старший мастер Краснов, ухмыльнулся я в ответ. Сержант молча кивнул.

– Ну что тут у вас стряслось?

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз рассказывать, прошу за мной.

– Ну и лифт у вас, – лейтенант стукнул кулаком по железной стенке кабины.

– На полчаса остановить между этажами, лучше любого вырезвителя будет!

Они захохотали.

– Производственная модель, но второй вполне цивильный, «деревянный».

Кабина наконец доползла до нужного этажа, мы вышли и я в двух словах обрисовал ситуацию.

– Значит кроме тебя и электрика на этаже никого не было? – уточнил лейтенант.

– Никого.

– Отлично! Михалыч, готовь Марса.

– Да чего его готовить, – хмуро отозвался сержант, он как пионер, всегда готов.

Пес и в самом деле рвался работать – рычал на дверь, то садился, то вскакивал и смотрел на нас так словно говорил:

– Ну что же вы, вперед!

– Ладно, пошли, – лейтенант распахнул дверь и вошел первым, за ним сержант с Марсом и я.

– Подождите здесь, – остановил нас оперуполномоченный, – сначала я сам посмотрю.

И он двинулся в указанном мной направлении.

– Я правильно иду?

– Правильно, сейчас увидишь!

* Сучка – жаргонное название АК-74У, вариант АК-74 с укороченным стволом и складным прикладом.

Сдавленный возглас лейтенанта, послышавшийся минутой позже, подтвердил, что он и в самом деле увидел. Минут через пять, сильно побледневший, он подошел к нам.

– Образец я взял, хотя и так ясно, что кровь. Шапка его?

– Его, – кивнул я.

– Хорошо. Михалыч, пускай Марса.

Пес подбежал к темному пятну, обнюхал и вдруг вздыбив шерсть попятился под ноги проводнику с яростным и одновременно жалобным рычанием. Дальнейшие попытки заставить собаку работать не дали результата. Марс виновато скулил, припадал к полу, но к кровавому пятну больше так и не подошел. Успокоился он только, когда мы покинули этаж.

– Чтобы Марс, наша лучшая собака, так оскандалился! – развел руками сержант, и укоризненно посмотрел на пса.

– Ладно, будем работать сами. Привяжи Марса здесь и пойдем еще раз осмотрим все еще раз.

– А можно мне с вами? – спросил я.

– Можно, только осторожно.

– Мы внимательно осмотрели весь этаж и абсолютно ничего не нашли. Правда я заметил несколько белых волосков, похожих на шерсть, зацепившихся за ограждение приводных ремней, но поскольку не был уверен, имеют ли они отношение к делу, говорить о них не стал. По дороге вниз лейтенант заглянул на пульт и выяснив, что кроме Рахова, все на месте, собрался уходить.

– Как, вот так и уйдете? – остановил я его.

– А что вы хотите? Спецгруппу с Петровки?! Не вижу оснований. Пока что у вас ничего такого не случилось.

– Как не случилось!? Человек пропал!

– Так уж и пропал. А может он слегка расслабился, соскучился по дому, вот и решил плюнуть на родное производство. А может и другая, более веская причина есть! – лейтенант выразительно поиграл бровями.

– А кровь?!

– А что кровь, пока мы ведь точно не знаем, что это кровь, и тем более его кровь.

– Но шапка то в луже его!

– Шапка, да черт с ней, – разозлился лейтенант, – нет трупа, нет и убийства. Следователь у вас завтра будет. Работайте спокойно. Честь имею! – он прищелкнул каблуками и, поправив автомат, вышел.

– Ну, что командир. А ты чего ждал? – ухмыльнулся Вася, огромный звероподобный ублюдок, ходячее подтверждение правильности теории Ламброзо. Вася по какому-то недоразумению работал у нас грузчиком, вместо того чтобы сниматься в ужастиках. И именно он, когда появился у нас три недели назад, первым прозвал меня командиром, то ли из-за моих армейских брюк с кантиком, то ли в силу своей блатной привычки, но как бы там ни было, кличка прилипла.

– Все, – я поднял руку, – дискуссия окончена. Татьяна, начинай подавать на мельницу. По местам.

– Ком., Петрович, я не могу, боюсь! – заявила весовщица Нина Федоровна.

– Как подумаю, что мне мимо этого этажа ехать, прямо мороз по коже дерет!

– Весовой, а мне вообще на надсилос идти! Не пойду, хоть режь! – присоединилась к ней Марина.

Следом загомонили остальные.

– Тихо! Вася, тебя и Егорыча ждут вагоны. Вам то мимо надсилоса идти не надо, так что, вперед. Надеюсь вы не боитесь?

Оба грузчика потоптались и вышли.

– Нина Федоровна, бери с собой Марину, на надсилосный сегодня никто не пойдет. Как-нибудь обойдемся. Я поеду с вами, осмотрим весь этаж, потом запретесь и до утра оттуда ни шагу. Если что – звоните. Перед пересменкой я за вами приеду. О'кей?

– Хорошо, до утра уж как-нибудь, согласилась Нина Федоровна.

– Леша, – повернулся я к электрику, – ты вместе с Виктором Петровичем и Леной на сепараторный. Посмотрите, все ли в порядке и сразу обратно.

– Татьяна, запирай дверь. Открывать будешь только на голос. Все? Отлично, пошли.

Я проводил весовщицу и силосницу на их этаж, дождался пока они заперли дверь и вернулся на пульт. Надо было попытаться продолжить расследование.

– Пойду обойду вокруг элеватора, – сказал я оператору, и прихватив на всякий случай ломик, вышел. Снег перестал идти и лежал красивым белым ковром, искрящимся в лунном свете. От элеватора шли только колеи УАЗика и все. Я двинулся дальше. Мои подопечные уже успели погулять и от их норки до короба с сепараторными отходами протянулся смешной жело-

бок с четкими отметинами лапок и хвостов. Я пошел дальше, вдоль элеватора, ничего, кроме крысиных следов. Я прошел весь старый элеватор, затем пристроенный позже новый, обогнул его и вышел на железнодорожные пути. Внезапно глаза споткнулись о что-то темное, наполовину занесенное снегом, как раз на стыке нового и старого элеваторов. Я ускорил шаги, а потом и перешел на бег, насколько это было возможно в таком снегу. Пробившись через сугробы, я разочарованно и в то же время и с облегчением вытер со лба пот. Это был всего лишь большой кусок рубероида, сорванный ветром с крыши. Закончив обход элеватора, я завернул в подсилованный этаж и подошел к двери, ведущей в причальную галерею. Дверь была заперта на хороший засов, а отверстие в стене, куда уходил транспортер, на зиму было прочно заколочено досками. Я подергал ручку засова, посмотрел зачем-то на свою руку и пошел на пульт. Стоп, но ведь есть еще хопперный ж/д прием зерна и виброразгрузка!

Я быстро прошел туда по подземным галереям, мимоходом отметив, что комбинат мог бы неплохо зарабатывать, сдавая эти галереи для съемок фильмов ужасов. Но и вокруг ж/д приема и вокруг виброустановки снег сиял первозданной чистотой. Создалась интересная ситуация. Галерея шестого этажа, по которой зерно подавалось на мельницу, была заперта еще в субботу. Так там пришлось, после визита инспектора ГТН в пятницу, срочно делать новый бетонный пол вместо старого, сильно растрескавшегося. И замок был, насколько я помню, на месте. Получалось, что если только у Сергея Рахова не выросли крылья, он никак не мог покинуть элеватор, не оставив следов. Крылья, а это интересная мысль. Я вспомнил, что Сергей очень увлекался уфологией, и летом мог торчать ночью на крыше, выслеживая летающие тарелки, пока я не сдергивал его оттуда. Правда вид с высоты семидесяти метров нашей башни был воистину великолепный.

Я снова сел в лифт и поднялся на последний этаж. Пара пролетов пешком и я подошел к двери, ведущей на крышу. Она не была заперта на засов, типичная привычка Сергея, за что ему не раз доставалось. Я распахнул дверь. От двери к мостику лебедки вела цепочка полузасыпанных следов. Обратных не было!

Черт! Ну не похитили же его в самом деле инопланетяне! Присмотревшись к следам повнимательнее, я понял в чем дело, просто чтобы не черпать зря снег в ботинки, он возвращался по

своим следам. Я запер дверь и решил заглянуть еще раз на восьмой этаж, и неожиданно для себя вдруг осознал, что в точности повторяю маршрут Сергея, а раз так, то следовательно могу и разделить его участь! Я прижался спиной к стене, с тоской вспоминая об оставленном где-то ломике. Не знаю, сколько я стоял так, минуту или пять, но в конце концов я же не затравленная крыса! Хотя никакая крыса и не стала бы вот так стоять, ожидая у моря погоды. Медленно, стараясь быть все время спиной к стене, я двинулся к лифту, и с облегчением захлопнул за собой дверь шахты. В конце концов наступило утро, и мы с Татьяной сели писать объяснительные. Что меня немного удивило, так это то, что мне ставили в вину вовсе не пропажу человека, а задержку с подачей зерна, что привело к потере 15% суточной производительности мелькомбината. А потом я уехал домой и плюнул на все.

В среду, во время нашей дневной смены нас всех допросил следователь и все вроде бы успокоилось. А в пятницу, в ночную смену пропал еще один человек, грузчик второй бригады. Его послали на восьмой этаж сделать замер количества зерна в загружаемом бункере и все, больше его никто не видел. И точно как в случае с Раховым на этаже обнаружили лужу крови. Но все же и после этого случая ситуация была под контролем, а вот в понедельник произошел взрыв.

Теперь уже в первую смену пропал человек. Вера Ивановна Федоренко, работница комбината с двадцатипятилетним стажем не вернулась с надсилосного этажа. И так же как и в двух первых случаях на этаже нашли большую лужу крови, и больше никаких следов.

Я немного опоздал и попал в самую гущу событий – по элеватору так и шастали бойцы ОМОНа, а в красном уголке начальство обрабатывало мою бригаду, которая отказалась выйти на работу в ночную смену. Директор, выступавший с очередной речью, сердито покосился на меня, но отвлекаться от главного не стал:

– Да поймите же наконец, мельничные бункера при полной загрузке обеспечивают работу не более чем на час. Подача зерна нужна непрерывно, а если мы этого не обеспечим в ночную смену, то комбинат потеряет почти пятьдесят процентов суточной производительности! Наш комбинат дает почти половину московской муки. Представляете, что будет твориться в городе, если мы снизим выпуск наполовину?! Да что я это вам говорю, вы и сами прекрасно это понимаете!

– Понимать то понимаем! – подал голос Вася, – да только подышать не хотим!

– Каждого из вас будет постоянно сопровождать боец ОМОНа, всю ночь элеватор будут обходить парные патрули. Так что ничего ни с кем из вас не случится. Так вас устроит?

– Устроит, – откликнулся напарник Васи, Егорыч, – только не мешало бы и денегат подкинуть, за моральный ущерб, так сказать!

– Хорошо, за ночь вдвое больше обычного тарифа. Все? Все нерешительно переглянулись.

– Все! – подвел я итог переговорам, – по местам и за работу.

ОМОН и спецгруппа с Петровки обшарившие элеватор сверху донизу, убыли с нулевым результатом. Все полностью повторилось – никаких следов, отсутствие тела и странное поведение собак.

Когда я после этого случая, в сопровождении омовца, осматривал зловещий этаж, то на внутренней стороне этажной двери, в шве между листами жести, примерно на уровне бедра, нашел несколько белых шерстинок. Похожих на те, что я нашел на месте гибели Рахова, а я не сомневался, что Сергей погиб, как две капли воды. Увидев, что я вытаскиваю волоски, мой телохранитель засмеялся.

– Зачем это тебе крысиная шерсть?

– Крысиная? Да крысы, если хочешь знать, почти никогда выше второго этажа не поднимаются. И потом, какого же роста должна быть эта крыса?

– Я вот читал в «Совершенно секретно», кажется...

– Знаю, – перебил я его, – я тоже читал. Но уж ты мне поверь, у нас мутантов не водится.

– Ну может наших собак? – с сомнением сказал он.

– Все равно высоковатое. Да и у овчарок шерсть на боках разве белая?

– Ну не знаю... – протянул омовец.

– А патрон то у тебя в стволе? Это то ты хоть знаешь?

– Не положено, инструкция. Только при возникновении...

– Послушай, – разозлился я, – здесь абсолютно бесследно исчезло три человека! А ты пялишься на меня как баран на новые ворота и толкуешь про инструкцию. Да нас бы уже трижды убили! По сторонам смотри давай!

Он обиженно насупился.

– Тебе вообще не повезло – мне больше других приходится по элеватору ходить.

После обхода мы вернулись на пульт, и я попытался сложить головоломку. Тело Рахова обнаружено не было, ни на комбинате, ни в Москве, ни в области, как выразился один из следователей спецгруппы. Следов и улик – никаких, если не считать нескольких белых, с легкой желтизной, шерстинок. Любые логические построения разваливались, как только вставал вопрос «Зачем?». Древний принцип «ищи кому это выгодно» так же не срабатывал, так как совершенно непонятно было кому могло понадобиться исчезновение трех этих людей, между которыми не было ничего общего. В общем – полный ноль!

Неделя работы прошла без происшествий. Абсолютно ничего не происходило, если не считать того, что люди с элеватора начали уходить. И трудно было их осуждать за это. Работа в постоянном ожидании неизвестно чего и под охраной вооруженного омовца, это конечно не подарок. Так что бригады теперь работали едва ли в половинном составе. Кое как запустить оборудование мы еще могли, а вот отремонтировать его было просто некому. Поэтому задержки с подачей зерна на мельницу участились, а комбинат из-за этого снизил суточный выпуск муки почти на четверть. В булочных сразу появились очереди. Заполнению вакансий, даже несмотря на солидную прибавку к зарплате, так же отнюдь не способствовали слухи. Кое-что, несмотря на усилия властей, все же просочилось в бульварную прессу, а дальше пошло-поехало. Счет пропавших на мелькомбинате, если верить газетчикам, шея уже на десятки, а в числе главных виновников этого единодушно назывались или свирепые крысы-мутанты или инопланетные гуманоиды-людоеды. Не способствовало нашей спокойной работе и то, что как поговаривали, городские власти собирались отозвать ОМОН, ввиду того, что специалисты с Петровки и из Министерства Безопасности ничего опасного для жизни и работы на элеваторе не обнаружили. Все были на грани паники и я чувствовал, что случись еще хоть что-нибудь и все, амба, никого никакими деньгами не удержишь.

А в следующий понедельник гром грянул. Когда моя и сменяющаяся бригады собрались утром на пульте для пере-сменки к нам пришел сам директор и преподнес нам большой сюрприз.

– С этого дня ваша зарплата увеличивается еще на пятьсот процентов, но, – директор выдержал паузу, – с сегодняшнего

дня отменяется дежурство ОМОНа. Держать его здесь признано более нецелесообразным. Со своей стороны мы выдадим всем газовое оружие, на всякий случай. Хотя повторяю, опасности нет.

С минуту царило гробовое молчание. Совершенно неожиданно конец колебаниям положил Бася.

– О'кей, босс, годится, только не пятьсот, а тысяча процентов! Так что ли? – Все дружно поддержали, а директор облегченно перевел дух, вероятно он не рассчитывал на такой скорый и успешный конец переговоров. Хотя если подумать, то ничего особенно неожиданного здесь не было. Каждый думал, что именно его минует чаша сия, а деньги не помешают. Но каков Вася, я совершенно не ожидал от него ничего подобного, особенно если учесть, что он стал слесарем вместо Рахова и теперь не мог отсиживаться на ж/д приеме.

Оружие оказалось хуже некуда! Вероятно купили, что подешевле. Пятизарядные калибра восемь миллиметров, пистолеты Рек Ж-5. Давным-давно устаревшая модель с ударно-спусковым механизмом ударникового типа и весьма неудачным кнопочным предохранителем. К тому же судя по цвету пластмассовых заглушек в гильзах, нам дали патроны с весьма малой концентрацией СN. Разумеется свое мнение я оставил при себе – это все равно ничего бы не изменило. Но сразу после получения оружия и приемки смены я отправился в мастерскую. Там я выпросил у фрезеровщика полосу отличной инструментальной стали и после часа работы на наждаке и в столярке стал обладателем почти настоящего меча. Нечто вроде меча ниндзя, но без гарды и разумеется гораздо более грубой работы. Клинок достигал длины семидесяти сантиметров, при ширине пять и толщине полсантиметра с рукояткой тридцать сантиметров и отлично рубил. Из двух подходящих дощечек я смастерил ножны и мог носить меч как на поясе, так и за спиной. Конечно назвать это изделие мечом было довольно смело, скорее это была огромная заточка, но все же лучше, чем ничего, поскольку рассчитывать на пистолет практически не приходилось. Когда я появился на пульте со своей обновой меня встретили, мягко говоря, недоуменные взгляды. Однако ближе к обеду я заметил, что и Леша и Егорыч, и Виктор Петрович, и даже Вася обзавелись различными самодельными тесаками, согласно характеру каждого. Их тесаки были гораздо более примитивными, чем мой, но придавали владельцам изрядную долю уверенности. А в общем работа без охраны оказалась не такой уж страшной.

Мы выходили с пульта только по двое-трое, женщины обязательно в сопровождении мужчин и все шло пока, по крайней мере, относительно нормально. Только я иногда нарушал этот порядок не без тайной надежды вызвать огонь на себя.

Оборудование работало нормально и я вернулся на пульт. Взявшись за дверную ручку я с проклятием отдернул руку – ручка была вся в отработанной смазке.

– Вася, тебя что в детстве не учили, что руки надо мыть, – бросил я войдя на пульт и пытаясь оттереть смазку.

– Не, не учили, – радостно ухмыльнулся Вася, ожидая продолжения, а я замер. В голове всплыло интересное и не оцененное в свое время по достоинству, воспоминание. В ту роковую ночь я подходил к причальной галерее и проверял засов, и что самое главное моя рука осталась чистой! А раз так, то значит, в тот день кто-то ходил на причальную галерею и запер потом за собой дверь. И не больше чем за час до меня, наверное, пыль у нас садится быстро. И что из этого следовало? Мало ли кто мог ходить на причал, может охранник, у них ведь там пост. Вряд ли, по верху им быстрее, да и на зиму в галерее выключают освещение. Так тогда кто и зачем? Мысль, что тело Рахова кто-то мог спустить с восьмого этажа, причем незаметно, а потом тащить по галерее почти триста метров нельзя было назвать слишком удачной, на реке ведь лед. Лед, да не всегда. Иногда ходят буксиры-ледоколы и значит можно избавиться от тела.

Я попросил у Фролова аккумуляторный фонарь и еле-еле сумел от него отвязаться – Леша понял, что я что-то затеваю и горел желанием меня сопровождать. Засов был пыльным, хотя и меньше, чем я ожидал. Я отодвинул засов, обнажил меч и медленно открыл дверь. Полная тишина и тьма. Только слышалась где-то неподалеку крысиная возня и тихое попискивание. Это меня успокоило – следовательно в галерее никого. Я зажег фонарь и двинулся в сторону причала. Сам этот поход по наполненной тенями галерее был почти подвигом, я сто раз пожалел, что не взял Алексея с собой, но возвращаться все же не стал. Вдруг мне буквально свело затылок от чужого взгляда, показалось, что слышатся чьи-то крадущиеся шаги. Я замер. Вроде бы тихо. Я двинулся вперед и снова послышались тихие шаги. Обернувшись я посветил назад фонарем, никого. Я снова пошел вперед. Шаги послышались ближе! И ощущение чьего-то взгляда не проходило. Показалось, что надвигается нечто огромное и вот-вот... Я присел и, резко обернувшись, сделал выпад мечом. Галерея была пуста. Я снова посветил фонарем,

луч случайно упал на транспортерную ленту и я облегченно перевел дух. Вот, оказывается, кто крался за мной – на ленте сидела здоровенная крыса, шуря подслеповатые глазки и недовольно шевеля усами. Эхо ее шагов, усиленное туго натянутой транспортерной лентой я и слышал.

– Ах ты паршивка, – стукнул рукояткой меча по ленте и крыса мгновенно развернувшись дернула обратно.

На причале меня ожидало сплошное разочарование. Все три лестницы, ведущие по «башням» на верх, были покрыты густым слоем пыли, по ним не ходили как минимум месяц. Я двинулся обратно. Но ведь есть еще два аварийных выхода из галереи. Правда оба они выходят во дворы домов и следовательно не очень-то удобны для выноса трупов, но проверить не помешает. Первый, как и положено, был заперт изнутри на здоровенный болт, да еще и гайка заварена намертво. Зато второй меня порадовал. Я легко отвернул гайку с запорного болта и толкнул дверь. Она легко повернулась на смазанных! петлях. Вот собственно и все! Тайна раскрыта. Ну почти раскрыта, или скажем так, я нашел возможный путь выноса тел убитых. Плюс к тому, я совершенно бесспорно установил, что кто-то на элеваторе помогает злоумышленникам. Ведь запирает же кто-то потом изнутри двери! Но кто? Больше всех на эту роль подходил Вася, хотя никаких веских причин подозревать именно его у меня не было. Разве что кроме внешности да уголовного прошлого. Да и во время второго и третьего исчезновений работали другие бригады и Васи на элеваторе не было. И тут я неожиданно вспомнил, что сказал мне Юрка на очередной пересменке:

– Как ты можешь работать с этим типом! – он кивнул в сторону Васи, – я и одной сменой сыт по горло. Значит, Вася кого-то подменял! И когда же это было? По времени вроде бы сходится, но надо будет узнать наверняка. А как же исчезновение в дневную смену? Тоже Вася? Ведь он живет здесь, через дом от комбината. Днем придти и уйти незаметно – пара пустяков! Свет фонарика заметно потускнел и я заторопился обратно.

На пульт я пришел, когда бригада собралась на очередной перекур. Что удивительно, ни страха, ни даже уныния не было и в помине. Тысяча процентов сыграли роль великолепного допинга.

– А вот и шеф, – обернулся ко мне Вася, – Петрович, чегой-то ты смотришь на меня словно прицеливаешься?

Я не ответил и сел заполнять журнал. Прием зерна, сепарирование, отпуск на мельницу. Прием зерна, а ведь в ночь исчезновения Рахова мы тоже принимали зерно, а в двух других случаях? Я быстро перелистал журнал. Так и есть, все три исчезновения произошли тогда, когда элеватор принимал зерно. Может быть это не случайно? Да нет, ерунда, какая здесь может быть связь, просто совпадение.

Остаток смены прошел спокойно и мы ушли домой заработав кучу бабок. За время наших выходных ничего не случилось, работа вошла в относительно нормальную колею, хотя напряженность конечно же сохранялась, особенно в ночную смену. Именно ночная смена нам сегодня и предстояла.

Я принял смену и в сопровождении Алексея пошел на обход элеватора. И на зловещем надсилосном этаже на меня снизошло вдохновение, иначе не скажешь. А зачем собственно уносить трупы через галерею? Сейчас ведь зима, значит можно просто бросить тело в загружаемый силос и все! Завалит зерном, и до весны, а то и до лета, когда еще силоса прогреются, никто ничего и не обнаружит. Ведь очередь свежезагруженных силосов придет не скоро.

– Леша, идем на пульт.

– Петрович, посиди за пультом, я на минутку, – встретила нас Татьяна.

– Хорошо. Леша сопроводи, пожалуйста.

Я перелистал журнал. Когда пропал Рахов, мы загружали стотринадцатый силос. Вот оно, решение задачи. А галерея, что же, ей тоже нашлось место в моей версии – по галерее можно незаметно прийти и уйти. Засов сообщник с элеватора задвинет потом, а в момент совершения убийства он, сообщник, на виду и следовательно, вне подозрений. Осталось только проверить мои теоретические выкладки.

– Татьяна, какой силос у нас свободен? – спросил я как только Леша и оператор вернулись на пульт.

– А что случилось?

– Лаборатория дала ценное указание освободить стотринадцатый.

– Разве? – она посмотрела в ведомость, – у меня здесь ничего нет.

– Елена Викторовна мне звонила, когда вы выходили. Так что собирай маршрут. И внимательно следи за амперметром, как только нагрузка упадет – скажи мне.

Татьяна защелкала рукоятками пультовых переключателей.

– Готово, запускать?

– Запускай.

Время шло, а стрелка амперметра стояла на красной отметке как прибитая,

– В Багдаде все спокойно? – на пульт ввалились Вася и Егорыч.

– А чегой-то вы затеваете? – поинтересовался Вася. Я хотел было ответить, что это не его забота, но Татьяна дернула меня за рукав.

– Петрович, амперметр почти на нуле, а по моим прикидкам качать еще и качать.

У меня даже засосало под ложечкой.

– Вася, Егорыч, берите мерную веревку и наверх. Замерьте, сколько зерна в стотринадцатом.

– Петрович, я только что восемь вагонов выгрузил, дай хоть погреться, – занял Егорыч.

– А один я не пойду, боюсь, – ухмыльнулся Вася.

– Я могу пойти, – вызвался Леша.

– Спасибо, но Вася и один справится. Не так ли, Вася? Или может мне вспомнить кое что? Пятьдесят процентов от новой премии это очень солидно!

Вася что-то проворчал сквозь зубы, но в конце концов все же взял черно-белую веревку с отвесом и вышел. Прошло десять долгих минут и зазвонил пультовой телефон. Я схватил трубку.

– Ну что?

– Командир, ты уж извини, – послышался в рубке нагловатый голос Васи, – но я упустил веревку, так уж получилось. Нет, нет не совсем, она за датчик зацепилась. Если найдешь палку метра полтора, достанем.

– Тебе бы такой палкой по заднице! – Я швырнул трубку на рычаг и схватив швабру вылетел за дверь. «Железный» лифт был занят и я кинулся к «деревянному». Кабина была на месте, вот я уже отсчитываю этажи, приплясывая на месте от нетерпения. Второй, третий... седьмой. Пролет от седьмого до восьмого этажа был метров пятнадцать и когда я проехал почти половину, лифт вдруг встал.

– Черт!

Я без всякого успеха открыл и закрыл двери, перенажимал все кнопки, начиная со «стопа» и в конце концов схватил телефонную трубку. Телефон молчал! Проклятие, я заскрежетал зубами от злости, как вдруг мне показалось, что на крышу ка-

бины что-то упало. А потом потянуло дымом! Я снова схватился за кнопки и так же безуспешно. Дым, между тем, начал постепенно заполнять кабину, становилось трудно дышать. Как на картине Репина «Приплыли». Хорошо им там, в боевиках, либо в потолке, либо в полу кабины непременно найдется люк через который можно выбраться. А вот как быть, если ничего такого просто не предусмотрено конструкцией?

Я сбросил с плеча ремень ножен и вынул меч – вот он, путь к спасению! Просто удивительно, какие силы пробуждаются в человеке, когда жизнь загоняет тебя в угол. Через пару минут в нижней части стенки кабины была готова вполне приличная дыра, в которую я мог протиснуться. Я выглянул и посмотрел вниз. Захватило дух, высота не менее сорока метров. Но делать было нечего, хоть я и боюсь высоты до смерти, а в кабине уже просто нечем было дышать. Я закинул меч в ножнах за спину и стал протискиваться в дыру. Ухватившись за направляющую кабины, я соскользнул по ней, едва не сорвавшись из-за смазки, до седьмого этажа. Возле двери я прочно утвердился на поперечине, крепящей направляющую к стене. Оттянув ролик автоматического замка, я повернул ручку и распахнул дверь шахты. Последнее усилие и я на этаже. Грязный как черт от смазки, покрывавшей направляющую, но зато целый и невредимый. Немного отдышавшись я бросился вверх по лестнице. На восьмом этаже я сорвал со стены огнетушитель и разрядил его через сетку двери прямо в шахту. Следом второй. Из шахты повалил густой дым. А когда я добавил туда третий и четвертый огнетушители, то и он прекратился. Я вытер с лица, вернее попытался вытереть, пот и копоть, и тихо вошел на этаж.

Вася стоял возле открытой крышки силоса и развлекался тем, что плевал вниз. Я подкрался и хлопнул его по плечу. Он обернулся, увидел меня и взмахнув руками отпрянул назад, едва не сорвавшись в силос.

– Что это с тобой, Вася?

– Да ничего, ты бы, Петрович в зеркало на себя посмотрел, тогда бы не спрашивал!

– А что случилось-то? – несколько запоздало, как мне показалось, спросил Вася.

– Лифт сгорел, вот что!

– Дану?

Я пристально смотрел Васе прямо в глаза, фиксируя реакцию, но увы, ничего подозрительного не заметил.

– Так тушить же надо! – спохватился он.

– Уже потушил. Где веревка?
– Вот, на датчике висит. А чем цеплять-то? Ты привез?
– Чем цеплять?! – взорвался я, – да тут рукой достать можно!

– Давай, попробуй, а я греметь вниз не хочу!
– Не велика потеря бы была, – бросил я, обнажая меч.
– Доставай, – я протянул Васе, совершенно пораженному моим маневром, ножны.

Мы сделали замер уровня зерна. Оставалось почти треть бункера. И все же зерно не шло, и я догадывался, нет, знал, что ему мешает. Там, под пятнадцатиметровой толщиной зерна было погребено тело Сергея Рахова.

Вася отправился на пульт, а я зашел на подсиловный этаж. Не слабая нам предстояла работа! Резать двадцатимиллиметровую сталь на высоте пять метров. Я пошел обратно и чисто машинально завернул к причальной галерее. Засов был открыт! Пора встречать гостя. Зайдя в электромастерскую, я взял у Алексея фонарь, защитные очки и кусок изоленды. По дороге прихватил небольшой чурбачок, который давно приготовил для этого случая, и кусок жести.

– Татьяна, я в причальной галерее, неподалеку от телефона, если что, звони туда. Но только в крайнем случае! Если через час не вернусь, ищите меня там.

– А что случилось? – глаза ее были как полтинники.

– Потом скажу, но возможно сегодня мы кое что выясним насчет исчезновений.

Я выскочил за дверь и побежал к галерее. Остановившись возле двери, я выровнял дыхание. Потом потянул на себя дверь, она мягко повернулась, стукнувшись о стену, а я прижался к косяку возле транспортера и прислушался. Тихо, только шорох крысиной возни. Я прошел метров пятнадцать и неподалеку от телефона, там где транспортерная рама немного поднималась, стал готовить позицию. На проходе, метрах в трех перед собой, я положил кусок жести, пистолет примотал изолендой к транспортерной стойке так, чтобы его ствол был направлен на уровень лица человека, если бы этот человек стоял на моей жестянке. Обнаженный меч положил под левую руку, очки нацепил на лоб и залез под транспортер. Сидеть пришлось согнувшись в три погибели, на чурбаке, но игра стоила свеч. Я погасил фонарь, выключил предохранитель пукалки и замер. Через некоторое время крысы привыкли к моему присутствию, притом же, что я сидел не шевелясь, и стали заниматься своими

дедами, не обращая на меня внимания. Отлично, наверняка они услышат гостя раньше меня. Не знаю сколько я сидел так, борясь с темнотой и досадуя на весьма чувствительный сквозняк, холодивший мне щиколотки и норовивший залезть под телогрейку прямо к пояснице. Мне показалось, что не меньше часа, как вдруг возня прекратилась, а спустя пару минут и я услышал шаги! Я опустил защитные очки на глаза, нащупал правой рукой рукоять пистолета, левой меч и замер. Неуверенные шаги идущего на ощупь человека слышались все ближе. И вот под ногами незнакомца загремела моя жестянка. Я задержал дыхание и трижды нажал на спуск. Хлопнули выстрелы, послышался надсадный кашель и шорох сползающего по стене тела. Есть! Я включил фонарь и с мечом в руке выскочил из-под транспортера. Мгновение и я приставил острое к груди сидящего у стены врага! Сквозняк довольно быстро унес облако газа в сторону причала и я смог сказать с торжеством в голосе:

– Если шевельнешься – ты покойник!

Он не ответил, был слишком занят – пытался дышать в перерывах между приступами кашля. Выглядел мой противник весьма плачевно – шапка съехала на лоб, а на телогрейку в три ручья текли сопли и слезы. Я быстро ощупал его карманы и с торжеством вытащил пистолет! Газовый, такой же как у меня... И фигура врага вдруг показалась мне знакомой.

– Вася, – протянул я разочарованно, опуская меч. – Какого черта ты здесь делаешь?!

– А ты? – нахально поинтересовался он в промежутках между приступами кашля.

– Тебя ищут! Где тебя нечистая сила носит? Уже целый час найти не можем!

– Какой час? – возмутился Вася, поднимаясь на ноги, – еще и тридцати пяти минут не прошло. Понимаешь, командир, баба у меня здесь живет, только ты, никому.

– Где здесь, в галерее, что ли?

– Зачем в галерее, ее дом аккурат напротив аварийного выхода.

– И именно сейчас тебе загорелось?

– Да причем тут загорелось, – махнул рукой Вася, вытирая слезы. – Ее мужик на мельнице работает, и как раз в нашу смену, так что другого времени у нас и нет.

– Ладно, дон Жуан, – я протянул Васе его пукалку, – пошли на пульт. А об этом инциденте мы, наверное, умолчим?

– Само собой.

Мы вышли из галереи, я захлопнул дверь и задвинул засов.

– Наконец-то! – встретила нас оператор.

– Вася, на девятом вторая труба не идет. Редуктор заклинило.

– А электрик... – начал было Вася.

– Да там они с Егорычем, иначе откуда я про редуктор знаю. Давай быстрее.

Вася вытащил из-под стола жестяной чемоданчик с инструментами и вышел.

– Хочешь чаю? Только что вскипел.

– Не откажусь!

Выпить чашку горячего чая после получасового холодного сидения было просто блаженством!

– Пойду верну Алексею его вещички, – я кивнул на фонарь и очки.

Не знаю почему, ведь я только что закрыл засов своими руками, я завернул к причальной галерее. И засов был открыт! Вот это номер, стало быть галереей пользуется не только Вася! Или он опять смылся? Я быстро вернулся на пульт.

– Татьяна, позвони-ка на девятый.

Через пару минут трубку взяли, ответил сам Вася.

– Ну что там?

– Червяк развалился, буду ставить новый.

– Хорошо, – я положил трубку. Значит, не Вася. Риск новой засады возрос многократно, но я знал, что все равно не откажусь от своей затеи.

– Татьяна, я в галерею, попытаю еще счастья.

Посмотрев на часы, было около половины первого, я взял пару сладких сухариков из своего обеда, фонарь, очки и отправился на «пост».

Я занял прежнюю позицию, примотал пистолет, положил сухари рядом с жестяной и выключил свет. Как только свет погас, началось валтасарово пиршество. Крысы вовсю хрустели неожиданным угощением, пищали и возились. Превосходно, теперь то уж они долго отсюда не уйдут, ожидая, не обломится ли чего еще. А лучше сторожей не найдешь. Прошло, наверное не больше пятнадцати минут и крысы замерли как по команде, а потом кинулись врассыпную. Какой-то крысенок с размаху налетел на мой каблук, жалобно пискнул и замер, прижавшись к ботинку. Вскоре и я услышал тихие шаги. Ну уж теперь то в мой капкан угодит настоящая дичь! Я нащупал рукоятку пистолета, взял меч и замер, прислушиваясь. Кажется дичь оказа-

лась слишком велика для капкана, судя по звуку шагов по галерее шло по меньшей мере трое, а то и четверо! Я стал потихоньку отодвигаться поглубже под транспортер и неосторожно задел мечом стойку. Совсем слегка, но этого оказалось достаточно – шаги смолкли! Я разом покрылся горячей испариной, похоже, следующий кандидат в исчезновенцы – я. Мысли лихорадочно забегали в поисках выхода. Вот, то что надо! Я опустил руку к ботинку, шаря по полу и стараясь делать это как можно более тихо. Пальцы почти сразу наткнулись на крысиный хвост и я резко надавил на него и тут же отдернул руку. Обиженный крысачок жалобно пискнув, метнулся в сторону. После минуты ожидания, показавшейся мне вечностью, шаги возобновились. Сработало! Три раза звякнула моя жестянка, значит, их все-таки трое, через некоторое время хлопнула дверь и наступила тишина. С трудом переведя дух, я выбрался из-под транспортера, отмотал пистолет, и держа в левой руке не зажженный фонарь, а в правой, у груди, меч, на ощупь двинулся к выходу. Я осторожно открыл дверь и прислушался – тишина, если не считать, конечно, шума работающего оборудования. Я шагнул за порог, а в следующий момент правую сторону шеи что-то обожгло и о лезвие меча звякнул нож! Не успев даже испугаться, я рубанул стоявшего слева убийцу по голове. Кровь залила ему лицо и больше наверное от неожиданности, чем от силы удара, он упал на транспортер. Я мгновенно перевернул меч в руке острием вниз, бросив фонарь освободил левую руку, и когда неизвестный, извернувшись, попытался воткнуть мне нож в живот, перехватил меч двумя руками, и изо всей силы всадил лезвие ему в грудь! Меч вошел между ребрами, вышел под лопаткой и воткнулся в транспортерную ленту. Ноги неудавшегося убийцы заскребли по полу, тело сотрясла крупная дрожь. Он попытался приподнять голову и что-то сказать, но на его губах выступила только кровавая пена. Тело дернулось, вдруг разом расслабилось и замерло. Конечно, я прижался к стене и замер, прислушиваясь. Все спокойно. Я потрогал рану на шее, царапина, хоть и обильно кровоточащая, мой неказистый меч второй раз спас мне жизнь. Надо было заняться покойником. Он был одет в серо-синий теплый комбинезон, черную шерстяную шапочку, короткие черные сапоги на мягкой подошве и черные перчатки. В карманах не обнаружилось ничего интересного – ключи, в том числе и от машины и разная мелочь. Зато под комбинезоном с левой стороны висела кобура с великолепным Зауэром тридцать восьмого калибра. С правой

стороны кобуру уравнивал подсумок с патронами. На воротнике комбинезона был прикреплен уоки-токи японского производства. Великолепие револьвера несколько портил грубо сработанный глушитель с резиновой мембраной, здорово смахивающий на самоделку. Я выдвинул барабан, все шесть патронов были на месте. В армии я показывал весьма посредственные, если не сказать больше, результаты при стрельбе из ПМ, притом что из автомата стрелял только на отлично. Правда, я относил свои неудачи в основном на счет короткого ствола ПМ, и вообще его полной непригодности для армии. Так что уж из Зауэра, который прямо просился в руки, не промахнусь. Я выгреб и рассовал по карманам патроны. Выдернув меч, я тщательно вытер его о комбинезон покойника и спрятал в ножны. Вдруг замигал светодиод на уоки-токи. Черт! Ответить было, пожалуй, так же опасно, как и не отвечать – и позывных я не знаю, и голос не тот. Я схватил револьвер, лихорадочно прикидывая, где могут быть два остальных бандита. Вряд ли они уехали наверх без третьего, скорее всего ждут где-то здесь, внизу. У лифтов слишком светло и там сравнительно часто ходят люди. А вот подсилосный этаж совсем другое дело. Я медленно двинулся вперед, держа револьвер двумя руками перед собой. Дойдя до колонны я остановился и взял на прицел лестницу, ведущую на пол-этажа вверх, на подсилос. Долго ждать не пришлось. С лестницы выползла тень убийцы, отбрасываемая горячей как раз над лестницей, хвала электрикам! яркой лампой. Я поднял револьвер на уровень глаз и затаил дыхание. Мне никогда раньше не приходилось стрелять с глушителем и сейчас его непривычная тяжесть на конце ствола здорово мешала. Да еще некстати лезли в голову мысли, как пристрелян револьвер, по центру или под обрез и сильно ли сказывается применение глушителя на баллистике пули. Как будто это имело значение для каких-то пятнадцати метров, с которых я буду вести огонь! Тень стала гуще, и вот показался ее хозяин, в серо-синем комбинезоне и с пушкой, тоже с глушителем, в руке. Он заметил меня и его пистолет дернулся в мою сторону. Я нажал на спуск.

Послышался легкий хлопок, а результат превзошел все мои самые смелые ожидания! Пуля попала именно туда, куда я и целился – в левую половину груди, моего противника развернуло и отбросило назад на лестницу. Я осторожно подошел, держа синий комбинезон на прицеле. Подобрал и, поставив на предохранитель, сунул в карман Вальтер военного образца,

выпавший из руки террориста. Потом я попытался нащупать пульс на его шее. Пульса не было. Это пожалуй и к лучшему, где-то здесь есть ведь еще один. Вероятно, и он затаился где-то в подсилосе. Но выйти на подсилосный этаж, где горело только дежурное освещение с хорошо освещенной лестницы, без всякой подготовки или отвлечения противника было вряд ли разумно. Да еще к тому же, Татьяна остановила оборудование – обед, черт бы его побрал, и наступила такая тишина, что, кажется крыса чихнет – услышишь.

Я стащил с убитого его черную шапочку и надел взамен свою, светло-серую. Затем взял труп под мышки, стараясь не испачкаться в крови, и приподнял его голову над последней ступенькой, слегка поворачивая из стороны в сторону. Словно человек изо всех сил приглядывается и прислушивается. Не прошло и полминуты, как тело дернулось у меня в руках, а на плечо брызнула кровь и частицы мозга из простреленной насквозь головы покойника. Я отбросил труп и прыгнул вперед и вверх, и успел добежать до колонны, прежде чем маня взяли на мушку. А любопытно, что же у него за пушка, что он так прошил голову? Я вытащил из кармана четыре патрона и бросил их вправо, целясь в вентилятор. Как только патроны загремели по железу, я засек в глубине этажа слабый хлопок. Отлично, он засек за центральным рядом колонн. Я взял левее и переходя от колонны к колонне потихоньку стал продвигаться в сторону предполагаемой позиции противника, заходя ему во фланг. Продвигаясь, я выбрал подходящее место и снова швырнул пару патронов все в тот же вентилятор, вызвав еще один выстрел и уточнив местонахождение цели.

В общем, все оказалось гораздо проще, чем я ожидал. За седьмой по центру колонной я обнаружил последнего террориста. Он стоял на коленях, опираясь на какой-то тюк и лихорадочно нажимал переключатели на своей рации. Наверное поэтому бдительность его была весьма относительной, и я смог взять его на прицел без особых хлопот. Прикинув, что лучше – стрелять на поражение или попытаться взять его живьем, я остановился на втором варианте и взвезда курок гаркнул:

– Не двигаться! Бросай оружие!

Террорист повернулся с похвальной быстротой, наводя на меня пушку. И так как весь его вид недвусмысленно говорил, что следовать моим советам он не намерен, мне не оставалось ничего другого, как прицелившись ему в бедро, спустить курок. Удар пули бросил его на пол, закрутив волчком. В падении тер-

рорист выронил оружие, и я со всей возможной скоростью бросился вперед, чтобы помешать ему поднять пистолет. Мне пришлось перепрыгивать через транспортер, приземляясь я споткнулся и эта задержка едва не стоила мне головы. Террорист успел таки дотянуться до пистолета и я буквально в последний момент, в прыжке, выбил его оружие ногой. Пистолет вылетел из его руки и исчез в темноте. Я взял его на прицел.

– Все, отстрелялся!

Приставив револьвер к голове террориста, я опустил на корточки и обыскал его. Ничего интересного, кроме большого ножа, который я отбросил подальше, я не обнаружил. Раненый держался молодцом – пуля не задела кость, но тем не менее выходное отверстие в его бедре было величиной с железный рубль и боль он, должно быть, испытывал адскую. Используя в качестве жгута шарф, я перетянул ему ногу, в место тампона подложил его шапку. Поднявшись я отошел в сторону.

– Ну а теперь, расскажи мне все!

– Что это все? – прикинулся дурачком террорист.

– Все это все, – я слегка пнул его в раненую ногу, и он скривился от боли. Конечно мне было противно прибегать к таким методам, но с другой стороны на их руках была кровь трех человек. – Так как?

– Спрашивай, – после недолгого молчания выдавил из себя террорист.

– Вопрос первый. Для чего вы это делаете? Какова конечная цель?

– Что это? Какая цель? – недоуменно переспросил он.

– Хорошо, – я выдвинул барабан и выбросил в ладонь стреляные гильзы и патроны.

– Шесть на одного это несправедливо. Пусть будет один на одного, дам тебе шанс подумать.

Я внимательно наблюдал за его лицом, но увы, никакой реакции не заметил.

– Отличная вещь! – я покрутил один из патронов в пальцах, – полуоболочечная пуля, усиленный заряд. Как бедро, болит?

Террорист скрипнул зубами в ответ.

– Так вот, если я не получу ответов на вопросы, то мы с тобой сыграем в гусарскую рулетку. Первой целью будет левое колено, затем правое, и так далее. Будет очень больно, но когда мы дойдем до локтей, ты, я думаю, расскажешь все.

– Впрочем нет, что я садист, что ли! Если не поможет колено, следующей целью будет живот. Умирать будешь долго, особенно, если успеет приехать «скорая».

Я вложил «патрон» в гнездо, крутанул барабан, захлопнул его в корпус и, взведя курок, взял на прицел колено террориста.

– Итак?

– Пошел ты... – прохрипел он в ответ, но на его лбу, несмотря на холод, выступили капельки пота.

– Как хочешь, – щелкнул боек и террорист с облегчением перевел дух. Еще бы, он-то ведь не знал, что в барабане вместо патрона тридцать восьмого калибра всего лишь стреляная гильза.

– Пока повезло, – я снова взвел курок и перевел ствол на его живот.

– Интересно, повезет ли тебе на этот раз!

Снова щелкнул боек.

– Да ты не то что в сорочке, в дубленке родился, – ухмыльнулся я, взводя курок в третий раз.

– Довольно, – подал голос террорист, – я все расскажу. Только как бы тебе не пожалеть об этом!

– Ничего, как-нибудь. Валяй, рассказывай.

– Как тебе наверное известно, есть определенные политические силы желающие добиться отставки Президента.

Я неторопливо качнул стволом револьвера.

– Тоже мне новость.

– И недавно эти силы приняли решение всеми возможными способами ускорить этот процесс.

– Пока не вижу связи.

– Терпение. Значительно способствовать ускорению этого процесса можно было бы, дестабилизировав обстановку в столице и вызвав недовольство москвичей деятельностью, или бездеятельностью, правительства. Как российского так и московского, а следовательно и Президента. Самый простой способ добиться этого...

– Это оставить жителей столицы без хлеба! – dokonчил я за него.

– Именно. Ваш комбинат делает более половины московской муки. Два других московских комбината на ремонте. Вы сейчас всего на четверть снизили производительность и что творится в булочных. Так что...

– Ерунда! – перебил я его, – муку можно подвезти из других городов.

– Это не совсем так. В радиусе пятисот километров, как минимум, нет комбинатов, где можно было бы набрать необходимое количество. А парализовать железную дорогу не так уж и сложно, и совсем необязательно для этого даже подрывать колею.

– Можно машинами...

– Не смеши, – в свою очередь перебил меня террорист, – за шестьсот километров такого количества не навозишь. Да и есть определенные возможности воздействовать и на автотранспорт...

– Нет, что-то тут не сходится, – опять перебил я его, – зачем тогда эти исчезновения? Почему бы просто не взорвать нас?

– Ну нет. Тогда московское и российское правительство выступили бы в роли борцов с терроризмом. И уж если не вызовут к себе симпатии, то по крайней мере не вызовут своими действиями и недовольства. К тому же мы бы дали властям отличный повод придавить оппозицию.

Совсем другое дело, когда два предприятия стоят на ремонте, а третье, вполне работоспособное, не может обеспечить москвичей мукой для хлеба! Неважно по каким причинам, при умелой подаче в прессе... Тогда о-го-го, что можно сделать! К тому же наши действия это всего лишь одно из звеньев цепи.

Во всем этом была определенная омерзительная, но беспощадная логика.

– Великая цель оправдывает великие средства, а тут какие-то несколько человечков, – мой палец напрягся на спусковом крючке.

– И ради ваших грязных делишек и потребовались эти убийства, эти лужи крови, весь этот ужас!

– Мы всего лишь выполняли приказ, – забеспокоился террорист, – тут ничего личного.

– Чего, чего? Приказ!? Ты что, хочешь сказать, что вы из МВД, МБ или еще откуда?

– Именно, и лучше убери пушку. Мы из группы Гамма, Министерство безопасности России. Так что лучше давай-ка дуй к телефону и звони на Лубянку, дежурному по министерству. И поторапливайся, если хочешь...

– Заткнись, мразь! – я снова навел револьвер на его брюхо. – Если бы вы были из МБ, я был бы давным-давно покойником. Да и ваши глушители доверия не внушают. А может у тебя документ какой имеется?

– На задание документы...

– Понятно, не выдаются. Даже если бы я тебе и поверил, это не имело бы значения – вы убийцы! А потому продолжи нашу беседу. Где тела погибших?

– Ты уже и сам догадался, в силосах, конечно.

– А почему собаки ничего не обнаружили и так странно себя вели?

– Это просто, – ухмыльнулся террорист.

– После того, как сходила кровь, мы прятали тело в пластиковый мешок и бросали в силос. А место обрабатывали свежей шкурой белого медведя. Видишь тюк? А его запаха и лайки зачастую боятся, что уж говорить о городских собаках, хотя бы и розыскных.

– Ясно, – вот значит, чью шерсть я находил. Последний вопрос. И не юли, если хочешь жить. Кто на элеваторе?

– Этого ты не узнаешь!

– Не корчи из себя героя. Ты всего лишь смрадный ублюдок, наемный убийца! Так что давай, колись! – и я качнул револьвером. – С каждым поворотом барабана твои шансы падают!

Террорист помолчал, раздумывая.

– А, да ладно. Это Вася.

– Вася?! Значит, все же он!

– Ага, я! Не шевелись, командир, а то прострочу! – послышалось у меня за спиной. – И все то ты хочешь знать, командир. Не спроси ты про меня, может быть и остался бы в живых. А теперь извини. Брось пушку! и не беспокойся, в случае чего я не промахнусь!

Я бросил револьвер и скосил глаза вправо. В руках у Васи был не какой-нибудь там ПМ или Вальтер, а АПС! Курок на боевом взводе, переводчик в положении «АВТ» – шансов никаких.

– Отлично, теперь Вальтер. За ствол и медленно, очень медленно!

Я положил пистолет. Вася слегка расслабился.

– Жаль не удалось сжечь тебя в лифте, а как было бы хорошо! Записали бы в акте: «Возгорание пыли, скопившейся на крыше кабины лифта, приведшее к несчастному случаю, произошло в следствии неисправности контактов СПК...». А может в результате самовозгорания с магнитной отводки, неважно. И все. Никаких хлопот и можно продолжать дальше. Но ты вывернулся!

– Говорил ведь вам, – обратился Вася к раненому, – начинать надо с него! Слишком умен, а значит, опасен. Как говорил Шопенгауэр: «Мозг человека оружие более страшное, чем когти льва». Но вы же не слушаете хороших советов, вы сами с усами, умники!

– А теперь все, дело закрыто. – Вася перевел пистолет на террориста. Я незаметно отодвинул левую руку назад и взялся за конец висящих за спиной ножен.

– Подожди, Вася...

– Нечего ждать, лучшего ты, козел, и не заслуживаешь...

Вася не договорил. Я прыгнул в его сторону, выхватывая из-за плеча меч. Уже в прыжке мне стало ясно, что конечно я не ниндзя и опередить Васю, похоже, не успею. Но выбора то все равно не было, это был последний шанс. Лицо Васи перекосила ухмылка, и он нажал на спусковой крючок. Но эта ухмылка сменилась недоуменной гримасой, когда боек громко стукнул по капсулю, а выстрела не последовало! Осечка! Я перехватил меч двумя руками и вкладывая в удар скорость броска, тяжесть тела и придавая клинку дополнительное ускорение левой рукой, смещая на себя нижнюю часть рукоятки обрушил меч на плечо Васи! Клинок легко разрубил телогрейку и углубился дальше почти до пояса! Я выдернул меч и тело Васи тяжело рухнуло на бетонный пол.

Не знаю, что заставило меня оглянуться, но оглянувшись, я увидел, что раненый террорист уже дотянулся до брошенного мною Вальтера! Я круто развернулся, занося меч, и когда большой палец правой руки террориста сдвинул предохранитель, он был уже большим пальцем покойника, а голова его покатилась по полу.

– Отличная работа! – послышалось справа-сзади и из-за колонны вышли два человека в черном. Черные комбинезоны, черные шлем-маски с прорезями для глаз, черная обувь и черные перчатки. Ни дать ни взять настоящие ниндзя! Вот только в руках у каждого вместо меча был короткоствольный Хехлер-Кох с лазерным прицелом. Интуиция подсказала мне, что хвататься за оружие нет необходимости, и я спокойно ждал их приближения.

– Капитан Кольцов, спецназ МВД России, группа «Витязь», – представился первый.

– Сержант Глушко, – слегка поклонился второй.

– Спецназ? – растерялся я, – так что же, значит, вы все знали?

– Не все – Вася, правда был у нас на подозрении, но что касается остального... Словом мы знали слишком мало, что бы действовать, но вполне достаточно, что бы поставить ловушку. Уход ОМОНа – приманка, ну а мы – капкан.

– И никто об этом не знал?

– Только директор.

– И вы что же, здесь с первого дня, как ушел ОМОН, а мы вас даже не заметили.

– Мы же все таки спецназ.

– Сержант, – обратился капитан ко второму «ниндзя», – а с вас ящик шампанского. Семьдесят пять процентов безвозвратных потерь противника от холодного оружия.

– Подождите, – перебил я их, – так что же вы следили за каждым моим шагом?

– Не только за тобой, за всеми. А тебя еще и подстраховывали. Но ты отлично справился со всем в одиночку.

– Но если так, то почему вы не остановили меня?

– А зачем? – ухмыльнулся, судя по голосу, капитан.

– Так даже лучше. Наши фотографии все равно бы не появились в газетах. А из тебя сделают героя, и как не банально и пошло это звучит, страна сейчас действительно нуждается в героях!

– Какой я герой.

– Самый настоящий!

– А сержант тем временем наклонился над Васиным телом и вынул из его руки АПС. Он ловко извлек магазин, передернув затвор выбросил несработавший патрон из ствола, ловко поймал его на лету и так же спрятал себе в карман. Затем он достал другой магазин, вставил его взамен вынутого, снова передернул затвор и вложив АПС в руку Васи дал короткую очередь!

Должно быть на мое лицо было жалко смотреть, потому что капитан ободряюще похлопал меня по плечу:

– Не надо огорчаться, ты сделал все сам, мы просто чуть-чуть помогли и все. Ладно, счастливо. Не забудь перевязаться и звони на Петровку.

И когда я повернулся, что бы уйти, неожиданно добавил:

– Надумаешь сменить работу, приходи. Вакансия найдется!

Объединенная редакция журналов
"Приключения, Фантастика", "Галактика", "Метагалактика",
газеты "Голос Вселенной"
и издательство "Метагалактика" объявляют конкурс

МИРЫ ЮРИЯ ПЕТУХОВА

I раздел

Конкурс на лучшие цветные и черно-белые иллюстрации к произведениям писателя Юрия Петухова "Звездная месть", "Бойня", "Сатанинское зелье", "Западня", "Измена", "Дорогами богов" и др., включая публицистику.

Конкурс проводится по трем группам участников:

1. Профессиональные художники, графики.
2. Художники-любители.
3. Дети до 15 лет (здесь потребуется помощь родителей, учителей, воспитателей, работников библиотек, кружков, студии и школ художественного творчества).

II раздел

Конкурс литературно-критических рецензий на произведения писателя (или одно выборочное произведение).

Количество работ, их формат, техника исполнения не регламентируются и не ограничиваются.

По результатам конкурса для каждой группы установлены призы и денежные премии. Конкурсные работы будут публиковаться в ваших изданиях и альбомах.

Конкурс рассчитан на 5 лет. Подведение итогов, определение победителей и выдача премий – каждые полгода: на 1 января и 1 июля каждого текущего года.

Внимание! В школы, детские дома, интернаты, колонии, гарнизоны, студии необходимые для конкурсных работ книги и журналы высылаются бесплатно по заявкам.

**Адрес для высылки конкурсных работ:
111123. Москва, а/я 40. "Конкурс"**

Москвичи могут сами сдать свои работы по адресам:
– Долгоруковская, 39 (киоск журнала ПФ у троллейбусной остановки напротив метро Новослободская);
– Рязанский пр., 82/5 (м. Выхино, одна остановка на автобусе, 417 отд.связи, со двора).

Виктор Потанин

Мой муж был летчик-испытатель

Повесть

В нашем городе создан телефон доверия. Он действует при психологическом центре кооператива «Лада». Кооператив курирует областное педагогическое общество. Среди наших консультантов – лучшие научные медицинские силы. В ударном штабе кооператива – два доктора наук и пять кандидатов. Для удобства даем номера телефонов дежурных психологов: 2-73-70 и 2-05-97. Предупреждаем, что телефоны часто бывают заняты. Но наберитесь терпения – телефон доверия работает круглосуточно.

Рекламное объявление

– У меня бессонница, мучают страхи. А таблетки не помогают. Иногда от досады я их топчу ногами. И все время – страшно, невыносимо, как будто рядом идет война и тебе жить осталось неделю, от силы месяц. Порой закроешь глаза, и кажется, что валишься в пропасть, а в голове такой грохот, точно работает артиллерия. Но это всего лишь машины. Они шумят под моим окном, и это – мое наказание... Но особенно плохо утрами, тело как будто ватное или, точнее сказать, соломенное. Я уверен, что, если в него запустить иголку, я ее не услышу. Зато сердце болит, как нарыв, а иногда совсем останавливается. А потом вдруг делает сильный разбег и начинает биться в

грудную клетку. От этих ударов вздрагивает все тело, и я чувствую, что внутри у меня все замерзает. Кстати, за последние два месяца я похудел на семь килограммов.

– Повторите, на сколько?

– На семь килограммов. И совершенно нет аппетита. Через силу съедаю несколько ложек супа...

– Простите, когда у вас все это появилось? Ну, бессонница, сердце?..

– В самом разгаре лета. Я приехал тогда в деревню. У меня был отпуск, и я решил навестить родные места. Вот и навещил, на свою голову...

– Можете говорить конкретнее?.. Вначале скажите, кто вы по профессии? Ну и, конечно, имя, фамилия, возраст. У нас заведена картотека, и я обязан ее заполнить хотя бы в общих чертах... А потом все-таки вспомните, с чего начинались ваши болезни. Какой-то скандал, то есть конфликт, стрессовая ситуация?.. Может, была нечаянная встреча, а после этого – шок? Знаете, случается так, как выстрел из-за угла. Только говорите, пожалуйста, помедленней, у нас нет пока стенографистки и параллельного телефона. Но это пусть вас не смущает. А теперь давайте знакомиться. Меня зовут Николаев Николай Николаевич. Я чувствую: вы улыбаетесь, но я сказал правду – в моем роду все Николаи. А псевдонимов я не люблю, потому что никогда не прячу своих убеждений... Кстати, у меня есть и ученая степень. Я – кандидат педагогических наук, в свое время пришлось изрядно позаниматься прикладной психологией. Два года работал в кабинете анопатологии областной больницы, вот так... Впрочем, все эти сведения вовсе не обязательны. Но я люблю открытость и, прежде чем проконсультировать клиента, хочу, чтобы он мне доверял. Итак, я жду. Мой первый вопрос был о вашей профессии...

И в это время в трубке раздались короткие гудки. Кто-то нас разъединил. Но все равно – начало сделано... Я расстегнул ворот рубашки, мне стало жарко. Видимо, и на улице было знойно, – я это чувствовал по сухому шуршанию автомобильных шин и по той позе, в которой стояли деревья. Они все сторбились и прижались друг к другу. Моя квартира расположена на втором этаже, и я живу как в деревне. Только выйдешь на балкон, а рядом деревья, трава, цветочные клумбы. И вот сейчас я опять заспешил на балкон, но остановился на полдороге, – меня что-то тревожило и хотелось действовать... И тогда я позвонил снова. В телефонной трубке зашелестело, как будто

рассыпался песочек, – я сразу догадался, что это магнитофонная пленка. У них, видимо, такой порядок: вначале идет эта пленка, а потом уж берет трубку дежурный психоаналитик. И вот заговорила пленка: «...есть вопросы, которые абсолютно успешно решаются по телефону. Сюда следует отнести такие ситуации, когда клиент сам хорошо понимает существо и причины своих затруднений и осознает примерную программу действий. Ему просто нужен собеседник, общение с которым укрепляет веру в собственной правоте. Итак, мы ваши слуги и верные помощники...» Потом раздалась танцевальная музыка – «Старое танго» Оскара Строка. И сразу же, почти синхронно, на фоне этих прекрасных звуков возник знакомый голос Николая Николаевича:

– Телефон доверия слушает!

– Это снова я, Николай Николаевич, – сказал я дрогнувшим голосом. И он тоже меня узнал:

– Ну куда ж вы пропали? Может, нас кто-то разъединил? Случается. Но не будем терять ни минуты. Я чувствую, что у вас очень серьезный случай, если пришлось даже похудеть. – Он хихикнул, и мне это совсем не понравилось, но я решил идти до конца:

– Записывайте, Николай Николаевич. По профессии я учитель, то есть бывший учитель, сейчас же – бумажный червячок. Тружусь референтом в обществе «Знание». Так что – заурядность, ничего интересного...

– Простите, я не расслышал? Вы сказали свою фамилию – Заурядное? Я не ослышался?

– Конечно, ослышались. Моя фамилия Савушкин. Владимир Иванович. Можете просто называть Владимир. Мне всего тридцать пять лет. Женат и был счастлив, но жена однажды от меня уходила. Нет, не развод, а по причине бедности. Мы жили на частной квартире, а потом нам дали комнату в общежитии, – это когда родился мой Коля. И у нас сразу же начались ссоры, выяснения отношений. Русский человек всегда и погибает от разных там выяснений...

– Не надо ничего комментировать, – прервала меня телефонная трубка. – Это мешает мне думать и принимать решения. Так что постарайтесь излагать только факты в их последовательности.

– Хорошо. Но я не хотел вас обидеть, – сказал я тихим и, наверное, подавленным голосом. И сразу же возникло искушение бросить телефонную трубку, но что-то меня удержало, да и

Николай Николаевич уже приказал: продолжайте, не останавливайтесь.

– А что продолжать? Сынишка стал подрастать, и вскоре нам удалось получить квартиру. Восемнадцать квадратов, но зато отдельно... Жена моя успокоилась, и теперь у нас дружно. Мне даже кажется, что у жены все еще ко мне что-то осталось. Она, кстати, тоже учительница. Но, наверное, это к делу не относится...

– Нет, продолжайте. К тому же дела вашего я все еще не знаю. И еще. Вы никогда не были под судом? – В трубке раздавалось нетерпеливое покашливание, и я заговорил быстрее, стараясь заглушить этот посторонний и отвлекающий звук.

– Под судом я не был, даже не был под следствием. Все это, видимо, впереди. – Я вздумал пошутить, но Николай Николаевич никак не отреагировал. И тогда я сразу заговорил о главном:

– Дело мое, в сущности, очень простое. Это даже не дело, а жизненный случай. Я бы так его назвал, только так. А произошло это, верней, намечалось еще лет восемь назад. Каждое лето я с женой уезжал в свою деревню. Жена моя любит природу, а я уж... помните, у Бунина?..

– Не надо ничего комментировать. Иначе у нас не будет контакта.

– Хорошо, подчиняюсь. Но деревня мне очень нужна, здесь-то и произошел этот случай. Как-то я набрел у писателя Федора Абрамова...

– Нет, вы невыносимо пространны!

– Простите, простите, – залепетал я испуганным голосом. – Сейчас я буду по существу, и вы все запишете. Но все-таки опять о деревне... Вот и нынешний отпуск я пожертвовал опять на нее. Ведь там все мои пристани и душевный покой. Но нынче покоя не вышло... Я стал причиной смерти одной девушки, точнее, молодой женщины... – Я задохнулся, прервал себя, но телефон усиленно призывал:

– Продолжайте, не останавливайтесь!

– А что продолжать? Это была чудесная девушка. Но только не от мира сего. Нет, нет, даже от мира, но только она от всех отличалась. Вы понимаете, она действительно отличалась, в ней было что-то даже небесное, чистое, да, небесное, но это, наверное, смешно... Она мне чем-то напоминает ромашку, белую, нежную. Это, знаете, есть такой деревенский цветок, растет на всех пустырях, но место ему только в сердце...

– А вот это к делу не относится, – предупредила телефонная трубка. – Все эти незабудки, ромашки, сердца... какая-то иллюзия. Вам не кажется?

– Кажется, кажется, – ответил я с бодрой готовностью, потому что снова поднялось раздражение: я к нему с откровенностью, а он губу воротит.

– Ну вот что, – резюмировал Николай Николаевич. – Допускаю, что вы волнуетесь. Но вашего дела я до сих пор не почувствовал. Вы сказали, что стали причиной смерти. Но это же только слова, иносказание. Бывает, что клиент на себя наговаривает, выдает нам, простите, чушь. А если он с воображением, то эта чушь у него разрастается, и тогда он становится похож на того барона... Ну-ну, подскажите, у меня какой-то ранний склероз...

– Мюнхгаузена.

– Вот-вот! Но я все-таки допускаю, что вы волнуетесь. Для разрядки у меня есть еще один вопрос. Из легчайших, конечно. Назовите год, число и месяц своего рождения. Это нужно для гороскопа...

– Я родился в августе пятьдесят пятого. Сталин умер уже, так что...

– А вот про Сталина не нужно. Так какого же числа вы родились?

– Четырнадцатого августа в два часа дня. Говорят, что тогда стояла жаркая, гиблая погода. Вокруг горели леса. Это была какая-то эпидемия на пожары. И в нашей сельской больнице тоже случилась беда. Рассказывают, что больничный сторож дядя Степан растапливал в огороде баньку и заронил искру – и нету баньки. А потом огонь перекинулся на сеновал в главном корпусе, – раньше ведь в сельских больницах были выездные кони, вы слышали?..

В трубке раздался смешок:

– Кто у нас задает вопросы – вы или я?

– Вы, конечно. Так вот, загорелся сеновал, и огонь перекинулся на главное здание, – больных стали эвакуировать... И мою мать тоже отвезли домой. Вы представляете этот ужас! Она только что родила, и вдруг этот пожар, и потеря крови, и отъезд домой. Потому не мудрено, что началась грудница и мать собралась умирать. Но ее отправили в областную больницу, а меня отдали другой женщине, которая рожала вместе с матерью. И она стала как бы моей кормилицей. Даже и не как бы, а по-настоящему. У нее было много молока, и это меня

спасло. Эта женщина кормила меня несколько месяцев. Вот так, даже сейчас интересно... Я спал в кровати рядом с ее дочкой.

– Стоп! – скомандовал Николай Николаевич. – Где она живет, эта женщина, где работает, какие у нее привычки, характер?

– Не знаю... – ответил я тихо и вежливо, даже с каким-то подобострастием. Оно возникает у меня тогда, когда вижу, что становлюсь кому-то интересен.

– Очень плохо, что не знаете. Я бы из-под земли достал эту женщину, ведь она заменила вам мать. Какой вы нелюбопытный... Хотя по натуре, если сказать откровенно, независимы и честолюбивы. Разве я не прав?.. И еще вы любите властвовать, покорять и очень цените дружбу. И в дружбе, кстати, очень пылки, заносчивы. Зато очень привязаны к детям – и к чужим, и к собственным.

Он там, видимо, с ходу читал мой гороскоп.

– Вот тут вы угадали! – прервал я Николая Николаевича.

Мой голос дрогнул, как будто мелькнула какая-то опасность, – и он сразу заметил:

– Вы не волнуйтесь. Иначе мне трудно организовать с вами контакт. Начнете нервничать – и все время будете как бы ускользать от меня, отдаляться. Вспомните, как пробивается в шелку солнечный лучик – осторожненько, ощупью, как бы таясь. Разве не так? А вы пробовали когда-нибудь накрыть его ладонью? Пробовали, конечно, но он все время куда-то исчезал, куда-то проваливался, чем не игра в кошки-мышки? Вот и вы сейчас, если взволнованы, тоже будете от меня прятаться, исчезать. И я, знаете, подумал... одним словом, лучше вам отвечать на прямые вопросы... Итак, вы стали причиной чьей-то смерти? И сейчас об этом жалеете? Нет, даже мучаетесь. И на этой почве у вас болезненность, бессонница и даже уныние? – Трубка на миг затихла, и в тот же миг я представил его лицо. Наверное, он непременно в очках. И носик у него маленький, пуговкой, а глаза... Какие же у него глаза? Я на секунду задумался, а потом догадался. Ну конечно, они жидкого серого цвета и очень скользкие, никогда не смотрят на человека, а только в сторону. И щеки в красных жилках от плохой бритвы и частого алкоголя. А волосы, скорее всего, рыжеватые. И тут я повел себя совершенно нахально, меня даже потянуло на озорство:

– Николай Николаевич, а вы блондин или рыжий?

– Что за чепуха? Или розыгрыш? Я теперь даже сомневаюсь: нужна ли моя помощь? Может быть, вы всего-навсего юморист...

– Простите, вышло как-то нечаянно...

– Это бывает и от застенчивости. Если так, то мы друг друга пойдем. – Он удовлетворенно хмыкнул и продолжал уже более громко, напористо. – Итак, вы стали причиной смерти? Я верно вас понял?

– Верно... – ответил я тихим голосом, и все во мне напряглось.

– А раз верно, значит, в этом и зарыта причина ваших невзгод. Бессонница, нервы... Но, с другой стороны, может быть, вы все сочинили? Вы что, сами, простите, затолкали ее в петлю?

– Что вы? Какая петля?

– Вот и хорошо. Значит, ваше дело из разряда нравственных и этических, а уголовщиной здесь не пахнет. – Трубка самодовольно хмыкнула, мембрана несколько исказила звук, и получилось что-то среднее между кашлем и скрипом двери. Я сделался весь внимание, но трубка почему-то молчала. Мне стало горько. Может, я зря набрал этот номер. Ведь хотелось какой-то огромной чудесной беседы, которая бы подняла меня на своих облаках и сняла все печали. Но Николай Николаевич держал меня в совершенно обыденном круге, и все его вопросы усиливали тоску. Пауза затягивалась, в трубке раздавался сухой треск, похожий на электрические разряды, и, странно, в этих разрядах намечалось какое-то успокоение – моя долгожданная снотворная пилюля. И в это время трубка спросила:

– А как звали ту девушку?

– Вера... Но слово «девушка» к ней, пожалуй, не подходит. Ей было лет тридцать или чуть больше.

– О господи! Все Веры всегда обречены или очень несчастны. Никогда – вы слышите меня, – никогда не называйте свою дочь Верой. – В трубке снова раздалось хмыканье. На этот раз хитренькое, с намеком:

– Значит, вы любили эту Веру, а потом бросили? Или же намечался ребенок... Ну, договаривайте! – Трубка прерывисто, иронически дышала, и это чуть не взорвало меня. И я решил его отчитать, даже унизить:

– А вы слишком самоуверенны. Так вот: я не обманывал этой Веры. Просто она была больная – паралич ног. За ней ходила мама, простая колхозница. Вас это интересует?

– Конечно, конечно, – оживился Николай Николаевич. – Это как раз то, чего я добиваюсь. Значит, она вас полюбила?

– Нет, нет! Все началось, а вернее – кончилось, оттого, что однажды я привел к ней очень хорошего человека. Он познакомился с Верой, был чудесный вечер... А когда мы ушли – она расправилась со своей жизнью. – Все это я выпалил одним разом, и мне сразу же стало легче. Но это длилось недолго. Да и телефонная трубка снова заговорила:

– А ваш друг прежде знал Веру? Может быть, когда-то между ними что-то случилось? И вот неожиданная встреча, оскорбленное чувство...

– Нет, он не знал ее. И если бы не я – они никогда бы не встретились. Это именно я его привел, именно я! Потому и виноват.

– Но, может быть, вы преувеличиваете? Знаете, бывают навязчивые мысли. Тогда – свежий воздух, калорийная пища, и дело с концом. Через месяц забудете о своих проблемах.

– Не забуду. И давайте уговоримся не употреблять это слово.

– Какое?

– Проблемы. А то выступает какой-нибудь депутат, комментатор, политик – и все проблемы, проблемы. Возьмешь газету, книгу – и там проблемы. А у меня душа погибает, вы понимаете?

– Я-то понимаю. А вы-то можете пооткровенней? Нас же никто сейчас не видит, не слышит. Мы гарантируем полную анонимность. – Голос у Николая Николаевича сделался сухим и неестественно пологим, значительным, как будто он превратился в большого партийного начальника. – Знаете, бывает такое, что человек смотрит прямо в глаза психологу, а сам играет какую-то роль... Да, да, чтобы понравиться или скрыть что-то очень важное, упрятать подальше тот ключик, которым мы могли бы открыть замок с секретом. Я не сложно для вас говорю?..

– Нисколько.

– Тогда будьте совершенно откровенны. Итак, эта молодая женщина отравилась или выбрала какой-нибудь другой способ?

– Способ?! Разве это имеет значение? Порой мне даже кажется, что Вера жива и совсем здорова... И даже простила меня, пощадила.

– Так, значит, она жива?

– Нет, то есть не совсем жива... – Я почувствовал, что начинаю запутываться. И тогда, как утопающий, схватился за роковую соломинку: – Той девушки уже, конечно, нет на земле, но у меня такое чувство, что она все-таки есть. Она не ушла туда, она где-то рядом, я все время чувствую ее, я даже слышу. Да, слышу ее голос, дыхание, но особенно голос. Он такой реальный, что его можно даже записать на пленку. И однажды я это сделаю, сотворю, и тогда...

Я смутился и замолчал. Николай Николаевич начал сердиться:

– Да говорите же прямо. Жива эта Вера или вам кажется, что жива? И существует ли на свете ваш друг или вы тоже его придумали? Так сказать, вынянчили в своей фантазии, в сновидениях? А может быть, я предложу вам несколько тестов?

– Нет, нет, совсем нет. Я просто хотел получить от вас что-то другое. Раньше все это получали у священника или у близкого друга, но вот сейчас... Вот мне попала на глаза областная газета, а там про телефон доверия. Вы предлагаете всем, абсолютно всем свою помощь. И тогда я доверился...

– И хорошо сделали. Но теперь я вижу, что ваш случай действительно исключительный, и знаете, что мне кажется, я даже в этом уверен, – ваша история хорошо бы улеглась в письменную форму. Вам не приходилось писать расширенные отчеты? О работе, командировках? Каждому человеку приходилось это делать. Вот и сейчас такой же случай. Та же командировка, но только в ваше прошлое, в ваше горе, в страдание. Я не сложно говорю?

– Ничуть.

– Так что берите толстую тетрадь или амбарную книгу и начинайте. Кстати, в этих амбарных книгах родились многие шедевры.

– Вы смеетесь?

– Напротив... – Трубка усиленно задышала, потом наметилась некая пауза, опять раздался бодренький голосок Николая Николаевича. – Чистый листок бумаги необычайно раскрепощает. Так что берите ручку и – с Богом. Это, знаете, постоянный самоанализ. Будете писать, начнете подробно обо всем вспоминать и вдруг убедитесь, что вины вашей совсем не существует, что были всего лишь дурные чувства, темные рефлексy. И вам станет легче. Человек сам создает свое здоровье. Да что здоровье – судьбу свою. Вы не согласны?

– Мне нужно подумать.

– Думайте сколько угодно. Но когда возьмете перо или карандаш, то, ради Бога, не сдерживайте себя. Почувствуйте себя птицей и отправляйтесь в свободный полет за своими воспоминаниями. Это же так увлекательно. Только напишите две-три странички, и вас затянет.

Он засмеялся. Было такое ощущение, точно по моим щекам кто-то прохаживается наждачной бумагой. Я обиделся.

– Вам весело, Николай Николаевич?

Но он пропустил мою обиду мимо ушей. Его голос стал теперь ласковым, с придыханием:

– Если напишете искренне, самокритично, ваш отчет войдет целиком в мою диссертацию, и тогда...

– Нет, никогда! – грубо остановил я его. – Я цирк из себя не сделаю. Никогда! И зарубите себе...

– Ой, ой, какие у нас нервы. – Он заговорил опять игривым, кукольным голоском. – Вы же обратились к нам добровольно, а теперь чего-то боитесь. Вы подпишете свою исповедь просто инициалами, и тогда никто не узнает. Это мы уже практиковали, и клиенты были довольны. Важен ведь только номер в картотеке. Кстати, у вас он будет 33. Ну почему же вы не ликуете? Столько же лет было Иисусу Христу. Если б вы знали, какая удивительная тайна существует у некоторых цифр! Так что берите карандаш...

– И только-то? – Как бы в отместку ему я тоже засмеялся, но Николаю Николаевичу понравилось:

– У вас уже поднялось настроение. Это чудесно! Так что за работу. И пусть вам будет хорошо во время этой работы. И пусть будет хорошо всем, кто любит вас и надеется. И много тепла и здоровья всем вашим родным, близким людям. Я благословляю ваш свободный полет.

НАЧАЛО ПОЛЕТА

Итак, меня благословили. Спасибо вам, мудрейший Николай Николаевич. Сейчас я буду выполнять ваш наказ – возьму карандаш и бумагу и начну свой отчет. А потом вы найдете большое увеличительное стекло и станете изучать буквы. Как это трогательно! Столько внимания... И в этот миг позвонили в дверь. Я открыл – на пороге стояла жена с хозяйственной сумкой. Глаза у нее были усталые, безразличные, какого-то серого полынного цвета. Такие глаза я видел у маленькой пони, которая катала ребятшек в нашем городском парке. И вот недавно

не стало этой пони, наверное уже на том свете... Бедная, несчастная моя жена, моя Валя-Валюша. Ты тоже все время в упряжке, как та лошадка. И очереди тебя измучили, и мои болезни... И никаких нет просветов.

Жена прошла прямо на кухню, села на низенький стульчик и заплакала. С ней такое бывает. Но я не пошел ее утешать, уговаривать, я даже на кухню не заглянул, а сделал нечто совсем обратное, даже в какой-то степени удивительное: я взял со стола чистую общую тетрадь и остро отточенный карандаш. Потом карандаш отложил в сторону и развинтил авторучку. Сердце мое учащенно билось, а голова, наоборот, была непривычно отдохнувшая, ясная... В конце концов, может, и прав Николай Николаевич. Тетрадка эта поможет в себе разобраться, разложить все по полочкам. А когда разложу, то многое станет ясно, вернется душевный покой или хотя бы приблизится...

Рука моя вывела: 7 июля 1989 года. Я немного подумал и старательно подчеркнул эти цифры двумя чертами. Поднял глаза в потолок и засмеялся. Наверное, Николай Николаевич узрит в этих цифрах какую-то тайну. Ведь он считает, что в каждой цифре есть ребус... Но какой? Все объясняется очень просто. Я вспомнил седьмое июля только потому, что в этот день мы с Валею отправились в деревню. Но я не стану сейчас писать название деревни – так будет лучше. К тому же я не хочу менять на этих страничках ни имен, ни фамилий, но раз не указана деревня, то все равно будет обеспечена анонимность...

А все-таки как чудесно в деревне! Вот я поставил сейчас один восклицательный знак, а надо бы их много-много, целую шеренгу. Да и что мои слова. Вот если бы я был музыкантом. Тогда ударил бы по клавишам или по струнам – и сразу выразил свое состояние. И всем бы стало понятно, что деревня для меня – праздник души. Даже и душа-то сама просыпается только в деревне. Приедешь сюда, и сразу же, в ту же секунду, она и проснется. Вот и наша история тоже случилась в деревне, в самом начале июля. Кто-нибудь сейчас рассмеется: ну при чем здесь июль? Зачем нажимать на это? Ведь истории случаются и в июне, и в мае, и даже в холодный стылый декабрь. Но погодите – не смейтесь. Дело в том, что июль – мой самый любимый месяц. Ведь целый год я тоскую об июле. Зеленый, жаркий, с запахом горькой крапивки в тесных узеньких переулках... Как я люблю его, с темной прохладой в реке, в которую всегда можно войти, погрузиться, оставив на берегу разные там волнения... О дурном не хочется думать, когда смотришь вдаль –

туда, где мой милый Тобол извивается серебряной змейкой. «Хорошо-то у нас, как в Швейцарии», – говорит часто жена, хотя в Швейцарии она никогда не была. И я тоже не бывал никогда в дальних странах, потому и возражаю с чуть заметной издевкой: «Ну что ты, Валя, у нас как в Японии...» Жена почему-то смеется: «Нет, дорогой, ты не прав. Так красиво бывает только в Сочи». Впрочем, и в Сочи она никогда не была. Ездить-то далеко – накладно. Какие же деньги у нашего брата учителя. Потому и домоседы мы, но ни о чем не жалеем... Но хватит, наверное, об этом. Ведь я начал с того, как мы приехали в родную деревню и у моего малыша поднялось настроение. Наверное, потому что он здесь встретил свою бабушку, и вот уж она его угощает и что-то шепчет на ухо, обещая какие-то тайны. И у моей Вали тоже хорошее настроение, потому что в огороде все радует глаз – и лук, и морковка. И смородина в садике уже наливается, и клубника цветет по второму разу. И малина на кустах кое-где уже краснеет. А дикая яблонька откровенно омолодилась. Вообще-то она у нас уже старенькая: разбитая зимними ветрами, морозами, но все равно каждую весну оживает. Недавно я перебинтовал ее марлевым бинтом возле самого корня. Так будет надежней, и подольше ствол сохранится. Вот так, Николай Николаевич! Такое богатство вокруг – и над всем я хозяин. И в тот день я торжественно обошел свой сад, а потом начался внезапный дождик. Он был теплый, июльский, и на крыльце я остановился и огляделся. В ограде возились куры и смешно встряхивали крыльями, наверное, нравился дождь. А впереди, далеко по улице, шла тетя Тоня – наша знакомая. Она была в кофте, без плаща, и волосы распущенные, мокрые, как после бани. Обычно же она собирает их в пучок и перетягивает резинкой, так что со спины голова ее похожа на голову прилежной десятиклассницы. Она шла медленно, наслаждаясь погодой...

Я люблю эту тетю Тоню, а еще больше жалею. Она совсем одинокая. Есть, у нее свой домик, точнее, избушка на курьих ножках. Нижний венец бревен у избушки подгрызли хомяки – зимой в подполье она держала картошку, вот и позарились на нее. И в эти большие норы теперь залазят кошки и куры, а в холодные дни сюда задувает ветер. Но что поделаешь, если хозяйка скупится на ремонт. Но дело не только в этом. На зимние месяцы она куда-то исчезает, а избушку свою заколачивает. Но я немного отвлекся, ведь тетя Тоня по всем приметам шла сейчас к нам. Мой маленький Коля выбежал на крыльце и за-

хлопал в ладоши: «К нам баба Тоня идет! Правда, правда!» Но уже не нужно никого уверять – тетя Тоня уже в нашей ограде, и вот поднимается на крыльцо, и вот уже рядом с Колей:

– А ну-ка скажи слово «медведь»?

– Ведмедь... – говорит тихо сын и смеется. И мы тоже начинаем смеяться, а Коля сердится, и тетя Тоня за него заступается:

– Не изгаляйтесь над парнем. У меня вон на седьмой десяток пошло, а много словечек не выговариваю, так что не надо на него. Да и есть совсем лишние в языке слова. Их пора выкинуть, как сухую траву. – Она тяжело дышит и вместе с нами заходит в дом. И здесь проходит сразу в горницу и садится на диван. Моя мать подсаживается к Тоне поближе и начинает убирать с ее плеча какую-то соринку. Тетя Тоня посмеивается:

– Ты у нас чистюля, Анна Петровна. Возле тебя аж страшно сидеть – че-нибудь да найдешь, где порвано да запачкано. – Потом глазами снова находит Колю: – А ну скажи слово «капуста»?

– Какуста, – вытягивает губу мой младшенький, и все мы дружно хохочем. А сын опять сердится и начинает укладывать поленицу из цветных карандашиков.

– Шесть, семь, восемь, девять, – бормочет он, и наша гостья неожиданно говорит:

– А ты, Колька, поди, и деньги знаешь? Или еще не знаешь? – Она гордо вскидывает глаза, как будто в чем-то дурном уличила моего Николая. Малыш смутился и не знает, что отвечать. На помощь ему приходит бабушка Анна:

– Тоня, ты шутишь, поди? Ему через два месяца только шесть исполнится – велики ли года? Вот отправится в школу, тогда и сосчитает все наши денежки...

– Ох и много будет денег у Кольки! Ох и много! – У тети Тони вдруг темнеет лицо: – Эх, деньги вы, деньги! Коли есть вы, то хорошо, а когда нету вас, сильно плохо... Я ведь по делу к вам. Просто не знаю, как и сказать.

– Словами и скажите, – подсказала ей моя Валя.

– Можно и словами. А вы отзовитесь рублями. И долго тянучку делать не буду. Я ведь собираю денежки в пользу Верки Черняевой. Совсем погибает с ней Катерина, и помощи никакой. А больная, видишь ли, выпрашивает у ней коляску. Через собес если, то мертвый случай. Лет десять прождешь и не дождешься. А тут дело такое, дорогие мои. – У нашей гостьи загорелись глаза. – Ивана Катайцева-то знаете? Ну конечно, кто же

его не знает. Он воевал в Афганистане и безногий домой явился, ну и коляску ему бесплатно, – Красный Крест есть такой. А десять дней назад Ивана не стало. Скончался от ран своих в госпитале. Царство ему небесное. А колясочка-то его пустует. Вот ее и продает теперь его родная сестра.

– Ну и сколько тебе надо? – спросил я с готовностью. – Ради такого случая я...

– А ты, Владимир Иванович, не хабришься. Знаю я твои капиталы. И мне много сильно не надо. Рублей пять с головы – и сойдет. У нас в деревне пятьдесят восемь дворов, так что насобираю, наверное, двести рублей, да от себя столь же добавлю, да Катерина найдет сотнягу.

– Может, и колхоз поможет? – подсказала Валя.

– Ой, кого там, раскудрить твою лядь. У нас колхозно начальство сильно сурьезно.

– Хорошо, тетя Тоня. Вот возьми от нас двадцать рублей. Может, мало? – спросил я тихо, точно бы по секрету, и сразу сделалось стыдно.

– Не мало, дорогие мои, не мало. У вас в кармане-то – вошь на аркане, – смеется она и смотрит с одобрением на Валю. И та замечает:

– А ты-то, тетя Тоня, почему так расщедрилась?

– У меня на смерть было скоплено. А зачем оно? Помру, так под забором не бросят.

– А если Вера узнает? Что мы собираем. Все несчастные очень горды... – сказала задумчиво Валя.

– Никогда не узнает. А если кто скажет, то уж поздно будет. Она к колясочке-то привыкнет, полюбит. Ведь лето кругом, дорогие мои. Ей и в лес бы, и на реку, и по улице бы проехаться – ой, хорошо. А то, что телега немного подержана, то это кстатти. Скажем, что коляска из каких-нибудь старых запасов.

– Это можно... – сказала задумчиво мать и стала покачивать головой. Потом вдруг очнулась и посмотрела на меня с глухой печалью:

– Эх, Володя, Володя, знал бы ты, как эта Катерина живет. Я была недавно у них и просто заболела. Как раз попала в обеденное время, и ты не представляешь, что они едят. Супишко какой-то был сварен – не то крапивный, не то из брикетов, а на второе – хлеб с луком. Да в подсолнечное масло макают лучок и едят с удовольствием. А вместо чая пьют крутой кипяток. У них даже осьмушки чайной нигде не найдешь, прямо беда... А у Веры уже пролежни и с зубами плохо, что-то вроде цинги. Ка-

терина ей сухариков размочила и сахарным песком сверху. Вот этой тюрей и накормила большую. Ой, Володя, Володя, насмотрелась я, лучше б не знала... А над кроватью у нее две железные скобки вколочены. Одна повыше, а другая пониже. Она за них схватится и подтягивается на руках... И в доме жара, духота. Смотрю, ноги под одеялом мелькнули – как плеточки прямо и белы как снег. О господи! За что человеку такое страдание?! Так и не пожила по-людски. А красавица-то...

– А что у ней вышло? С ногами-то? – спросила Валя тетю Тоню.

– Тяжело мне про то говорить. Вы вот приехали сюда да уехали, а у меня она все дни на глазах. Это надо понять. Мы вот сидим сейчас, лясы точим, а она в кровати, бедная, и никогда не встанет. Это уж точно. Ноги-то у ней отпали от большого расстройства. Она, видишь ли, замуж в городе выходила, за летчика...

– За кого, за кого? – переспросила мать.

– А я громко говорю, Анна Петровна. То ли не слышишь? Летчик он был, испытатель... Сама Верка всем так рассказывает. И мне расписала, а что?

– Да ничего... – сказала задумчиво мать.

– И я ничего. Как слышала, так и повторяю. У него самолет в воздухе загорелся, а потом об землю вдребезги, как яична скорлупа. Жене, конечно, сразу сообщили – и у Верки ноженьки отнялись.

– Сразу что ли? – переспросила Валя.

– Сразу не сразу, я рядом не стояла. Только от многих это слышала, так и передаю... Мать-то у ней не всегда в нашей деревне жила...

Детские интересы подвижны, как ртуть. Коля подбежал к телевизору и включил его. И сразу в комнату вошли прекрасные звуки. Что-то из «Времен года» Чайковского. Музыка звучала, а я сожалел, что не всегда звучит такая чудесная музыка. А все больше появляются в нашем телевизоре странные молодые люди – нерасчесанные, немывтые и орущие. Как тяжело на это смотреть, как тоскует о светлом душа... Да, я сделал это невольное многоточие, потому что неуверен в себе. То ли я делаю, мой дорогой Николай Николаевич? Об этом ли вы просили меня, об этом ли?.. Мне уж тревожно сейчас – исписал, наверное, двадцать страниц, а до главного еще не дошел. И как это сделать – просто не представляю. И вину свою понимаю. Вам надо душу мою разъять и посмотреть, что там лежит. Ду-

шу надо, я понимаю, а меня, как на грех, в сторону тянет. Как будто бы шальным ветром закинуло на очень высокое громадное дерево, а в руках – бинокль. И вот я подношу его к глазам и вижу, как по безбрежной зеленой равнине движется маленькая незнакомая фигурка, а сверху солнце и синее небо... И вот фигурка повернула лицо, и я удивляюсь – ну как же так, как же? В этом лице я узнаю сам себя, честное слово, Николай Николаевич. И если я пишу вроде о других, то сам о себе только и пишу, потому и волнуюсь. А вообще-то вы правы оказались, описывать свои ощущения мне даже приятно. Я даже с удовольствием берусь за свою ручку и с таким же удовольствием раскладываю возле себя чистую бумагу. А когда пишу, то мне становится легче дышать и головные боли почти затихают. А может, я обманываю себя, но все равно хорошо... И вот сейчас я опять достаю свой бинокль и разглядываю очередную фигурку. И мне интересно разглядывать, и я люблю тех людей... Но простите меня, Николай Николаевич, я опять отклоняюсь.

Внешне этот день был спокойным, даже благополучным. Тетя Тоня продолжала разговаривать с моей матерью. Валя стучала на кухне посудой, а Коля канючил о чем-то своим тоненьким голоском. И вдруг залаял Дядя Кустик. Его лай, как всегда, испугал меня. Он и любого напугает до смерти. Когда я первый раз услышал его, то сразу сказал собачонке: «Кустик, у тебя, наверно, ангина?» И любой бы на моем месте так сказал, потому что голос у Кустика был хриплый, простуженный и какой-то солидный. Потому и прозвали его Дядя Кустик. В горле у него не только хрипело, но и хлопало, и этот звук всех пугал. И так Кустик продолжал лаять, вызывая меня в ограду. Он всегда прибежал в одно и то же время, примерно под вечер. Он лаял три раза, потом делал паузу, потом уже лаял непрерывно и иступленно, пока к нему не выйдешь... И я выходил и говорил ему приветственные слова... О боже мой, Николай Николаевич, вы ждете чего-то значительного от этих листочков, а я увлекся рассказом о какой-то собаке. Но не спешите казнить меня. Все мои люди остались на прежних местах: тетя Тоня попросила уже третью или четвертую чашку чая, мой маленький опять складывал свои карандашники, а я думал – выходить или не выходить к Дяде Кустик. Кстати, впервые он появился в нашей ограде прошлой осенью. Это была приземистая чернявенькая собачка с белыми пятнышками по бокам. Встретишь такую по дороге – даже не оглянись. Но эта собачонка стала для меня дорогой, потому что подружилась с моим Колей. А

прибежал Кустик от той самой Катерины Черняевой, старенькой забитой колхозницы. Она было не то чтобы забитая, а но нынешним меркам просто бедная, даже нищая. Да и можно понять: муж ее рано умер и оставил троих детей. Старшая Вера вернулась из города калекой, средний Гриша где-то в Тюмени работал шофером, но любил попить, потому денег не высылал. Младшая Нинка училась в девятом классе и все время требовала себе модную одежду и обувь. Вот Катерина и тянулась на всех как могла. Так что Кустика в этой семье жилось голодно. Случались дни, когда и вовсе не перепало еды, и тогда он отправлялся в нашу ограду. Коля играл с ним, а я подкармливал, утешал... А вот сейчас почему-то не иду к нему. И он, на удивление, умолк. Я подхожу к окну и смотрю поверх крыш – туда смотрю, где стоит наша церквушка со сломанным куполом. В церкви – клуб, и примерно раз в месяц приезжают из области артисты – танцоры и певцы... Но почему мне не суждено было родиться чуть раньше, когда по селу плыл колокольный звон, а над высоким золотым куполом летали белые чаечки? Их было много тогда, потому что наш Тобол был большой и широкий. Эх, чаечки, где вы сейчас? Я часто грущу о них. Я даже сына порой называю чаечкой. Когда он начинает волноваться или радоваться, то взмахивает руками, как крыльями, и так это горько и трогательно... Эти взмахи руками, это дрожание, этот блеск в глазенках – нет, я даже не могу об этом писать. Я всегда в это время обращаюсь к нему: «Чаечка, куда ты полетела, родная?» Но он не слышит меня, он продолжает куда-то лететь, он в забвении, – и в этих взмахах так много слабенького, беспомощного, что мне всегда трудно дышать. И страшно, и горько за семью свою – и за жену, и за сына, и за свою старенькую погибающую мать... Как будет им тяжело, если я первый из них уйду с этой земли, если оставлю их совсем одних в бушующем океане. Что с ними будет, кому они будут нужны, кто придет к ним на помощь... Вот и сейчас те же мысли, мне тяжело. Но я хочу отвлечься, пересилить себя, потому смотрю, неотрывно смотрю на мою деревенскую красоту и на эту сирую церковь; мысли и чувства мои переносятся дальше, туда, где – синее, серое, светлое и высокое, находя там покой и утешение... И все-таки тяжело. Опять пришли к нам страшные дни. Люди озлобились и ищут виновных. И неужели снова придется стрелять друг в друга, как в той далекой уже гражданской войне, неужели снова кто-то будет строчить доносы и писать анонимки и подметные письма... Неужели ради этого надо было

родиться на свет, а потом заводить новых детей – продолжение свое. И будет ли продолжение... И тут раздался голос моего Коли:

– Бабушка, ты сказку мне обещала.

– Да какую же сказку? Давай лучше я тебе Некрасова читаю.

– Нет, сказку, – упорствует Коля.

– Уважь ты, Нюра, парня... – тетя Тоня, когда у нее хорошее настроение, называет мать просто по имени, и той это нравится. Вот и теперь понравилось.

– Ну хорошо, – улыбается мать. – Ты, Тоня, подскажешь, если собьюсь где или заеду не туда. Значит, так: как сама когда-то слышала, так и рассказываю. В стародавние годы жили да были муж с женой. И рос-поднимался у них мальчик Коленька. Смотрели на него родители и радовались: какой он приветливый со всеми, ласковый, обходительный. А Коленька уж читать умел и писал несколько слов и собачку держал при себе, которую сильно уважал...

– Кустика! – хлопает Коля в ладоши...

– Ну почему же... – тянет задумчиво мать.

– Да не хитри ты, Нюра, я и то поняла, что на ходу выдумываешь. Если забыла все, то рассказала бы ему о божественном. Это же очень хорошо – о божественном! – У нашей гостьи заблестели глаза. Она гладит Колю по голове: – Я тебе, батюшко мой, расскажу про чудеса, которые творил преподобный Серафим Саровский. Очень хороший, отзывчивый был старичок. Всю жизнь добро делал, за веру страдал и боролся, а перед самой своей смертью обратился к близким своим: «Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем скорбите, придите да, припав к земле, как к живому, мне и расскажите. Как с живым со мной говорите, и услышу вас, и скорбь ваша пройдет...» – Тетя Тоня обвела всех глазами, по лицу у ней шло сияние, и заговорила торжественно, как будто читала молитву: – И все сбылось это, милые мои, даже больше того, преподобный старец стал ко многим во сне целителем являться. К примеру, у человека желудок страдает, он по животу легонько стукнет ладонью, и, глядишь, проснется человек, а у него уж желудок здоровый. А если рана на теле – преподобный прикоснется к ране рукой, и сразу заживет рана, останется только сухая пленочка, как луковое перо...

– Ох, Тоня ты наша, – вздыхает мать. – Легковерная ты. Всему веришь и каждому хочешь помочь. А когда умрешь, то, наверно, и твои мощи будут нетленны. Ты же святая у нас.

– Не надо, Анна Петровна, – мрачнеет гостья. – Зачем ты меня высмеиваешь. Это дьявол заходит в тебя, а ты и не замечаешь. У этого гада много, ох, много лиц. А забота только одна – вредить да мучить людей. А мучить-то есть за что, потому что все мы грешны. Вся деревня грешна. Одна только праведница у нас – Вера Черняева, мученица. Ее недавно на небо ангелы поднимали...

– Как это ангелы?! – вскинула голову мать.

– Расскажите, пожалуйста, – попросила моя жена, а мать почему-то нахмурилась:

– Опять ты, Тоня, шутишь.

– Нет, не шучу. Такими делами не шутят, – обиделась тетя Тоня. – Встретила на днях Катерину, а та в голос ревет: раньше, мол, у моей девки ноги отнялись, а теперь разум. Твердит Верка, что ее брали на небо в какой-то там аэроплан, что ли... Нет, не так... Ну подскажите давайте, вы же газеты читаете, там много про это. Прилетали к Верке эти самые... Нет, не могу выговорить, хоть убивайте меня...

– НЛЮ, что ли? – смеется моя Валя. – Сейчас это модно. Все помешались на летающих тарелках, на гуманоидах – просто смешно.

– Нет, не смешно, – возразила тетя Тоня. – Было бы смешно, так Катерина не причитала бы. И ты, хозяин, не веришь? – Гостья испытующе посмотрела на меня.

– Наоборот, верю! Я верю, тетя Тоня, в то, что на земле все же будут совсем другие люди – красивые, умные и счастливые. И опять колокольный звон поплывет по равнинам, и каждый будет любить другого, и у детей наших будет высокая мечта. Вон и Вера, пожалуй, о таком мечтает – раз потянуло ее в небо, в эту тайну, в эту высоту...

И тут гостья перебила меня:

– Она ведь не одна туда подымалась, а собачонку с собой брала. Вот какое дело, дорогие мои. Одна бы еще ничего. А собачонку-то зачем? Или уж такой праведный этот Кустик?

– А ты самое главное нам не сказала, – теперь я сам ее перебил. – Видел ли еще кто те тарелки-то? НЛЮ?

– А как же! Такие вот большушшие, в два обхвата. И красного цвета, и чуть с желтизной. Они над бором покружились да полетели, а потом два шара куда-то отправились, а третий-то

полетел на деревню. Подлетел поближе, и люди увидели, что он ужася. Но ненадолго. Потом надулся опять и вытянулся, а сбоку вышли какие-то крылышки. То ли коршун теперь большой, то ли какой самолет. А потом этот самолет закружился над Катерининым домиком. Вы что – не верите?

– Верим, Тоня, верим, – усмехнулась мать.

– Ну ладно тогда. А на крылечке-то Верка с Кустиком сидели, семечки лузгали. Верка-то частенько сползает с кровати и по-лягушачьи прыгает. Как подтянется на руках, а потом прыг да скок. Так и допрыгивает до крылечка.

– Ты о деле, Тоня, говори, – засмеялась Валя. – У нас дыханье уже замерло, а ты нас куда-то уводишь...

– Я не увожу, я просто наблюдаю за вами. Вроде не сильно верите? Неуж не обидно? Так вот, этот шарик подлетел прямо к домику. Покачался немного и остановился на месте, бес. А разве не бес? Нас давно батюшка предупреждал, что скоро Антихрист заявится. А когда это будет, никто знать не может. Но надо бороться...

– Так это же борьба невидимая, – заметила осторожно мать. – Этот недруг твой всегда борется с Богом. Но это там, высоко и далеко, потому мы и не замечаем. – И вдруг загадочно улыбнулась и вышла из комнаты. Пока ее не было, Тоня молчала. Наконец мать зашла и принесла полную тарелку спелой клубники.

– Угощайтесь! Нынешний урожай. В прошлом году посадила пятнадцать кустиков, а нынче образовалась плантация. А плоды-то! Вы замечаете? Только бы смотрел, а не ел.

– Красота-а, – согласилась наша гостья, – вот такой же кругленький, красноватенький и был тот шар. И свет от него – на пять верст...

– А разве дело было не днем? – спросил я на всякий случай.

– Не днем. Вечерело уже. Потому Верка и выползла подышать. И вдруг наша Верка поехала вверх. Но не прямо, а какими-то кругами да кругами...

– Ты сама это видела? – спросила мать.

– Нет, милая моя. Мне сеструха ее рассказывала. Нинка только в ограду зашла и сразу оцепенела. Бывает так – оцепенет человек – и ни слова от него, ни полслова. Ей бы к Верке броситься да сохватать бы ее, а ноги в землю вросли. Зато глаза все видят и замечают. Они и заметили, как шар пополам надломился, и в этот просвет свет хлынул, да какой, милые мои, свет!

А потом в проеме высокий человек появился. А одежка на нем как чешуя.

– А руки-то хоть были у него? – засмеялся я.

– Ох, Владимир Иванович! Я думала, ты серьезный, самостоятельный, а тоже ляпнешь – хоть стой, хоть падай. Да разве можно без рук! Нинка их хорошо разглядела. Руки-то у них, милые мои, каки-то неуклюжи да длинные, почти что до пят. Правда, правда. До пят, как у обезьян. Ты видал их, Владимир Иванович, обезьян-то?

– Видел, конечно, – успокоил я гостью.

– А раз видел, то и представишь. А на пальцах у них кожаные рукавицы.

– Как же она разглядела, что рукавицы? – смеется Валя.

– Это уж не наше дело. Раз говорит, надо верить. Да и Нинка честная у нас, никогда не соврет. Ну вот смотрит она и кричать не может. А потом почувствовала, что тепло пошло. И в ноги ударило, и по щекам, и кричать, повторяю, не может. А Верка-то все подыматся да подыматся, и Кустик у ней на руках. И вот уж закрылся проем, и полетела наша девка, и собачонка при ней...

– Значит, это был самолет? – спросила мать.

– Да кто оно! Сама не пойму я. А потом Нинка видит – они опять сидят на крыльце. Незаметно так... Налетались, видно, и вниз опустились.

– Ну и что с Верой там было? Наверно, чаем ее напоили? – спросила с ехидцей Валя, и гостья это сразу почувствовала, сердито поджала губы:

– Я могу и замолчать. Могу и вовсе уйти, если вы меня какой-то погрешкой считаете.

– Не обижайся, Тоня, – успокоила ее мать. – Никто тебя пока не обидел. Просто чудно это. А может, ты пошутила?

– Нет, миленькая! Я шуток не люблю и сама шутить не умею. И я точно знаю – Верку брали к себе эти... ну как их?

– Назови! – засмеялась мать.

– Ты назови, так и я назову, – ответила гостья уклончиво. – Я ведь тоже сперва не поверила. Но Нинка даже заплакала. Как не поверишь? Слезы катятся, как ранетки...

– После этих слов мы все засмеялись. Надо же так сказать – как ранетки. И конечно, гостья еще больше обиделась.

– Гогочете-то вы хорошо, да напрасно. Надо мной, конечно, можно хохотать, а над Веркой – нет, не советую. Как она живет

– врагу не пожелаю. А тут хоть маленько девку порадовали. На небо свозили да обратно спустили.

– Значит, вы все же настаиваете? – удивилась Валя и переглянулась со мной. В зрачках у нее образовалось веселое колыханье. Но тетя Тоня ее осадила:

– Ты, Валюша, вижу, не веришь. Как хочешь, я не настаиваю. А я так не могу. Это последнее дело – человеку не верить. Да и Верка сама мне подтвердила. К ней даже из школы математик заходил, Дмитрий Захарович...

– И он поверил?

– А как же! Все выпросил и в тетрадочку записал. Она ему прямо с подробностями. Как она красный шар увидела, как накрыл ее какой-то сон. Как во сне услышала, что кто-то тянет ее к себе, будто на лифте каталась? – Тоня в упор посмотрела на Валью, потом обвела всех глазами и, не дождавшись ответа, сердито заворчала: – А хоть и каталась, то, видно, не скажешь. Надо под пыткой правду у вас узнавать. А вот мне, милые мои, приходилось, у меня в Челябине племянница на восьмом этаже, так что лифт – туда и обратно. Но там же в кабинуходишь, а у Верки с Кустиком не было ничего. Просто поднялись по воздуху и полетели. Только мало что помнит девка. Как будто, говорит, в теплу воду зашла, а в глазах птички залетали, а потом уж и вовсе огонь. Они в этот огонь и зашли. Она бы и больше чем рассказала, но, наверно, приказали молчать...

– Кто приказал? – спросил я веселым голосом.

– А те, которые прилетели. – Она обвела нас глазами. – Это ведь хорошо, что на Верку они натакались. Самую безгрешную пригласили к себе. И собачоночкой не поморговали. Только вот теперь-то как?

– А что, Тоня? – встревожилась мать.

– А то, что Верка с тех пор стала задумываться. Она и раньше худо спала, а теперь Катерина замаялась. Как ночь, так дочь ее выползает на крыльцо и смотрит на звезды. А иногда гитару берет и играет, играет, а струны плачут, томятся. Иногда больше часа сидит и играет. А потом гитару отложит и плачет. Видно, тоскует.

– Конечно, тоскует. Поживи-ка без ног... – поддакнула мать, и в это время под окном снова громко залаяла собачонка.

Я открыл створку и высунул голову. На поляне, на густом полыхающем зеленом конотопе, сидела черненькая собачонка с белыми крапинками на спине.

– Кустик, Кустик! – начал я звать его. И мой младшенький сразу побежал на крыльцо, и я за ним. Наверно, вид у меня был встревоженный, потому что за мной вышли и гостья, и Валя с матерью. А я снова позвал:

– Кустик, Кустик! То ли не узнаешь?

– А он зазнался. Побывал там и зазнался. – Тетя Тоня показала на небо и засмеялась. А Коля уже повалил пса на землю, и устроился на нем верхом, и начал оттягивать уши.

– Коля, ему больно! – закричал я на сына и подошел к ним поближе. Глаза у собаки были какие-то незнакомые, отрешенные и все время старались смотреть вверх. Я опять позвал:

– Кустик, Кустик! Ты, говорят, о чем-то тоскуешь? – Но он повернулся ко мне. А глаза его снова были чужие и снова смотрели вверх, как будто хотели что-то узнать в этой бездонной притягивающей синеве.

ПОЛЕТ

– Алло! Алло!.. Неужели это вы, Николай Николаевич?! Я звонил вам недавно, но на телефоне был другой человек. Алло? Вы меня не узнаете? Я Савушкин Владимир Иванович. Неужели забыли?

– Я ничего не забываю. Но когда говорите, всегда называйте свой номер в нашей картотеке. Я должен взглянуть на историю болезни...

– Но у меня еще нет истории. Разве забыли? Вы просили написать меня отчет о моей командировке. Не помните? Я вам признался, что из-за меня погиб человек. И вы попросили вспомнить все детали, события, то есть отчет о своем прошлом. Забавно, конечно, но вы так и сказали – отправляйтесь в командировку в свое прошлое. Я уже начал писать, но застрял в мелочах, в каких-то, понимаете, чудесах, и мне, наверное, веры не будет...

– Ну почему же? – Ожила наконец телефонная трубка, и знакомый голос наставительно посоветовал: – Пишите обо всем, не зажимайте себя. Маленькая деталь, какой-нибудь обгоревший окурок, клочок бумажки, порой многое может объяснить. Так что...

Но я прервал его:

– А если людей в небо кто-то таинственный поднимает? Как к этому относиться?

– Ну, знаете, Савушкин, психология может все объяснить. Впрочем, вы, может быть, хороший метафорист? Помните, есть такой фильм или книга, я уж не помню... Называется «Полеты во сне и наяву». Там все надо понимать иносказательно. Наверно, и мне вас нужно также понимать?.. Вы молчите? Ну хорошо. А то, что людей кто-то поднимает в небо, – это легко объяснить. Можно объяснить и разные факты медитации, и экстрасенсов можно понять... И даже эффект Кашпировского – наше телевизионное чудо, ха-ха... Но и это чудо подчиняется законам психологии. Так что пишите детально, расходитесь мыслью по древу, и у вас будет блестящий отчет.

– Но я, Николай Николаевич, хотел бы... Одним словом, меня мучает одна печальная мысль, прямо не выходит из головы, и я даже начал вам говорить... Дело в том, что, когда пишешь, в голову лезет всякая мелочь, второстепенное, и это, понимаете, почему-то выходит на первый план, а самое главное остается в душе...

– И это бывает. Часто бывает, – успокоила меня телефонная трубка. – Психология знает случаи, когда человек, к примеру, схоронил всю семью – всех родных и близких. Такое бывает во время войны или землетрясений... Ну вот, схоронил и продолжает стойко жить. И в друг у него погибает любимая собака или кошка, и у этого выносливого волевого человека – мгновенный инфаркт. Ведь собака и кошка – это тоже мелочь, по вашему, а у него – сразу смерть. Я не сложно говорю?

– Нет, я хорошо понимаю.

– Ну что же – обнадеживающее известие... А еще был случай, когда человек, убивший двоих или троих и отсидевший за это полжизни в тюрьмах, вдруг на своем личном мотоцикле сбил курицу, и вид крови этой жертвы вывел его из себя. Да так вывел, что человек начал сходить с ума. Несчастливая курица преследовала его во сне... Так что психология – это наука наук. И наш телефон доверия – всего лишь веточка от этой науки. Но зато надежная веточка.

– Я вас понимаю, Николай Николаевич, но поймите и меня. У меня в душе столько всего, столько разных приливов, отливов, а начинаю описывать, и получается как бы бессмыслица. Какие-то мелкие разговоры приходят на ум, выяснения семейных отношений, какие-то чаепития... – Мой голос уже дрожал, волновался, и я чувствовал, что подхожу к какой-то роковой стене или к обрыву, еще шаг – и нужно лететь в бездну. И тогда я признался в самом главном:

– А может быть, я уже безумный? Ведь такое бессилие во всем и совсем нет надежды...

– Это хорошо, что вы сознаете свое бессилие. Запомните меня, это очень хорошо. Раз сознаете, то вы, значит, очень сильны, и в этом нет парадокса. А ваши так называемые мелочи – это всего лишь перенасыщение. Ваше жизненное пространство плотно забито информацией, разными событиями, вашей неуверенностью. Да, да, и неуверенностью! И не опровергайте меня. Вам подтверждение я сошлюсь даже на один известный авторитет. Фамилия этого профессора... А впрочем, зачем вам фамилия – важна мысль. Так вот, светило это однажды сказало, что, когда жизненное пространство становится насыщенным информацией, всякого рода смыслообразованием, человеку может показаться, что вообще исчезает какой-либо смысл. И тогда может помочь только психология – вот так, Владимир Иванович. Я правильно вас назвал?

– Правильно-то правильно...

Но тут он меня остановил:

– Конечно, ваши записи потом можно будет заключить в определенные информационные циклы и вывести из этого что-то среднее, может быть, даже истину. Но, повторяю, усиленно повторяю, если вы себя считаете слабым, беспомощным, то это в организме временная остановка. Она закончится, и вы наполнитесь новой энергией, как говорится, пойдете на подъем. Люди не знают, что сила их духа растет непрерывно, и у самых сильных и гениальных людей этот дух уходит даже в галактику или стремится уйти. Но с какой целью? – спросите вы. А при чем тут вообще цель? Есть ли цель у легких, когда они вдыхают кислород... Есть ли цель у стервятника, терзающего цыпленка, а? Вам не сложно все это слушать? Иногда считают, что мы, психологи, говорим слишком туманно и несколько отвлеченно, но ведь ясно и другое, что простота хуже воровства... Но я вас, кажется, перебил, Владимир Иванович. Может, вы действительно метафорист? Любитель, так сказать, разных игр?.. – Трубка затихла. Я слышал легкое, размеренное дыхание. Наверное, он совершенно здоровый человек, и я ему позавидовал. Но сказал совсем о другом:

– Вот вы вспомнили сейчас про галактику, а еще раньше я заметил вашу иронию... Но как же быть, когда одна большая девушка, точнее, молодая женщина, была поднята в небо на какой-то летательный аппарат. Вы слышите меня? – В трубке что-то хмыкнуло, и я продолжал: – И после этого больную за-

хлестнула тоска. Она стала задумываться и плакать... И часто смотрела на звезды и еще больше плакала. А потом я этой тоски еще прибавил, устроил ее – и больная не вынесла перегрузки и погибла... – Я закончил говорить, в трубке громко дышали, но голоса не было. Мой собеседник как бы затаился, забился в угол, выжидая, какой я сделаю ход. Но я молчал, и тогда он не вынес:

– Продолжайте, Владимир Иванович. Я молчу, потому что вместе с вами волнуюсь. Мне редко бывает интересно, но сейчас вы меня допекли. Значит, ту девушку подняли на летающую тарелку и там ей подменили мозги?..

– Что вы, Николай Николаевич. Я про это не говорил. И честное слово, я не уверен, что была какая-то тарелка; Может быть, это только сон...

– Вот-вот! – оживилась трубка. – Начиталась ваша больная про одного барона, который вырастил в своем городе турецкий боб. Помните, как это было? Боб рос все выше и выше и скоро дотянулся до самой Луны. А потом по стеблю барон полез вверх и через час очутился на Луне. Так и ваша больная в своих сновидениях вырастила свой боб и по нему...

– Нет, нет, там было другое! – ответил я резко и даже хотел повесить трубку. Но это длилось только мгновение, и все равно Николай Николаевич догадался:

– Не горячитесь, лучше посчитайте до десяти. И доверьтесь все-таки нам. По вашему отчету мы соберем консилиум ведущих психологов, а я возьму руководство...

– И пошлете меня в сумасшедший дом! – Я от души засмеялся, и в трубку сразу прерывисто задышали:

– Вы не правы, товарищ Савушкин! Наш кооператив не готовит кадры для психиатрички. Мы помогаем отчаявшимся и заблудшим. Мы даем советы в критических ситуациях. Мы даже предлагаем читать Библию – слово Божие. И в этом тоже нет парадокса. Судите сами: решительно отказавшись от самоанализа, современный человек потерял представление о себе самом. А это трагедия. И как результат – одностороннее развитие только материальных запросов. Стала формироваться совершенно новая мораль, ожесточились нравы, огрубел характер, обыватель погрузился в чувственные наслаждения... И только лучшие из людей все еще задают вопросы – что я, где я, где нахожусь и куда направляюсь? И для чего вся эта земная жизнь?.. О, Господи, Савушкин, я с вами увлекся. Я даже пере-

шел границы, а это всегда опасно. К тому же вы, наверно, мой антипод? Или существуете на другой волне...

– Нет, нет, мне интересно...

– Ну хорошо, сейчас мы проверим. Один нобелевский лауреат как-то сказал, что отдельная человеческая жизнь сейчас стада божьей повестью, что все вожди и народы отошли теперь в прошлое. Не догадываетесь, кто это сказал? У него есть стихотворение – «...свеча горела на столе, свеча горела...».

– Борис Пастернак.

– А вы, оказывается, эрудит. – Трубка схохотнула. – Значит, с вами можно говорить на полную катушку. Вот мы Пастернака вспомнили, а ведь Пушкин не хуже. Он тоже часто впадал в молитву и уходил в небо, прямо в космос залетал со своими печальями. И правильно делал. Ведь и при нем в жизни случались разные там перестройки и люди теряли опору. Кстати, вы верите, что через 500 дней мы заживем по-другому? Особенно в сфере духа, а?

– Я не политик. Да и когда вводили этот рынок, меня, Савушкина, не спросили.

– Вот-вот. Я правильно угадал вашу склонность к метафорам. Но все же, что вас смущает, Владимир Иванович? Зачем вы срочно меня нашли? Ваш звонок ведь внеплановый, так сказать...

Я вздрогнул от этого вопроса. Мои щеки, кажется, покрылись даже румянцем. Хорошо, что по телефону не видно. Но на вопрос нужно отвечать, и я, пересилив себя, залепетал:

– Простите я боюсь быть смешным... И все эти мелочи, деревенские разговоры – вдруг это банально?.. И еще меня не оставляет ощущение, что я подглядываю за собой в какую-то узкую щелку. И стыдно, стыдно...

Николай Николаевич засмеялся. Смех был громкий, хороший, и у меня отлегло от души. И голос у него теперь был успокаивающий:

– Стыдиться не нужно: вы уже освобождаете себя, змейка теряет шкурку, с дерева облетают сухие листья. Зато потом будет новая весна, пробуждение. И ваша болезнь отступит...

– Если бы!

– А вы поверьте в это. Этой верой излечивали даже мозговые опухоли, а с душевными-то как-нибудь справимся. Только позвольте вас спросить – много ли уже написалось?

– Страничек двадцать—тридцать, я не считал. Но все равно спасибо вам за поддержку. – И я опустил трубку на рычажок.

У меня сильно кружилась голова и дыхание стало частым, прерывистым, как при удушье. Я волнуюсь, значит, опять эти нервы. А впереди еще целая ночь, эх, если бы мне можно было курить. Как хорошо вдыхать в себя тягуче-сладостный дым, а потом, отставив далеко руку, наблюдать, как медленно тлеет и наливается краснотой табачный стерженок в сигарете, как хорошо подняться со стула и подойти к окну... И потом, с высоты второго этажа, смотреть, как в дождливом мареве копошатся люди или куда-то обреченно спешат, как быстро проносятся холодные машины, похожие на длинных и сероватых щук, как прямо перед твоими окнами тихо тлеет одинокий фонарь. И он тоже чем-то похож на сигарету, и кажется, что от него исходит такой же синеватый дымок и поднимается к тебе, до твоего этажа, а потом еще выше, прямо в темное небо, в самую его глубину... Ах, это небо, небо! Сколько раз и меня ты манило своей тайной и ожиданием, сколько раз мальчишкой я лежал на копешке сена или на крыше деревенского дома и всматривался в тебя, стараясь увидеть что-то живое, чудесное, похожее на новогодний подарок. Но подарков никаких не случалось, зато там, в дальней таинственной мгле, мне чудилась какая-то жизнь, какие-то фигурки часто мелькали у самого подножия перистых облаков, какие-то выстраивались воздушные дворцы, готовые взлететь еще выше от первого дуновения ветра. Я любил это небо и в грозу, и в ненастье, но особенно в грозу. И тогда мне казалось, что молнии целят прямо в меня – и замирало сердце, и останавливалось дыхание. Но тучи проходили, оставляя после себя голубое, ослепительно чистое небо, в котором уже плели невиданные кружева черные нитки стрижей. Это были мои друзья. Я любил этих птичек, я следил за ними часами. Правый берег Тобола у нас – высокий, обрывистый, и этот обрыв, сотворенный из желтой глины, служил для них родным домом. Как я завидовал птицам и как жалел их, особенно когда начинались затяжные дожди. В такие дни они не летали и не вили свои кружева. А мне казалось, что в дождь моим стрижам очень холодно, неуютно, и, наверное, они сидят сейчас в своих норках и плачут. Точно также любил я и летчиков, которые часто проносились над крышами в своих серебристых машинах. Да, я любил их и очень завидовал... А потом я вырос, стал учиться в городской школе, и здесь, в десятом классе, пошел в аэроклуб, но меня поджидало огорчение. Мне сказали, что мое кровяное давление очень высокое для мальчишки, но это еще было не все: у меня нашли какую-то странную болезнь, связан-

ную с вегетативной нервной системой. Суть ее в том, что иногда без всякой причины у меня начинали подрагивать ладони, и я непроизвольно встряхивал ими, как будто сбрасывал дождевые капли. В аэроклубе утешили, что это не страшно и на мою будущую жизнь не повлияет, но курсантом не приняли. А потом и у моего сына появилась такая же привычка: часто в минуты волнения, а порой и совсем без волнения, он начинал быстро-быстро, с каким-то восторгом встряхивать кистями и громко смеяться. И блестят глаза, играют ресницы, а еще минутой назад они были задумчивы и печальны. Только минутой назад... И эта беспричинная, какая-то суматошная веселость меня всегда пугала. В такие мгновения мой маленький напоминал веселого и озорного петушка, который хлопает крыльями, суется, точно собирается полететь. И потому я спрашивал его – куда же ты, моя чаечка, собралась? Куда же ты полетела? А моя мать – Колина бабушка – в это время приходила тоже в волнение. Она рывком схватывала его в беремя, садила к себе на колени и начинала легонько укачивать и напевать: «Петушок, петушок, золотой гребешок, маслена головушка...» Петушок – нелетающая птица. Вот и Колно моего тоже никогда не возьмут в аэроклуб... и никогда-никогда не стать ему летчиком.

Никогда... Какое тяжелое, грустное слово. А небо, наоборот, какое легкое и светлое, какое синее и певучее... Да, видно, оно не про нас... Ах, небо, небо! Я любил это небо даже в самые глухие, в самые беспросветные зимние ночи, когда за окном земля трещит от мороза, когда даже собаки забираются далеко в конуру и не подают признаков жизни... Но я-то! О, Господи... Выбежишь ночью по малой нужде на крылечко и сразу уставишься в вышину и замрешь, не замечая мороза. А звезды там шевелятся, сияют и тают, как будто одна звезда переходит в другую, как будто их гонит по небу чья-то могучая и огромная сила... И ты стоишь в одной нательной рубашке, но нет сил оторваться от этого голубого сияния, которое зовет тебя, приглашает, – а куда, а зачем? Но не нужно ответа, не нужно, ведь тебе все равно хорошо и чудесно, ведь все равно ничто не может сравниться с этим сиянием и никто не может остановить этот таинственный зов... Но может быть, все это от Бога? Ну конечно, от Бога. От него одного... И потому смешны все наши материалисты, которые тысячи лет свергают творца с его трона, да так и не могут свергнуть. Он даже как бы смеется над ними, но не только смеется, но и плачет, страдает за всех за нас, таких грешных и глупых. «О, радуйтесь с радующимися и плачьте с

плачущими и отвращайтесь от зла и прилепляйтесь к добру...» – говорят нам его ученики, а мы их слушаем, но ничего не исполняем. Да и как прилепляться, как? Вот только что телефон доверия спросил меня – много ли я написал страничек, не дошел ли уже до вершины? А я уклонился от ответа и свернул разговор. А сейчас напишу твердой рукой и признаюсь – нет, я еще не дошел, я не скоро еще дойду. Хотя именно в тот день, в который зашла к нам тетя Тоня, и приехал в деревню Миша Салазкин. Я боюсь описания этой встречи, Николай Николаевич. Я боюсь, потому что с нее и началось мое смятение. Это как вешняя вода, как наводнение, и я барахтаюсь в нем и молю о спасении. Но голос мой никому не нужен, и вскоре он истончается, пропадает. Я начинаю писать, водить ладонью по листу бумаги, но это по какой-то инерции, по привычке. Потому что знаю и понимаю, что если перестану писать, то мне будет еще хуже... Ведь именно в тот день и приехал Миша Салазкин.

Я знал, что он придет, и потому нисколько не удивился. Правда, мне всегда тяжело, неуютно, когда встречаюсь с друзьями детства. Они к тебе с душой, с разговорами, а ты холоден и безразличен. Как бревно какое-то. И ничем не переломить себя, не настроить. Да и как же иначе, если все уже позади, если в двадцать лет, а тем более в тридцать мы уже совсем другие, а от тебя требуют чего-то прежнего, каких-то детских восторгов – ах, ах, как я счастлив, что наконец-то встретились... Так же и со мной. Я увидел его еще издали и сразу узнал, несмотря на его странную, вызывающую одежду. На нем была ярко-красная рубашка необычного покроя и светлые, почти голубые, джинсы. Ну и ну! – промелькнула ирония, а потом я вспомнил: да он же артист! Модный певец... А через секунду мы уже троекратно облобызались:

– Ну старик! – без конца повторял я. – Дай поглядеть на тебя хорошенько! Такой же красавец, как и был! Душка и щеголь... Служишь где? Дослужился?

– Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею... – продолжал он в том же духе, и мы еще раз обнялись. И странное дело, у меня вышло это искренне, но первому порыву. Видимо, у меня к нему еще что-то осталось. Все-таки школьные годы – самые хорошие годы. А потом он пошел со мной рядом, и я краем глаза косился на его чисто выбритый подбородок, на его ласково сияющие глаза. Я не мог понять, какого они цвета, да и мешала его улыбка. Темные густые ресницы все время скрывали глаза. Мы ведь ровесники, но

он выглядел рядом со мной младшим братом, а может, и сыном. Видно, жизненный тонус у него был все же выше. А он без умолку все говорил, говорил:

– А я ведь у вас на гастролях. Вчера сидел в городской гостинице, а сегодня не вынес – поехал к тетке. Ты ведь знаешь ее?

– Знаю, конечно... У тебя тут и родные могилки остались.

– Остались, старичок, остались, потому и душа к вам просится.

Но тут я не выдержал и перебил:

– Ты почему не меняешься? Мальчишка какой-то, и нет солидности. А я уж думал, что тебе народного дали и до тебя не достучишься, как до Аллы Борисовны. «Лето, ах лето...» – пропел я намеренно дурным, срывающимся фальцетом и вдруг неожиданно спросил у него:

– Послушай, ты завтра здесь еще будешь? Ну, вечером, например?

– Завтра еще буду. А зачем тебе? Помочь какие-нибудь ворота поднять или баньку сложить? Вы что, тут каждое лето живете?

– Угадал. Каждое лето здесь коровушек кормим, а они за это – парное молочко... – неуклюже пошутил я и сразу решил зямать свою шутку: – Давай оставайся. Освободим веранду, втащим туда кровать – вот и живи! Чем не Пицунда!

Он ничего не ответил, только рассеянно улыбнулся и напомнил:

– Ты намекнул о какой-то просьбе или раздумал?

– Да, да! – спохватился я. – Но ты ж все равно откажешь.

– Откажу обязательно. Если десять тысяч попросишь – откажу. И еще оскорблять начну – нахал, мол, надо самому зарабатывать...

– Нет, я не о деньгах. О человеке я... Понимаешь, здесь живет одна молодая женщина – инвалид по всем статьям. Ты ее вряд ли знаешь. Тетка знает. Фамилия Черняева. В общем, Вера Черняева...

– А я немного слышал. Тетка рассказывала. Муж, говорит, у нее был легчик-испытатель. – Он хмыкнул и как-то загадочно улыбнулся. И после этой улыбки мне стало больно:

– А ты не смейся. Она совершенно несчастна. Давай побываем у нее, порадует...

– Ага, влюбился, значит? – Он хлопнул меня по плечу и добродушно засмеялся.

– Нет, Мишенька, я не о том. Ты, кстати, завел семью?

– Уж не в женихи ли прочишь? Так вот: не завел еще и не заведу. Я свободный артист! Я как моряк! «По морям, морям, морям, морям...» – начал напевать он, но я его быстро перебил:

– А ты не уходи от ответа. Давай все-таки побываем у нее, посидим. А ты, может быть, что-то и споешь?

– Благотворительный концерт, что ли?

– Не совсем так, старичок, даже вовсе не так. Надо просто отвлечь человека от будней, от горя.

– И вот ты нашел Робин Гуда, в общем, меня...

– Как хочешь! – Опять во мне поднялась обида, но он возмутился:

– Да ты что – сразу в штопор. Да пойдем мы к твоей Вере, пойдем. И поставим на этом точку, и успокойся.

– Но ты понимаешь... – начал я осторожно и замолчал. Теперь уже он начал смотреть на меня выжидательно. И я продолжил:

– Понимаешь, ты должен знать: эта девушка утверждает, что ее недавно поднимали в небо какие-то существа. Одним словом, я даже боюсь выговаривать, но есть здесь какая-то тайна, потому и боюсь...

– Володька, брось свои хохмочки, а то я никуда не пойду.

– Да нет же, Миша, это правда. Она сидела на крыльце со своей собачкой, и вдруг над ними завис огненный шар, и их потянуло вверх, и они поднялись...

– Ох ты, хороший мой! – Миша захохотал. – Прилетел, значит, огненный змей и унес с собою Верочку, и с тех пор она на небесах!

Я промолчал. И тогда он опять крепко сжал мне плечо:

– Да брось ты дуться. Завтра пойдем к твоей Вере и устроим концерт. Значит, говоришь, она возносилась, значит, так? Я не ослышался? А может, она верующая, эта Черняева?..

– А вот это нас с тобой не касается.

А потом мы еще о чем-то поговорили и разошлись. И всю эту ночь я не спал и думал о Боге... Но надо ли об этом писать... Надо ли, Николай Николаевич? Вот я вспоминаю сейчас про Бога, а сам не имею права. Ведь многие годы я жил совсем без него, а сейчас, когда плохо мне, сразу и вспомнил. Но ведь это тоже грех – вспоминать, когда выгодно... Может быть, самый большой, неизбывный грех. Разве не так?.. Ну разве хорошо, что я решил разгадать тайну той девушки, разве можно в чью-то душу без спроса?.. Ведь это же любопытство – и это великий грех. А разве не грех, Николай Николаевич? Я и друга своего

заразил любопытством, – и в этом тоже мой грех... Да, да, я нарушил святая святых, потому что решил без спроса заглянуть в чужую душу, в больную душу с изломом. И в этом боль моя и мое несчастье... Да, да, мой главный грех в том, что я решил заглянуть за грань, за ту грань, за которой может быть смерть, а может и надежда. Я-то сначала и искал эту надежду, этот светлый облегчающий лучик... Ну как вам лучше сказать об этом. Вы помните в детстве, как нам хотелось встать, приподняться на цыпочках и рассмотреть – что же там, за дальним леском, за тем желтым пшеничным полем, за теми белыми перистыми облаками – что же там, что же там? Вот так же и я хотел посмотреть – что же там, на самом доньшке души у Веры Черняевой? Я ведь хотел ей дать надежду и радость, а привел к ней смерть. А все потому, что мне показалось, будто намерение делать добро уже есть само добро, но я ошибся... Я ошибся, Николай Николаевич, но я не один такой, я не один. Вон в колхозе все работают коллективно и даже по уставу обязаны помогать друг другу, но из этой помощи выходит только несчастье. Все вроде бы помогают друг другу, а в результате – несчастье. Так в чем же дело? В чем драма этих людей, в чем причина?.. И сейчас я ловлю себя на том, что мне снова хочется позвонить вам, услышать ваш голос, и, чтоб не терзаться, я снимаю телефонную трубку.

– Это вы, Николай Николаевич?

– Да. Только говорите короче – через десять минут заканчивается мое дежурство. Кстати, голос ваш мне знаком. Это Владимир Иванович?

– Да, это я.

– Вот и прекрасно, что позвонили. Кроме вашего письменного сообщения мне нужен и ваш голос. Очень нужен.

– А почему? – Я от души рассмеялся. – Голос у меня обыкновенный, а может, вы шутите?

– Нет, нет и нет. В голосах-то часто и вся причина. Не понимаете? Поясню. Только как бы попроще? Ну хорошо: все голоса наши строго индивидуальны, как дактилоскопические узоры на пальцах, как состав крови или волос. И если вы в чем-то виновны, в чем-то, как говорится, согрешили или таите в себе этот грех... Одним словом, все это скажется на вашем голосе. Непременно и обязательно. Появится тот самый оттенок, мазок, полутон, который сразу же будет замечен специалисту. Может быть, мы сделаем так: я наложу ваш голос – он у меня на пленке... Вы слышите меня? Так вот, я наложу голос на ваши

письменные записи, и тогда все прояснится. А пока скажу вам, признаюсь, хоть я и не обязан отчитываться, что вы для меня сейчас как бы человек наоборот. И выслушайте меня внимательно: психология считает, что сон – это разгрузка нейронов мозга от излишней информации, а у вас сон – это дополнительная интенсивная нагрузка. Получается так, Владимир Иванович, что я сейчас поставлен в тупик. Я не могу объяснить вас самому себе, в чем и признаюсь. Но я не опускаю руки, и вы должны мне помочь.

– Но я же не виноват, что эта девушка приходит ко мне и во сне. И сразу начинает говорить, и очень явно так, как будто сидит рядом с кроватью.

– Ну это понятно, Владимир Иванович. В период сна в вашем сознании могут появляться не только образы и картины, но может рождаться даже слуховая галлюцинация, приходит решение, отгадка каких-то сложных проблем и задач. И такое бывает с большинством людей, но вы-то слышите меня? – вы-то, может быть, меньшинство. Впрочем, об этом еще рано. Я сам и наш общий консилиум обязательно решим, куда вас все-таки отнести – к большинству или к меньшинству.

После его последних слов я рассмеялся: – И вам это под силу?

– А как же! Наш телефон доверия ничуть не хуже западных аналогов. А в смысле глубины и дотошности мы их, видимо, превосходим. И последнее – хочу задать вам еще вопрос: как выглядит ваша девушка?.. Ну хорошо, уточняю. Скажите, как она вам представляется? Во плоти ли, надеюсь, вы меня понимаете? И эротические сны у вас, конечно, бывали?.. Так вот – она что к вам, пардон, прямо в постельку ныряет или же она неосвязаема, бестелесна? Или же парит над вами, как птица? Как чайка!

– Нет, – сказал я сдавленным голосом и проглотил комок в горле. У меня заболело сердце: ну зачем же он произнес это «чайка» – мое самое родное, самое близкое слово. Но углубиться в себя он мне не позволил. Трубка ожила, и я вздрогнул. А она напомнила:

– Ваша Вера, значит, погибла? А если так, то позвольте заметить: некоторые источники утверждают, что души умерших выглядят почти как живые, только они очень прозрачны и как бы парят над землей...

– Но при чем тут души умерших?! Я же вам объясняю, что у меня по-другому: эта девушка реально сидит как бы рядом со

мною и на ней белое платье. Да, да, я утверждаю, что я помню цвет этого платья, а по рукавам на нем – какие-то цветочки. Они, знаете, очень синие, какие-то детские, как бы нарисованные цветочки.

Цветочки, значит, нарисованные, Владимир Иванович? И если я сейчас спрошу вас, какие-то были цветочки, то ли васильки, то ли незабудки, то ли еще что-нибудь, да, если спрошу... то вы же мне не ответите, потому что эти цветочки как бы без формы, без запаха, ведь так же, так?! Всего лишь символ, идеализм, неземное? Ага, молчите, значит, я угадал? А самое главное, если я спрошу вас, как вы осызаете эту девушку в своем сне, забыть то есть, чувствуете ли вы ее физически... ну, все запахи ее, веяние, ветерок, который должен, просто обязан идти от ее дыхания, то вы мне, бьюсь об заклад, не ответите.

– Нет, отвечу. И подробно отвечу! – Мой голос отчего-то усилился, я не смог унять раздражение. И он сразу же заметил:

– А вы голос не повышайте. Уменьше выслушивать дорого стоит.

– Спасибо, что разъяснили. Но я могу, повторяю вам, я могу точно сейчас описать все эти цвета, эти запахи...

– Нет, нет, не верю! Это вы на себя много берете. Я точно знаю, что наговариваете. – Теперь уж пришла его очередь повышать голос и нервничать. Телефонная трубка кричала: – Логика великих умов на моей стороне! Вам нужны доказательства? Их сотни и тысячи. Книги, статьи, мемуары. И Платон, и Кант... Но что вам Платон, если вы стараетесь показаться мне реалистом, но так же не бывает. Нет, трижды нет! Впрочем, мы с вами вроде бы начинаем ругаться, а это...

– А это недопустимо, – добавил я. – И вы простите меня, я злоупотребляю вашим терпением, у вас же закончилось дежурство.

– Я-то прошу, – вздохнула телефонная трубка. – Но нельзя же всегда ускользать и раздваиваться. Вот вы, например... Я только-только начал что-то нащупывать, а вы бьете себя в грудь и от всего отрекаетесь. Но неужели лучше в пистолетное дуло глядеть или принимать на ночь сорок таблеток снотворного, чем логически, шаг за шагом, с моей помощью разобраться в себе? Говоря проще, покайтесь, Владимир Иванович, и с вас спадают все вериги. Покайтесь, и станете спать спокойно, и сами будете летать во сне, как голубок... Пора понять – любое покаяние приносит свободу. Конечно же, вы увлеклись той девушкой – она в чем-то, наверное, ваш идеал, ваша тайна... И вот погиб

идеал – так найдите же поскорее другой. Вы понимаете – идеалов столько же, сколько молекул... – Трубка обдала меня частым, запаленным дыханием. Трубка волновалась и нервничала, но почему? И я спросил напрямик:

– А почему вы-то волнуетесь? У меня такое впечатление, что вы неоднократно уже избавлялись от своих идеалов, иначе бы мне такое не советовали.

– Вам не стыдно? Я еще раз говорю вам – не стыдно ли говорить такое? Я прежде всего – психоаналитик, а потом уже человек. И поймите, зарубите себе на носу: царство божие внутри нас – разве не так? А за другими идеалами я не гоняюсь.

– Вы же в Бога не верите, Николай Николаевич.

– А вот это не ваше дело!.. Ну хорошо, не будем на этих тонах. Я вижу, что вы взволнованы, и я тоже разволновался. А что касается идеалов, то не ловите меня на слове. Сейчас знаете сколько их, перевертышей. Вначале партии клялись, а теперь ту же партию обличают... Но я таких не осуждаю, я их жалею. Только мой идеал другой. Душевное спокойствие – мой идеал. Вот и вам такое советую. Я понимаю, что его нет у вас, но не огорчайтесь, не плачьте в подушку. Этого спокойствия нет и у миллионов людей. Только в данном случае что мне до этих миллионов, если ко мне обратились именно вы. И я вполне свою работу добросовестно. Вы чувствуете, что я даже трачу на вас свое личное время. Я давно должен сдать дежурство, но я психолог, и мое ружье все время заряжено, и взведен курок...

– Простите, Николай Николаевич, я вас задержал.

– Ну что вы все время просите прощения? Может, и прощать-то вас не за что. Вот напишите свои отчеты, а там уж... Впрочем, я уже давно догадался, что происходит с вами, но пока не скажу. Да и вообще, вы правы, мы долго уже держим телефон, а может быть, у кого-то беда.

– Простите меня...

– Ах, ах, снова «простите». Интересный вы человек. Иногда мне даже кажется, что это не я вас, а вы меня изучаете и пытаете. Это так, сознавайтесь?

– Ну что вы!

– «Ах что вы, что вы, мамочка, я не виновата» – так говорили гимназистки-девчонки в прошлом веке, когда их заставляли с каким-нибудь поручиком или заезжим актером... Одним словом, Владимир Иванович, давайте бросим все недомолвки, и запомните, что я реалист. Я человек твердых убеждений и этим горжусь... И еще – я знаю, куда надо идти, за что бороться. Ха-

ха! Вы думаете, это громкие слова? Нет, дорогой мой, я очень серьезно, и будущее за нами. – В трубке опять самодовольно хмыкнули и через секунду раздался уверенный голосок: – Да-да, дорогой мой, поставьте нас, психологов, во главе общества, и мы легко наведем порядок. Хоть это и нелегко, а? Что молчите? Или согласны? Вот все сейчас стремятся под нашу обивку сделать американскую подошву, а ведь это большая спешка – или не так?.. И опять вы молчите, а я знаю за вас. А я знаю и утверждаю, что вначале нужно подчистить щеточкой наш кондовый идеализм да выбить пыль из наших стареньких полушубков, а потом уж... Но это предварительная работа – тоже на годы. Ну что вы молчите? С вами стало трудно говорить – вы как будто стенографируете меня или записываете на пленку. Запишете, значит, а потом отнесете куда-нибудь, ха-ха...

– Меня пугает ваша уверенность в себе. Вы все знаете, Николай Николаевич, а мы, значит, темные, дети гор... – опять неуклюже пошутил я и замолчал. А он и не думал молчать:

– Что значит «пугает», Владимир Иванович? Это же все чувства, эмоции, пена с волны. А имеем ли мы на это право – вы не подумали? Впрочем, для вас это даже простительно. Я не сложно говорю? Ну вот вы, например, живете все время чувствами, вы даже во сне бредите, слышите какие-то призывы. Для одного человека это простительно, но если так живут тысячи, миллионы – это же кошмар какой-то и хаос! Это какая-то варфоломеевская ночь получается или настоящий Везувий. А вы знаете, кстати, что было после той ночи? Молчите, потому что душа ваша важнее вам всего и дороже жизни этих всех тысяч и миллионов... Ну что же, попробуем сберечь вашу драгоценную душу, по крайней мере почистим дымоход от сажи. Но ведь осиновые дрова понадобятся, Владимир Иванович...

– О чем вы?

– А все о том, что для дымоходов очень полезны осиновые дрова. Да-да, очень хорошо прочищают от сажи.

– У вас плохое настроение, Николай Николаевич? Я чувствую, как гудят ваши нервы, и я, конечно, виновник. Задержал вас, вовлек...

– Да нет же. – Голос его стал усталым, и мне даже показалось, что он подобрел и простил меня. – Вы не виноваты ни в чем и не мучайтесь. Просто я действительно собирался покинуть наш пулыт. У меня билеты в кино, и конечно, с женой. И они, конечно, уже пропали... Кстати, про те ваши цветочки на рукаве один знаменитый ученый уже сказал...

Теперь пришла моя очередь его перебить, и я проделал это без сожаления:

– Понял ваши намеки, Николай Николаевич. Я заканчиваю свою болтовню и желаю вам счастливого отдыха.

– А вы не желайте, я не dokonчил. Так вот, этот ученый сказал, что действительно в жизни существует какая-то хитрая, поразительная субстанция, которая ускользает от нашего сознания, потому что она более тонка и более текуча, чем даже обыкновенный газ, кислород, например, или азот.

– Моя погибшая девушка – не субстанция...

– Ах, вот оно что. Выходит, вас просто избрали инопланетяне? Что? Угадал? Они ставят на вас какой-то опыт, ха-ха... с помощью этой девушки. – В трубке раздалось что-то похожее на всхлипывание. Я еле-еле догадался, что это злорадный смех, который все время сидел в нем и вот сейчас вырвался наружу. Мне не хотелось уже защищаться, и я сказал слабым, угасающим голосом:

– Как хотите, Николай Николаевич. Можете смеяться, можете иронизировать, мне уже безразлично. Но я уверен...

И в это время он меня перебил:

– Так в чем вы уверены? Продолжайте скорее, не таитесь.

– Так я и не таюсь! – Во мне стала подниматься обида. Откуда она пришла, сам не знаю. – А если хотите знать, то я верю. Да, я верю, что эта девушка посещала недавно какой-то воздушный корабль. Знаете, он очень похож на те, про которые часто пишут, показывают... Ее продержали там часа два вместе с собакой. А потомпустили. Это как лифт какой-то. Вначале приподняли, а потом спустили...

– О, милый мой! А вы, выходит, серьезно! Но это же мистика какая-то, черная магия. Об этом стрекочут сейчас все сорочи на перекрестках.

– Ну вот – я не знаю... Но это правда, честное слово. После этого Вера стала тосковать и сделалась как ненормальная... И наш приход с другом был как бы последней каплей... – Я не мог продолжать, я опять задохнулся. Сердце даже не стучало, а просто дергалось и теснило грудную клетку. Веки были тяжелые, пудовые, как из свинца. Таким же свинцом налилась голова.

– Почему замолчали? Продолжайте!

– А что продолжать, Николай Николаевич? Эта девушка для меня как приговор, а я как смертник и сижу в одиночке. Знаю, ведаю, что скоро зачитают окончательное решение, и

потому нет терпения. Да и голос ее все время рядом: «Мой муж был летчик-испытатель...». Да, Николай Николаевич, именно эта фраза и гоняется за мной днем и ночью. Только закрою глаза, и особенно если засну, так сразу – «мой муж был летчик-испытатель...». Конечно, я пытаюсь бороться, уговаривать себя, что это бред, наваждение, но все тщетно, и нет надежды. А самое главное – нет облегчения. Видимо, во мне образовалось какое-то другое нутро, которое все время дрожит и трепещет, как листик, как гитарная струнка, к которой слегка прикоснулись... И этот трепет не заглушить никому, не осилить...

– Опять не те глаголы, Владимир Иванович. Что значит не осилить? Надо привыкать к повелительному наклонению. А вот про второе нутро вы правы. Но только оно в вас не образовалось, а все время было, существовало. Просто вы сейчас прокопали ручеек, и вся талая вода хлынула из вас, и вы тоже захвачены этим потоком.

– Но я же голос ее слышу, я вижу... Я даже могу дотронуться до нее, но только боюсь... Я начал было снова свои странички и сейчас не знаю...

– Вот-вот, ловлю вас на слове. Вы признаетесь, что вы не знаете, но я-то знаю. И в этом вся разница между нами. Я учитель – ваш поводырь, а вы должны идти следом. И обязательно должны закончить свои отчеты, я просто настаиваю. А почему – спросите вы? Да потому, дорогой мой, что я почти поверил, что ваша Вера имела связь с небом, то есть, простите, с космосом, в котором существует какая-то неясная нам энергетическая жизнь. И вот эта жизнь зацепила каким-то боком вашу знакомую, а сейчас эта энергия начинает и вас засасывать в свои сети, и вам нужно мужество, чтобы выстоять, чтобы сберечь себя... Ученые с европейским именем говорят, что существует некий центр всемирной информации, банк мировой памяти, в котором все сплелось: и прошлое, и настоящее, и будущее – в котором сейчас находится, в одной из его клеточек – ваша Вера.

– Но научно ли это, Николай Николаевич?

– Ага, вспомнили о науке, когда уже все поезда ушли. Но допустим, что ненаучно, ну и что из того? Обществоведение доказало, что жить надо в коллективе, но не выходит у людей. Даже хуже того: где коллектив, там и горе, и слезы, и войны. Вы не согласны? И про то люди знают, что нужно любить друг друга, а сами ненавидят, стреляют даже в детей, а на стариков набрасываются удавки. Вы когда-нибудь были в домах старости? Разве это, милый мой, не удавки? Но, наверное, я отклоня-

юсь. Не взыщите. А вам от души желаю реализма в вашем отчете... Кстати, если бы я был пишущий человек, то непременно создал повесть на вашем материале и назвал простенько так, незаметно – «Отчет об одной командировке». А может быть, даже так, да-да, именно так – «Мой муж был летчик-истребитель»... Ах, испытатель? Какая разница? Итак, закройте глаза, досчитайте до десяти, чтоб расслабить себя, успокоиться, и... продолжайте писать. А пока до свидания. Желаю вам счастливого полета. Вы, конечно, догадались, о каком полете я говорю? Ну конечно, о полете мысли, о полет вашего духа, о полете фантазии... Впрочем, простите, я оговорился – фантазий мне никаких не нужно, а только факты, только события, только реальные лица. Следующий раз я дежурю через два дня. Пока...

Трубка загудела короткими прерывистыми гудками, и это походило на тревожный звук сирены, на крик о несчастье, и я устало откинул голову. И только зажмурился, так сразу увидел Веру. Она смотрела на меня своими синими вспльчивыми глазами, и такое же нетерпение, а может, презрение запряталось в кончиках губ ее. Говорят, иногда она передвигалась на одних руках. Каким-то немислимым способом напрягала тело, пружинила, потом отталкивалась коззонками от пола и прыгала, как лягушка. О господи!.. Она ведь тоже родилась жить и кого-то любить, быть счастливой. И тогда я тоже думал об этом, когда стоял возле нее рядом с Мишей и смотрел в ее пронзительные глаза, нет, скорей не в глаза, а в очи. И она заметила мое удивление:

– Не смотрите так на меня, не надо. Я знаю, что я такая, но все равно не смотрите. А если не послушаетесь, то я начну грубить. – И она с вызовом взглянула на Мишу. И вдруг с бесстрашием, свойственным только несчастным, сказала громко, нажимая на каждое слово: – Вы думаете, что я всегда была такая? Нет, нет, не всегда! Мой муж был летчик-испытатель, и такой был красивый, не мне чета. – И она опять покосилась на Мишу.

– А где он сейчас? – спросил тихо мой спутник.

– Разбился при испытаниях. Мы жили тогда на юге, на берегу моря...

После этих слов я весь сжался, потому что вспомнил, что в городе, в котором она жила, никогда не было моря. А она продолжала:

– Больше всего на свете люблю море. Муж говорил, оно синее, как мои глаза. – Она неестественно засмеялась, потом тихо спросила: – А вы любите море? – Она смотрела на Мишу.

– Я, представьте, всего дважды приезжал к морю. Вначале учился, потом неудачная любовь, тоска, а после пристрастился к горькому зелью... – признался вдруг Миша, и она как-то облегченно засмеялась.

– Значит, и у вас не все хорошо. Вы одиноки, а значит, несчастны... – Она назвала Мишу на вы, и мать ее согласно покачала головой.

В комнате было грязно и очень глухо, точно форточка никогда не открывалась. Оглядевшись, я обнаружил, что и форточки-то самой не было. А стены давно не белены, на окнах тусклые застиранные занавески. На полу валялись кусочки старой бумаги, скатанные в мелкие шарики. Заметив мой вопросительный взгляд, Вера объяснила:

– Это моя работа. Лежу, знаете, и устану. И станет скучно. Я накаताю этих шариков и бросаю в портрет. Вон в тот портрет, – Она показала ладонью: на противоположной стене висело небольшое изображение белозубого парня. И сам он тоже в белой рубашке, а волосы черные как смола, наверное, подделал ретушью фотограф, потому что в жизни таких волос не бывает.

– За что вы его расстреливаете? – улыбнулся Миша и посмотрел на нее внимательным взглядом.

– Да так. Родня мне какая-то. А вообще-то случайный портретик – мать вон повесила.

Та сокрушенно покачала головой, но ничего не сказала.

– А за границей вы были? Конечно же, были, не отпирайтесь. – Вера улыбнулась, и Миша тоже улыбнулся: понравился, видно, вопрос.

– В Болгарии был. Там впервые и встретился с морем... И еще там много прекрасных лиловых гор. А ночи такие прохладные, звездные, и прохлада особенная... И так хочется жить...

– У вас музыкальное образование? – Лицо у Веры почему-то стало суровое.

– Институт Гнесиных... – ответил Миша и затаенно улыбнулся, ему опять был приятен вопрос.

– Где это? – спросила она рассеянно.

– В Москве же, разве не знаете?

– Знаю, конечно. Я в Москве была раз шесть, и в Ленинграде была, и в Риге, но особенно часто в Ялте... Гурзуф – это та-

кая жемчужина! – У нее загорелись глаза, и она опять стала перечислять с какой-то детской радостью все новые города, но мать ее остановила:

– Дочка, побойся Бога. Я не виновата, что тебя никуда не свозила, – тихонько добавила Катерина и всхлипнула. Этот всхлип поразил меня, и я пожалел, что пришел. А Вера уже выговаривала матери.

– Ты не встревай. Гости мои, не твои... – И после этих слов Катерина приподнялась со стула, хотела, видно, уйти. Потом как-то обреченно махнула рукой и опять села к столу. Мы замолчали, и эта тишина была напряженная, злая, и я чувствовал, как все волнуются, и ничего не мог сделать. Но выручила Вера. Она показала рукой на стену, где висела гитара. И Миша сразу же снял ее с гвоздя и прижал к груди.

– Я буду петь для вас, Вера. Специально для вас.

– Надо же! Осчастливили. – Она сухо скривила губы и приторно закатила глаза. Я ждал ответной выходки, но Миша запел. Его голос, широкий, свободный, зазвучал сразу не в меру призывно, как бы притягивая к себе. Не хочешь, а будешь слушать, и подчинишься, и пойдешь за ним следом. Он пел очень известный романс «Я встретил вас...» – и мне казалось, что это самый чудесный романс на свете. Музыка я, конечно, не знаю, но она смертельно действует на меня, и я не оговорился, Николай Николаевич. Она именно действует на меня смертельно, то есть просто доводит до изнеможения. Иногда мне даже кажется, что люди, сочинившие такие вот звуки, – какие-то совсем другие, особенные люди, с другим сердцем и с другой кровью. И они так же отличаются от нас, как небесно-синие незабудки отличаются от дурной лебеды и крапивы. И вы правы, Николай Николаевич, что голос человека строго индивидуален, что он единственно-неповторимый, как дактилоскопический рисунок. Миша пел, а я вспоминал, как в старших классах мы однажды были с ним на ночной рыбалке, и всю ночь жгли костер, и мой друг, забыв обо мне, смотрел на огонь и пел. Его голос и тогда был таким же прекрасным, и, наверно, не нужен был ему институт Гнесиных, не нужны долгие изнурительные упражнения в музыкальных классах, но я шучу, конечно, шучу... Не мне судить.

А потом пела Вера. И голос ее был обычный, серенький, и мне кажется, она знала об этом, но все равно пела, как бы назло моему другу, назло его отличной академической школе, назло его длинным ресницам, меняющим цвет глаз, назло мне, при-

думавшему весь этот вечер. А потом они решили спеть на пару. Миша присел к ней на кровать, и я вздрогнул от тяжелого предчувствия, потому что плечи их почти соединились, но он-то не знал об этом или был безразличен. Но Вера-то! Она напряглась вся, даже приподняла локти и плечи. Вы наблюдали когда-нибудь голубенка, который впервые хочет подняться в небо? Он весь взъерошен, взволнован – и вот уж полетел, полетел... Но с Верой было иначе. Она попыталась улыбнуться. Ох, эта улыбка! Так же улыбнулась, наверно, Мария Антуанетта на эшафоте. И Вера улыбнулась и поправила внизу одеяло. Она боялась, я понял – она очень боялась, что как-нибудь неосторожно откроется полог и обнажатся ее ноги. Я однажды их видел: зашел как-то к Катерине в ограду, а та несла свою дочь из бани. Несла так, как мы носим детей – приподняв высоко над землей и прижав к груди, как самое дорогое. Ноги доставали почти до земли. Они доставали до земли и тащились, как плети. Они были синеватые, неживого погибающего цвета, и такие худые, что содрогнулось сердце... И тут обе заметили меня. Я не помню даже, как это было. Помню только ее крик, как будто на нее напали хулиганы: «Мама, быстрее неси, быстрее!!» И Катерина почти побежала... А минут через пять вышла на крыльцо и объяснила мне доверительно: «Горе с девкой, Владимир Иванович. Испугалась тебя дурочка моя. Да и стыдится ведь, что урод...»

И не успел я вспомнить про это, как на кровать к ним прыгнула кошка, но, испугавшись резко взятого аккорда, круто дернулась в сторону, и одеялко улетело за ее когтями. И сразу же, сразу же фиолетовой наготой сверкнули ноги, и Вера истошно закричала. Крик был зловещий, как будто пырнули ее ножом или рука попала под электрическую пилу... Но через какую-то секунду она уже стала оправдываться:

– Боюсь кошек. Я подумала, что в зубах у нее мышь. Простите, что закричала. Как дура какая-то. Мне так неудобно.

– «Нашлась», – мелькнуло у меня в сознании, и я обратился к Мише:

– Давайте спойте чего-нибудь веселое. А то грустим, как будто не в гостях.

Хорошо помню, что Миша пододвинулся к ней еще ближе, потому что увидел на подоконнике какие-то ноты. Он потянулся за ними, оказавшись возле самого ее лица, и в тот же миг щеки ее загорелись, налились смущением. И вдруг, глядя мне прямо в глаза, она произнесла четко, с нажимом:

– А вы меня не жалейте. И не смотрите, что я такая подбитая, пропащая, неживая. Я не люблю это, не надо, и запомните – у меня муж был летчик-испытатель... – Она схохотнула. Миша уставился в ноты. Потом с восхищением сказал:

– А у вас со вкусом все в порядке. Эту композицию мы играли на первом курсе. Но откуда она у вас?

– Осталась от городской жизни. Я тогда увлекалась гитарой. Ходила в студию при дворце. Да и как не ходить – скучно было, море уже надоело, тосковала по зиме, по нашему снегу, а у мужа были все время полеты. Он, знаете, даже не успевал дома обедать.

– Обедать? – переспросил Миша.

– Ну конечно. Выручал шоколад. Им в части все время давали шоколад. Прямо килограммами! – Она нервно захохотала. Кожа на щеках вдруг стала пергаментная, как у курильщицы, – и она выдернула у Миши нотные листочки.

– Это грехи моей молодости. Зачем вам?

И когда она вырывала эти листочки, я заметил, что и пальцы у нее желтенькие, обкуренные, и тут я ляпнул:

– Вы курите? Сейчас это модно. Многие женщины курят...

По лицу у нее промелькнула тень, как будто порхнула бабочка, и она переспросила, смешно вытягивая слоги:

– Же-ен-щи-ины?..

– Ну да. Курят даже десятиклассницы.

– А я десятиклассница и есть. Мне всего двадцать пять. – Она помрачнела. Несколько тяжелых и скорбных складочек пролегли на лбу. Каждая из этих складочек могла бы принадлежать старухе. – Не ожидали? Вот видите, какая я стала. Это все после смерти Андрея. Да, это он меня так укатал. Вас не коробит это слово «укатал»?.. Аха-а, угадала! А есть еще такое выражение – «без разницы», ненавижу его, а вы? – Она в упор посмотрела на Мишу. Тот усмехнулся:

– Я как-то не задумывался.

– Так вот, мне без разницы, что вы обо мне сейчас накрутили. Тем более что вы пришли пожалеть меня.

– Нет, не жалеть, а петь песни! – засмеялся Миша и тронул струны:

Виноградную косточку в теплую землю зарю,
И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
И друзей созову, и любовь в своем сердце настрою,
А иначе зачем на земле этой грешной живу...

Он допел романс до конца. Вера стала часто-часто моргать, и в глазах у нее вдруг означились слезы.

– Все-таки хорошо, что вы здесь. Все хорошо, хорошо... И вокруг хорошо. Если бы моя воля, я после смерти завещала бы сжечь себя, а пепел развеять вон с того холма. Вы видите его, вон там, за огородами. Вы видите, сколько там растет ромашек! – Она показала рукой в окно. – Какие они белые, снежные. Я хочу слиться с цветочной пылью. Вон мама моя меня не понимает. – После этих слов Катерина сразу повесила голову, и мне стало ее нестерпимо жаль. Но Вера продолжала:

– А вы любите смотреть на звезды?.. Вы верите, что там что-то есть? – Она взглянула на меня, и я должен был отвечать.

– Верю, конечно. Наверное, там тоже есть жизнь или что-то подобное. Что – я не знаю. Но все равно верю...

– И я верю. – У нее загорелись глаза. – Я даже представляю этих людей, я вижу. А вы не улыбайтесь – я их видела уже, да-да...

– Нам об этом говорили, – сказал я тихим голосом и улыбнулся.

– Опять смеетесь. А над кем вы смеетесь – я так несчастна. Ой, простите, я не буду об этом. Но только обидно же! Вы понимаете, мне правда очень обидно, что теперь все заняты политикой, разговорами, часами сидят у телевизоров, а что толку? Говорят везде про человека, а камне все равно никто не приходит. Только Кустик меня не покидает. Да еще мама. Но я ее часто обижаю... – Вера замолчала, и Катерина начала всхлипывать, и сердце мое снова остановилось. А Вера продолжала:

– И простите нас за бедность. Это я виновата. Все деньги забирают лекарства. Вы меня понимаете, Владимир Иванович. Я слышала, что вы хороший человек. Но вот хороший вы, добрый, а почему разглядываете так наши углы? Мне стыдно... И простите, что я грублю, обижаю...

– Не надо, – сказал я сдавленным голосом, – я все понимаю...

– Ну вот, понимаете, а моей сестренке нужны туфли, а денег нет. Сестренка очень красивая, а носит мои старые платья. У меня осталось несколько. Правда, правда... От той нашей жизни. И они как воспоминания, как память. А одно есть мое самое любимое, дорогое. Оно такого нежного цвета с голубыми цветочками на рукавах и такое коротенькое, выше колен. У меня были, знаете, чудесные ноги... – Она перестала говорить, и раздался внезапный плач. Ее плач. Как это странно... Только

что говорила и улыбалась – и вот уже плачет. Мы все молчали, но сквозь плач опять прорезался голос:

– Андрей так любил мою фигуру. У него был парадный синий мундир, а у меня это платье. Ох, какая была пара! Иногда мы вместе приезжали в Феодосию. Там есть набережная, длинная-длинная, как будто уходит в небо. Выйдешь на нее, а в глаза – солнце, а рядом – море. Я даже написала стихи – «Море – синяя колыбельная...». Но я не буду, смешно это, баловство одно. И пишу я их только зимой, а летом – трава, много солнца. А зимой так грустно. Вы не устали от моей болтовни? Но вы не скажете, я понимаю... Так вот мы ходили с мужем, как дети. Я его держу за руку, и все нам завидуют. Это так хорошо, когда завидуют. Я ведь любила всех удивлять. А он был такой красивый, а самое главное – глаза. Знаете, такие синие, огромные девичьи глаза в темных чудных ресницах. И это мой муж!.. Спойте, Миша, про такие глаза. Ой, простите, я назвала вас Мишей.

– Да это ничего... – разрешил мой друг.

– Ах, ничего!.. Вы знаете, его самолет взорвался на высоте пятнадцати тысяч метров...

– Почему взорвался? – спросил я, потому что возникла пауза, и нужно было о чем-то спросить.

– Он шел на рекорд. Он разгонял машину, вы понимаете, он мечтал... Еще бы немного, и его самолет преодолел бы силу тяжести и вырвался на простор, на свободу... Вы понимаете, он стремился за ту грань, за которой уже нет ничего, а может, и есть. Да-да, я верю. И Андрей мой верил. Но самолет не выдержал, раскалился докрасна и взорвался... Ну что вы, Миша, молчите, почему не поете нам про глаза?..

– Подчиняюсь! – ответил Миша и начал:

Ах, эти синие глаза

Меня пленили-и...

И с этой минуты он пел уже беспрерывно. Он походил теперь на какой-то дьявольский инструмент, который завели на много часов вперед, а может быть, на всю жизнь. И как он пел! Вот я вспоминаю об этом, Николай Николаевич, а у меня сжимается сердце. Вот видите, я заговорил на языке старинных романсов, но что с собой делать. У меня не хватает слов. Пел он так, знаете, как будто бы опьянел. И опьянение было тихое и счастливое, точно бы от стакана шампанского... Ударили брызги в голову, и закружилась она в сладостном сне. Так и было –

он смотрел на нас и словно не видел, где находится, и какие люди вокруг, и какие стены. Даже старая Катерина точно бы сняла с себя одно лицо и надела другое. Глаза ее светились большим волнением. А Вера стала курить. Вот и угадал я все про нее, подумалось с какой-то торжественностью, а потом и забылось про это. А Миша пел, и не хотелось его прерывать. А в комнате уже плавали настоящие клубы дыма, и сквозь табачный дым как-то неестественно и прекрасно просвечивало лицо больной. Да Вера и не казалась больной. Любой бы человек сейчас мог в нее влюбиться... И вот теперь-то, Николай Николаевич, это лицо ее, прозрачное и неземное совсем, постоянно передо мной. Хочу отвлечься и не могу. Особенно трудно, когда не спится, когда нет рядом живых голосов. Да и засну – так рядом это лицо. Врач сказал мне, что это невроз. И это, мол, не страшно, очень скоро все пройдет, и я буду здоров. Я ему возрадил, что и теперь я здоров, просто мне беспокожно жить и часто хочется умереть. Но он опять меня успокоил, что причины-де моих невротических страхов – нестабильная ситуация в стране... Вы чувствуете, Николай Николаевич, слово-то какое придумали для меня – ситуация. Научились вы, ученые люди, говорить на каком-то тяжелом и страшном языке. Неужели вас самих не гнетет их тяжесть?.. А я ведь, между прочим, вновь отвлекся. Я ведь рассказывал, как Миша пел про «эти синие глаза», а Вера, уже не таясь, не стесняясь, курила сигарету за сигаретой, и лицо ее растворялось в табачном дыму и скоро стало чуть заметным белым пятном. А Миша все пел. Он пел так, Николай Николаевич, как будто это был самый счастливый миг его жизни, а может, и опьянел. Но я об этом уже написал... И вдруг она ударила рукой по подушке:

– Хватит, Миша, хватит. Я не могу больше, устала. И не надо было приходить ко мне, я не просила...

Миша удивленно уставился на нее, глаза его ничего не понимали.

– Да, Миша, да! Вы не за ту меня принимаете, вы слышите меня, я не могу... Да Бог с вами. Все равно скоро встречу с Андреем.

– Да с каким Андреем-то? – Это Катерина подошла к самой кровати. – Чего ты им сидишь и горишь? И про возраст про свой наплела... Люди к тебе с душой, с жалостью...

Вера подняла руку, как будто бы защищаясь. Потом медленно-медленно ее опустила.

– Мам, ты не встравай. Я им сейчас все выскажу, залеплю. Надо же, пришли, пожалели...

– Верка, не хулигань! Белены объелась, что ли? Сдурела! – Катерина уже не говорила, а кричала. И Веру сразу отрезвило:

– Простите меня, со мной так бывает. Находит что-то, и я забываюсь... Но мне так тяжело, вы не представляете, как тяжело. Был бы жив Андрюша – он бы пожалел. – Она обвела нас глазами и усмехнулась. – Как-то мы плыли с ним на пароходе, и у меня началась морская болезнь. Он тогда присел ко мне на кровать и заплакал. Он так любил меня, как будто я была его ребенком, его дочкой, потому он плакал и трогал мне пульс. Вот так возьмет осторожно ладонь и что-то считает, шепчет... – Она взяла у Миши ладонь и сжала запястье. – И я вот так же слышу, как стучит во мне кровь – тук-тук, как клюется цыпленок. – Она рассмеялась, а Миша сразу отнял ладонь, и Вера вздрогнула, как будто ее ударили плеткой.

– Вы что, решили, что очаровали меня?!

– Я?! – изумился мой друг.

– Да, да, да! А вы больше всех! – Она смотрела на него мстительно, злобно, и он отвернул лицо. Катерина хотела что-то сказать, вмешаться, но, видно, не посмела. И я понял, что нужно уходить сейчас же, немедленно, но почему-то медлил. А Вера снова стала кричать:

– Вы не ко мне приходили, не лгите! Вы вот к этому приходили... К этому... – И вдруг она сдернула с себя одеяло. Ноги лежали на простыне, как посохшие веточки. Каждую весну я обрубаю такие гиблые ветви в своем саду.

– Натe, нате! Любуйтесь! Нашлись, понимаете, добрые люди, нарисовались... – Она задохнулась. Губы у нее повело в сторону, как будто ее кто-то резал по живому телу. Но все-таки она нашла в себе силы:

– Эх вы, поверили... А я ведь наврала вам про все, сочинила. Никакого мужа у меня не было, никаких морей, самолетов... – Она опять задохнулась. А Катерина, не таясь, зарыдала. Наверное, эти рыдания и возбудили ее опять:

– А теперь убирайтесь! И сейчас же, немедленно!..

– Но мы... – начал Миша, но она его перебила:

– Вот так, народный артист. Ты не ослышался... Выйди и закрой дверь с той стороны.

– Верка, дура, не хулигань. – Катерина подошла к ней и стала гладить по волосам. Наступила долгая, изнуряющая тишина. И потом опять Верин голос, но какой-то незнакомый,

усталый, другой. Он шел до нас как будто через стену или через пленку дождя:

– Мама, скажи им правду, что у меня был жених-алкоголик. Он по пьянке и всадил в меня ножик, и прямо в позвоночник... И сразу отпали ноженки... – Она показала на портрет белокурого парня, который висел на стене:

– Вот он, полюбуйтеесь... А теперь уходите! – И тут ее взгляд упал на гитару. Она лежала рядом, на одеяле. Она взяла ее правой рукой и саданула о стену. Мы оцепенели. Потом я услышал голос Миши:

– Да она же сумасшедшая... – Он стал тянуть меня за рукав и подталкивать к двери. Но я все равно не помню, как мы очутились на крыльце. Возле нас оказалась и Катерина.

– Вы куда побежали-то? Посоветуйте хоть, что делать с ней? Может, в сельсовет заявить. Таких больных куда-то пристраивают...

– Я сама пристрою себя! – Это был голос Веры.

– Услышала... психопатка, – усмехнулся Миша и попросил сигарету.

– Ты же не куришь. Нельзя ведь...

И в это время рядом с нами завyla собака. Так неожиданно, что я вздрогнул. Это был Кустик. Он сидел метрах в трех от крыльца и жадно, с упоением выл, забросив голову. Испуг мой не проходил. Даже не испуг, а какое-то оцепенение. Меня точно кто-то гипнотизировал, наблюдал... Так прошла минута. Потом, как по приказу, мы оба подняли кверху глаза. Над головой, в синем вечеряющем небе, возникло округлое мерцающее сияние. Края его прямо горели, играли, точно там были какие-то мощные электрические разряды. Я смотрел, не смея дышать. Сияние стало уменьшаться, сжиматься, но свет от него делался все ярче, и скоро в центре этого сияния произошла вспышка, и сразу же вся форма его изменилась – оно стало длинным и вытянутым, похожим на школьный пенал. Кустик выл беспрерывно. Миша мрачно сказал:

– Володька, похоже, что за псом опять прилетели...

Но я не ответил, потому что неотрывно смотрел вверх. Вот сияние опять изменило форму – и скоро круглый ослепительный шар начал опускаться прямо на нас. Еще бы немного – и он сел бы на крышу, но в последний момент изменил направление. И вот уже медленно, как бы нехотя, стал отчаливать в сторону леса.

– Миша! Миша! – На меня нашел какой-то восторг. Я кричал и махал руками. – Это же они! Они!!

– Кто они? Ошалел, что ли? Это наша метеослужба работает.

– Нет, нет, ты смотри! Смотри еще! – опять закричал я, потому что в это время сияние разделилось на две части, и они полетели в разные стороны. Одна прошла очень низко над нами. Она походила на ночной самолет, я даже видел иллюминаторы.

– Миша, там же люди! Ты видишь? Неужели не видишь?

– Хватит, не сочиняй. Ничего там не вижу, ничего...

– Да, это так, Николай Николаевич. Мне кажется, он говорил правду. Но почему же я-то видел этот самолет и горящие иллюминаторы! Я даже чувствовал, знал, что там есть люди. Честное слово, я знал и теперь это знаю, но мне не верят... Но я, наверное, отвлекся, потому что в ту ночь и не стало Веры. Приняла две упаковки снотворного, ну вы понимаете... Наверное, мы еще стояли в ограде, смотрели на то сияние, а она уже решилась. Может быть, мы могли вернуться и спасти ее, но мы не вернулись. Катерина даже просила зайти снова к ним, но я отказался... Так, значит, у меня двойная вина. Самая первая – это то, что я привел его. А вторая – то, что я не вернулся к ней. Вот так, Николай Николаевич. А через два дня мы ее хоронили. Стоял теплый и светлый день. Гробик был маленький, узенький, как будто бы для ребенка. Как она вошла туда? – все время думалось мне.

На поминки я не пошел – боялся Катерины, да и себя уже боялся. Ведь меня начала мучить вина... Душа колотилась, как железная крыша в осенний дождь. Сон пропал. Я беспрестанно курил и выходил на крыльцо в ограду. И однажды, когда близился рассвет, когда звезды уже стали гаснуть, пропадать, истончаться, я вдруг почувствовал, что в ограде я не один. Помню – меня охватило каким-то чудесным светом, и я поднял глаза. От самой ближней, голубовато-нежной, звезды подвигался ко мне снопик света. Он то исчезал на время, становился неуловимым для глаза, то возникал снова, и я уже видел, чувствовал, что он подвигается прямо ко мне, только ко мне, и, чтобы совсем в этом убедиться, я вытянул вверх ладони – и скоро на моих пальцах затрепетали какие-то белые и серебряные лучи. Я зажмурил глаза, но этот свет был уже во мне, он распирал меня всего и захлестывал, как захлестывают морские волны пловца. Мне сразу же стало хорошо и легко, а в ушах зазвучал ее голос

Но это длилось недолго, я вдруг открыл глаза и, странное дело, Николай Николаевич, – увидел, что не стою в ограде, а лежу в кровати. Так, значит, это был сон? – задал я себе вопрос. И не мог ответить. Я и сейчас не могу ответить, что же со мной происходит – то ли сны, то ли явь. И все время кажется, что Вера где-то рядом, живая. Точно мы схоронили не ее, а какую-то куклу. Но так разве бывает, вы скажите, бывает?

ПОСЛЕ ПОЛЕТА

– Это вы, Николай Николаевич? Как хорошо, что сегодня ваше дежурство. А я все пишу вам и теперь уж дошел до сновидений. Хотя сплю я очень мало, но сновидения все-таки бывают. И они очень похожие. Как будто я смотрю один и тот же фильм. Это же ненормально? Ответьте мне.

– Вопрос не из легких, Владимир Иванович. Да и у кого их нет, этих болезненных сновидений. Особенно нынче, когда перестройка породила много надежд. И много разочарований. Но давайте не будем углубляться в политику, мы здесь урожая не соберем. А вот о сновидениях я вам сообщу: именно в них-то часто проявляется оценка себя как личности. И потому присутствует чувство вины, стыда и все другое, что сидит в душе современного интеллигента. Я вас, кстати, не оскорбил? Но сейчас ведь многие, как говорится, свихнулись. Недавно один уважаемый журнал размахнулся темой о самоубийствах. Сейчас их стало гораздо больше, чем в прежние годы. Медики говорят, что виновата современная жизнь, тяжелый быт и болезни. Другие уверяют, что вины экологические. В воздухе скопились тяжелые металлы, и они приводят к депрессии. Но это уже беллетристика, Владимир Иванович. Давайте будем заканчивать наш разговор – лучше приходите сами в наш центр. Ваш отчет идет к завершению. В конце концов, если что-то у вас не получится, то все равно будет материал для графологов. Так что посоветуемся, пропишем лечение, а пока до свидания... Надеюсь, больше вопросов нет?

– Нет-нет, у меня еще есть вопрос! Теперь тем более есть. Значит, вам нужен не мой рассказ, а мой почерк? Вначале требовался голос, а теперь уже и моя каллиграфия...

Трубка выразительно замолчала. Я даже почувствовал, как она помрачнела. Да, если бы у нее было лицо, то оно обязательно бы помрачнело... Так и есть. Голос у Николая Николаевича вышел обиженный:

– Не совсем так, Владимир Иванович. Почерк ваш – это, так сказать, запасной вариант. Психология давно установила, к примеру, зависимость почерка от эмоционального состояния. Даже скажу прямо: при некоторых психических заболеваниях почерк больных приобретает индивидуальные признаки...

Трубка немного помолчала. Я даже хотел ее положить, но она вновь ожила:

– Древние стойки говорили, что нет ничего в разуме, чего бы не было первоначально в чувствах. Вот мы и будем исследовать ваши чувства, дорогой Владимир Иванович. Конечно, с вашего любезного на то разрешения. – И трубка загудела длинными сбивчивыми гудками, точно бы я причинил ей какую-то боль или вызвал досаду...

«Господи, как мне одиноко... И есть ли ты, есть ли? А если есть, то откликнись. И ободри меня, помоги». Голова моя кружилась, сердце стучало, а сознание усиленно повторяло: «И услышь ты, Господи, молитву мою и не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у тебя и страдалец, как и все отцы мои... И снизойди до меня своим милосердием, и я опять буду жить, ибо закон твой – утешенье мое...» – Мне стало трудно дышать, сердце билось уже у самого горла, и я распахнул окно. И сразу же на меня хлынули звезды. Я всматривался в их хрустальную, манящую глубину – и вдруг опять все началось. От одной, самой ближней, звезды отделился маленький серебряный лучик и стал медленно-медленно, как бы ошупью, приближаться ко мне. Я пытался закрыть глаза, но это было бессмысленно, потому что тело мое уже дрожало от страха и от знакомой боли, пронизывающей каждую клеточку, каждый нерв... Но вот боль стала проходить, и к груди поднялось тепло. Оно стало подниматься выше, все выше и вот уже слилось с моим сердцем, и, как только слилось, пришло облегчение. И я уже без страха открыл глаза и поразился: тот лучик, тот осколок мерцающий превратился уже в сияние и от него шли десятки и сотни лучей. Нет, не лучей даже, а это, скорей, была узорчатая паутина, невиданная огненная паутина... Она стала обволакивать меня, забирать к себе и притягивать, но вот рядом со мной ожил голос Я уже знал, я догадался, чей это голос:

– Все хорошо, хорошо... И вокруг хорошо... Я после смерти завещала бы сжечь себя, а пепел развеять вон с того холмика... Вы видите, сколько там ромашек! Какие они белые, снежные...

– А потом я увидел ее глаза. Они смотрели на меня спокойно и укоряюще, а я не мог понять – в чем они укоряют... А потом в глазах появились слезы... Это у нее появились слезы, а не у меня – и сразу же, как по чьему-то приказу, опять на мое тело набросилась паутина и стала стягивать и сжимать... И вдруг я догадался, я понял – это же из ее глаз струится та паутина. Ну конечно же, из ее глаз! И только я успел об этом подумать, как видение исчезло. Я почувствовал огромную усталость и закрыл окно. Не чувствуя ног, подошел к кровати и упал на подушки. Но сна не было, зато от тяжелой, пронизывающей боли гудели виски. И тогда, пересилив себя, я поднялся и подошел к столу. Открыл свои листки и начал писать...

«Сейчас я снова увидел ее, и так явственно, как живую...» Это были первые слова, которые я написал. А потом ручка двигалась как бы стихийно, без моей воли, без всяких усилий. Я смотрел на слова, которые она выводила, хотел понять их смысл и не мог. А рука все еще продолжала писать, и сознание никак не успевало за ней... А потом снова ожило сердце. Оно то стучало со скоростью пулемета, то совсем затихало – и во мне сразу же поднимался страх. И, чтоб отвлечься, я закурил и отодвинул написанное. Но взгляд мой непроизвольно задержался на последних строках. Я смотрел на них как на что-то чужое, а ведь я их только что написал. Вот они: «А теперь мне опять страшно, Николай Николаевич. Мне кажется, что мне уже не стать прежним человеком. Вы, конечно, понимаете, о чем я говорю». Жизнь и так нынче суровая и опасная, а я занимаюсь какими-то пустяками. Да и кому нынче нужна моя душа и все мои откровения. Да и есть ли надежда, что я однажды снова буду как все? Простите меня, что я ставлю вопрос ребром, но как сказать иначе, я не умею. Так что – есть ли надежда?... И вы знаете, мне опять хочется вам позвонить. Побыстрее бы прошла эта ночь, а утром я наберу ваш телефон...

ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДА...

– Алло, алло? Это вы, Николай Николаевич? Хотел связаться с вами еще утром, но вызвали срочно в деревню. Понимаете, заехала к нам тетя Тоня и сказала, что в нашем домишке побывали воры. Сейчас ведь осень, и начинают понемногу грабить дачи. Так что я сразу поехал. Но, слава Богу, слух оказался ложным. У этой тети Тони фантазии как у Дюма... А сейчас уже вечер, и я звоню из квартиры директора совхоза. И слышимость

очень плохая – это просто беда. В космос летаем, а с телефоном не можем... Так что я вам сразу о главном: вчера выступала по радио какая-то девушка от вашего центра и заявила, что полной гарантии вы не даете, что тесты ваши весьма приблизительны...

– Не обращайтесь внимания. Это у нас новенькая, выпускница пединститута. Ее надо натаскивать и натаскивать. Впрочем, я вам выдаю профессиональные тайны, но мы уже старые знакомые. Не так ли? Так что успокойтесь. Дорвалась до микрофона самолюбивая девчонка и рубит правду-матку.

– Так, значит, правду?..

– А вы по-прежнему мнительны, Владимир Иванович. Как будто газет не читаете. Полный же плюрализм. Нынче вон целые районы и даже области ставят на эксперимент, а вы, подумаете, испугались какой-то девчонки. Тесты, мол, приблизительны... Да чушь это и чепуха. У нас доктора наук работают...

После этих слов я рассмеялся. Слышимость была плохая, но он все равно почувствовал мое состояние:

– А вы иронизировать начали. Это неплохо. Значит, оживаете. Кстати, я забыл вам сказать, что под вашими записями вы непременно ставьте число и дату. И даже фиксируйте время дня – утро ли, к примеру, полдень ли, а может, и ночь. Вряд ли нужно вас убеждать, что ночные мысли здорово отличаются от дневных и от утренних. Помните поговорку: утро вечера мудренее? А смысл ее очень простой: самое трудное, неразрешимое человеку рекомендуется откладывать на утро... И еще, любому самоотчету свойственны, как правило, одни и те же ошибки. Какие? – спросите вы. Я отвечаю: значительная часть испытуемых склонна представлять себя в возвышенном, более выгодном свете. Так что самокритика – это двигатель любого эксперимента.

– Как вы сказали? Я не ослышался, Николай Николаевич? Повторите последнее слово.

– Ха-ха-ха! А вы не очень-то мужественны, Владимир Иванович. Что вы так боитесь эксперимента? В конце концов, не коллективизацию же мы с вами проводим в деревне – или вы думаете по-другому? А если нет, то продолжайте скидывать с себя все хомуты и смело бросайтесь с ручкой на бумагу. И еще запомните – наш с вами эксперимент называется формирующим, с его помощью можно созидать такие психические процессы, как восприятие, память и даже мышление. То есть даже в первую очередь – мышление.

– А надежду? – осторожно спросил я. И он сразу же уловил мою растерянность:

– Ну вот тебе на, Владимир Иванович! Сколько дней с вами бьемся, а выходит, напрасно. Тогда я вынужден поставить вам нашу пленку. Послушайте еще раз и поругайте себя за малодушие. – И после этих слов в телефоне зашуршал мелкий песочек. Пленка? Так и есть, рекламный ролик!

«В нашем городе создан телефон доверия. Он действует при психологическом центре кооператива «Лада»... лучшие научные и медицинские силы города... обращаются очень и очень многие... причины кроются в особенностях жизни современного человека, особенно горожанина...»

– О, Господи! – вскричала моя душа, и я бросил трубку на рычажок. Немного отдышался и вышел в ограду. Здесь пахло сыростью и цветами. У хозяина был большой сад, и он этим гордился...

Я сделал шагов десять и прислушался к сердцу. Я стал считать про себя – это иногда помогало. И вдруг меня отвлек какой-то посторонний звук. Он доносился сбоку, с поляны. Я начал вглядываться и увидел там собаку. И тотчас узнал ее:

– Это ты, Кустик? – Но он даже не повернулся, не изменил позы. – Ты что, не узнал? Это я, Кустик. Ты что как неродной?

И на этот раз он не удостоил меня вниманием. Он неотрывно смотрел в небо и выл.

– Ты кого там увидел, кого? Признайся...

Он даже не повернул головы. И тогда я сам подошел к нему и подхватил на руки. В грудке у него что-то сильно билось, как будто клевался цыпленок.

– Успокойся же, Кустик! Ну что ты...

Но глаза его продолжали что-то выискивать в небе. И тогда я рассердился, прикрикнул:

– А ну перестань! Я с кем разговариваю!

И в это время в правой стороне неба, над самым лесом, что-то мигнуло, потом затаилось, потом возник маленький огненный брусочек. Он двигался прямо на нас и вырастал на глазах. Я зажмурил глаза, но свет этот уже был во мне и отнял сознание. Когда я снова открыл глаза, меня поразила странная чудная тишина. Было такое ощущение, что я не на Земле, а где-то на Луне. Потом что-то теплое, нежное коснулось ладоней. Я наклонил голову: Кустик смотрел на меня и поскуливал.

– Ну что ты скажешь мне? Говори...

Кустик ткнулся в ладони и сразу затих. Нос у него был теплый и влажный, – и это принесло облегчение.

КНИГИ - ПОЧТОЙ!

Издательство "Метагалактика" высылает:

Журнал **"Приключения, фантастика"**

Номера 1991 г. – 4000 р. Комплект 1992 г. – 5000 р.

Комплект 1993 г. – 5000 р. Комплект 1994 г. – 15000 р.

(отдельные номера 1994г. – по 3000 р.).

Библиотека приключ. и фантастики **"Метагалактика":**

Серия "МГ" 1993 г. в 5 книгах – 6000 р.

Серия "МГ" 1994 г. в 6 книгах – 15000 р.

(отдельные книги "МГ" 1994 г. – по 3000 р.)

Библиотека мистики и ужаса **"Галактика":**

Комплект 1993 г. – 3000 р.

Номера 1994 г. – 1,4,5,6 – по 2000 р.

Для любителей аномальных явлений и тайн –

Подборка ежемесячника "Голос Вселенной" – 5000 р.

ТАЛИСМАН-ОБЕРЕГ от сглаза и порчи – 5000 р.

Прорицания о будущем. в 2х книгах – 3000 р.

Классификатор инопланетных пришельцев – 2000 р.

(самое подробное описание инопланетян и НЛО).

Тома серии "Приключения, фантастика":

Прокол. Бродяга. Чудовище. Западня. Бойня.

Сатанинское зелье – по 3000 р.

Одержимые дьяволом. Мистика – 1000 р.

Мордovorot. Детектив о рэкетирах – 1000 р.

Красный карлик. Эрот. повесть ужасов – 2000 р.

(детям до 16 лет не рекомендуется).

ДОРОГАМИ БОГОВ. Подлинная история Русского

Народа. Впервые публикуются данные, скрывающиеся

официальной наукой. - 3000 р.

Голос Вселенной, номера 7 - 8, 9-10, 11-12 1994 г.

(расширенные номера) - по 2000 р.

Для получения заказа необходимо выслать почтовый перевод по адресу издательства: 111123, Москва, а/я 40

Петухову Ю. Д. На обороте талона точно укажите заказываемые издания. Четко пишете свой адрес!

Отправка – немедленно!

Для организаций и других коллективных (оптовых) заказчиков перечисления принимаются на расчетный счет 1468489 в Перовском отделении Мосбизнесбанка МФО 201735 получатель "Метагалактика" (суммы от 50 тыс.р. и выше).

